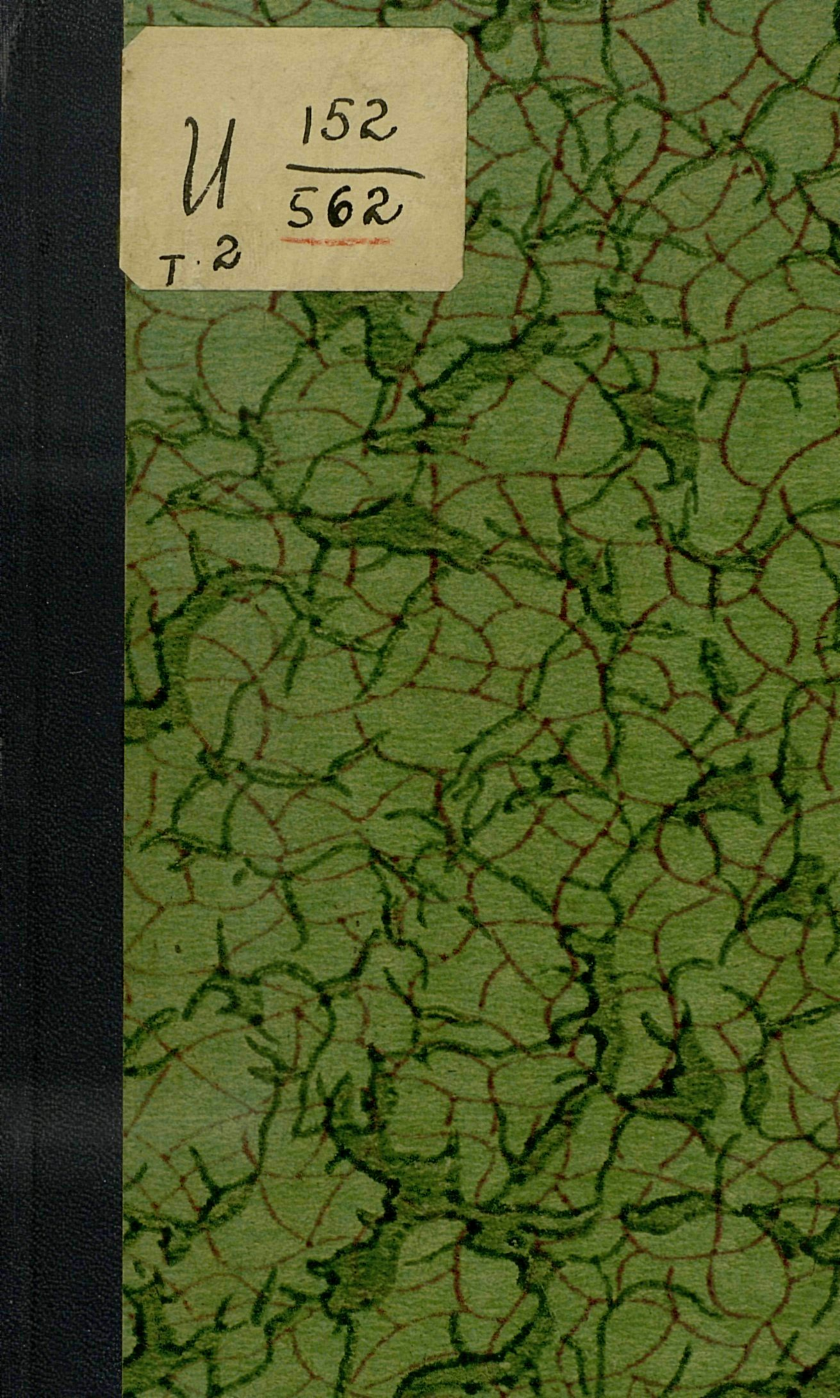

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕОРГА САМУИЛА БАНДТКЕ.

Переведено съ Польскаго

П. Г.

ТОМЪ II.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

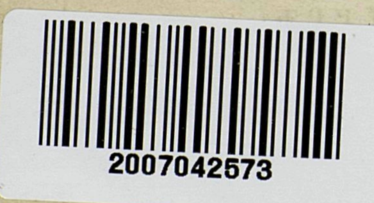
1830.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ. 15 Апрѣля 1830 года.

Ценсоръ *К. Сербиновичъ.*

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Царствованіе Ягелловъ, отъ Владислава Ягеллы II до кончины Сигизмунда Августа.

1386 — 1572

ВЛАДИСЛАВЪ II, ЯГЕЛЛО.

(1386—1434.)

Счастливое соединеніе двухъ народовъ произвело общую радость во всемъ Христіанскомъ мірѣ; не нравилось однимъ только Прусскимъ Крестоносцамъ, привыкшимъ пользоваться бѣдствіями Польши и Литвы. Для того Конрадъ *Чолнеръ*, Великій Магистръ Крестоносцевъ, не принявъ чести быть крестнымъ отцемъ Короля, вторгнулся въ Литву подъ предлогомъ пособія Королевскому брату Андрею Вигунду, Князю Трубецкому, въ отысканіи правъ его на Великое Княжество Литовское. Король выслалъ въ Литву добровольное ополченіе подъ начальствомъ двухъ

своихъ братьевъ, роднаго Скиргеллы и двоюроднаго Витольда, для возвращенія Полоцка, Лукомля и другихъ замковъ, которыми овладѣть помогли Крестоносцы Вигунду, и для прекращенія бунта, возженнаго Смоленскимъ Княземъ Святославомъ, безуспѣшно осаждавшимъ Витебскъ, Оршу и Мстиславль. Между тѣмъ Король двинулся въ Великую Польшу, гдѣ безпорядки еще продолжались. И въ Литвѣ и въ Польшѣ дѣла кончены успѣшно. Въ Польшѣ онъ вмѣстѣ съ Королевою помирилъ многихъ знатныхъ вельможъ и прекратилъ инаго рода раздоры, а въ Литвѣ Скиргелло и Витольдъ взяли въ плѣнъ Андрея Вигунда и войну кончили счастливо. Святославъ убитъ въ сраженіи подъ Мстиславлемъ; бунтовщики пріяли достойное возмездіе.

На Сеймѣ Литовскомъ, въ присутствіи многихъ Вельможъ Польскихъ, положено искоренить язычество во всемъ Княжествѣ, и для приведенія сего въ исполненіе Король употреблялъ всѣ силы и старанія. Убѣжденіемъ и кротостію онъ лично обращалъ народъ къ новой Вѣрѣ, переводя наставленія Польскаго духовенства на языкъ Литовскій, ибо, умѣя по Русски, онъ понималъ и Польскій языкъ; но къ словеснымъ убѣжденіямъ не упускалъ присоединять и подарки, состоявшіе въ сукнахъ и шитой обуви: до того времени народъ зналъ только сермяги и лапти. Таковые по-

ступки Короля, склонили народъ къ принятію Христіанской Вѣры; наипаче же содѣйствовало къ тому замѣчаніе, что боги отнюдь не мстили тѣмъ, кои, по повелѣнію Короля, угасили безпрестанно пылавшій въ Вильнѣ священный огнь, истребили божественныхъ змѣй и вырубили священныя рощи и дубы. Молитва Господня и Символъ Вѣры были первымъ Христіанскимъ наставленіемъ; за онымъ приступали къ крещенію. Народъ становился рядами, изъ коихъ каждый получалъ одно общее имя и окроплялся святою водою. Только знатнѣйшія особы крестились съ обыкновенными обрядами. Основаніе Виленскаго Епископства и семи приходовъ, которыя Королева снабдила богатою утварью, столь крѣпко утвердило въ Литвѣ спасительную Христіанскую вѣру, что съ самаго того времени язычество быстро начало исчезать (1388). Поелику Литва съ Польшею не были еще такъ тѣсно связаны какъ въ послѣдствіи времени, то Король, назначивъ на Великое Княженіе брата своего Скиргеллу, чрезъ Россію возвратился въ Польшу.

Двоюродный братъ Короля, Витольдъ, недовольный имъ за то, что онъ не ему, а родному своему брату отдалъ Великое Княжество Литовское, началъ новую войну, съ перемѣннымъ счастіемъ; наконецъ, узнавъ объ измѣнѣ Крестоносцевъ, помирился съ Ко-

ролемъ, и, по низложеніи (1392) Скиргеллы, сдѣлался Великимъ Княземъ. Между тѣмъ Королева съ Польскимъ войскомъ завладѣла въ Червенной-Руси городами, (1390) которые Лудовикъ присоединилъ-было несправедливо къ Венгріи: Ярославлемъ, Перемышлемъ, Галичемъ, Львовымъ, Трембовлею (Теребовлемъ) и иными.

По окончаніи Литовской войны, Король вознамѣрился изгладить и другіе памятники несправедливости Лудовика: требовалъ дани отъ Опольскаго Князя Владислава, съ тѣмъ, чтобъ владѣнія его, по его смерти, присоединить къ своимъ. Сіе послужило поводомъ къ новой войнѣ (1395). Посланный противъ Владислава Сендомирскій Кастелланъ Островскій исполнилъ повелѣніе Короля; одинъ только замокъ Болеславицъ выдержалъ семилѣтнюю осаду и уже по смерти Владислава Опольскаго супруга его Агата уступила оный Королю.

Посреди таковаго приращенія силъ Польскихъ, скончалась Королева Гедвига, (1399) Государыня набожная, любившая свой народъ и взаимно онымъ любимая. Христіанская жизнь, чтеніе Св. Писанія, нарочно для нея переведеннаго на Польскій языкъ, основаніе Литовской Коллегіи (1) въ Прагѣ (1397), суть лучшіе ея памятники. Ей же обязана Краковская Академія своимъ существованіемъ; ибо чрезъ годъ по ея кончинѣ, Король, въ слѣд-

ствіе оставленнаго ею завѣщанія, основавъ въ Краковѣ Коллегіи, щедро одарилъ оныя и воскресилъ, такъ сказать, учебныя зданія уже упадавшія. По богобоязненному и кроткому житію Королевы, она едва не была причислена къ лику святыхъ. При заключеніи мирныхъ условій съ Крестоносцами, упрекая ихъ въ хитрости, она предрекла скорое ихъ паденіе. „Я—говорила она—не желая пролитія крови Христіанской, могу отклонить „Короля отъ войны, но увидите, что по смерти моей вы заплатите за свои поступки.“— Впрочемъ, и при столь рѣдкихъ добродѣтеляхъ, Королева не избѣжала клеветы. Краковскій Подкоморій Гнѣвошъ, (1384) подкупленный Вильгельмомъ Австрійскимъ, обвинялъ ее въ томъ, будто бы она, въ отсутствіе Короля, имѣла непозволительныя связи съ Вильгельмомъ, тайно прибывшимъ въ Краковъ. Королева оправдалась присягою, а доноситель наказанъ.—Кончина Королевы Гедвиги, настоящей наслѣдницы Польскаго престола, такъ встревожила Короля Владислава Ягелла, что онъ замышлялъ уже ѣхать въ Литву и сложить съ себя Польскую корону, боясь, чтобы Поляки сами не отдали ее кому иному; но Вельможи отклонили его отъ таковаго намѣренія, и онъ вторично помолвленъ (1400) съ Анною, внукою Казиміра III, и дочерью Вильгельма, Графа Циллейскаго; но въ продол-

женіе осьми мѣсяцевъ откладывая бракосочетаніе, подъ предлогомъ, будто бы она еще не выучилась по Польски, онъ получилъ такое отвращеніе отъ ея наружности, что уже чрезъ годъ послѣ брака велѣлъ короновать ее только изъ видовъ политическихъ (1402).

Витольдъ воевалъ Татаръ съ перемѣннымъ счастіемъ безъ пособія Короля; участвовалъ и въ войнѣ Короля съ Крестоносцами, къ которымъ бѣжалъ низложенный съ Великаго Княженія Скиргелло, требуя отъ нихъ помощи противъ Поляковъ. Наконецъ согласились (1404) уступить Крестоносцамъ Жмудскую землю, а Добринскую, за уплатою 50.000 злотыхъ, возвратить Польшѣ.

Нѣкоторое время Польша пребывала въ тишинѣ. Даже тогда, когда отъ избранія двухъ, а потомъ и трехъ Римскихъ Первосвященниковъ вся Европа пришла въ замѣшательство; когда отъ слабости Нѣмецкаго Императора Вѣнцеслава I и хитрости брата его, Венгерскаго Короля Сигизмунда, покушавшагося похитить корону своего брата, сопредѣльныя съ Польшею Государства были въ безпрестанной войнѣ; наконецъ когда Тамерланъ опустошалъ Азію: въ Польшѣ только на Силезской границѣ были нападенія и грабежи шляхты; но и оныя скоро прекращены взятіемъ замковъ Чорнштына и Држени. Въ тѣ времена Польша страшна была

своимъ оружіемъ и за границею. Венгерскій Король Сигизмундъ имѣлъ въ своемъ войскѣ множество Поляковъ: между ими отличался наиболѣе другъ его Сциборъ Сциборжицкій, который, послѣ пораженія подъ Никополемъ, переплывъ въ полномъ вооруженіи чрезъ Дунай, принудилъ часть бунтовавшей Венгріи сохранить вѣрность. Нужда въ деньгахъ для выкупа Добринской земли, склонила Короля къ собранію чрезвычайной подати. На сей конецъ назначено собрать частные Сеймы, дабы послѣ того на Сеймѣ общемъ опредѣлить сборъ подати. Отсюда получили начало *Сеймики*, предшествовавшіе *Сеймамъ*. Сіе самое доставило Дворянству большее вліяніе на Государственныя дѣла, нежели какимъ оно пользовалось прежде: ибо прежніе Сеймы и съѣзды составлялись только изъ чиновниковъ и высшаго Духовенства. На Сеймѣ въ Корчинѣ или Неймаркѣ, бывшемъ (1404) послѣ частныхъ Сеймовъ, положено тогда съ каждой десятины земли, сверхъ обыкновенныхъ двухъ грошей Прагскихъ, внести еще по 10 грошей: что, по свидѣтельству Длугоша и Бѣльскаго, составило 100.000 гривенъ.

Выкупъ Добринской земли состоялся (1408) не прежде какъ черезъ четыре года. Почти въ то же время Богемскій Король Венцеславъ на съѣздѣ въ Бреславлѣ предложилъ Владиславу Ягеллѣ (1409) уступку Силезіи,

ежели онъ обяжется выставлять для него 400 копейщиковъ противъ брата его, Венгерскаго Короля Сигизмунда, который безпрестанно безпокоилъ его. Сіе предложеніе не принято, по неодобренію онаго Богемцемъ Иваномъ Смержицкимъ и по не согласію Поляковъ входить въ таковыя обязательства.

Спокойствіе Польши скоро нарушено было видами Крестоносцевъ на Литву. Не довольствуясь тѣмъ, что Жмудь, по повелѣнію самаго Витольда, платила имъ дань, они хотѣли завоевать цѣлое Государство. Первымъ ихъ дѣйствіемъ было плѣненіе Мазовецкаго Князя Іоанна, которому Варшава обязана своимъ украшеніемъ; и хотя онъ былъ вскорѣ, по Королевскому требованію, выпущенъ, и Крестоносцы, казалось, искали мира,—но сіи мнимые защитники Вѣры Христіанской не устыдились разбить Королевскія суда, шедшія изъ Куявіи въ море съ хлѣбомъ для Литвы, томимой голодомъ, и злодѣйство свое увеличили обидами, грабительствомъ и смертію Литовскихъ купцевъ въ Рагнетѣ. (1408) Отселѣ возникла явная война. Витольдъ, послѣ безуспѣшнаго свиданія въ Ковнѣ съ Великимъ Магистромъ, велѣлъ Маршалу своему Ромбовду лишить Крестоносцевъ Жмуди. Потерявъ оную, Крестоносцы отправили къ Королю посольство, грозя войною Литвѣ и съ вопросомъ: намѣренъ ли Король отстать

отъ Витольда или нѣтъ? (1409) Король отложилъ рѣшительный отвѣтъ до Ленчицкаго Сейма, не желая самъ собою ни предавать Витольда Нѣмцамъ, ни подвергать Государство опасностямъ и тягости войны. Гнѣзненскій Архіепископъ Николай Куровскій, безуспѣшно домогавшійся предъ тѣмъ вознагражденія за разграбленіе Королевскихъ судовъ, отправленъ посломъ въ Пруссію. Великій Магистръ Ульрикъ *Юнгингенъ* принялъ Архіепископа съ чрезвычайною надменностію, и въ слѣдствіе сего свиданія Крестоносцы вторгнулись въ Польшу, и овладѣли Добриномъ, разорили Рипинъ и Липники, покорили Бобровники и Злоторію; но удержаны у Бидгоща. Приближающаяся зима заставила Великаго Магистра подумать о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Онъ, чрезъ Олесницкаго Князя Конрада, увѣдомилъ Короля, о согласіи своемъ на рѣшеніе Вѣнцеслава, Короля Богемскаго. Посольство сіе принято милостиво; но Король, уже зная Крестоносцевъ, не прекращалъ дальнѣйшихъ приготовленій къ войнѣ. Для того онъ объѣхалъ свои области, и во время сего путешествія имѣлъ тайныя совѣщанія съ Витольдомъ въ Брестѣ Литовскомъ и въ Сончѣ. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ онъ видѣлся также и съ Венгерскимъ Королемъ Сигизмундомъ, и отклонялъ его отъ пособія Крестоносцамъ. Богемскій Король Вѣн-

цеславъ, по совѣту дяди своего Іодока, Маркграфа Моравскаго, объявилъ странной приговоръ, чтобы Поляки не избирали себѣ Королей изъ Восточныхъ земель, и чтобы Добринская земля была отдана ему, пока онъ рѣшитъ кому она должна принадлежать. Польское посольство съ презрѣніемъ отвергнуло таковое предложеніе, и въ то время когда читали оное на Нѣмецкомъ языкѣ, оно отозвалось, что, не понимая по Нѣмецки, не обязано быть на Нѣмецкой проповѣди. Хитрый братъ Вѣнцеслава, Венгерскій Король Сигизмундъ, расположенный въ пользу Крестоносцевъ, вопреки данному Ягеллѣ слову, старался отвлечь отъ него Витольда, питая его честолюбіе надеждою на Литовскую корону. Провидѣніе наказало ухищренія Крестоносцевъ и Королей Вѣнцеслава Богемскаго и Сигизмунда Венгерскаго. Владиславъ Ягелло рѣшился вооружиться всѣми силами и воевать Пруссію. Войско его усилили знатные Поляки, бывшіе при дворѣ Сигизмунда въ Венгріи,—герои, испытанные въ бояхъ съ Турками, Завиша Черный, родные братья (герба Сулима) Янъ и Фарурій Фрабовскіе, Ѳома Кальскій (герба Рожицъ), Воицѣхъ Мальскій (герба Наленчь), Добекъ Пухала (герба Венява), Янъ Брогловскій (герба Гржимала), Скарбекъ Габданкъ. (1410) Битва происходила между селами Гринвальдомъ и Танненбергомъ, не далеко отъ мѣсте-

чекъ Гильгенберга и Сольдау. Войскомъ предводительствовали Витольдъ и Краковскій Мечникъ Зиндранъ Московицкій; лѣвое крыло занимали Поляки, правое Литовцы; сихъ было 40, тѣхъ 50 хоругвей. Спереди стояли отборные, заслуженые воины. Предъ началомъ битвы, надменный Юнгингенъ прислалъ два меча, обагренные человѣческою кровію, съ тѣмъ, что ежели Полякамъ мало своей земли, то онъ подаритъ нѣсколько оной, приказавъ своему войску отступить. Король отвѣчалъ Магистровымъ посламъ: „хотя у меня и до„вольно оружія, но я, во имя Бога моего, при„нимаю и сіи мечи, присланные мнѣ изъ пре„зрѣнія и въ поруганіе; — но принимаю оные „не иначе какъ въ видѣ залога побѣды, кото„рую предвѣщаетъ мнѣ добровольная присыл„ка сихъ мечей. Я никогда не уклонялся отъ „мира; но поелику Крестоносцы слишкомъ „пристрастны къ войнѣ и пролитію Хри„стіанской крови, то я уповаю, что самъ „Богъ будетъ поборникомъ моей невинности „и праваго дѣла, и Онъ же подастъ мнѣ силы „мстить надменнымъ Крестоносцамъ за же„стокость."

Битва немедленно началась: въ теченіе цѣлаго часа сражались съ равною храбростію. Утомясь стрѣльбою изъ двухъ пушекъ (2), Крестоносцы спустились съ холма для рукопашнаго боя. Увидѣвъ, что правое крыло, со-

стоявшее изъ Литовцевъ, Татаръ и Русскихъ, слабѣе лѣваго, они ударили на оное съ большимъ стремленіемъ. Цѣлое крыло, за исключеніемъ трехъ полковъ Смолянъ, разстроилось; и даже на лѣвомъ крылѣ Королевское знамя было похищено изъ рукъ Мартына Вроцимобскаго. Смоляне присоединились опять къ правому крылу. На сей разъ счастіе послужило Полякамъ: они отбили Королевское знамя, и непріятельскіе полки начали приходить въ разстройство. Поляки храбро наступали на нихъ; пошелъ дождь, прибилъ пыль и облегчилъ ихъ натискъ. Часть войска Крестоносцевъ, побѣдившая на правомъ крылѣ Литовцевъ, ударила на нихъ—но безуспѣшно. Побѣда осталась на сторонѣ Поляковъ: Магистръ всѣми силами старался похитить оную. Дипольдъ Кекрицъ, Лузитанецъ, весь покрытый бронею, бросился на самаго Короля и направилъ въ него копіе. Король приготовился къ защитѣ. Но Збигнѣвъ Олесницкій, безъ всякаго вооруженія, съ отломкомъ копія въ рукѣ, видя Короля въ опасности, напалъ на Дипольда и сшибъ его съ коня. Король безъ намѣренія, случайно, ударилъ его слегка въ чело, а Королевская стража немедленно бросилась на него и предала смерти. Тщетно было и послѣднее усиліе Крестоносцевъ:— остатки ихъ спаслись бѣгствомъ. Въ сей день пало 50.000 съ непріятельской стороны: въ

томъ числѣ и самъ Великій Магистръ Ульрикъ Юнгингенъ. Союзники его Князья Конрадъ Олесницкій Силезскій и Казиміръ Штетинскій Поморскій были въ числѣ плѣнныхъ. Почти вся Пруссія была во власти Поляковъ: защищался одинъ Малборгскій (Маріенбурскій) замокъ, столица ордена Крестоносцевъ. Но свѣтскій Командоръ Генрихъ Плауенъ (Плавеній), вынужденный тѣсными обстоятельствами, явился къ Королю съ предложеніемъ мира и уступки земель Поморской, Хелминской и Михайловской. Сіи предложенія, по совѣту Королевскаго Маршала Збигнѣва Бржезинскаго, отвергнуты. Командоръ, оскорбленный симъ, сказалъ: „я думалъ, что предложенія „мои будутъ пріятны Королю, но поелику „оныя отвергнуты, то я не отдамъ Маріен„бурга, развѣ вмѣстѣ съ моею жизнію.“ Мужество осажденныхъ Крестоносцевъ, отъѣздъ Витольда, бездѣйствіе Короля, и несогласія въ совѣтѣ, — были причиною, что Маріенбургъ не былъ взятъ. Новый Великій Магистръ, тотъ же Генрихъ Плауенъ, получилъ пособіе изъ Ливоніи и земли Нѣмецкой: сіе измѣнило обстоятельства, и дѣла приняли другой оборотъ. Часть Пруссіи, Данцигъ и иные города, снова передались Крестоносцамъ. Король, наскучивъ войною и неудачною осадою, отступилъ отъ замка именно тогда, какъ оный уже намѣренъ былъ сдаться. И

такъ война кончилась заключеніемъ мира въ Торунѣ (1411), но на условіяхъ, не слишкомъ выгодныхъ для Польши. Она получила 600.000 злотыхъ, на нѣкоторое время Жмудь для Короля и Витольда, Добринскую землю для Короля, и повѣтъ Завскржинскій для Князей Мазовецкихъ. Пріобрѣтеніе сіе было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, какое Король могъ бы сдѣлать, или какое предлагалъ ему Генрихъ Плауенъ. Между тѣмъ какъ сіе происходило въ Пруссіи, вѣроломный Сигизмундъ, Король Венгерскій и тогда уже Императоръ Нѣмецкій, грабилъ Подгорье наемными людьми подъ начальствомъ Седмиградскаго Воеводы Сцибора Сциборжицкаго, родомъ Поляка, который рѣшился самъ воевать противъ Отечества, не могши склонить Венгерцевъ къ войнѣ съ Польшею. Сциборъ сжегъ Сончь и причинилъ иныя бѣдствія, но жители Малопольскіе отмстили за оныя пораженіемъ Сцибора подъ Бардіовомъ и разореніемъ границы.

Менѣе выгодный, нежели каковымъ быть могъ, миръ съ Крестоносцами, повлекъ за собою столь же безполезное свиданіе Короля съ Императоромъ Сигизмундомъ въ Люблѣ на Спижѣ. Тамъ состоялось тайное условіе о взаимной помощи, и о томъ, что въ случаѣ, если бы Крестоносцы нарушили миръ, весь орденъ долженъ быть изгнанъ изъ Пруссіи, земли Поморская, Хелминская и Михайловская

возвращены Польшѣ, а остальныя части раздѣлены соразмѣрно съ войскомъ, какое кто приведетъ для защиты. Но въ то же время хитрый Сигизмундъ, кажется, искреннѣе нежели Королю, обѣщалъ помощь Крестоносцамъ, имѣя въ виду только собственную свою выгоду. Что касается до Владислава Ягеллы, то ни убѣжденія Венетовъ, воевавшихъ за Далмацію, ни происки Герцоговъ Австрійскихъ, не могли склонить его къ нарушенію союза: онъ оставался въ Люблѣ и Будѣ пять мѣсяцевъ, и чрезъ Моравію возвратился въ Польшу съ богатыми дарами, между коими лучшіе были корона, мечь, скиптръ и золотая держава Болеслава Храбраго, — драгоцѣнности, вывезенныя изъ Польши въ Венгрію Елисаветою Локтиковною. Сигизмундъ, имѣя надобность въ деньгахъ, занялъ у Короля 37.000 копъ Прагскихъ широкихъ грошей, что составляло 2.960.000 злотыхъ Польскихъ, и отдалъ въ залогъ сей суммы Графство или Староство Спижское.

(1413) — Городельскій Сеймъ еще болѣе укрѣпилъ связь Литвы съ Польшею дарованіемъ различныхъ правъ и преимуществъ, съ тѣмъ однакожь, чтобы только Литовская Шляхта Латинскаго обряда пользовалась оными и принимала Польскіе гербы и названія. Въ Литвѣ учреждены такія же какъ и въ Польшѣ должностныя званія, но также съ

условіемъ, чтобъ оные занимаемы были только Католиками. Утверждены въ надлежащей степени повинности строенія зáмковъ, исправленія дорогъ и платежа податей. Положено, чтобы Литва, безъ воли Короля и согласія Польскаго Сената, не избирала себѣ Великаго Князя, и, взаимно, чтобы Поляки, безъ соучастія Литвы, не избирали Королей. Для общихъ Сеймовъ назначены города Люблинъ, или Парчовъ, либо другой какой, смотря по удобности.

По причинѣ открывшейся въ Польшѣ заразы, Король отправился въ Литву, и поелику въ Жмуди еще не было истреблено язычество, то онъ, съ свойственною ему ревностію, старался о введеніи въ оную Христіанской вѣры, не щадя ни убѣжденія, ни даровъ; для поддержанія же оной учредилъ въ Мѣдникахъ Жмудское (Самогитское) Епископство.

(1414) Война съ Крестоносцами снова возгорѣлась послѣ того, какъ Михаилъ Кюхельмейстеръ заключилъ въ тюрьму великаго Магистра Генриха Плауэна, и братъ его Данцигскій Командоръ Конрадъ бѣжалъ къ Королю, а между тѣмъ Крестоносцы наносили купцамъ разныя обиды. Но война сія была неудачна, и Король, по изнуреніи войска своего голодомъ, положился на рѣшеніе Западнаго Вселенскаго Собора, происходившаго въ то время въ Костницѣ, въ Швабіи, для прекра-

щенія церковныхъ смутъ, возникшихъ отъ выбора вдругъ трехъ Папъ, и отъ Богемскихъ событій.

Тамъ Священникъ Іоаннъ, уроженецъ деревни Гусинецъ, и по мѣсту своего рожденія извѣстный подъ именемъ Іоанна Гуса, будучи Богемскимъ проповѣдникомъ, началъ въ Пражской Виѳлеемской церкви читать на Богемскомъ языкѣ проповѣди Виклефа: въ тогдашнее время въ Богеміи, равно какъ и въ Польшѣ весьма рѣдко бывали проповѣди въ церквахъ. По мѣрѣ возрастанія ненависти Короля Вѣнцеслава къ Духовенству, новый проповѣдникъ все болѣе и смѣлѣе возставалъ противъ всего церковнаго управленія. Отъ сего и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, Богемія раздѣлилась на двѣ партіи: одна держала сторону Гуса, другая была противъ него. Для прекращенія сего междоусобія Соборъ Костницкій осудилъ Іоанна Гуса на смерть, (1415) и, не смотря на усилія Императора, приказалъ его живаго сжечь. Сожженіе его и товарища его Іеронима Фаульфиша (1417) было поводомъ къ возстанію Богеміи. Пламя сей войны еще не угасало и по смерти Вѣнцеслава, когда Богемцы не хотѣли признать Сигизмунда Королемъ. Польша, по отношенію къ Вѣрѣ, была дотолѣ спокойною: ибо еще со времени Казиміра III вѣротерпимость была введена въ оную. Русскіе Греческаго исповѣда-

нія пользовались полною свободою богослуженія, и только Ягелло, увлеченный излишнею ревностію, воспретилъ Католикамъ вступать въ браки съ Русскими и старался навсегда удалить Русскихъ отъ всѣхъ должностей, дабы тѣмъ возвысить обрядъ Латинскій. Но и тогда еще ни въ Польшѣ ни въ Литвѣ не было гоненія и кровопролитія за Вѣру. Обстоятельства сіи могли быть выгодны для Польши. Богемцы торжественно призывали на тронъ Ягеллу, не соглашаясь признать Сигизмунда (1420). Хитрость Императора уже достаточно была извѣстна Владиславу: посему онъ созвалъ совѣтъ для рѣшенія, принять ли ему Богемскую корону или отказаться отъ оной. Большая часть Членовъ совѣта, болѣе по усердію, нежели изъ видовъ здравой политики, отклоняла Короля отъ сдѣланнаго ему предложенія. Такимъ образомъ миновалъ случай наказать вѣроломнаго Сигизмунда, и, что важнѣе, соединить два славнѣйшіе народы Славянскаго племени, и можетъ быть даже предупредить паденіе Богеміи тогда же, а Польши въ новѣйшія времена. Поблагодаривъ пословъ за оказанную честь, Владиславъ отвѣчалъ имъ, что онъ безъ совѣщанія съ Витольдомъ ничего рѣшительнаго сказать не можетъ (1421). Витольдъ съ своей стороны не соглашался на сіе иначе, какъ чтобъ Богемцы примирились съ Церко-

вію, отъ которой они отлучены были клятвою. Впрочемъ обѣщано ходатайствовать о снятіи сей клятвы, и употребить посредство къ примиренію ихъ съ Сигизмундомъ; а Сигизмундъ обезпеченъ былъ въ помощи Владислава, если онъ отдастъ имъ Силезію въ видѣ залога, а въ дѣлахъ съ Крестоносцами перестанетъ нарушать договоры.

Кромѣ сихъ происшествій, важнѣйшія того времени событія суть: подданство Волошскаго Воеводы Александра въ Снятынѣ, подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ порта Качибейскаго въ Константинополь по случаю бывшаго тамъ голода (1415), опустошеніе Татарами Кіева и Украины по наущенію Крестоносцевъ (1416), коронованіе третьей Королевской супруги Елисаветы Пилецкой (1417) Лембергскимъ Архіепископомъ Іоанномъ Ржешовскимъ, за что Гнѣзненскій Архіепископъ на Костницкомъ Соборѣ получилъ титулъ Примаса.

(1422)—Война съ Крестоносцами снова возгорѣлась, и кончилась заключеніемъ мира надъ рѣкою Осою и озеромъ Мельнымъ; но условія мира не были исполнены. Сигизмундъ нашелъ открытое поле къ измѣнѣ. Племянникъ Королевскій Сигизмундъ Корибутъ принялъ было наконецъ Богемскую корону, а Король по смерти Елисаветы Пилецкой, потерявъ надежду получить обѣщанную ему Силезію и 100.000 злотыхъ въ приданое за до-

черью Сигизмунда Елисаветою, или за вдовою Венцеслава Софіею, женился въ четвертый разъ на Софіи или Сонькѣ, дочери Литовскаго Князя Андрея; однакожъ въ Кезмаркѣ обѣщаніями, никогда впрочемъ не исполненными, дать помоць противъ Крестоносцевъ, Сигизмунду удалось преклонить Короля къ помѣхѣ собственному своему племяннику въ Богеміи. Сигизмундъ Корибутъ справедливо разгнѣванный за то на Короля, требовалъ себѣ въ вознагражденіе землю Добринскую и въ Польшѣ причинилъ безпокойства. Потомъ, принявъ вѣру Гусситовъ (1424), началъ возвѣщать оную въ Польшѣ. Ревность Епископовъ вооружила противъ него Короля, который издалъ строгое повелѣніе карать еретиковъ смертію и конфисковать ихъ имѣнія, подобно тому какъ сіе дѣлалось въ другихъ Государствахъ. Это были первыя духовныя распри въ Польшѣ, но оныя не имѣли еще тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, какія видимы въ иныхъ мѣстахъ. Потому ли, что врожденная кротость рода Ягелловъ не допускала частыхъ казней за Вѣру, или отъ того что значительное число иновѣрцевъ и политика не позволяли слишкомъ далеко простирать религіозную ревность, или наконецъ для того, что Поляки менѣе другихъ предавались спорамъ о Вѣрѣ,—Польша гордится тѣмъ, что нигдѣ не пролито такъ мало крови за раз-

ность Вѣръ. Въ то же время происходили, Сеймъ въ Вартѣ, въ отсутствіе Короля, съѣздъ Императора Сигизмунда и многихъ Князей Силезскихъ въ Краковѣ по случаю коронованія Софіи, и бракосочетаніе Королевской дочери Гедвиги съ Маркграфомъ Брандебургскимъ Фридрихомъ (3), коему предоставлено было съ тѣмъ вмѣстѣ и право наслѣдованія.

(1426 — 1429). Въ слѣдующіе три года Король занятъ былъ несогласіями и раздоромъ съ Витольдомъ и супругою своею: обстоятельства, послужившія хитрому Императору Сигизмунду поводомъ къ посѣянію несогласія между Польшею и Литвою. Ибо когда Королева родила двухъ сыновей, одного послѣ другаго, Витольдъ изъявилъ сомнѣніе въ томъ, что они законные. Легковѣрный и подозрительный Король вѣроятно отправилъ бы Королеву подъ стражею въ Литву, если бы Янъ Тарновскій не отклонилъ его отъ сего поступка. Это было началомъ безконечной вражды между Владиславомъ II и Витольдомъ, котораго Императоръ на съѣздѣ въ Луцкѣ обольстилъ надеждою на корону Литовскую, и тѣмъ довершилъ отвращеніе его отъ Ягеллы. Витольдъ домогался короны сначала просьбою, а потомъ и угрозами требовалъ согласія Польши на свое коронованіе; склонивъ многихъ на свою сторону, онъ встрѣтилъ неопреодоли-

мыхъ противниковъ въ Краковскомъ Епископѣ Збигнѣвѣ Олесницкомъ и Янѣ Тарновскомъ. Ихъ примѣру послѣдовали Сенатъ и Король, который, по преклонности лѣтъ, намѣревался было и Польскую корону уступить Витольду, хотя и старшему лѣтами, но еще бодрому и дѣятельному своему совѣтнику. Витольдъ не принялъ предложенія Владислава, но подущаемый Крестоносцами не преставалъ искать Литовской короны.

(1430). На Сеймѣ въ Едлинѣ, въ Радомскомъ повѣтѣ, право наслѣдованія утверждено за тѣмъ изъ сыновей Ягеллы, который болѣе другихъ окажется способнымъ царствовать; но сіе положеніе послѣдовало не прежде, какъ по утвержденіи старыхъ и по дарованіи новыхъ правъ и преимуществъ, какъ то: что Король будетъ опредѣлять къ должностямъ въ повѣтахъ только природныхъ жителей, а отнюдь не особъ Княжескихъ фамилій; что шляхта будетъ нести службу за границею не иначе какъ съ платою по пяти гривенъ за коня. Выкупъ плѣнныхъ какъ за границею, такъ и внутри Государства, возложенъ на счетъ Короля; помѣщичьи крестьяне освобождены отъ платежа хлѣбной и денежной податей, отъ содержанія почтовыхъ станцій и даванія погонщиковъ, и имъ поставлено въ обязанность нести только земскую подать; войты же, мѣщане,

хлѣбопашцы избавлены и отъ сей повинности. Король, безъ согласія Государственныхъ чиновъ, не долженъ бить монеты. Дворянинъ не можетъ быть ни взятъ подъ стражу, ни наказанъ, развѣ бывъ пойманъ на самомъ проступкѣ. Право собственности обезпечено для каждаго, а Куявцы и Добринцы освобождены отъ овсовой дани для Короля. Тѣже самыя права даны и Руси.

Бдительность жителей Великой Польши положила конецъ проискамъ Витольда. Янъ Чарнковскій, по повелѣнію Короля, перехватилъ Сигизмундовыхъ Пословъ, Генуезца Баптиста Цыгали и Іоанна Рота, ѣхавшихъ къ Витольду съ письмами, въ которыхъ Императоръ обѣщалъ отправить къ нему другое Посольство съ короною. Чарнковскій, ослабленный болѣзнію, не могъ самъ продолжать дѣйствій своихъ и потому вся Великая Польша, подъ предводительствомъ Воеводы и Старосты Познанскаго Сендивоя Остророга и иныхъ, вооружилась, чтобъ не пропускать Императорскихъ Пословъ. Сіе обстоятельство принудило Витольда принять иныя мѣры для достиженія своего намѣренія. Пригласивъ Короля въ Литву, онъ хотѣлъ подкупить Збигнѣвъ Олесницкаго; но всѣ его старанія остались тщетными, и онъ вскорѣ умеръ (1430) въ Трокахъ, помирясь съ Королемъ, у котораго онъ просилъ прощенія.

Витольдъ былъ Князь дѣятельный, грозный побѣдитель Россіянъ, Татаръ и Крестоносцевъ. Россійскія Республики Псковскую и Новогородскую содѣлалъ онъ своими данницами. Счастливо воевалъ съ Монгольскимъ Ханомъ Тохтамышемъ, и взятыхъ въ плѣнъ Татаръ поселилъ въ Литвѣ надъ рѣками Вакою и Виліею и въ другихъ мѣстахъ. Но Татары увѣряютъ, что они добровольно, по причинѣ безпокойствъ въ своемъ отечествѣ, переселились въ Литву: сіе столь же правдоподобно какъ и то, что Татарскимъ плѣнникамъ даны были земли для поселенія. — Витольдъ былъ средняго роста, слылъ великодушнымъ, жизнь велъ трезвую и воздержную, не говоря впрочемъ о его посторонныхъ любовныхъ связяхъ. Подданныхъ своихъ страхомъ удерживалъ въ повиновеніи, для чужихъ былъ щедръ. Обыкновеніе обирать разбогатѣвшихъ Сановниковъ и ограбленныхъ такимъ образомъ вновь опредѣлять къ должностямъ, должно приписывать не столько не просвѣщенію и жестокости его, сколько тогдашнему недостатку въ Чиновникахъ образованныхъ. Владиславъ II ничего важнаго не дѣлалъ безъ участія Витольда; но сей самъ собою совершилъ многое: Польша ему обязана ослабленіемъ Крестоносцевъ, которые были страшнѣйшими ея непріятелями; дѣйствуя неутомимо оружіемъ, политикою

и измѣною, они разоряли села съ большимъ ожесточеніемъ нежели самые Татары. Собственные ихъ подданные называли ихъ не Крестоносцами, но мучителями, распинателями (kreuziger) своего народа.

Смерть Витольда произвела въ Литвѣ безпокойства. Король, не смотря на неспособность къ правленію брата своего Свидригайлы, хотѣлъ его сдѣлать Великимъ Княземъ; неблагодарный Свидригайло, гнѣваясь за то, что Князья Бучацкіе овладѣли Подоліею, заключилъ Короля въ тюрьму. Вся Королевская свита окружена была толпою вооруженныхъ Литовцевъ, которые съ самимъ Королемъ обошлись весьма грубо и жестоко. Въ слѣдствіе сего коронное Дворянство съѣхавшись въ Вартѣ, положило начать войну съ Литвою и имѣть съѣздъ подъ Кіянами, (село надъ Вепремъ), ежели торжественное Посольство не освободитъ Короля изъ заключенія. Свидригайло, устрашенный такою рѣшительностію Дворянства, освободилъ Короля, но началъ дѣлать набѣги на Подолію. По сей причинѣ на Сендомирскомъ Сеймѣ вторично положено воевать Литву, и сіе дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія, если бы Король, гнушаясь междоусобіемъ, не предупредилъ онаго. Напослѣдокъ необходимость заставила обнажить мечь. Сначала Поляки счастливо воевали на Волыни, но вскорѣ счастіе имъ

измѣнило. Король, не имѣя расположенія къ сей войнѣ, упускалъ лучшее для сраженія время. Къ тому же Крестоносцы напали на Куявію и Землю Добринскую, а Валахи вторгнулись въ Подолію; Русскіе, не довольные тѣмъ, что Король болѣе благопріятствовалъ Латинскому, нежели Греческому обряду, притѣсняли Латинцевъ и разрушали Католическія церкви въ Россіи. Король, не имѣя способовъ оказать пособіе разоренному Куявскому Дворянству, началъ раздавать оному Духовныя имѣнія. Сіе произвело распрю съ Духовенствомъ, (1432) которую не успѣли прекратить на двухъ Сеймахъ, Неполомицкомъ и Сѣрадскомъ. Роптали на Короля, что онъ самъ нерѣшительностію своею и медленностію былъ виною нападенія Крестоносцевъ, и неудачь войны съ Литвою: посему на Сеймѣ Сѣрадскомъ положено, чтобы если въ одно и тоже время случится война съ нѣсколькими непріятелями, изъ коихъ противъ одного должно будетъ вооружиться всѣми силами, то, не раздробляя войска, воевать прежде одного непріятеля, и потомъ уже защищаться отъ другаго. Очевидно, что сіе постановленіе весьма рѣдко могло быть исполняемо.

Дабы положить конецъ безпорядкамъ, Король отдалъ Великое Княжество Литовское Стародубскому Князю Сигизмунду Кѣйстутовичу, брату Витольда, и обезпечилъ

для Россіянъ въ Луцкѣ свободное исповѣданіе ихъ Вѣры, давъ слово, что Русскія церкви не будутъ болѣе обращаемы въ Католическія, и что всякъ остается при собственныхъ своихъ правахъ.

(1433.) Кончивъ такимъ образомъ дѣла съ Литвою и Россіею, Король рѣшился отмстить Крестоносцамъ. Онъ вооружилъ Дворянство, убѣдилъ также вооружиться Богемскихъ Гусситовъ, которые, подъ предводительствомъ Іоанна Чапка опустошили новую Мархію, отданную Крестоносцамъ въ залогъ Императоромъ Сигизмундомъ, какъ Маркграфомъ Брандебургскимъ; Поляки же съ своей стороны разорили Пруссію отъ Вислы до самаго моря. — Между тѣмъ въ Литвѣ снова произошелъ раздоръ между Сигизмундомъ Кѣйстутовичемъ и Свидригайломъ: Сигизмундъ подвергся народной ненависти за казнь Троцкаго Кастеллана Яна Монивида и Маршала Ромбовда. Свидригайло призывалъ на помощь Россіянъ и Татаръ; но сіи послѣдніе, не пришедши въ Литву, опустошили собственныя Свидригайловы Княжества Кіевское и Черниговское. Напослѣдокъ когда власть и могущество Короля начинали брать перевѣсъ въ семъ дѣлѣ, Король Владиславъ II Ягелло скончался въ Городкѣ, въ субботу, 24 Апрѣля, 1434 года, въ преклонныхъ

лѣтахъ, на сорокъ осьмомъ году царствованія.

Польша обязана Владиславу II присоединеніемъ Литвы къ Государству и защитою отъ жесточайшихъ ея непріятелей, — надменныхъ Крестоносцевъ, которые непрестанно силились завоевать оба народа или даже истребить оные. Примѣрная храбрость, предусмотрительность въ отношеніи къ поступкамъ Нѣмцевъ въ Пруссіи и Ливоніи, щедрость, благочестіе и кротость, суть его похвальныя качества; но съ другой стороны расточительность, непостоянство въ предпріятіяхъ, излишняя довѣренность къ совѣтамъ своихъ приближенныхъ, лѣность (онъ спалъ до полудня, и потому не могъ иногда заниматься дѣлами своихъ подданныхъ) и неумѣренность въ пищѣ (горячихъ напитковъ не употреблялъ и пилъ одну чистую воду) —суть его пороки, которые, равно какъ и многіе предразсудки, надлежитъ приписать болѣе воспитанію, нежели ему самому. То же самое заключать должно и о подозрительности его въ супружествѣ. Какъ бы то впрочемъ ни было, Польша не мало терпѣла отъ него: ибо Король новыхъ крѣпостей не строилъ, старыхъ не починивалъ; пренебрегая судопроизводствомъ, не былъ, подобно Казимиру III, ни отцемъ городовъ, ни отцемъ поселянъ, и хотя неоднократно

искоренялъ разбои и грабежи, однакожъ сія общая всѣмъ Европейскимъ Государствамъ въ средніе вѣки язва возраждалась непрестанно, подобно Геркулесовой гидрѣ [4]. Такъ буйная толпа Дворянства разорила въ его царствованіе основанный Опольскимъ Княземъ Владиславомъ Ченстоховскій монастырь, въ то самое время, когда Король, забывъ обо всемъ, единственно занятъ былъ охотою.—Расточительность довела его до того, что не оставалось даже чѣмъ уплачивать жалованье придворнымъ служителямъ и войску, отъ чего военная дисциплина пришла въ упадокъ. Извѣстно до какой степени хитрый Императоръ Сигизмундъ употреблялъ во зло слабость Ягеллы; но не одинъ онъ, а всѣ придворные Владислава, иногда же и самыя Королевы, умѣли извлекать изъ оной личныя выгоды: Король обыкновенно давалъ половину того сколько у него просили, и по сему самому корыстолюбцы обыкновенно просили вдвое больше того, сколько желали получить. Король расточалъ не только деньги и драгоцѣнности, но даже и имѣнія, и цѣлыя области въ Польшѣ, Литвѣ и на Руси. Наконецъ недостатокъ довелъ его до того, что онъ позволялъ себѣ быть иногда несправедливымъ, грабителемъ и хищникомъ.—Владиславъ былъ роста средняго, лице имѣлъ продолговатое и

сухое, глаза черные и живые, шею длинную, голосъ грубой.

Къ его царствованію относятъ основаніе Кіевскаго и Хелмскаго Епископства, Латинскаго обряда.

ВЛАДИСЛАВЪ III, (ВАРНИНСКІЙ).

(1434—1444).

Владиславъ III, старшій сынъ Ягеллы имѣлъ не болѣе десяти лѣтъ когда отецъ его умеръ (1434). Хотя и обѣщано было отцу, что изъ сыновей его будетъ по немъ царствовать тотъ, кто окажется способнѣе, однакожь Владиславъ едва не лишился престола по малолѣтству, если бы не вступился за него Краковскій Епископъ Збигнѣвъ Олесницкій, возвратившійся съ Костницкаго Собора Кардиналомъ. Спытко Мѣлштинскій, сынъ Краковскаго Воеводы, Дерславъ Рытвянскій, сынъ Ленчицкаго Воеводы, Говорко Хробржановскій, маститый старецъ, Авраамъ Збонскій, судья Познанскій, Янъ Страшъ и многіе другіе на съѣздѣ Великопольскихъ Дворянъ въ Познани сильно противились избранію на царство малолѣтнаго Короля. И въ Малой Польшѣ нашлись таковые же противники Владислава III, которые даже разорили Славковъ въ Сѣверскомъ Княжествѣ съ намѣреніемъ откло-

нить такимъ образомъ Збигнѣва отъ намѣренія его доставить корону Владиславу. Почтенный Кардиналъ твердостію своею успѣлъ прекратить всѣ споры: когда враги Владислава съѣхались въ Опатовѣ, Збигнѣвъ лично явился въ собраніе, и когда противники начали возставать противъ коронованія малолѣтнаго Короля, онъ показалъ книгу, дарованную Казиміромъ III Краковскому Капитулу, въ которой находилось изображеніе коронованія сего Короля въ юныхъ лѣтахъ. Затрудненіе въ разсужденіи присяги малолѣтнаго отстранила Королева съ другими Членами Королевскаго Дома, торжественно обѣщавъ, что присягу таковую Король непремѣнно выполнитъ, коль скоро придетъ въ совершеннолѣтіе. Въ слѣдствіе сего Владиславъ III коронованъ въ Краковѣ 29 Іюля 1434 г., но присяги отъ города не принялъ по случаю возникшей распри между Епископами и Князьями Мазовецкими, которые хотѣли вмѣстѣ сидѣть по правую руку Короля. Для опеки надъ Владиславомъ III назначены мать его Софія и нѣсколько Сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ. Въ воеводствахъ же и Староствахъ учреждены надзиратели, называемые Провизорами. При семъ случаѣ Русское и Подольское Дворянство сравнено въ правахъ съ Польскимъ.

Не смотря на все сіе, Польша не была ни спокойнѣе, ни счастливѣе: ибо какъ во всей

Европѣ, такъ и здѣсь, безпокойные умы непрестанно возмущали отечество. Слѣдствіемъ того былъ безпорядокъ въ судопроизводствѣ, и Королевская власть, ограниченная не столько вліяніемъ Вельможъ на правленіе, сколько недостаткомъ денегъ, не въ силахъ была прекратить зло. Сверхъ того начали возникать споры за Вѣру; дурные примѣры и корыстолюбіе Духовенства давали свѣтскимъ людямъ поводъ къ неудовольствіямъ. Отсюда родились споры о десятинѣ: духовенство требовало болѣе нежели сколько оному слѣдовало, а свѣтскіе хотѣли давать менѣе того сколько надлежало. Спытко Мѣлштинскій, тотъ самый который такъ сильно противился коронованію Владислава III, началъ явную войну съ Кардиналомъ Збигнѣвомъ, а Силезская шляхта и Князья Опольскіе напали на Польскія границы. Императоръ Сигизмундъ, увлекаемый корыстолюбіемъ, желалъ быть опекуномъ Короля и съ безстыдствомъ домогался Графства Спижскаго. Среди сихъ замѣшательствъ возникли еще ссоры за должности, въ отношеніи къ которымъ на Вислицкомъ съѣздѣ постановлено, чтобы чиновниковъ съ низшихъ мѣстъ опредѣлять на высшія ваканціи, и такъ мѣсто Сендомирскаго Воеводы Спытка занялъ Кастелланъ Янъ Чижовскій, а на его мѣсто поступилъ Люблинскій Кастелланъ. — Крестоносцы были бы рады

начать войну и изъ сихъ смутныхъ для Польши обстоятельствъ извлечь для себя пользу, но обезсиленные неудачами прошлой войны, они воздержались отъ боя, не ожидая на тотъ разъ никакой помощи отъ Нѣмцевъ, которые въ то же время заняты были Богемскою войною.

Въ Литвѣ все еще пылала война между Сигизмундомъ Кѣйстутовичемъ и Свидригайломъ, и прекратилась только пораженіемъ сего послѣдняго подъ Вилькомиромъ, послѣ чего Король осудилъ Свидригайла на изгнаніе въ Седмигродъ. Сіе обстоятельство склонило наконецъ и Крестоносцевъ къ заключенію мира (1435) въ Брестѣ Куявскомъ: Король возвратилъ имъ Новую Мархію, а Крестоносцы дали слово не помогать уже болѣе Свидригайлѣ и не чинить обидъ Полякамъ.

(1436)—На Сеймѣ въ Корчинѣ постановлено считать врагомъ Отечества того, кто не Государственными законами, а собственнымъ оружіемъ будетъ мстить за личную обиду; отпаденіе отъ Вѣры или дружба съ иновѣрцами поставлены въ число столь же важныхъ преступленій. Но сіи уставы имѣли въ Польшѣ не лучшій успѣхъ, какъ и постановленія въ другихъ Государствахъ, извѣстныя подъ именами, въ Германіи *Landfriede*, и во Франціи *Paix Générale*: ибо укоренившіяся въ народѣ привычки могутъ быть уничто-

жены только временемъ, или совершеннымъ измѣненіемъ обстоятельствъ.

Во время сихъ событій Освѣцимское Княжество въ Силезіи отторгнуто отъ Богеміи и присоединено къ Польшѣ: ибо Дерславъ Рытвянскій овладѣвъ Заторскимъ замкомъ и будучи послѣ разбитъ Силезцами не могъ удержаться въ ономъ и отдалъ его Королю, который возвратилъ сей замокъ Освѣцимскимъ Князьямъ, когда они признали себя подданными Польши. Замѣшательство, возникшее въ Богеміи (1438) по случаю смерти Императора Сигизмунда, способствовало сему пріобрѣтенію: часть Богеміи, противная Сигизмундову зятю, Австрійскому Герцогу Албрехту, предлагала Богемскую корону Іоанну Казиміру, другому брату Короля. Но хотя Іоаннъ Казиміръ и послалъ войско въ Богемію, а Король Владиславъ между тѣмъ принудилъ къ подданству своему Князей Верхней Силезіи, однакожъ Албрехтъ, коронованный въ Прагѣ, удержался на тронахъ Венгерскомъ и Богемскомъ. Дѣланіе фальшивой монеты и набѣги Силезскихъ Князей на границы, были причиною кратковременной войны Владислава III съ сими Князьями, которые принуждены были признать Королевскаго брата Королемъ Богеміи.—

Владиславъ на Сеймѣ Піотрковскомъ учинилъ присягу на пятнадцатомъ году возра-

ста. Смерть Албрехта открыла ему путь на Венгерскій престолъ (1439), ибо часть Венгріи, опасаясь Турокъ, безпокоившихъ Сербію, не хотѣла ожидать потомка Албрехтова, которымъ была беременна Елисавета, дочь Императора Сигизмунда. Поляки, помня участь Лудовика, желали чтобъ ихъ Король не былъ въ то же время Королемъ Венгріи; а Турецкая война и безпокойства въ Литвѣ и самаго Владислава поставили въ недоумѣніе. Въ Литвѣ Князь Янъ Чарторыскій, измѣнническимъ образомъ, въ Вербную недѣлю (20 Марта 1440 г.) умертвилъ въ Юскахъ Великаго Князя Сигизмунда Кѣйстутовича, который жестокостію своею и хищничествомъ заслужилъ общую ненависть; многіе думали возвести на Великое Княженіе изгнанника Свидригайлу; иные желали имѣть Великимъ Княземъ Михаила Сигизмундовича, другіе же предлагали вовсе отдѣлить Литву отъ Польши. Монивидъ, Гастольдъ и Остикъ, согласно съ прежними постановленіями, старались провозгласить Короля Польскаго Великимъ Княземъ, но голосъ ихъ не былъ принятъ. Наконецъ выборъ палъ на Казиміра Ягелла, брата Короля Владислава, который и не думалъ о семъ избраніи. — Голшанскій Князь Георгій Алгимундъ склонилъ къ тому всѣ умы въ Литвѣ, и Король самъ послалъ брата своего Казиміра (потомъ IV) Прави-

телемъ въ Литву, а вскорѣ и самъ выѣхалъ въ Венгрію, оставивъ Намѣстниками: въ Малой Польшѣ и на Руси Краковскаго Кастеллана Яна Чижовскаго, въ Великой Польшѣ Ленчицкаго Воеводу Войцѣха Мальскаго, въ Графствѣ Спижскомъ Кардинала Збигнѣва.

Въ Венгріи Король нашелъ дѣла совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ какомъ надѣялся видѣть оныя. Часть Вельможъ была на сторонѣ Королевы Елисаветы, которая, родивъ сына Владислава (5), короновала его въ пеленахъ короною Св. Стефана (6), и корону увезла въ Австрію. Между тѣмъ Литва, не принявшая Казиміра Ягелла какъ Правителя, возвела его, противъ воли бывшихъ въ Литвѣ Поляковъ и вопреки явному желанію Короля, на Велико-Княжескій престолъ, на которомъ онъ своею кротостію и мудрымъ правленіемъ снискалъ общую любовь, и для пріобрѣтенія коей выучился даже по Литовски и по Русски, чему также Поляки противились. —

Голодъ и моровая язва свирѣпствовали въ Литвѣ и Польшѣ, когда Король находился въ Венгріи.

(1441)—Въ Венгріи возгорѣлась война. Моровая язва усугубила бѣдствія Государства. Наконецъ Владиславъ III, подкрѣпленный Поляками и снискавшій любовь Венгровъ умомъ своимъ и великодушіемъ, успѣлъ отстранить всѣ затрудненія; но его расточительность

истощала Королевскую казну въ Венгріи и Королевскія имѣнія въ Польшѣ.

Наконецъ были заключены съ Королевою мирныя условія (1442, 1443), и хотя Король обѣщалъ возвратиться въ Польшу, но Турецкая война перемѣнила его намѣреніе. Сія война была счастлива для Поляковъ и Венгровъ, предводимыхъ знаменитымъ Полководцемъ тогдашняго времени Іоанномъ Корвиномъ-Гуніадомъ. Турки, пораженные прежде въ Сербіи надъ рѣкою Моравою, потомъ у горъ Македонскихъ, заключили на десять лѣтъ перемиріе, весьма полезное для Венгровъ, томимыхъ въ то время голодомъ; а Султанъ Амуратъ II долженъ былъ всѣ силы свои обратить противъ владѣтеля Караманскаго, вторгнувшагося въ Анатолію. Торжественная присяга обѣихъ сторонъ утвердила перемиріе (1444). Но по прошествіи года, Византійскій Императоръ Палеологъ, Римскій Папа Евгеній, Венеціанская Республика и многіе Владѣтели Италіанскіе, видя, что Амуратъ занятъ трудною войною въ Карамании съ знаменитымъ Эпирскимъ (Албанскимъ) Княземъ Скандербергомъ Кастріотомъ, надѣясь притомъ на мужество юнаго Владислава и на дарованія Гуніада, думали, что настало самое благопріятное время къ низверженію Оттоманской гордыни и освобожденію Христіанства отъ варваровъ. Папа сталъ уговариватъ Владислава

къ войнѣ съ Амуратомъ, обѣщая помощь войскомъ и деньгами. Греческій Императоръ обѣщалъ дать свой флотъ. Юнаго Короля удерживала одна лишь клятва. Папа прислалъ Кардинала Чезарини къ Королю, чтобъ разрѣшить его отъ оной, что въ тогдашнемъ вѣкѣ почиталось возможнымъ. Король Владиславъ, собравъ войско изъ Поляковъ и Венгровъ, вторгнулся въ Турецкія области, но не получилъ обѣщанной помощи; напротивъ того, Греки, изъ корысти, продовольствовали войско Амурата. Владиславъ дошелъ до Варны, и встрѣтивъ въ семъ мѣстѣ Султана Амурата съ многочисленнымъ войскомъ, далъ ему рѣшительное сраженіе. Сперва Поляки и Венгры одержали побѣду; но, когда въ погонѣ за бѣгущими, Король Владиславъ лишился жизни, побѣда склонилась на сторону Турокъ. Однакожь Гуніадъ отступилъ съ остальнымъ войскомъ, не будучи преслѣдуемъ.

О смерти Короля Владислава Историки несогласны между собою: одни говорятъ, что онъ погибъ отъ ружейнаго выстрѣла; другіе, что онъ упалъ съ лошадью въ конной сшибкѣ, и что въ то время Турокъ отрубилъ ему голову (7). Тогда же утрачена часть Государственнаго архива, который Владиславъ III возилъ съ собою.—Владиславъ имѣлъ 21 годъ отъ роду; роста былъ средняго, глаза и волосы имѣлъ черные, лице смуглое. Благочестіе,

милосердіе и другія добрыя свойства его соединялись съ единственнымъ и почти врожденнымъ недостаткомъ всѣхъ Ягелловъ: излишнимъ добродушіемъ, доходившимъ до слабости и расточительности, отъ коихъ Польша понесла въ отсутствіи Короля великій вредъ.

По рѣшенію Владислава III (1436) Илья и Стефанъ, сыновья Волошскаго Воеводы или Господаря Александра, долго спорившіе объ отцевскомъ наслѣдствѣ, получили: первый Валахію, а второй Молдавію, и оба присягнули на вѣрность Польскому Королю.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1445—1447).

Долго не вѣрили извѣстіямъ о пораженіи подъ Варною. Для узнанія истины посланы были въ Грецію и Булгарію Янъ Ржешовскій и Идій Суходольскій. Время сдѣлало сіе несчастіе достовѣрнымъ и Венгры избрали себѣ Королемъ Владислава (Албрехтовича). На съѣздѣ Сѣрадскомъ (1445) Поляки положили вручить скипетръ Казиміру, брату Владислава III, съ условіемъ: уступить престолъ Королю, если онъ найдется въ живыхъ. Но поелику Казиміръ, какъ Великій Князь Литовскій, отказывался отъ короны,

то междоцарствіе продолжалось цѣлые два года. Не столько собственная воля Казиміра IV, сколько настояніе Литовскихъ Вельможъ и опасеніе, дабы Михаилъ Сигизмундовичь не лишилъ его Литвы, удерживали его отъ принятія Польской короны. Литовцы, недовольные Поляками за присоединеніе къ Польшѣ Подоліи и Волыни, помышляли объ отторженіи сихъ областей навсегда отъ Польши, а нѣкоторые предлагали даже и во все отъ оной отдѣлиться. Одна только вдовствующая Королева обнадеживала Поляковъ склонить Казиміра къ принятію короны; между тѣмъ торжественное посольство изъ Литвы объявило волю Великаго Князя, чтобы опредѣленные покойнымъ Королемъ Намѣстники продолжали управленіе и чтобъ нѣсколько повременить избраніемъ Короля.

(1446) — Таковое отлагательство наскучило Полякамъ. На Сеймѣ Піотрковскомъ Епископы совѣтовали, въ случаѣ рѣшительнаго отреченія Казиміра, избрать Маркграфа Бранденбургскаго, а Епископъ Плоцкій предлагалъ для сего Мазовецкихъ Князей Болеслава или Владислава. Наконецъ съ вышепомянутымъ условіемъ избрали-было по большинству голосовъ Болеслава; но въ то же самое время и Казиміръ IV началъ сожалѣть о непринятіи предложенія Поляковъ. Поводомъ къ такому сожалѣнію было злоупотребленіе власти лю-

бимцевъ его Гастолда и Свѣста, ненавидимыхъ народомъ Литовскимъ; сверхъ того онъ опасался мщенія Болеслава, съ которымъ имѣлъ частыя ссоры, и присутствіе свое въ Литвѣ не считалъ безопаснымъ по той причинѣ, что Михаилъ Сигизмундовичь могъ получить надъ нимъ преимущество.—Привязанность жителей Малопольскихъ къ крови Ягелловъ и расположеніе нѣкоторыхъ Вельможъ, обогатившихся отъ расточительной щедрости отца и брата, проложили наконецъ Казиміру IV дорогу къ престолу.—

Несогласіе на избраніе Болеслава было первымъ къ тому поводомъ. Въ слѣдствіе сего съ Бѣлжицкаго съѣзда отправленъ въ Литву Петръ Краковскій, Кастелланъ Сендомирскій, которому Казиміръ объявилъ желаніе свое быть Королемъ Польскимъ. Жители Малопольскіе немедленно избрали его въ Краковѣ, а Великопольскіе въ Колѣ; о Болеславѣ же вскорѣ и забыли. Впрочемъ оставалось преодолѣть еще немалыя трудности: Казиміръ не могъ такъ скоро уѣхать изъ Литвы, какъ ему того хотѣлось. Вельможи Литовскіе домогались непремѣнно Волыни и Подоліи, и не выпускали Великаго Князя изъ Бреста Литовскаго на Сеймъ Парчевскій. Послѣ продолжительныхъ и безполезныхъ въ Брестѣ Литовскомъ прѣній, наконецъ прекратилось междоцарствіе. Казиміръ IV въ 24 день Іюня 1447 года при-

былъ въ Краковѣ и на другой же день короновался. При семъ короновании находились и Мазовецкіе Князья съ многочисленною свитою. Споръ ихъ съ Епископами о мѣстахъ воспрепятствовалъ принятію присяги отъ города.

КАЗИМІРЪ IV (8)

(1447—1492).

Съ прекращеніемъ междоцарствія не утихла буря, волновавшая Государство. Не только продолжались распри съ Князьями Силезскими, но еще усиливались и грабежи и хищничества между безпокойною Шляхтою. Отъѣздъ Короля въ Литву (1448), вражда оной за Волынь и Подолію, волненіе въ Валахіи, вторженіе Татаръ въ Подолію, усугубляли несчастія Поляковъ. Привязанность Короля къ своей наслѣдственной Литвѣ раждала въ нихъ подозрѣніе противъ него и противъ Литвы: думали, что онъ возбудилъ Татаръ къ такому на Подолію нападенію: ибо когда Теодоръ Бучацкій отбилъ у Татаръ большую часть плѣнныхъ, Браславскій Староста со стороны Литовской охотно принималъ непріятелей, и Татары вступили съ Королемъ въ переговоры для водворенія спокойствія въ Валахіи. На Сеймѣ Піотрковскомъ (1449) дошло

до того, что когда Король отлагалъ присягу на соблюденіе Государственныхъ правъ и на присоединеніе Подоліи и Волыни, цѣлое собраніе объявило, что Поляки не будутъ ему повиноваться, доколѣ онъ не учинитъ сей присяги, и когда Король Казиміръ IV (1450) хотѣлъ наказать нѣкоторыя буйства въ Малой Польшѣ, Краковскій Воевода Янъ Тенчинскій остановилъ его рѣшеніе. — Новый набѣгъ Татаръ опустошилъ Русь даже до Гродка и Белза. Ни Сеймъ (1451) Піотрковскій (на которомъ Кардиналъ Збигнѣвъ получилъ первенство предъ Гнѣзненскимъ Архіепископомъ съ условіемъ, чтобъ никто безъ воли и вѣдома Короля не смѣлъ искать Кардинальскаго достоинства,) ни съѣздъ въ Краковѣ (1452), ниже Сеймъ въ Парчовѣ, на который Король съ трудомъ убѣдилъ явиться Литовцевъ, не могли облегчить народнаго бѣдствія. Между тѣмъ Татары опустошали Подолію, а Силезскіе Князья грабили границы Великой и Малой Польши. Только вооруженіе частныхъ владѣльцевъ удерживало иногда нападенія Силезцевъ и Крымцевъ; но и тогда, вмѣсто обороны границъ, происходили между защитниками оныхъ споры о правахъ собственности. — На Сеймѣ Сѣрадскомъ Король обѣщалъ учинить присягу по прошествіи года, подъ предлогомъ, что прежде онъ не могъ сдѣлать того, будучи угрожаемъ опасностію со стороны Литвы. При

таковомъ положеніи дѣлъ, Татары простерли свои набѣги до Львова, между тѣмъ какъ Король занятъ былъ въ Литвѣ охотою (1453). При новомъ нападеніи Татары проникнули далѣе Луцка; но Старосты Лащъ Зынковскій, Янъ Лятычевскій и Матвѣй Мендзибожскій отмстили имъ подъ Трембовлею. Брацлавцы вырѣзали и оставшихся въ живыхъ.—Раздоры въ Польшѣ и Литвѣ все еще продолжались. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Литовцы не хотѣли явиться на Сеймъ въ Парчовѣ, Поляки на Піотрковскомъ Сеймѣ настаивали, дабы Король непремѣнно учинилъ присягу и отказался отъ Великаго Княженія, отдавъ оное кому либо изъ своихъ родственниковъ, или же вооруженною рукою отмстилъ за нанесенное себѣ оскорбленіе. Король отговаривался только отъ присоединенія Литовской Руси, по той причинѣ, что его связывала присяга, данная Литвѣ. Наконецъ Казиміръ присягнулъ безъ всякихъ условій, однакожъ не безъ опасенія о томъ, что̀ произойдетъ въ Литвѣ: ибо Поляки и Литовцы, содѣлавшіеся взаимными врагами за Русь, помышляли о совершенномъ между собою раздѣленіи. Королю не хотѣлось лишиться наслѣдственной Литвы, въ которой, хотя права̀ и преимущества уже равнялись съ Польскими, и возникало мало по малу свободное избраніе на Велико-Княжескій престолъ, но народъ былъ

еще гораздо послушнѣе нежели въ Польшѣ. Сверхъ того Король самъ не чувствовалъ въ себѣ довольно ума и силъ, для повелѣванія какъ должно двумя народами, изъ коихъ каждый хотѣлъ имѣть своего собственнаго Государя. Такъ мало по малу ослабѣвалъ узелъ соединенія, укрѣпленный Владиславомъ Ягелломъ!

Страсть къ охотѣ была единственнымъ любимымъ занятіемъ Короля: онъ думалъ объ оной болѣе нежели объ управленіи Государствомъ, а Вельможи въ Литвѣ и Польшѣ извлекали изъ того личныя для себя выгоды; власть ихъ возрастала болѣе и болѣе, и они пріумножали свои сокровища на счетъ казны Королевской и Государственной.

Великимъ счастіемъ для Польши было то, что обезсиленные Крестоносцы не въ состояніи были тогда вредить оной. Венгрія и Богемія, также ослабѣвшія отъ междоусобій, не мѣшались въ постороннія дѣла; слабая и мало значившая власть Императора Фридриха III не могла даже и въ Германіи порядочно дѣйствовать; Россія не была еще соединена подъ однимъ скиптромъ; а Бранденбургскіе Маркграфы Дома Гогенцоллернъ только что начинали пріобрѣтать вѣсъ въ Мархіи. Сіи случайныя обстоятельства спасли Польшу отъ большихъ бѣдствій, и даже проложили ей путь къ распространенію границъ

своихъ, или, лучше сказать, къ возвращенію отчасти того, что нѣкогда было утрачено.

(1453—57)—Освѣцимскій Князь Іоаннъ, побѣжденный Краковскими гражданами, долженъ былъ уступить Королю Княжество свое за 50.000 гривенъ Прагскихъ грошей; безпокойства же въ Пруссіи принудили народъ искать спасенія въ Польшѣ (1454—66). Еще въ 1440 году Прусское Дворянство, для сохраненія своихъ правъ и преимуществъ, приняло мѣры противъ насилій и несправедливости Крестоносцевъ. Дѣло сіе предстaвлено было на судъ Императору Фридриху III, который, согласно съ желаніемъ Крестоносцевъ, лишилъ Дворянство всѣхъ правъ. Таковое рѣшеніе побудило Дворянъ передаться къ Королю Польскому (1445), въ то самое время когда онъ праздновалъ въ Краковѣ бракъ свой съ Елисаветою, младшею дочерью Императора Албрехта, Короля Венгерскаго и Богемскаго. Крестоносцы старались тому воспротивиться, предлагая Казиміру дань и деньги; многіе Сенаторы не совѣтовали Королю мѣшаться въ дѣла Пруссіи, отпадшей отъ ордена,—но наконецъ превозмогло воспоминаніе о столь частыхъ бѣдствіяхъ, наносимыхъ сими Нѣмецкими монахами. Король, обѣщавъ Прусскимъ посламъ свое покровительство, отправился въ Брестъ-Литовскій, дабы воспрепятствовать переходу Ливонцевъ въ Пруссію. Отпу-

да онъ ѣздилъ на Сеймъ Ленчицкій, а потомъ въ Торунь для поданія помощи Прусакамъ, осаждавшимъ Крестоносцевъ въ зáмкахъ Малборгскомъ, Штумскомъ и Бродницкомъ. Чины Прусскіе учинили присягу на вѣрность въ Торунѣ, Эльбингѣ и Данцигѣ, гдѣ, равно какъ и въ Королевцѣ (Кенигсбергѣ), мѣщане разрушили зáмки. Присягнули также и Епископы Хелмскій, Померанскій и Самбинскій. Четвертый, Вармійскій Епископъ, находился съ Крестоносцами въ Малборгѣ, и потому вмѣсто его присягнулъ одинъ Капитулъ. На Сеймѣ Прусскомъ написаны статьи, по которымъ Пруссія должна принадлежать Польшѣ, и опредѣлены подати для военныхъ издержекъ. Противъ войска, шедшаго изъ Германіи на помощь Крестоносцамъ, Король вооружилъ Великопольское Дворянство, но неповиновеніе онаго было причиною пораженія Поляковъ подъ Хойницами. Гнѣвъ, Королевецъ и Епископъ Самбинскій (1445) передались опять Крестоносцамъ. Чрезъ сіе силы ихъ увеличились; Поляки же хотя и положили на Петрковскомъ Сеймѣ собрать по 12 грошей съ десятины, но не были счастливѣе въ сей войнѣ. Пораженіе Крестоносцевъ подъ Фридландомъ было уже не въ пору. Въ Литвѣ происки Гаштолда потрясли Королевскую власть, а расточительность Казиміра нанесла Государству болѣе вреда нежели Кресто-

носцы. Король долженъ былъ безпрестанно созывать Сеймы; собранныя на оныхъ деньги расточалъ до того, что нечѣмъ было платить жалованье наемнымъ войскамъ. Какъ нѣкогда вошло въ обычай спорить и полагать цѣну за избраніе Короля, такъ и тогда привыкли торговаться съ Королемъ о податяхъ и о войнѣ. Дворянство почувствовало свои силы; притѣсненія Старостъ научили оное думать болѣе о собственныхъ, нежели объ общественныхъ выгодахъ. И такъ Казиміръ IV имѣлъ дѣло съ двумя непріятелями: съ Крестоносцами и Польскимъ Дворянствомъ; и когда надлежало сражаться съ первыми, онъ долженъ былъ торговаться съ послѣдними. Къ тому же несогласія съ Литвою поселяли новый раздоръ между Польшею, Литвою и Королемъ. Словомъ, не было конца бѣдствіямъ, а между тѣмъ дорого стоившая война съ Крестоносцами продолжалась.—

Казиміръ IV, зная права̀ свои, вопреки волѣ Папы и Духовенства, удержалъ при себѣ власть нареченія Епископовъ и Игуменовъ; но не умѣлъ привести въ устройство дѣлъ Польши съ Литвою. Сверхъ того, по расточительности его, доходы никогда не были достаточны на удовлетвореніе нуждъ Государства и его собственныхъ, отъ чего долги увеличивались, наемныя войска, не получая жалованья, дозволяли себѣ всякія безчинства.

Съ ослабленіемъ Королевской власти, не только Дворянство но и мѣщане дѣлались надменнѣе, и самая Литва грозила Королю непослушаніемъ.

(1458)—Кончина Владислава, Короля Венгерскаго и Богемскаго, была поводомъ къ новымъ замѣшательствамъ. Богемцы избрали себѣ Королемъ Георгія Подебрадскаго, а Венгры Матѳія Корвина, сына Іоанна Гуніада. Богемецъ Иванъ Искра, богатѣйшій вельможа верхней Венгріи, призванный туда Венгерскою Королевою Елисаветою, старый врагъ Корвиновъ, начальникъ Венгерскихъ Гусситовъ, совѣтовалъ Королю Казиміру IV принять Венгерскую корону, на которую, равно какъ и на Богемскую, по супругѣ своей, сестрѣ Владиславовой, онъ имѣлъ ближайшее право. Съ тѣмъ вмѣстѣ Искра обѣщалъ помирить Короля и съ Крестоносцами, которыхъ войско состояло наиболѣе изъ наемныхъ Богемцевъ. Бреславцы, не доброхотствуя Георгію Подебрадскому за разныя чинимыя имъ обиды, (1459) — и подъ предлогомъ ненарушимости Вѣры желая пріобрѣсть большія преимущесіпва, предложили Королю верховную власть надъ собою. Хотя Король и не принялъ столь лестныхъ предложеній, однакожь дѣло не обошлось безъ распрей съ Богеміею и Венгріею (1460); а Крестоносцы, пользуясь всякимъ случаемъ вредить и мстить Польшѣ,

прислали въ Богемію нарочныхъ людей съ намѣреніемъ еще болѣе умножить вражду Богемцевъ съ Поляками. Сіе намѣреніе не удалось и злой умыселъ открылся (1461). Свиданіе Королей Богемскаго и Польскаго, назначенное въ Битомлѣ, состоялось въ Глогау. Георгій Подебрадскій отказался отъ правъ на Освѣцимское Княжество, а Казиміръ IV обѣщалъ не требовать приданаго своей супруги, и такъ надежда Крестоносцевъ поссорить Богемію съ Польшею не исполнилась. Но дѣйствія ихъ были удачнѣе въ Венгріи (1465), гдѣ впрочемъ война существовала не долго; ибо Матѳій I былъ озабоченъ иными дѣлами. И такъ Крестоносцамъ досталось однимъ воевать съ Польшею. Сія война съ перемѣннымъ счастіемъ, но съ равнымъ ожесточеніемъ, продолжалась цѣлые тринадцать лѣтъ, по истеченіи которыхъ, при посредничествѣ Папскаго Легата Рудольфа, бывшаго тогда Епископомъ Левантскимъ, заключенъ миръ, (1466) по которому Западная Пруссія досталась Королю, Восточная Крестоносцамъ; великій Магистръ обязался быть Королевскимъ данникомъ съ правомъ засѣдать въ Сенатѣ на первомъ мѣстѣ по лѣвую руку Короля, и съ условіемъ, чтобъ ему зависѣть только отъ Королевской особы и отъ духовной Римской власти. — Въ слѣдствіе сего договора, Померанія слишкомъ на триста лѣтъ содѣ-

лалась Польскою провинціею. Но край сей совершенно измѣнился: Нѣмецкіе поселенцы, приглашаемые Крестоносцами, умножились въ немъ до такой степени, что большая онаго часть сдѣлалась какъ бы Нѣмецкою. Сія область названа *Королевскою* или *Польскою Пруссіею*, а старинное наименованіе *Помераніи* оставлено только при одномъ Воеводствѣ Поморскомъ. Для различія съ дальнѣйшею Помераніею, бывшею подъ владѣніемъ Поморскихъ Князей, которые въ XII вѣкѣ вошли въ составъ Нѣмецкой Имперіи, Нѣмцы назвали Поморское Воеводство *Померелліею* или *Малою Помераніею*; но въ Польшѣ сію часть Пруссіи никогда такъ не называли.

Нѣкоторые Историки несправедливо утверждаютъ, будто бы Легатъ Рудольфъ возведенъ по просьбѣ Короля Польскаго на степень Кардинала, и будто бы съ того времени вошло въ обычай, чтобы Короли Польскіе, подобно другимъ Государямъ, дѣлали представленія о возведеніи Епископовъ въ Кардиналы. Рудольфъ, переведенный изъ Леванта въ Бреславское Епископство (1468), никогда не былъ Кардиналомъ. Обычай представлять въ Кардинальское достоинство вошелъ въ Польшу гораздо позднѣе. Ея Короли пользовались симъ правомъ для иностранныхъ Епископовъ, дабы избѣжать споровъ, бывшихъ

между Збигнѣвомъ Олесницкимъ и Архіепископомъ Гнѣзненскимъ.

(1467)—Едва кончилась война съ Крестоносцами, какъ Бреславцы, возмутясь противъ Георгія Подебрадскаго, подпадшаго по ихъ же наущенію клятвѣ Папы Пія II за приверженность къ ученію Гусситовъ, старались вовлечь Короля въ новую войну съ Богемцами. Самъ Папа уговаривалъ къ сей войнѣ Казиміра IV, какъ ближайшаго по супругѣ наслѣдника Богемскаго престола, но Казиміръ IV не принялъ короны изъ рукъ Папы, ибо, истощивъ казну войною съ Крестоносцами, видѣлъ что не въ силахъ будетъ противостать Подебрадскому. Сверхъ того, уважая его искренно, онъ не хотѣлъ нарушать дружественныхъ связей съ нимъ, въ надеждѣ, что по его кончинѣ увидитъ котораго либо изъ собственныхъ сыновей на Богемскомъ престолѣ.

Не имѣя денегъ на уплату жалованья наемному войску (9), Король долженъ былъ подумать о новомъ налогѣ: ибо долгъ войску составлялъ 270.000 червонныхъ (1468). Положено чтобы на Сеймъ въ Піотрковѣ отъ каждой области явились по два депутата для совѣщанія,—и съ того времени таковая депутація вошла въ обыкновеніе. Съ каждаго частнаго Сейма посылаемы были депутаты на Сеймъ общій, и безъ ихъ согласія Король не въ правѣ былъ ничего дѣлать. Прежде

Сеймъ составляли одни Чиновники и Епископы: Дворянство только соглашалось на ихъ положенія. Съ 1404 года образовались частные Сеймы, которые однакожь не отправляли депутатовъ на Сеймы общіе, но знатнѣйшіе областные Чиновники съѣзжались на Сеймы и приглашались на оные только въ качествѣ Совѣтниковъ. Мало по малу измѣнялось образованіе общихъ Сеймовъ, и число депутатовъ каждой разъ увеличивалось, особливо съ тѣхъ поръ какъ Рускіе области и Литва начали участвовать въ Сеймахъ.

На Піотрковскомъ Сеймѣ Дворянство объявило, что на областныхъ Сеймахъ не послѣдовало никакого положенія на счетъ новой подати, и что оно, обѣднѣвъ отъ издержекъ въ тринадцатилѣтнюю Прусскую войну, не въ силахъ ничего дать, и потому полагало все бремя сей новой подати сложить на однихъ поселянъ и мѣщанъ. Король едва могъ въ Корчинѣ и Колѣ уговорить Дворянство внести съ десятины по шести грошей съ помѣщика и по шести съ поселянина; но, говоритъ Длугошъ, не всѣ помѣщики внесли сію подать, которая была насильно собрана съ поселянъ тогда, какъ сіи несчастные сами умирали отъ голода.—Еще и въ слѣдующемъ (1469) году были значительныя недоимки сего сбора, и Король едва могъ по одному злото-

му уплатить солдату, отложивъ остальную плату на будущее время.

Между тѣмъ Венгерскій Король Матѳій, зять Богемскаго Короля Георгія Подебрадскаго, принялъ было въ Оломунцѣ поднесенную ему Папою и Католическими Вельможами Богемскую корону. Сіе обстоятельство крайне огорчило Казиміра IV, ибо кромѣ того, что по супругѣ имѣлъ съ сыновьями своими ближайшее право на Богемію, онъ питалъ еще большую непріязнь къ Матѳію за помощь, поданную имъ Богдану противъ Волошскаго Господаря Стефана и за раздоръ въ Графствѣ Спижскомъ. Казиміръ, изъявивъ свое неудовольствіе, рѣшился быть миротворцемъ между тестемъ и зятемъ. Силезія, Моравія и Лузація держали сторону Матѳія, однакожъ въ Богеміи превозмогалъ Георгій Подебрадскій, поддерживаемый Гусситами; и хотя счастіе благопріятствовало иногда Матѳію, но Подебрадскому всегда удавалось предупреждать замыслы своего противника. Георгій, пылая мщеніемъ, предложилъ Казиміру IV или одному изъ его сыновей: право наслѣдованія послѣ себя, минуя собственныхъ дѣтей; Гусситы же, не имѣя никакого неудовольствія противъ Поляковъ, охотно согласились на его желаніе, зная по опыту что Домъ Ягелловъ всегда былъ чуждъ гоненія за Вѣру: ибо даже клятва, брошенная на отпадшую отъ Кресто-

носцевъ Пруссію и на самаго Казиміра IV, не воздержала его отъ защиты угнѣтенной страны; и не смотря на постановленія, изданныя Латинскимъ Духовенствомъ противъ Христіанъ Греческаго обряда, на Руси все оставалось по прежнему, въ спокойствіи. По симъ причинамъ Богемскіе Гусситы, еще при жизни Георгія Подебрадскаго, избрали наслѣдникомъ Владислава, старшаго сына Казиміра IV. Польскій Король охотно согласился на таковое избраніе, не смотря на противорѣчіе многихъ Вельможъ, и въ особенности Духовенства. Впрочемъ возраженія сіи были не безъ основанія: ибо старые долги оставались не уплаченными, и какъ не было средствъ вести войну, то Татары Заволжскіе, напавъ на Литву и Волынь, увели болѣе 10.000 народа въ рабство. Матөій, угрожаемый Турками и Волохами, приступилъ было къ переговорамъ съ Георгіемъ Подебрадскимъ, который, за недостаткомъ денегъ, не получалъ никакого пособія отъ Польши, и еслибы онъ вскорѣ не умеръ, то, можетъ быть, и избраніе Владислава осталось бы недѣйствительнымъ.

(1471)—Кончина Богемскаго Короля раздѣлила Богемцевъ на три части; одна желала Матөія, другая Императора Фридриха, третья Владислава. Нѣкоторые же готовы были призвать на престолъ Баварскаго Герцога Лудовика, или Войцѣха Герцога Мейсен-

скаго (10). Владиславъ прибылъ въ Прагу съ семью тысячами конницы и двумя тысячами пѣхоты. Безпокойства въ Венгріи и другія случайныя событія упрочили за нимъ Богемскій престолъ; большая же часть Венгерскихъ Вельможъ, возненавидѣвъ Матѳія за его жестокость, отказалась отъ повиновенія ему, и избрала себѣ въ Государи Казиміра, другаго сына Польскаго Короля. Но Казиміръ (который по кончинѣ своей былъ за благочестивое житіе причисленъ къ лику Святыхъ), поздно явился въ Венгріи съ двѣнадцатитысячнымъ войскомъ; тамъ Матѳій успѣлъ между тѣмъ ополчиться, а онъ долженъ былъ выступить изъ Венгріи, оставивъ всѣ замки на расхищеніе Матѳію, который вскорѣ овладѣлъ опять всею Венгріею (1472).—

Прежніе долги возрасли съ новыми до того, что иногда не доставало денегъ даже на столъ для Короля и дѣтей его; войско же, не получая платы, по возвращеніи изъ Венгріи, искало вознагражденія въ помѣстьяхъ Королевскихъ и духовныхъ (1473). Къ симъ бѣдствіямъ должно причислить скотской падежъ и разореніе Татарами Кіевской области. Не лучше того было и положеніе Владислава въ Богеміи: истощенная Королевская казна не много доставляла ему доходовъ. Матѳій, успокоивъ Венгрію, сдѣлался врагомъ и Богемцевъ и Поляковъ. Въ то время какъ Казиміръ IV

собралъ въ Вислицѣ совѣтъ для отвращенія недостатка, Венгры опустошили Подгорье; въ слѣдъ за симъ заключено перемиріе въ Венгріи, но оное не состоялось: ибо Іоаннъ, Князь Зеганскій, по наущенію Короля Матѳія, вторгнулся въ Великую Польшу съ толпою наскоро набранныхъ воиновъ; въ Пруссіи же возмущалъ народъ лишенный Вармійскаго Епископства Николай Тунгенъ, между тѣмъ какъ Король вовсе не имѣлъ денегъ на наемъ войска для прекращенія сихъ бѣдствій. Жители Великой Польши, уже утратившіе воинскій духъ отъ изнѣженной жизни, равнодушно взирали на пожаръ шести сотъ селъ, зажженныхъ Силезцами; а Малая Польша, призванная ко всеобщему ополченію, не хотѣла вооружаться на сію войну, какъ заграничную, и требовала отъ Короля жалованья за прежніе походы. Наконецъ явилось подъ Мстовымъ ополченіе въ шестьдесятъ тысячь человѣкъ; но неповиновеніе ихъ и недостатокъ оружія уничтожали всѣ Королевскія намѣренія: ибо Дворянство собралось не вовремя, а Краковцы опять возобновили требованія о жалованьѣ. —По симъ причинамъ Матѳій имѣлъ довольно времени предупредить Казиміра въ дѣйствіяхъ. Вторженіе сего послѣдняго въ Силезію чрезъ Ключборекъ, Бычину и Храповицы прекратилось безуспѣшною осадою Бреславля, куда прибылъ и Владиславъ съ 20.000 войска.

Недостатокъ въ продовольствіи, произшедшій отъ сожженія селъ и мельницъ, бездѣйствіе Королей, не имѣвшихъ ни денегъ, ни довольно оружія, были для Польскихъ и Богемскихъ войскъ вреднѣе рати Венгровъ и Бреславцевъ. Подъ стѣнами осажденнаго города, въ деревнѣ Мухоборѣ, начались переговоры, въ слѣдствіе коихъ снова заключено перемиріе, въ послѣдствіи такъ же нарушенное, какъ и прежнее. Между тѣмъ Силезскіе Князья грабили Великую Польшу, и даже самые Поляки, которые, не получая жалованья перешли къ Матѳію, всѣми силами старались вредить Отечеству. Они-то, зная всѣ проселочныя дороги и переправы, были главною виною недостатка въ продовольствіи и наконецъ голода, принудившаго Поляковъ отступить отъ Бреславля. Во время сихъ событій въ Силезіи, Татары опустошили Русь до самаго Збаража (1475—76). Хитрыя дѣйствія Матѳія клонились къ возмущенію Пруссіи; но въ то самое время когда уже Крестоносцы хотѣли возобновить войну (1477), Матѳій поссорился съ Императоромъ Фридрихомъ, за то что сей отвратилъ Крестоносцевъ отъ войны съ Польшею. Наконецъ, общее опасеніе Турецкихъ силъ, заставило заключить миръ (1478) въ Оломунцѣ: за Владиславомъ оставлена Богемія, за Матѳіемъ Силезія, Моравія и Лузація; а Польша и при семъ случаѣ

не осталась безъ убытка (1480). Іоаннъ I Васильевичъ взялъ у Литвы Великій Новгородъ и часть Бѣлой Россіи, а Король, не имѣя способовъ вести войну, долженъ былъ согласиться на мирныя условія и оставить въ его рукахъ все, чѣмъ онъ овладѣлъ (1485). Волошскій Воевода Стефанъ, присягнувшій на вѣрность Королю въ Коломіи, отразилъ Турокъ при помощи Поляковъ (1488). Набѣги Татаръ остановлены были на время Королевичемъ Іоанномъ Албрехтомъ, который побѣдилъ ихъ подъ Копестриномъ (1489), а Султанъ Баязетъ заключилъ союзъ противъ Матѳія, снова желавшаго вредить Владиславу (1490). Только смерть Матѳія отвратила войну; за то возгорѣлась новая брань, между братьями Іоанномъ Албрехтомъ и Владиславомъ. Одна часть Венгріи избрала въ Короли Іоанна Албрехта, другая Владислава. Казиміръ IV, какъ отецъ, благопріятствовалъ въ семъ случаѣ болѣе Албрехту, требуя чтобы Владиславъ довольствовался Богеміею; и вступясь въ дѣла дѣтей своихъ, онъ пересталъ думать о войнѣ съ Россіею, которая между тѣмъ заняла Сѣверскую область. Сѣверскіе Князья отдѣлились отъ Литвы за нанесенную имъ обиду. Брянскій Князь требовалъ въ Вильнѣ аудіенціи у Короля; придверникъ, не хотя его впустить, прихлопнулъ дверь и неумышленно раздробилъ ему палецъ. Оскорбленный

Князь съ братьями немедлѣнно отправился въ Россію и поддался Іоанну I (1491). Пораженіе Іоанна Албрехта подъ Кошицами доставило Венгерскій престолъ Владиславу. Албрехтъ отрекся отъ всѣхъ правъ на Венгрію, а Владиславъ на Польшу, и уступилъ ему въ Силезіи въ ленное владѣніе Княжества Глоговское, Опавское и Карновское.

Вскорѣ послѣ сего Казиміръ IV умеръ въ Трокахъ, въ то самое время когда онъ спѣшилъ ѣхать обратно въ Польшу, оставивъ Россіи всѣ, ею занятыя области. Причиною сей поспѣшности было возмущеніе, произведенное въ Покутьѣ поселяниномъ Мухою. Казиміръ умеръ 7 Іюня 1492 года, на 64 году отъ рожденія.

Поляки не любили Казиміра за его привязанность къ Литвѣ; но ему трудно было предпочесть наслѣдственное Княженіе Королевству, стремившемуся къ правамъ свободнаго избранія Государей. Впрочемъ въ то время не въ одной Польшѣ, а почти вездѣ Королевская власть уступала превозможенію Вельможъ. Такъ было въ Богеміи, Венгріи, въ раздробленной на мелкія Государства Италіи, и пр. Въ одной только Франціи Королевская власть, сначала мало значившая, безпрестанно возрастала въ силахъ, отъ пріобрѣтеній ленныхъ владѣній по праву наслѣдства. Ежели можно въ чемъ либо

обвинять Казиміра, то развѣ въ общемъ Дому его порокѣ—расточительности. Недостатокъ финансовъ принуждалъ его торговаться съ Дворянствомъ,—чрезъ что онъ уменьшалъ уваженіе къ своей особѣ; истощеніе доходовъ поставило его въ невозможность кончить счастливѣе и скорѣе войны Богемскую и Прусскую. То же самое было причиною его безсилія отражать Россіянъ, и онъ не могъ ни содержать въ должномъ повиновеніи Литву и Польшу, ни соединить ихъ въ одно Государство. Равнодушіе къ набѣгамъ Татаръ —между тѣмъ какъ онъ занятъ былъ дѣломъ сына своего съ Богеміею или условіями Литовцевъ съ Поляками о Русскихъ областяхъ —не было плодомъ здравой политики. Но въ извиненіе его можно сказать, что онъ не могъ не желать для сына своего Богемской короны: находясь въ чужихъ рукахъ, какъ было въ царствованіе Люксембургскаго Дома, или какъ случилось позднѣе, — она могла быть опасною для Польши. Величайшую честь Казиміру IV приноситъ то, что онъ, не взирая на невѣжество своего времени, ни на клятвы (11), совѣты и другія препоны, успѣлъ отнять у Крестоносцевъ Западную Пруссію и возвесть сына своего на Богемскій престолъ, показывая всегда величайшую умѣренность въ обращеніи съ иновѣрцами. Польская Пруссія и часть Мазовіи, возвращенная Поль-

шѣ, служили ему нѣкоторымъ вознагражденіемъ за потери въ Литвѣ и на Руси. Въ отдаленныхъ Государствахъ Казиміръ IV пользовался великимъ уваженіемъ. Венеціане почтили его неоднократнымъ посольствомъ; являлись также посольства къ нему отъ Персидскаго Шаха и Турецкихъ Султановъ Магомета и Баязета. Въ доказательство его благоразумія должно упомянуть, что онъ не согласился участвовать въ войнѣ Турецкой, какъ отдаленной, не смотря на то, что имѣлъ въ виду пріобрѣтеніе Греціи, которую Шахъ Гусунъ-Касанъ долженъ былъ завоевать. Привязанность и дружба Великаго Магистра Крестоносцевъ Лудовика Эрлихгаузена и Шведскаго Короля, изгнанника Карла Кнутсона, проживавшаго нѣкоторое время въ Данцигѣ,—доказываютъ, что Казиміръ IV пользовался великимъ уваженіемъ внѣ Государства. Заботливость объ образованіи дѣтей, воспитателями коихъ были Янъ Длугошъ, Краковскій Каноникъ, нареченный Епископъ Львовскій, Италіанецъ Каллимахъ, Іоаннъ Вельсъ и другіе Члены Краковской Академіи, — показываетъ въ Казимірѣ IV свойства добраго отца семейства; но онъ прилагалъ попеченіе не только о воспитаніи дѣтей, но и о просвѣщеніи науками всего Государства, которое столько въ семъ отношеніи прославилось при его преемникахъ въ XVI вѣкѣ. Находясь въ Данцигѣ и

не умѣвъ съ Карломъ Кнутсономъ, говорившимъ по Латыни, объясниться безъ переводчика, онъ далъ повелѣніе, чтобы Польское юношество непремѣнно обучалось Латинскому языку, и чтобы безъ знанія онаго никто не былъ опредѣляемъ въ должности. Съ сего то времени Латинскій языкъ сдѣлался, такъ сказать, общимъ для Польскаго Дворянства, и даже тогда когда уже отъ войнъ Козацкихъ и Шведскихъ, отъ междоусобій, и отъ гоненій за Вѣру, науки въ Польшѣ угасли, когда нетерпимость вѣроисповѣданій заразила народъ Польскій и лишила его свѣта наукъ, Латинскій языкъ, хотя испорченный, монастырскій, все еще былъ любимымъ предметомъ Дворянства, пока наконецъ сей первобытный источникъ просвѣщенія Европы, при введеніи новой системы образованія оставленъ въ небреженіи въ Польшѣ, равно какъ и во всей Европѣ. Когда Франки, Лонгобарды, Готѳы, Славяне и иные народы не имѣли еще своихъ писменъ, въ Польшѣ всѣ Законы, постановленія и преимущества, писались на Латинскомъ языкѣ; самые догматы Вѣры и обряды церковные, почерпаемые не изъ источниковъ, но проповѣдуемые Италіанскими Миссіонерами, основывались на Латинскихъ писаніяхъ и преданіяхъ.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1492).

По кончинѣ Казиміра IV, Литва, будто бы въ исполненіе духовнаго завѣщанія, а болѣе для того, чтобы имѣть собственнаго Государя, избрала Великимъ Княземъ Александра, четвертаго Казиміровa сына. Поляки же на Пiотрковскомъ Сеймѣ раздѣлились на три части. Одни желали вручить скипетръ Іоанну Албрехту, какъ старшему брату послѣ Богемскаго Короля, превознося похвалою побѣду, одержанную имъ надъ Татарами; другіе, приписывая оную счастію, укоряли его за пораженіе въ Венгріи, обвиняли въ высокомѣріи и гордости, и предлагали возвести на тронъ Александра, Великаго Князя Литовскаго, имѣя въ виду опять соединить Литву съ Польшею; наконецъ третьи желали видѣть на Польскомъ престолѣ младшаго ихъ брата Сигизмунда, изъ уваженія къ его благоразумію и способностямъ, оставивъ въ Литвѣ Александра, а въ Силезіи Іоанна Албрехта который долженъ былъ наслѣдовать послѣ брата Владислава, вѣнцы Богемскій и Венгер-

скій. Коронный Маршалъ Ярославскій и Гнѣзненскій Архіепископъ Збигнѣвъ Олесницкій предводительствовали сею партіею. Тогда же прибылъ на Сеймъ Плоцкій Князь Іоаннъ съ 1.000 всадниковъ, имѣвшій, какъ носился слухъ, тайныя сношенія съ Архіепископомъ и Маршаломъ: онъ также имѣлъ желаніе получить корону. Но Королева Елисавета предупредила его: собравъ наскоро 1.600 человѣкъ кавалеріи, выслала оную на Сеймъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Фридрихомъ, Епископомъ Краковскимъ. Надежды Князя Іоанна исчезли. 17 Августа Фридрихъ провозгласилъ Королемъ брата своего Іоанна Албрехта, и вскорѣ за тѣмъ (1492) послѣдовало его коронованіе въ Краковѣ.

ІОАННЪ АЛБРЕХТЪ.

(1492—1501).

Подъ предлогомъ угрожавшей Венгріи опасности отъ Турокъ, Іоаннъ Албрехтъ (1494) имѣлъ свиданіе съ братьями въ Любочѣ, гдѣ постановлено отнять Молдавію у Господаря Стефана и отдать ее въ опеку Сигизмунду. Въ томъ же году Татары снова разорили Русь, и Королевскій Дворъ, пустившійся въ погоню за непріятелемъ, былъ истре-

бленъ совершенно. Король самъ не занимался дѣлами, и потому положился во всемъ на учителя своего, Италіанца Филиппа Каллимаха. Поляки не любили ни Короля, ни его Совѣтника. Военныя неудачи въ Валахіи еще болѣе взволновали умы народа, который роптадъ и за то, что Король безуспѣшно осаждалъ Сочаву, тогдашнюю столицу Молдавіи, и на обратномъ пути потерялъ много народа въ Буковинѣ (1497), и за то, что онъ оставивъ войско, проводилъ время въ Краковѣ, утопая въ развратной жизни. Въ одномъ изъ своихъ ночныхъ похожденій онъ былъ даже раненъ и послѣ того долго былъ боленъ.

(1498)—Валахи, ободренные бездѣйствіемъ Короля, вторгнулись съ Турками и Татарами въ Русь и болѣе ста тысячь человѣкъ взяли въ рабство. Объятый страхомъ Король велѣлъ только привести Краковъ въ безопасное положеніе, но не сдѣлалъ никакихъ другихъ распоряженій противъ непріятельскихъ дѣйствій. Союзъ съ Венгріею оказался безполезнымъ для Польши: Король Богемскій и Венгерскій Владиславъ не иначе соглашался заключить миръ съ Турками, какъ съ условіемъ чтобы они вознаградили Поляковъ за убытки; но его требованіе не принято: ибо Владиславъ имѣлъ вѣса не болѣе, какъ и братъ его Іоаннъ Албрехтъ. Тщетныя посольства въ Венгрію и въ Германію, съ просьбами о по-

собіи противъ Турокъ, имѣли только то дѣйствіе, что Волошскій Господарь Стефанъ помирился съ Королемъ, и 20 Іюля возобновленъ союзъ съ Литвою и Венгріею. Турки же вторично вторгнулись въ Польшу и съ 70.000 войска дошли до Галича. Не оружіе, но голодъ и морозы остановили ихъ. Потерявъ до 40.000 человѣкъ, они удалились въ Валахію (1499). Въ Апрѣлѣ слѣдующаго (1500) года возобновленъ союзъ между Венгріею, Литвою и Польшею, но оный не имѣлъ желаемаго дѣйствія по нетвердости духа и слабости силъ трехъ державныхъ братьевъ. Одна только Силезія выиграла тѣмъ, что въ то время Сигизмундъ получилъ отъ братьевъ Княжества Глогавское и Опавское и тогда же сдѣлался Генеральнымъ Старостою всей Силезіи. Находясь въ сей должности онъ прекратилъ происходившія тамъ хищничества и междоусобія, и прославился устройствомъ судопроизводства и водвореніемъ порядка въ Княжествѣ Глогавскомъ.

(1500) Къ счастію, Султанъ Турецкій Баязетъ, угрожаемый отъ Папы Крестовымъ походомъ, искалъ союза съ Польшею; но Король откладывалъ заключеніе онаго, ожидая пособія отъ Нѣмцевъ и другихъ Христіанскихъ народовъ. Между тѣмъ Крымскіе Татары два раза вторгались въ Польшу, сперва до Люблина, потомъ даже до Литвы. Россія

воевала тогда съ Литвою, а Крестоносцы старались освободиться отъ подданства Польши. Ожидаемыя пособія отъ Христіанскихъ Государей состояли въ однихъ пустыхъ словахъ. Не получая ни отъ кого ни денегъ, ни войска, Король принужденъ былъ заключить съ Турками миръ на пять лѣтъ (1501).

Шахматъ, или Шахъ Ахметъ, Ханъ Заволжскихъ Татаръ, прислалъ Королю извѣстіе, что по условію противъ Крымскихъ Татаръ, безпрестанно тревожившихъ Литву и Польшу, онъ выставилъ на берегу Днѣпра 100.000 конницы, и ждетъ только помощи со стороны Литвы и Польши, чтобъ истребить Крымцевъ. Король, подражая обманувшимъ его Христіанскимъ Государямъ, поблагодарилъ Шаха Ахмета за его усердіе и обѣщалъ прислать помощь, не имѣя намѣренія исполнить своего обѣщанія. Обманъ сей имѣлъ плачевныя послѣдствія. Менгли-Гирей, Ханъ Крымскихъ Татаръ, разбитый Шахомъ Ахметомъ, успѣлъ подкрѣпить свои силы, и когда морозы, голодъ и измѣна поубавили войско побѣдителя, тогда онъ одержалъ надъ Заволжскими Татарами блистательную побѣду, и съ того времени сдѣлался еще опаснѣе для Литвы и Польши.

Послѣдніе дни своего царствованія Іоаннъ Албрехтъ запятналъ казнію Иліи, сына Молдавскаго Воеводы Петра, который въ Польшѣ

искалъ убѣжища отъ притѣсненій Стефана. Вскорѣ послѣ того, (17 Іюля 1501 г.) скончался и самъ Король въ Торунѣ на 41 году жизни.

Іоаннъ Албрехтъ имѣлъ прекрасную наружность, славился великодушіемъ, любилъ науки и особенно исторію, но при всѣхъ сихъ качествахъ былъ неспособенъ къ управленію Государствомъ. Утопая въ роскошахъ любви, пренебрегая Государственными дѣлами, онъ или слишкомъ много довѣрялъ своимъ любимцамъ, или же предоставлялъ все на произволъ судьбы. Гвардія его состояла изъ 1.600 конныхъ воиновъ: весьма слабая опора противъ многочисленныхъ враговъ. Дворянство, со времени Прусской войны, потерявъ охоту къ общему ополченію, не переставало проливать кровь въ междоусобіяхъ, подобно тому какъ сіе было и въ другихъ Государствахъ. — Въ царствованіе Іоанна Албрехта только два событія можно назвать полезными, т. е. присоединеніе къ Государству Княженій Заторскаго и Плоцкаго. Заторскій Князь Янусъ продалъ свое Княжество Королю за 80.000 червонныхъ и выговорилъ для себя и для жены своей въ пожизненную пенсію 200 гривенъ и 16 бочекъ соли (1494); по смерти же Плоцкаго Князя Іоанна, не только Плоцкъ возвращенъ Польшѣ, но и Черскій Князь Конрадъ вынужденъ былъ согласиться, чтобы

по его смерти была присоединена къ ней вся Мазовія, кромѣ Черска. Конрадъ, оскорбясь тѣмъ, что сыновьямъ его достанется только одинъ Черскъ, проклиналъ весь родъ Ягелловъ за лишеніе Пястовъ не только короны, но и всѣхъ издавна имъ принадлежавшихъ владѣній, и даже обнажилъ саблю, вызывая Короля на поединокъ; однакожь оставленный своими подданными, которые его не любили, онъ наконецъ долженъ былъ присягнуть на сіе условіе (1496), а Король на его безсильныя проклятія отвѣчалъ одною усмѣшкою.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1501)

Междоцарствіе по кончинѣ Іоанна Албрехта было кратковременно. Часть Малой Польши благопріятствовала Венгерскому и Богемскому Королю Владиславу, и уже отправлено было посольство въ Будиссинъ съ приглашеніемъ его на престолъ. Но весьма многіе гнушались его недѣятельностію, которая, сдѣлавъ его въ Богеміи и Венгріи игралищемъ каждаго, доставила ему прозваніе *Короля Хорошо* (Rex bene): ибо онъ, соглашаясь на всѣ просьбы и на всѣ доклады,

обыкновенно говорилъ *bene*, и, лѣнясь заниматься дѣлами, часто издавалъ повелѣнія, совершенно одно другому противныя. По сему поводу многіе подали голоса въ пользу Александра, Великаго Князя Литовскаго, домогавшагося короны чрезъ посольство. Но болѣе разсудительные, взвѣсившіе и его качества на вѣсахъ безпристрастія, желали лучше имѣть Королемъ Глогавскаго Князя Сигизмунда.—Разнесшійся слухъ, что Александръ идетъ съ войскомъ, и опасеніе чтобы Литва не расторгнула союза, только что заключеннаго съ нею, склонили наконецъ всѣхъ принять Александра, который прибылъ въ Петрковъ съ 1.400 всадниками и короновался въ Краковѣ 12 Декабря 1501 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

(1501—1506).

Въ Февралѣ слѣдующаго года (1502) прибыла и супруга его Елена Іоанновна. Принадлежа къ Греческому обряду, она не была допущена къ коронованію. Предстоявшая Россійская война съ родителемъ ея, отозвала Короля въ Литву, а правленіе поручено брату его Фридриху, Кардиналу Архіепископу Гнѣзненскому и Епископу Краковскому. Крымскіе

Татары, одержавъ между тѣмъ верхъ надъ Шахомъ Ахметомъ, вторгнулись въ Польшу и дошли до Сендомира. Кардиналъ послалъ въ погоню за ними Королевскую гвардію и горсть наемнаго войска, созвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобщее ополченіе; но, какъ и прежде водилось, никто не поспѣлъ въ пору; а вышедшіе противъ непріятеля не въ силахъ были ему противостать; Дворянство же съѣхалось тогда только, когда уже Татаръ не было въ Польшѣ. Пользуясь симъ происшествіемъ, Волошскій Воевода Стефанъ (1503) занялъ Покутье. Смерть Кардинала (на 35 году отъ роду) повергла Государство въ безначаліе. Въ то же время умеръ и Мазовецкій Князь Конрадъ; и хотя по Люблинскому договору вся Мазовія, кромѣ Черска, должна была принадлежать Польшѣ, однакожь Княгиня Анна и Мазовецкіе Чины воспротивились тому, а наконецъ и самъ Король на Піотрковскомъ Сеймѣ (1504) долженъ былъ согласиться на раздѣлъ Мазовіи между малолѣтными сыновьями Конрада: Іоанномъ и Станиславомъ, съ тѣмъ, чтобъ послѣ ихъ смерти право наслѣдованія принадлежало только мужескому полу; или чтобы, за неимѣніемъ наслѣдниковъ, Мазовія сдѣлалась областію Польскою: дочерямъ же назначено выдать приличное приданое. На время малолѣтства дѣтей, Правительницею назначена мать; на случай же при-

соединенія Мазовіи къ Польшѣ, Король обѣщалъ подтвердить всѣ права и преимущества.—Посланное въ Валахію войско принудило Стефана возвратить Покутье; но поелику нечѣмъ было заплатить войску, то оное разошлось по духовнымъ имѣніямъ, и проживало на содержаніи духовенства до возвращенія Короля изъ Пруссіи (1505). — На Сеймѣ Радомскомъ несчастный Шахъ Ахметъ обвинялъ Короля и Государственные Чины въ томъ, что будучи вызванъ ими съ береговъ Каспійскаго моря и обманувшись въ надеждѣ на пособіе Польши противъ Крымскихъ Татаръ, онъ по ихъ винѣ побѣжденъ былъ Менгли-Гиреемъ (1502) и едва съ 300 всадниковъ спасся въ Бѣлградѣ. Оттуда Ахметъ пріѣхалъ въ Кіевъ, но былъ задержанъ Воеводою (1504) и отправленъ къ Королю на Сеймъ Липовскій. Тамъ приняли его чрезвычайно вѣжливо, но пособія ему не дали и отложили разсмотрѣніе сего дѣла до Радомскаго Сейма. — Колкія, хотя и справедливыя слова Хана оскорбили Короля, и Чины, которые на самаго его слагали всю вину претерпѣннаго имъ бѣдствія, утверждали съ безстыдствомъ, что онъ безъ малѣйшей надобности тратилъ время въ степяхъ и тяготилъ собою Польскія границы, вмѣсто того чтобъ итти на Россію.—Ахметъ хотѣлъ возвратиться домой; но

опасаясь мщенія, его задержали, и отпустили въ Орду только брата его Султана Козака, съ тѣмъ, что если онъ соберетъ новое войско и начнетъ съ Крымцами войну, то Польша дастъ ему помощь и Ахметъ получитъ свободу, а между тѣмъ назначено ему жить въ Трокахъ. Въ то же самое время прибыли два посольства съ просьбами, одна другой противными. Нагайскіе Татары предлагали Ахмету владычество надъ собою; напротивъ того Менгли-Гирей обѣщалъ Польшѣ и Литвѣ миръ, если они будутъ содержать Ахмета въ заключеніи. Когда совѣтовались о томъ, какъ поступить, Ахметъ покушался бѣжать съ Нагайскими послами. Его поймали, судили и приговорили къ вѣчному заточенію въ Ковно, хотя Крымскіе Татары еще въ прошломъ году простирали свои набѣги даже до Минска. Ахметъ предсказывалъ, что Менгли-Гирей не сдержитъ слова; и точно въ томъ же (1596) году 50.000 Татаръ, вторгнувшись въ Литву весною, вывели съ собою 100.000 жителей, и потомъ въ Августѣ въ другой разъ напали на Литву и на Русь. Изъ нихъ 10.000 остановились подъ Клецкомъ, а 20.000 устремились во всѣ стороны для грабежа и зажигательства.

Сіи несчастія случились въ то самое время, когда Король, пораженный параличемъ, находился на пути въ Столицу, думая о сда-

чѣ правленія Сигизмунду. Узнавъ о сихъ бѣдствіяхъ, онъ поспѣшно въ лектикѣ возвратился въ Вильно, дабы хотя показаться Дворянству, которое безъ него не хотѣло выступить въ походъ. Во время сихъ безпорядковъ Князь Михаилъ Глинскій, собравъ 7.000 конницы, разбилъ Татаръ на голову. Онъ напалъ на станъ ихъ подъ Клецкомъ. Русь и Литовцы, замѣтивъ приближеніе 300 всадниковъ Королевской гвардіи, укрѣпились духомъ, а Татары пришли въ замѣшательство. Множество ихъ истреблено въ погонѣ: послѣ чего Князь Глинскій возвратился въ Татарскій станъ и забралъ все остальное. Такимъ образомъ уничтожена цѣлая армія хищниковъ. Извѣстіе о сей битвѣ Король получилъ въ часъ своей кончины, и уже не будучи въ силахъ говорить, онъ вознесъ къ небу руки, благодарилъ Господа Силъ за побѣду, и скончался 9 Сентября 1506 года, на 45 году отъ рожденія.

Александръ былъ средняго роста; лице имѣлъ продолговатое, волосы темные, плеча широкіе; былъ крѣпокъ тѣломъ, но слабъ духомъ, и потому, чувствуя въ себѣ сей недостатокъ, говорилъ мало и находилъ величайшее удовольствіе въ слушаніи музыки. Щедрость его была не иное что какъ расточительность. Для того говорили, что онъ умеръ во-время, пока еще не раздарилъ всей Польши и Литвы. Что оставалось не роз-

даннымъ, то находилось подъ залогами, и почти всѣ Государственныя и Великокняжескія имѣнія находились въ рукахъ частныхъ. Власть Вельможъ возрастала не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ. Подати, обременявшія мѣщанъ и поселянъ, были недостаточны ни для усиленія казны Государственной, ни для уплаты жалованья войску. Повсюду умножались разбои, грабежи, насилія: надлежало прибѣгать къ строгости: на Радомскомъ Сеймѣ Осуховскій и Масовскій осуждены на смертную казнь; одна женщина, Русиновская, пойманная въ мужскомъ нарядѣ и въ сапогахъ со шпорами, была повѣшена. Въ Литвѣ также дѣла шли худо. Тамъ Князь Глинскій былъ, такъ сказать, главою правленія. Сіе породило раздоръ между Глинскимъ и Воеводою Троцкимъ Яномъ Забржезинскимъ, Гетманомъ Станиславомъ Кишкою и иными, которыхъ самъ Король намѣревался казнить. Русскія Воеводства болѣе и болѣе пустѣли отъ безпрестанныхъ нападеній Татаръ, между тѣмъ какъ Малая и Великая Польша клонились къ упадку отъ своего малодушія и отъ того, что отказывались участвовать въ общемъ ополченіи. Великая Польша начала даже отговариваться и отъ платежа поголовной дани, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не находится въ безопасности. Пруссія колебалась въ вѣрности: ибо Магистры Крестоносцевъ

уклонялись отъ взноса дани, а Императоръ Максимиліанъ I, не въ силахъ будучи помогать имъ самъ собою, силился сторонними средствами вредить Польшѣ и Литвѣ. Онъ-то поощрялъ наиболѣе Іоанна I Васильевича къ войнѣ, въ которую слишкомъ семдесятъ замковъ при Іоаннѣ Албрехтѣ и Александрѣ отошло къ Россіи. Тотъ же Великій Князь Московскій не только освободилъ Россію отъ ига Татарскаго, но покорилъ себѣ Орду Казанскую и иныя Азіатскія страны.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1506—1507).

Во время приготовленій къ погребенію Александра въ Вильнѣ, прибылъ туда Сигизмундъ I съ двумя стами конныхъ воиновъ, приглашенный въ Литву покойнымъ Королемъ для прекращенія возникшихъ въ оной замѣшательствъ. Литва единодушно избрала его Великимъ Княземъ 20 Октября 1506 года; Поляки же, хотя и недовольные тѣмъ, что Литовцы для избранія не дождались общаго съѣзда, равномѣрно провозгласили его Королемъ 8 Декабря того же года. Коронованіе совершено въ Краковѣ 24 Января 1507 года.

Ни Польша ни Литва не были въ сіе время въ цвѣтущемъ состояніи: ибо первая, хотя и распространилась въ предѣлахъ, но много потеряла въ высокомъ мнѣніи, каковымъ она пользовалась во времена Казиміра Великаго. Русь содѣлалась пустынею, Литва же весьма медленно возрастала въ народонаселеніи и гражданскомъ образованіи. Но и она не избѣжала хищничества Татаръ, видя въ то же время въ Россіи врага, не менѣе опаснаго, какъ нѣкогда были Крестоносцы. Умноженіе Гедиминова дома, наслѣдственное право Княженія, по избранію, хотя и несомнительному, но прикосновенному къ выборамъ въ Польшѣ, ослабляли власть Великокняжескую, между тѣмъ какъ линіи Князей, происходившихъ отъ Олгерда или Кѣйстута, простирали притязанія свои на Великое Княженіе, и даже иногда силою домогались онаго. Къ тому же Русь и Литва, не благопріятствовавшія одна другой по причинѣ разности вѣръ, способствовали враждою своею умноженію силъ Россійскихъ Государей, которые, не довольствуясь однимъ наименованіемъ, желали быть на самомъ дѣлѣ Самодержцами всея Россіи.—

До изобрѣтенія пороха войны не стоили такъ дорого, какъ послѣ, въ XV вѣкѣ. Въ непросвѣщенные средніе вѣки военное искусство не требовало ни умѣнія обращаться съ огне-

стрѣльнымъ оружіемъ, какъ нынѣ, ни знанія военныхъ экзерцицій, кои начали вводиться въ одно время съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Поголовное ополченіе повсюду было достаточнымъ для защиты отечества. Немногочисленная гвардія составляла единственное наемное войско у всѣхъ Государей. Далекіе походы, какъ то: Крестовые, Италіанскіе и иные, а въ самой Польшѣ сосѣдство дикихъ народовъ и Татаръ, возвысили нѣсколько военное искусство. Турниры или рыцарскія состязанія, упражненіе Дворянства или Рыцарскаго сословія во владѣніи бѣлымъ оружіемъ, копьемъ и конемъ, составляли все искусство воина. Дворянство всегда было оборонительнымъ войскомъ, а въ случаѣ заграничнаго похода, оно состояло на жалованьѣ и ходило не далѣе той земли, которую предположено завоевать. Трудность удержать за собою завоеванныя страны принудила набирать въ военную службу охотниковъ. Съ того времени военное искусство сдѣлалось ремесломъ. — Войско собираемо было для одного только похода, и всегда на короткое время. Всѣ войны при Пястахъ ведены были малочисленнымъ войскомъ, часто состоявшимъ не болѣе какъ только изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ: нѣсколько тысячь бывало весьма рѣдко. Владиславъ Ягелло началъ первый выставлять многочисленныя народныя ополченія, и хотя

при семъ оказывалась храбрость и мужество Поляковъ, однакожь вмѣстѣ съ тѣмъ открылись слабость и безуспѣшность сихъ ополченій: ибо всѣ побѣды Ягеллы не принесли Государству никакой существенной пользы. Въ гвардіи Ягеллы не бывало болѣе 900 человѣкъ. Въ Прусскую войну, при Казимірѣ IV Польское войско было уже довольно многочисленно и состояло изъ воиновъ болѣе искусныхъ: потому сія война и стоила гораздо дороже. Уже при Казимірѣ Великомъ и при Владиславѣ Ягеллѣ находились пушки въ войскѣ Польскомъ и у Крестоносцевъ; при Казимірѣ же IV было ихъ весьма много. Никто изъ народнаго ополченія не умѣлъ еще обращаться съ пушками; надобно было нанимать пушкарей, и вообще имѣть воиновъ лучшихъ: ибо и величайшее мужество не могло противостоять искусству. Во время Прусской войны у Крестоносцевъ было до 4.000 наемнаго войска; Поляки имѣли столько же, или не много меньше. Не только внутри Государства но и за границею вербовали солдатъ: поелику же въ Богеміи отъ междоусобій народъ сдѣлался дикимъ, и вербованіе было тамъ самое удобное, то, какъ у Крестоносцевъ, такъ и у Поляковъ большая часть солдатъ была изъ Богеміи. Но и въ самой Польшѣ не трудно было навербовать войско какъ для Короля, такъ и за границу: безпрестанныя войны

съ Россіею, Литвою и Татарами, также раздоры и набѣги частныхъ лицъ дѣлали народъ воинственнымъ. Недостатокъ, голодъ и нищета заставляли многихъ вступать въ военную службу. Венгерскій Король Матѳій, имѣвшій наемнаго войска до 6.000, часто вербовалъ Поляковъ въ свое такъ называемое *черное войско*, и они нерѣдко служили и противъ собственнаго Отечества, какъ-то случилось при Императорѣ Сигизмундѣ Люксембурском.—Королевскіе доходы состояли наиболѣе изъ недвижимыхъ имѣній и частію изъ податей. Поелику сіи доходы не только были недостаточны для жалованья войску и для щедрыхъ подарковъ, но даже едва могли удовлетворять пышности Двора, то Король въ награду за заслуги раздавалъ имѣнія. Отъ того Вельможи пріобрѣтали большія богатства и силились пышностію равняться съ Королемъ. По раздачѣ имѣній еще менѣе оставалось способовъ платить войску, между тѣмъ какъ неповиновеніе возрастало болѣе и болѣе и увеличивалось затрудненіе собирать наемное войско. Возмущенія, грабежи и всякаго рода безпорядки были слѣдствіемъ каждой войны. Важнѣйшіе города, какъ то: Познань, Калишъ, Олкушъ, Піотрковъ, Краковъ, Люблинъ, Львовъ и иные процвѣтали еще торговлею и промышленностію, но и оные похожи были на иностранные города: ибо большая часть жи-

телей были Нѣмцы. Города не столь значительные приходили въ развалины: находясь въ залогѣ у какого либо корыстолюбиваго Старосты, или содѣлавшись жертвою неистовства Дворянъ, либо пограничныхъ Князей, они не занимались ни торговлею, ни ремеслами. Поселянинъ имѣлъ еще довольно свободы, будучи владѣльцемъ участка земли, и имѣя право или оставить помѣщика въ случаѣ его жестокости, или силою закона искать себѣ удовлетворенія; но когда на него одного возложено все бремя податей и слабая Королевская власть не въ силахъ была прекратить злоупотребленія, тогда и онъ пришелъ въ худшее положеніе нежели въ какомъ былъ при Казимірѣ Великомъ. — Хотя Польскій народъ отъ соединенія съ Литвою былъ самъ по себѣ довольно сильнымъ, но ни Король, ни Государство не находились въ хорошемъ состояніи: недостатокъ въ деньгахъ и неимѣніе войска всегда оставляли открытое поле внѣшнимъ врагамъ и внутреннимъ безпорядкамъ.

Таково было положеніе Государства, когда Сигизмундъ I вступилъ на престолъ!

СИГИЗМУНДЪ I.

(1507—1548).

Сигизмундъ I, равный мудростію Казиміру Великому, но слишкомъ добрый, какъ и весь родъ Ягелловъ, подвинулъ Польшу и Литву ближе къ совершенству золотаго вѣка.— Прежде всего онъ занялся внутреннимъ благоустройствомъ и опредѣленіемъ доходовъ. Краковскій мѣщанинъ, Янъ Бонеръ, Королевскій Подскарбій, въ скоромъ времени привелъ въ исполненіе предначертанія своего Государя. Бывшія въ залогѣ столовыя Королевскія имѣнія и Староства выкуплены; долги уплачены; доходы, прекратившіеся подъ разными предлогами, возобновлены и увеличены безъ введенія новыхъ налоговъ. Какъ прежде въ Глогавскомъ и Опавскомъ Княжествахъ, такъ точно онъ и во всемъ Королевствѣ прекратилъ безпорядки, искоренилъ грабительства и возстановилъ правосудіе. Только въ Литвѣ продолжалась ссора между Княземъ Михаиломъ Глинскимъ и Маршаломъ Яномъ Забржезинскимъ, которые возжгли междоусобіе и были виною войны заграничной. Ибо Король, не рѣшась произнести приговоръ на

враждовавшихъ Вельможъ, побудилъ Князя Глинскаго склонить Великаго Князя Іоанна Васильевича къ войнѣ съ Литвою; усомнясь въ Королевской милости послѣ умерщвленія Яна Забржезинскаго въ Гроднѣ, Глинскій самъ поднялъ знамя бунта и осадилъ Минскъ, потомъ Клецкъ и Слуцкъ, но безуспѣшно; однакожъ Литва потеряла Туровъ; а по прибытіи Россійскаго войска, подъ начальствомъ Евстафія Дашкѣвича, сдались ему Орша, Кричевъ, Гомель и иные пограничные замки; Князья же Друцкіе, Мстиславскій и большая часть Русскаго Дворянства передались къ Россіянамъ, и они уже приближались къ Вильнѣ, гдѣ удержаны Польскимъ Гетманомъ Яномъ Фирлеемъ; Король же, поспѣшивъ въ Литву, воспрепятствовалъ дальнѣйшимъ-козням вѣроломнаго Глинскаго, который отправился въ Москву за свѣжимъ войскомъ для покоренія Смоленска и завоеванія всей Литвы, обѣщая Россіи возстановить древнее могущество Кіевскихъ Князей. По возвращеніи своемъ онъ вторично осадилъ Минскъ, но Король принудилъ его къ отступленію. Между тѣмъ подоспѣло къ нему на помощь 60.000 свѣжаго Русскаго войска, съ которымъ онъ отступилъ за Днѣпръ подъ Оршу. Въ день Св. Маргариты Польское войско пришло къ Днѣпру и начало переправляться. Россіяне противились переправѣ, но Польскіе отряды переплыли

рѣку вовсе неожиданно въ двухъ мѣстахъ, выше и ниже непріятеля, и ударили на него съ боку и съ тылу. Сигизмундъ I, узнавъ о семъ подвигѣ, самъ бросился на конѣ въ рѣку и симъ поступкомъ подкрѣпивъ мужество своего войска, одержалъ совершенную побѣду. Отселѣ онъ шелъ къ Смоленску, а Польскаго Гетмана Яна Фирлея и Гетмана Литовскаго Князя Константина Острожскаго отправилъ грабить самую Россію. Хотя несогласіе двухъ Гетмановъ не принесло великой чести подвигамъ ихъ, однакожъ Великій Князь Василій, устрашенный наступательными дѣйствіями Поляковъ, прислалъ къ Королю гонца съ предложеніемъ мира. Король отправилъ въ Москву Яна Сапѣгу, который заключилъ миръ съ условіемъ, чтобы всѣ замки Глинскихъ отошли къ Королю; Глинскій же съ своими приверженцами остался въ Москвѣ, и плѣнные съ обѣихъ сторонъ размѣнены. Много Поляковъ возвратилось въ Отечество, а послы Россійскіе вывезли изъ Польши женъ, дѣтей и друзей Глинскаго, не смотря на то, что они съ плачемъ и скорбію разставались съ родиною. Большая часть изъ нихъ отправилась на Волынь за Княземъ Константиномъ Острожскимъ, который въ послѣдствіи помирилъ ихъ съ Королемъ.

(1509) — По желанію Государственныхъ Чиновъ, изъявленному на Сеймѣ Пiотрков-

скомъ, Король отправилъ посольство въ Мекленбургъ за Герцогинею Анною; но новая война воспрепятствовала намѣренію его вступить въ бракъ. Волошскій Воевода Богданъ вторгнулся въ Покутье и осадилъ Галичь, Львовъ и Каменецъ, хотя и безъ успѣха; лихорадка не дозволила Королю лично явиться на полѣ битвы; но Николай Каменецкій разореніемъ Валахіи принудилъ Богдана къ миру и дани, и къ вознагражденію за причиненные имъ убытки (1510). Въ то же время Папа Юлій II чрезъ посольство поздравляя Короля съ одержанною побѣдою, убѣждалъ его начать войну съ Турками для изгнанія ихъ изъ Европы; для чего предлагалъ даже доставить ему начальство надъ всѣмъ Христіанскимъ воинствомъ съ обѣщаніемъ сильной помощи, въ полномъ увѣреніи, что будетъ вскорѣ священнодѣйствовать въ Константинопольскомъ храмѣ Св. Софіи. Сіи усердныя, но пустыя убѣжденія Папы не соблазнили Короля: уже имѣя въ памяти примѣръ дяди своего (Владислава III), онъ зналъ сколь мало должно полагаться на условія Христіанскихъ Державъ, или довѣрять щедрымъ, но всегда тщетнымъ обѣщаніямъ тогдашнихъ Европейскихъ Государей. Не принявъ таковаго предложенія, Король счелъ полезнѣйшимъ стараться о мирѣ съ Турками и о безопасности Руси отъ Татарскихъ набѣговъ. Назначенная въ 1506 году

Хану подать въ 15.000 червонныхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ не дозволялъ подданнымъ своимъ вторгаться въ Польскія границы, и чтобы иногда съ войскомъ своимъ готовъ былъ помогать Королю,—оказалась безполезною (1511); посему на Піотрковскомъ Сеймѣ положено для постояннаго охраненія Подоліи содержать 4.000 коннаго войска и въ теченіе двухъ лѣтъ собрать съ десятины въ первой годъ по 18, а въ другой по 12 грошей.—Жестокая битва подъ Вишневцемъ (1512), гдѣ Каменецкій Староста Пржеславъ Лянцкоронскій и Князь Константинъ Острожскій побили 24.000 Татаръ, — принудила наконецъ Хана дать слово исполнять обѣщанія свои. Но Сигизмундъ нашелъ лучшимъ употреблять деньги на умноженіе военныхъ силъ, нежели ввѣрять оные вѣроломцу.—Такимъ образомъ Польша и Литва мало по малу приходили въ устройство.

Въ томъ же 1512 году Король женился на Варварѣ, дочери Стефана Запольскаго, Воеводы Седмиградскаго и Графа Спижскаго; коронованіе ея было 8 Февраля. Бракъ сей крайне непріятенъ былъ Императору Максимиліану I, ибо домъ Запольскихъ всегда противился дѣйствіямъ Австрійцевъ въ Венгріи; поелику же Императоръ самъ не въ силахъ былъ вредить Королю Польскому, то старался чрезъ другихъ достигнуть своей цѣли. Для того онъ вооружалъ противъ Короля и

Крестоносцевъ и Россію; въ слѣдствіе сего Албрехтъ, Маркграфъ Брандебургскій и Великій Магистръ Крестоносцевъ, не только отказывался отъ данной присяги, но даже входилъ съ Россіею въ переговоры противъ Короля. Сіе послужило Сигизмунду поводомъ объявить на Сеймахъ Радомскомъ и Виленскомъ, что онъ готовится къ войнѣ съ Пруссіею; по сему случаю онъ выплатилъ Татарамъ вышепомянутые 15.000 червонныхъ. Между тѣмъ Великій Князь Василій Іоанновичъ, который въ 1510 году овладѣлъ Псковскою Республикою, бывшею подъ покровительствомъ Литвы, снова послалъ Глинскаго въ Литву (1513), а самъ пошелъ къ Смоленску (1514) и осадилъ оный. Чего не могли сдѣлать гибельнымъ огнемъ трехсотъ пушекъ (12), то довершено измѣною. Ибо Глинскій имѣлъ на Руси столько вѣсу, что жители не хотѣли защищаться: городъ сдался, но большая часть гражданъ, испытавъ жестокость Великаго Князя, лучше желали оставить отечественный край, нежели жить подъ Русскимъ правленіемъ. Изъ таковыхъ выходцевъ значительнѣйшіе были Князья Ожирецкіе и Масальскіе: Король далъ имъ волости около Уцянъ. Великій Князь, довольный пріобрѣтеніемъ Смоленска, помышлялъ уже о покореніи всей Литвы и послалъ 80.000 войска къ Вильнѣ; Король, желая предупредить

его, выступилъ къ Борисову съ 33.000, и тамъ, по желанію Вельможъ, остановясь подъ прикрытіемъ 4.000, отправилъ прочее войско противъ Русскихъ. Вождями были Князья Константинъ Острожскій и Георгій Радзивилъ надъ Литвою, Янъ Сверчовскій надъ Поляками, и Войцѣхъ Самполинскій надъ Королевскою гвардіею. Битва завязалась подъ Оршею: непріятель, будучи въ три раза сильнѣе, окружилъ Поляковъ; сраженіе длилось отъ полудня до захожденія солнечнаго въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, — и побѣда осталась на сторонѣ слабѣйшихъ. Русскій вождь Иванъ Челядинъ съ великимъ числомъ дворянъ взятъ въ плѣнъ, и до 40.000 человѣкъ легло на мѣстѣ. Позднее время года, опасеніе со стороны Пруссіи и иныя обстоятельства препятствовали воспользоваться плодами сей побѣды: Король возвратился въ Вильно, войско же, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ покушеній на Смоленскъ, отступило отъ города на зимнія квартиры. Быть можетъ не трудно было бы отнять Смоленскъ, еслибы Польское войско немедленно послѣ побѣды приступило къ оному, пока еще Великій Князь не снабдилъ его продовольствіемъ. Сія неудача заставила Короля вести войну уже не наступательную, но оборонительную.

Приведши за̀мки въ безопасность наемнымъ гарнизономъ, онъ возвратился въ Поль-

шу, и устроивъ Государственныя дѣла на Краковскомъ Сеймѣ, отправился въ Пресбургъ для свиданія съ братомъ своимъ Владиславомъ, Королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ и Императоромъ Максиміліаномъ I.— Многіе отсовѣтывали Королю сіе свиданіе, предсказывая, что свойство съ Императоромъ не принесетъ никакихъ выгодъ ни для него, ни для его брата. Однакожь Король, возымѣвъ довѣріе къ Императору, отправился въ путь, надѣясь, что снискавъ дружбу Максиміліана, онъ чрезъ его посредство примирится какъ съ Россіею такъ и съ Крестоносцами. Послѣ долгаго ожиданія въ Пресбургѣ, Императоръ прибылъ въ оный съ Аугсбургскаго Сейма; оттуда коронованныя особы отправились въ Вѣну 15 Іюля, гдѣ, въ 22 день того же мѣсяца заключенъ союзъ взаимной дружбы и братства, не принесшій никакой пользы для Польши, не смотря на то, что намѣренія Максиміліана на сей разъ были искренны. Сей Государь всегда дѣлалъ предположенія, превосходившіе его способы и силы, и потому неудобовозможные. Еще въ 1507 году Императоръ Максиміліанъ, по совѣту Гуркскаго (de Gurk) Епископа Маѳія Ланга, заключилъ было съ Владиславомъ договоръ, по которому дѣти его должны были вступить въ свойство съ Австрійскимъ Домомъ посредствомъ брака. Онъ предвидѣлъ, что по сла-

бости здоровья Лудовика Владиславовича наслѣдство перейдетъ къ сестрѣ его Аннѣ и посредствомъ оной, какъ надѣялся, сдѣлается достояніемъ Австрійскаго Дома. По тогдашнему малолѣтству дѣтей не было еще опредѣлено, кому за кого выйти, но теперь совершено торжественное обрученіе Анны съ Эрцгерцогомъ Фердинандомъ, вторымъ внукомъ Максимиліана, и вмѣстѣ съ тѣмъ положено возобновить войну съ Турками, на которую Императоръ и Венеціане должны были выставить значительное войско. Но ни тотъ ни другіе, занятые собственными дѣлами, не поставили войска, а Польша не сочла нужнымъ нарушать мира съ Турками (1516).—Король, возвратясь въ Литву, нашелъ великую перемѣну въ духѣ народа, который домогался распущенія Польскаго войска. Крымскіе Татары сдѣлали вторженіе даже до Бужска; Россіяне держали въ осадѣ Витебскъ. Василій не только не обратилъ никакого вниманія на посредничество Максимиліана I, но даже разгнѣванный за то, что союзъ, заключенный съ нимъ въ 1514 году, остался недѣйствительнымъ,—съ послами его обошелся весьма немилостиво. Крымскіе Татары и мужественное сопротивленіе Поляковъ принудили Василія снять осаду Витебска, но за то Татары не замедлили напасть на Подолію; и хотя они поражены Константиномъ Острожскимъ, Ста-

ниславомъ Лянцкоронскимъ, Павломъ Фаруреемъ и Яковомъ Сѣцигневскимъ, но сіе не принесло Польшѣ никакихъ выгодъ. — Безпокойства въ Мазовіи, гдѣ вдова Княгиня Анна Радзивилъ не хотѣла освободить сыновей своихъ отъ опеки, безпорядки на Прусской границѣ и кончина Королевы Варвары привели Государство въ весьма опасное положеніе.

Въ тоже время явились *Украинскіе козаки*, подъ предводительствомъ Пржеслава Лянцкоронскаго и иныхъ Гетмановъ. Сіи козаки составились изъ бѣглецовъ Русскихъ, Литовскихъ и Польскихъ, и поселясь въ степяхъ и за порогами Днѣпра, грабили Турецкія границы, подобно тому какъ Татары опустошали землю Польскую.—

Не смотря на сіи бѣдствія, дѣятельность и предусмотрительность Сигизмунда I еще остановила пагубныя послѣдствія дурной политики (1517). Самъ онъ выступилъ къ Полоцку, а Сѣцигневскаго послалъ въ Россію; но Россіяне уклонялись отъ битвы, и потому Король на зиму долженъ былъ распустить войско. Еще болѣе измѣнилось счастіе Короля, когда онъ, въ угожденіе Максимиліану I, женился на Медіоланской Княжнѣ Бонѣ Сфорціи. Современные Историки таковую перемѣну счастія приписываютъ прекращенію молитвъ Королевы Варвары; дальнѣйшіе же событія удостовѣряютъ, что слабымъ Сигизмундомъ I

совершенно владѣла Королева Бона. Прекрасный полъ нерѣдко имѣлъ сильное влiянiе на дѣйствiя Королей. Королева Бона, властолюбивая Государыня, корыстолюбивая, хитрая Италiанка, много причинила Государству вреда участiемъ своимъ въ правленiи. (1519) Потеря сраженiя подъ Сокалемъ съ Татарами, вторгнувшимися въ Польшу по наущенiю Великаго Князя Василiя, открыла имъ путь къ опустошенiю Руси. Самъ Василiй разорилъ Литву почти до Вильны; между тѣмъ и Албрехтъ, Великiй Магистръ Крестоносцевъ, племянникъ Короля, явно приготовлялся къ войнѣ. На Торунскомъ Сеймѣ (1520) положено выступить противъ сего послѣдняго. Николай Фирлей открылъ военныя дѣйствiя, и взятiемъ нѣсколькихъ замковъ такъ устрашилъ Албрехта, что онъ просилъ дозволенiя прiѣхать въ Торунь. Король дозволилъ ему явиться, съ условiемъ, чтобы онъ немедленно въ Торунѣ возобновилъ присягу; но Магистръ, получивъ извѣстiе, что изъ Германiи идетъ къ нему на помощь войско, отступилъ отъ своего слова; Король же счелъ за лучшее отпустить своего данника, нежели удержать его вопреки данному обѣщанiю. — Нѣмецкое войско погибло съ голода (1521). — Послѣ сего заключено перемирiе на четыре года, въ продолженiе которыхъ почти вся Пруссiя приняла Люте-

ранскую Вѣру, а наконецъ и самъ Великій Магистръ, перемѣнивъ орденскую одежду, (1524) женился.—На Руси и въ Литвѣ безпокойства продолжались: въ первой свирѣпствовали Татары, въ другой народъ терпѣлъ отъ Россіянъ. Король имѣлъ только ту выгоду, что Татары, опустошавшіе Русь, не рѣдко нападали и на Россію, и тѣмъ отвлекали Великаго Князя Василія отъ дѣйствій въ Литвѣ. Находясь въ столь непріятномъ и опасномъ положеніи, Король желалъ обезпечить себя со стороны Крестоносцевъ, и состоя въ близкомъ родствѣ съ Великимъ Магистромъ (1525), вознамѣрился заключить съ нимъ миръ, и Восточную Пруссію обратить въ Ленное Герцогство. Сей миръ заключенъ въ Краковѣ. Албрехтъ содѣлался первымъ Герцогомъ Прусскимъ и данникомъ Польши, получивъ Восточную Пруссію во владѣніе свое и своихъ ближайшихъ потомковъ. Король распространилъ право наслѣдованія и на братьевъ его линіи Франконской, по прекращеніи коей сія часть Пруссіи долженствовала принадлежать къ Государству Польскому. Обязательство содержать сто коней во время войны для Королевской службы и предоставленіе Герцогу въ Сенатѣ перваго мѣста послѣ Короля, были особыми статьями сего договора.

Потомство порицаетъ таковое распоряженіе въ отношеніи къ Пруссіи, ибо въ послѣд-

ствіи времени сія страна досталась въ руки Курфиршеской линіи Брандебургскаго Дома; но Сигизмундъ I не могъ предвидѣть, что преемники его, по стеченію обстоятельствъ, будутъ принуждены согласиться на соединеніе Пруссіи съ Мархіею Брандебургскою. Еще менѣе можно было тогда угадывать будущее величіе и силу сего Дома, возвысившагося нечаяннымъ полученіемъ многихъ наслѣдій. Наконецъ тогда не льзя еще было заключать, что сила ордена Крестоносцевъ, отъ перемѣны Вѣры и образа правленія, сама собою ослабѣетъ; и что единство Вѣры можетъ и Королевскую Пруссію убѣдить покориться Маркграфу. Постоянная благодарность и преданность Албрехта къ дому Ягелловъ оправдывали Короля въ сихъ распоряженіяхъ; непредвидѣнная же перемѣна обстоятельствъ не должна служить поводомъ къ несправедливому его обвиненію. До того времени Крестоносцы, воевавшіе и духовнымъ и свѣтскимъ оружіемъ, всегда были страшны Польшѣ, наипаче неизчерпаемыми своими богатствами, подобно всѣмъ Нѣмецкимъ владѣтелямъ. Но съ 1517 года Виттенбергскій монахъ Августинскаго ордена *Мартинъ Лютеръ* въ Германіи, а въ слѣдующемъ году Швейцарецъ *Улрихъ Цвинглій* въ Цирихѣ начали споръ объ индулгенціяхъ. Большая часть Германіи, особенно сосѣдственная съ Польшею, послѣдовала ученію Мартина

Лютера, который, подвергнувшись клятвѣ Папы Льва X, воспламенилъ всю Европу. Столица Римская узрѣла повсюду великія измѣненія въ Вѣрѣ. Въ Королевской или Западной Пруссіи народъ (1522) принялъ ученіе Лютера; въ Великой Польшѣ, гдѣ было много Гусситовъ, также нашлось великое число его послѣдователей (1526). — Возмущеніе въ Данцигѣ призвало туда Короля, который наказалъ зачинщиковъ, и запретилъ введеніе духовныхъ новостей, но не желая никого гнать за Вѣру, предоставилъ каждому свободу мнѣній. —

По прекращеніи въ Мазовіи линіи Князей изъ Дома Пястовъ, Княжество сіе присоединено къ Государству. Съ Россіянами заключено перемиріе на шесть лѣтъ, а съ Турками миръ. Такимъ образомъ Король доставилъ и Украинѣ спокойствіе отъ набѣговъ Татарскихъ. Послѣдній набѣгъ до Люблина сдѣланъ былъ Султаномъ-Осланомъ, безъ воли Хана Седетъ-Гирея; но Осланъ, пришедшій въ ненависть у Турокъ, сдѣлался вѣрнымъ Королевскимъ союзникомъ: обстоятельство, приведшее въ скоромъ времени Русь въ такое положеніе, что Король началъ получать отъ оной прежніе доходы.

Умѣренность и мудрая предусмотрительность Короля воздержали его отъ принятія участія въ Венгерской войнѣ. Ибо когда,

по смерти Лудовика II, часть Венгріи предлагала ему корону, Сигизмундъ не принялъ оной, равно какъ и Шведской, дважды ему подносимой: онъ почелъ за лучшее довольствоваться собственными, довольно обширными владѣніями, нежели дозволять себѣ вступать съ кѣмъ либо въ споръ за владѣнія чужія. Онъ употребилъ всѣ средства къ примиренію Эрцгерцога Австрійскаго Фердинанда I съ Седмиградскимъ Воеводою Янусомъ Запольскимъ, который большею частію Венгріи избранъ былъ въ Короли; но усилія его остались тщетными. Отказъ Янусу въ помощи, о которой просилъ Французскій Король Францискъ I, былъ причиною того, что Янусъ, по совѣту Сѣрадскаго Воеводы Іеронима Ляскаго, отдалъ себя въ покровительство Туркамъ; а по стеченію обстоятельствъ часть Венгріи содѣлалась собственностію Австрійскаго Дома, не слишкомъ доброжелательнаго Польшѣ, другая же, бо́льшая часть досталась Туркамъ, страшнымъ для Поляковъ сосѣдамъ. Къ щастію Польша не вмѣшалась въ Турецкую войну, какъ послѣ бывало въ царствованіе Государей, не столь дальновидныхъ.

(1529)—Литва избрала себѣ въ Государи десятилѣтняго Сигизмунда Августа, сына Короля Сигизмунда; примѣру сему послѣдовали и Поляки, провозгласивъ его на Піотрковскомъ Сеймѣ наслѣдникомъ послѣ отца, съ условіемъ,

чтобы онъ при его жизни не вмѣшивался въ правленіе. Торжественное коронованіе юнаго Короля происходило въ слѣдующемъ (1530) году, когда Янъ Тарновскій съ 4.000 войска поразилъ подъ Обертиномъ 22.000 Волоховъ и выгналъ Волошскаго Воеводу Петра изъ Покутья. Неутралитетъ, наблюденный Сигизмундомъ I въ Венгерскихъ войнахъ, (1532) поддерживалъ постоянный миръ съ Турками, хотя Поляки и защищали Ослана Султана противъ Хана Седетъ-Гирея. Сей послѣдній вступилъ въ Черкасскъ, который Осланъ уступилъ Полякамъ; но Евстаѳій Дашкѣвичь мужественно защитилъ оный, и за то щедро вознагражденъ былъ Королемъ. Сей доблестный мужъ тогда же совѣтовалъ содержать при Днѣпровскихъ порогахъ 2.000 пѣхоты и 400 конницы, и выстроивъ на островахъ крѣпости, заселить тотъ край для воздержанія хищныхъ Татаръ отъ набѣговъ: мѣра, заслужившая одобреніе, но оставшаяся безъ исполненія: ибо Королевская казна находилась уже не въ такомъ положеніи, какъ нѣкогда, во время Бонера, Косцѣлецкаго, Шидловецкаго и Томицкаго. Королева Бона болѣе и болѣе вмѣшивалась въ правленіе, копила сокровища для себя и дозволяла себѣ многіе безпорядки, навлекавшіе на особу Короля ненависть народа. По смерти знаменитыхъ Канцлеровъ Шидловецкаго и Томицкаго она продавала

должности, и свѣтскія и духовныя, тому, кто больше давалъ денегъ, и симъ средствомъ люди развратные, неспособные, праздные, достигали важныхъ званій. Для обезпеченія своего владычества, Королева всячески старалась унизить Краковскаго Кастеллана Яна Тарновскаго, возвышая въ то же время Воеводу Петра Кмита, который посредствомъ низкой лести завладѣлъ ея сердцемъ. Королева не довольствовалась отвращеніемъ сердецъ народа отъ Короля, но для утвержденія вліянія своего на управленіе, отклоняла и сына своего отъ всѣхъ благородныхъ, свойственныхъ сану его упражненій, пріучала его къ жизни роскошной и развратной; и когда наконецъ Король рѣшился не потворствовать ей и отказалъ вручить Государственную печать Перемышльскому Епископу Гамрату, тогда она явно пристала къ противникамъ Королевскимъ и вмѣстѣ съ ними дѣйствовала противъ него.—

Въ Литвѣ снова возгорѣлась война съ Россіею (1534—36). Георгій Радзивиллъ и Янъ Тарновскій вели оную съ довольнымъ успѣхомъ; однакожъ при заключеніи перемирія Смоленскъ (1537) опять остался во власти Россіянъ. — Для Волошской войны нужно было собрать войско, а Шляхта не дозволяла производить набора: Король назначилъ всеобщее ополченіе; но собравшіеся близъ Львова 150.000 войска, вмѣсто того, чтобы сражать-

ся, занимались хищничествомъ на Руси и спорами съ Королемъ и Сенатомъ о привилегіяхъ народныхъ. Это было первое возстаніе Дворянства противъ Короля и Сената; примѣры тому являлись и въ послѣдствіи: ибо Дворяне не дѣйствовали, а только совѣтовали. Правда, что сіе зло было въ то время общимъ, но сосѣдственные народы скорѣе исцѣлились отъ онаго.—(1538) Волошскій Воевода Петръ опустошилъ часть Подоліи; когда же онъ поразилъ надъ Серетомъ слабое наемное Польское войско, Король потребовалъ мщенія отъ Турокъ, которые лишили Петра носимаго имъ званія и отдали оное Александру. Съ того времени Турки начали имѣть на Молдавію большее вліяніе, нежели какое имѣли дотолѣ. — Бракъ Изабеллы (1539), старшей Королевской дочери, съ Венгерскимъ Королемъ Янусомъ, возбудилъ въ Фердинандѣ I подозрѣніе, что оный противенъ его намѣреніямъ; но по смерти Януса (1540) узнавъ, что Сигизмундъ самъ преклонялъ дочь свою къ сохраненію трактатовъ, сколь они ни были трудны, онъ еще болѣе утвердился въ пріязни къ Польскому Королю, и дочь свою Елисавету, обрученную еще въ 1530 году, выдалъ за юнаго Королевича Сигизмунда Августа (1543); сія Государыня была не столь счастлива, сколько того заслуживала прекрасными душевными и тѣлесными качествами. Сигизмундъ Августъ на-

рушилъ супружескую вѣрность, а теща ненавидѣла супругу его: подозрѣвали даже, что она ее отравила (1545).

Король, обремененный лѣтами, поручилъ сыну управленіе Великимъ Княжествомъ Литовскимъ (1544) и Пруссіею (1548), и 1 Апрѣля того же года скончался на 82 году отъ рожденія, въ Краковѣ, куда онъ больной прибылъ въ саняхъ изъ Піотркова.

Сигизмундъ былъ прекрасной и величественной наружности; силу имѣлъ столь необычайную что ломалъ подковы, рвалъ веревки; говорилъ мало, но сказанное имъ было обдумано и благоразумно; врожденную вспыльчивость умѣлъ обуздывать и былъ весьма умѣренъ какъ въ пищѣ такъ и въ употребленіи горячихъ напитковъ. Онъ не былъ склоненъ къ войнѣ, и потому никогда не начиналъ ее самъ собою; принужденный вести оную, оказывалъ мужество и постоянную твердость духа. Но онъ не умѣлъ, или, лучше сказать, не могъ пользоваться побѣдами. Сколько онъ въ началѣ своего царствованія былъ любимъ народомъ, столько подъ конецъ жизни сдѣлался ненавистенъ ему, не по собственной винѣ, но по случаю излишняго потворствованія супругѣ. Послѣ кончины Короля, народъ, приведши на память всѣ благодѣянія, всѣ добрыя и великія качества, разсудительность, великодушіе и правосудіе

Сигизмунда, искренно скорбѣлъ о немъ. Цѣлый годъ продолжался трауръ, и даже простой народъ не показывался безъ онаго на улицахъ. Дѣвицы перестали наряжаться; умолкла музыка; собранія и всѣ удовольствія прекратились.—Сигизмундъ I пользовался отмѣннымъ уваженіемъ въ чужихъ Государствахъ.—Въ его царствованіе званіе Гетманское, бывшее дотолѣ временнымъ, сдѣлалось пожизненнымъ. Разсуждаемо было также о раздѣленіи Дворянъ на два разряда, высшій и низшій, но сіе предположеніе не было приведено въ дѣйствіе.—Заторское Княжество (1513), по смерти Князя Іоанна, умерщвленнаго на охотѣ Лаврентіемъ Мышковскимъ, присоединено къ Королевству.—Въ государствованіе Сигизмунда I города и села распространялись и процвѣло земледѣліе въ Великой и Малой Польшѣ, гдѣ нѣсколько времени царствовала постоянная тишина. Отъ потребленія лѣсовъ Полѣсье населилось, а миръ съ Турками доставилъ Украинѣ и Подоліи новыя силы. Осланъ-Султанъ и Королевская стража воздерживали Татаръ отъ хищничества; возстаніе козаковъ Запорожскихъ еще не волновало умовъ на Руси, какъ это случилось послѣ. Литва также возрастала въ силахъ, и такимъ образомъ вознаграждалась потеря Смоленска и изглаживались слѣды дѣйствій Великихъ Князей Іоанна и Василія и мятежей Глинскаго и иныхъ.

Просвѣщеніе, начинавшее возрастать при Іоаннѣ Албрехтѣ и Александрѣ, весьма возвысилось въ царствованіе Сигизмунда I. Математическія и Юридическія науки процвѣтали въ Краковѣ. Янъ Ласкій, собиратель Статута при Александрѣ I (1506), бывшій потомъ Архіепископомъ Гнѣзненскимъ, (1513) прославился на Латеранскомъ Соборѣ; получилъ на ономъ титулъ *Legati nati sedis Apostolicae in Polonia,* и съ тѣмъ вмѣстѣ утвержденъ и въ званіи Примаса. Различныя его сочиненія исчислены Несѣцкимъ (Т. III. р. 33. Kor. Pol.). Янъ Глоговскій (1507) и Михайло Бреславскій (1533), Профессоры Краковской Академіи, отличались лучшею методою преподаванія Философіи. Ихъ предисловія къ разнымъ Латинскимъ сочиненіямъ, хотя и отзываются схоластическимъ, худо понятнымъ Аристотелизмомъ, однакожь доказываютъ, что изящныя науки не были имъ чужды. Іоаннъ Галлеръ, Ротенбургскій уроженецъ и богатый Краковскій купецъ (1503), основавшій обще съ Ниренбергцемъ Гаспаромъ Гохфедеромъ первую постоянную Типографію въ Краковѣ, не мало способствовалъ распространенію просвѣщенія въ Польшѣ и стяжалъ общую извѣстность. Онъ первый (1510) издалъ Евтропія (editio princeps), Римскаго Писателя IV вѣка. Краковскіе Академики, коихъ труды печаталъ Галлеръ, дѣлая имъ за то

вознагражденіе (*honorarium*), превознесли его похвалами. Іеронимъ Віеторъ, (1518) другой извѣстный Типографщикъ и книгопродавецъ, прежде въ Вѣнѣ и Краковѣ, а потомъ въ одномъ Краковѣ (1536), издалъ первую книжку на Польскомъ языкѣ: *житіе Іисуса Христа*, сочиненное Св. Бонавентурою, переведенное Академикомъ Балтазаромъ Опецемъ и посвященное Принцессѣ Елисаветѣ, (1522) бывшей потомъ Королевѣ Венгерской. Псалтирь, переведенную Валентиномъ Врублемъ Познанскимъ издали тотъ же Іеронимъ Віеторъ (1540) и Флоріанъ Унглеръ (1539) въ Краковѣ, in 8vo. Сей послѣдній также напечаталъ (1532) правникъ Фалимієра и изчисленія Клоза (1538). Сіи книги суть важнѣйшія изъ первобытныхъ Польскихъ изданій. Издатели оныхъ Віеторъ, уроженецъ Либентальскій въ Силезіи, и Флоріанъ Унглеръ, Баварецъ, не пользовались исключительною привилегіею книгопечатанія: ибо современники ихъ перепечатывали тѣже самыя книги (1522—1532). Георгій Кобылинскій, Академикъ Краковскій возсталъ противу выпуска въ свѣтъ Псалтири, и вообще, изъ опасенія чтобъ не распространить мнѣній Гусситовъ, многіе противились изданію книгъ на языкѣ народномъ. Умѣренность Сигизмунда I въ разсужденіи разности мнѣній о Вѣрѣ облегчила свободу книгопечатанія, до такой степени, что каждый книгопродавецъ

имѣлъ право издавать всякаго рода книги, исключая касающіяся до Вѣры. Весьма часто перепечатывалось то, что скорѣе расходилось, какъ напримѣръ Альманахи и Календари. Краковскіе Календари славились въ Вѣнѣ и Силезіи; въ Вѣнѣ же и до сего времени выходитъ Календарь на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ Краковскаго. Матвѣй Мѣховскій, славный врачь, (1523) издалъ Историческія выписки изъ Длугоша и перевелъ (1545) съ Латинскаго на Польскій *Описаніе Сарматіи.* Николай Яскеръ (1535) издалъ Саксона. Іоаннъ Авентинъ, славный Баварскій Историкъ, (1507) обучалъ въ Краковѣ Греческому языку, вѣроятно въ первый разъ. Іоаннъ Экъ, извѣстный Полемикъ и противникъ Мартина Лютера, обучался высшимъ наукамъ въ Краковѣ, гдѣ было много Студентовъ изъ Венгріи и Германіи. Въ бурсахъ Венгерской и Германской считалось по нѣскольку сотъ человѣкъ, изъ коихъ нѣкоторые въ послѣдствіи времени сдѣлались весьма извѣстны. Изъ Венгерской бурсы вышли Иванъ Калмантеи и Мартинъ Девскій. Седмиградецъ Іоаннъ Гонтеръ съ успѣхомъ обучалъ тамъ очищенной Латыни и написалъ порядочную Латинскую Грамматику. Станиславъ Зборовскій, Полякъ, составилъ таковую же Грамматику, и прибавилъ къ оной одинъ листъ Польской орѳографіи (13). Онъ и нѣкоторые другіе оставили послѣ

себя много хорошихъ сочиненій , которыя нынѣ весьма рѣдки. Но болѣе всѣхъ способствовалъ распространенію Просвѣщенія Краковскій Епископъ Петръ Томицкій , другъ Еразма Ротердамскаго. Онъ старался о введеніи Еврейскаго и Греческаго языковъ въ число предметовъ ученія. Іоаннъ Кемпенскій (изъ Кемпена въ Голландіи) (1534) принялъ на себя по его приглашенію преподаваніе Еврейскаго языка; когда же онъ не захотѣлъ жить болѣе въ Краковѣ, мѣсто его заступилъ Станкаръ. Силезецъ Георгій Либанъ (1528—34) былъ первымъ преподавателемъ Греческаго языка по вызову того же Петра Томицкаго; а книгопродавецъ и ученый Типографщикъ Марко Шарфенбергеръ первый издалъ въ Польшѣ Греческія книги, между коими извѣстна Грамматика безъ означенія года. Климентъ Яницкій и Іоаннъ Дантышекъ (Flachsbinder), потомъ Епископъ Вармійскій (1548), слыли Латинскими стихотворцами. Андрей Крицкій, Николай Гуссовіанъ, Павелъ Кросненскій и другіе Латинскіе стихотворцы не достигли до такой извѣстности, хотя стихотворенія ихъ и довольно гладки. Плоцкій Епископъ Еразмъ Ціолекъ оказалъ высокій даръ краснорѣчія на Аугсбургскомъ Сеймѣ въ качествѣ посла Сигизмунда I къ Императору Максимиліану I. Францискъ Бонеръ и иные Краковскіе Чиновники отличались также необыкновенными

познаніями. Историкъ Бернардъ Ваповскій (1535) до такой степени зналъ Математику, что даже славный Николай Коперникъ, Каноникъ Вармійскій (1543), не рѣдко прибѣгалъ къ его совѣтамъ. Безсмертное твореніе Коперника *de revolutionibus corporum coelestium libri IV* вышло въ свѣтъ въ Ниренбергѣ въ годъ его смерти, и извѣстная его Астрономическая система принята всею Европою. — Славянскія книги печатались не въ Краковѣ, но въ Вильнѣ. *Апостолъ* Франциска Скорины (1525) есть первая, доселѣ извѣстная книга, отпечатанная на Бѣлорусскомъ діалектѣ Кириловскими буквами въ Вильнѣ для Русскаго народа. Тамъ же Литовскіе и Русскіе знатные люди на собственномъ иждивеніи печатали различныя духовныя книги для Христіанъ Греческаго закона. Ибо хотя Владиславъ Ягелло и издалъ нѣкоторыя повелѣнія, тягостныя для Христіанъ Греческаго обряда, и на Констанцскомъ Соборѣ обще съ Витольдомъ (1415) письменно изъявилъ намѣреніе распространить законъ Латинскій; но самъ же и долженъ былъ смягчить строгость повелѣній своихъ для Волыни, а до Литвы и Руси, Бѣлой и Красной, оныя долго еще не касались. Уже послѣ Флорентинской Уніи, (1439, 6 Іюля) между Цареградскимъ Императоромъ Палеологомъ IX и Папою Евгеніемъ IV, о которой старались Кардиналъ Виссаріонъ и Болгарецъ

Исидоръ, Митрополитъ Кіевскій, возобновились усилія Великихъ Князей Литовскихъ, въ отношеніи къ Греческимъ Христіанамъ. Но сіи усилія имѣли пагубныя послѣдствія. Самъ Исидоръ, Митрополитъ Кіевскій, намѣревавшійся въ Россіи распространить Унію, осужденъ былъ на сожженіе, и едва чрезъ Цареградъ спасся въ Римѣ, гдѣ онъ (1463) и умеръ въ званіи Кардинала (14). Даже въ Красной Руси, около Львова, гдѣ съ самаго начала Унія быстро распространялась, она не могла долго существовать. Преемникъ Исидора, Игнатій, присланный въ Кіевскую Митрополію Папою Григоріемъ IX, былъ изгнанъ; а жестокій поступокъ Великаго Князя Литовскаго Свидригайлы съ Еразмомъ (избраннымъ безъ его согласія въ Кіевскіе Митрополиты) умножалъ волненіе умовъ. Владиславъ III сравнилъ права Латинскаго Духовенства съ правами Духовенства Греческаго (1443); такимъ образомъ Христіане Восточнаго Вѣроисповѣданія насладились миромъ въ своихъ Епархіяхъ, которыхъ было десять: Владимірская, Луцкая, Полоцкая, Львовская, Перемышльская, Хелмская, Пинская, Кіевская, Могилевская и Смоленская. Митрополія находилась въ Кіевѣ; Дворянство же Русскаго обряда избирало Епископовъ изъ среды своей или изъ монаховъ. Если избранный былъ свѣтскаго званія, то онъ долженъ былъ принять прежде чинъ Св.

Василія, и потомъ поступалъ въ Епископы.— Слишкомъ усердныя, хотя и кратковременныя старанія о введеніи Уніи при Королѣ Казимірѣ IV и двухъ его потомкахъ Іоаннѣ Албрехтѣ и Александрѣ, ожесточили многихъ Вельможъ Русскихъ и Князей Домовъ Рюрика, Олгерда и Ягеллы, которые держались стороны Русской, и сіе было поводомъ, что многіе изъ нихъ отправлялись въ Россію или вступали съ оною въ связи. Супруга Короля Александра I, Елена, не иначе согласилась отдать ему руку и сердце, какъ съ обезпеченіемъ свободы Вѣроисповѣданія, и потому согласилась лучше остаться безъ коронованія, нежели перемѣнить Вѣру. Она воздвигла въ Минскѣ церковь изъ развалинъ и учредила тамъ Митрополію и, вѣроятно, сія же покровительница Греческаго Исповѣданія исходатайствовала (1505) у супруга подтвержденіе Ярославова Устава, по просьбѣ Полоцкаго Епископа. Однакожъ Чацкій утверждаетъ, что тогда уже не было въ Литвѣ Митрополитовъ не-Унитовъ, и, какъ видно изъ посольства Солтана въ Римъ (1476) къ Папѣ Сиксту IV, часть Русской Литвы держалась Папизма: могло статься, что и здѣсь сохранилась Унія, подобно какъ въ Италіи, въ Калабріи, Римѣ, и въ Венгріи. Но до 1597 года сія Унія не могла имѣть настоящей прочности въ Польшѣ. Сигизмундъ I, Государь дальновидный,

предусматривалъ событія, грозившія Римскому Двору, и потому письменно оправдывалъ Алберта и себя предъ Императоромъ Карломъ V и Папою, и пока могъ, не допускалъ никакихъ новостей по духовной части. Такъ, въ Восточной Пруссіи, по желанію Гардійскаго Епископа Захаріи Ферреріа, онъ издалъ въ Торунѣ, въ день обрѣтенія Животворящаго Креста, строгое повелѣніе противъ книгъ и ученія Мартина Лютера; но самъ не гналъ никого, доколѣ въ Данцигѣ не вспыхнулъ противъ Магистрата мятежъ, въ слѣдствіе коего буйный народъ смѣнилъ прежнихъ Чиновниковъ и опредѣлилъ на ихъ мѣста новыхъ, и изгналъ монашескіе ордена изъ города. Простой матросъ, Шуле, былъ зачинщикомъ сего мятежа. Свѣдавъ о томъ, (1526) Король самъ прибылъ въ Данцигъ. Іоганъ Вейдландъ (Salicetus) четвертый городской Бургомистръ, бывшій прежде Секретаремъ въ Магистратѣ, и нѣсколько мѣщанъ, были въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ казнены, Лютеранскіе Пасторы изгнаны изъ города, и сдѣлано подтвержденіе, чтобы никто не имѣлъ иныхъ книгъ кромѣ Католическихъ и не исповѣдывалъ иной Вѣры кромѣ Католической. Но въ семъ случаѣ Король каралъ не столько свободу мнѣній сколько мятежный духъ: ибо вскорѣ послѣ того оставлены безъ дѣйствія всѣ строгіе эдикты противъ иновѣрцевъ, и Фран-

цисканецъ Панкратій Клейнъ, еще въ одеждѣ своего ордена въ 1534 году опять проповѣдывалъ ученіе Мартина Лютера. Когда же реформація начала распространяться и въ самой Польшѣ, (1539) тогда Король издалъ новое повелѣніе, чтобы юношество не было посылаемо за границу; что также не имѣло никакого дѣйствія: ибо Сигизмундъ никого не желалъ гнать. Извѣстный Полемикъ Іоганъ Экъ, бывшій главною виною отдѣленія Лютеранъ (15) отъ Католиковъ, громко требовалъ гоненія въ сочиненьицѣ своемъ: *Ad invictissimum Poloniae regem Sigismundum de Sacrificio Missae contra Lutheranos, libri II, Iohanne Eckio* authore, 1526. 15 Февр. въ Ингольштадтѣ, (печ. *mense Octobri* 1526), на которое Король весьма благоразумно отвѣтствовалъ (16): „Съ измѣненіемъ вѣковъ измѣняется и „духъ законодательства. Науки были въ пре„небреженіи, теперь онѣ возраждаются. Пре„жде высокомѣріе утопало въ беззаконіяхъ, „нынѣ оно покоряется свѣту просвѣщенія. „Пусть Генрихъ (VIII, Король Англійскій) „пишетъ противъ Мартина (Лютера); а я „желаю, чтобъ ты и Крицкій (Андрей, Епи„скопъ Перемышльскій) были писателями, до„стойными похвалы. Предоставь мнѣ быть „Королемъ овецъ и козлищъ. Молю Небо „(Superos) да любовь Льва X къ наукамъ срав„нится съ благочестіемъ Льва I. Если же те-

„перь настали тѣ времена, когда между Хри-
„стіанами надобно почитать порчу нравовъ
„за благонравіе, развратъ за примѣръ достой-
„ный подражанія, раздоръ за братское едино-
„душіе, то придетъ и худшее время, когда
„Король и Пастырь Господней паствы при-
„мутся за оружіе, и оставленные алтари со-
„дѣлаются алтарями презрѣнной добродѣте-
„ли.“ Слова сіи не были тщетны: Король по-
ступалъ согласно съ своимъ изреченіемъ. Въ
Великой Польшѣ Остророги и Гурки явно
признали ученіе Мартина Лютера, (1539) и
Сигизмундъ I не дѣлалъ имъ за сіе нималѣй-
шей непріятности; хотя же онъ Андрею Гур-
кѣ, отлученному отъ Церкви Познанскимъ
Епископомъ, и совѣтовалъ отречься отъ но-
выхъ своихъ мнѣній, но не устранилъ его
отъ Королевскихъ милостей и не переста-
валъ употреблять къ дѣламъ, какъ человѣка
способнаго и испытанной честности. Тако-
вую же умѣренность Король являлъ и въ Лит-
вѣ, гдѣ Кульва былъ (1539) первымъ Люте-
ранскимъ Проповѣдникомъ, и гдѣ прекрати-
лись всякія гоненія противъ Русскихъ и про-
тивъ Греческаго закона. Такъ самъ Король
(1522) назначилъ Князя Острожскаго Троц-
кимъ Воеводою; когда же Литовскіе Вельможи
Католики начали роптать на сіе, онъ успо-
коилъ ихъ обѣщаніемъ, что къ должностямъ
въ Литвѣ уже не будутъ болѣе назначаемы

люди Греческаго исповѣданія. Таковыя дѣйствія Сигизмунда I были тѣмъ славнѣе, что по старанію храбраго Князя Константина послѣдовало новое положеніе Греческаго Духовенства о непринятіи Флорентинской Уніи. Сигизмундъ I съ полною довѣренностію поручалъ разныя должности людямъ Греческаго исповѣданія; сіе произвело столь счастливое дѣйствіе, что и самъ Глинскій думалъ о возвращеніи въ Польшу, многіе же дѣйствительно возвратились въ оную, и уже никто, какъ прежде было, не бѣжалъ въ Россію. Свобода Вѣроисповѣданія съ Просвѣщеніемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и народное благо возрастали болѣе и болѣе. Однакожь въ Польшѣ былъ еще родъ Инквизиціи. Въ 1508 году въ Краковѣ на Зглицѣ казненъ былъ Жидъ, а въ 1539 году въ томъ же городѣ на площади подверглась казни Катерина Вейгль, жена Мелхіора Вейгля, Краковскаго Совѣтника, за приверженность къ Жидовству, какъ утверждаетъ Лука Гурницкій. Впрочемъ казнь несчастной женщины приписывать должно не Королю, а Краковскому Епископу Петру Гамрату. Жизнь сего развращеннаго Епископа описалъ Старовольскій, съ прибавленіемъ, что щедрая раздача милостыни (онъ возилъ за собою возы съ тулупами и платьемъ для убогихъ) — стяжала ему милосердіе Божіе и избавила его отъ

наказанія, заслуженнаго развратомъ. Гамратъ былъ любимцемъ Королевы Боны.

СИГИЗМУНДЪ АВГУСТЪ.

(1548—1572).

Начало царствованія Сигизмунда (II) Августа (I) предвѣщало времена не самыя счастливыя: опасались, что юный Государь, воспитанный въ нѣгѣ, будетъ вести роскошную жизнь, не имѣя силъ управлять Государствомъ съ тѣмъ благоразуміемъ, коего требовали тогдашнія смутныя обстоятельства. Однакожь опасенія сіи оказались напрасными и Польша въ его царствованіе не испытала особенныхъ бѣдствій, что впрочемъ приписать должно не иному чему какъ только случаю. Почти всѣ Государства Западной Европы, раздѣленныя мнѣніями о Вѣрѣ, питали взаимную между собою вражду. Государи, или Государственные Чины и Вельможи, и даже нѣкоторые ничтожные люди искали средствъ распространять власть свою, и посредствомъ черни или заговоровъ истреблять противныя партіи. Императоръ Карлъ V, Король Испанскій, замышлялъ покорить всю Германію, а Герцоги Германскаго Союза старались напротивъ того сдѣлаться совершенно неза-

висимыми. Фердинандъ I, братъ Карла V, Король Венгерскій и Богемскій, помогалъ брату оружіемъ; но въ тайнѣ благопріятствуя Герцогамъ, былъ имъ полезенъ совѣтами. Французскій Король Францискъ I, сражаясь съ Карломъ V, помогалъ Нѣмецкимъ Протестантамъ, а во Франціи гналъ Гугенотовъ, которые въ послѣдствіи времени при его преемникахъ не рѣдко поднимали оружіе противъ отечества. Въ Англіи лилась кровь невинныхъ за духовныя мнѣнія; въ Швеціи и Даніи со введеніемъ Реформаціи Государи распространяли власть свою по низверженіи ненавистнаго народу Христіана II. Словомъ во всей Европѣ возгоралисъ брани за Вѣру; а въ Польшѣ, гдѣ уже издавна были иновѣрцы, они пользовались полнымъ покровительствомъ законовъ. Различіе обрядовъ Латинскаго и Греческаго было причиною нарушенія единства Церкви въ Польшѣ со времени начала раздоровъ между Римскими Папами и Цареградскими Патріархами. Правительство не полагало никакого различія между исповѣдующими разныя Вѣры, бывъ увѣрено по печальному опыту на Руси и въ Литвѣ, что излишнее усердіе къ обращенію въ Латинскій обрядъ сопровождаемо было ущербомъ общественнаго блага. Собственно церковные раздоры въ Польшѣ не имѣли вліянія на политическія дѣла. Разномысліе о Вѣрѣ безпрестанно возрастало, по мѣрѣ того какъ

умножалось число послѣдователей Мартина Лютера, Цвинглія и Кальвина. Но во время Сигизмунда I Лютеранская Вѣра взяла верхъ въ одной только Пруссіи: ибо кротость Польскихъ Епископовъ, никого не гнавшихъ за духовное разномысліе, какъ то дѣлалось въ иныхъ Государствахъ, и набожность Сигизмунда I не допускали перемѣны Вѣры. — Королевская власть, хотя и слишкомъ ограниченная, отъ безпрестанныхъ споровъ съ Дворянствомъ была однакожъ не менѣе власти Государей въ другихъ земляхъ, гдѣ Вельможи и Чины равно ограничивали оную.—

Сигизмундъ Августъ, узнавъ о кончинѣ родителя своего, немедленно приготовился къ принятію Варвары Радзивиллъ, вдовы Троцкаго Воеводы Гастольда, на которой онъ женился тайно, безъ воли и вѣдома родителя. Скрывая въ теченіе трехъ дней извѣстіе о его кончинѣ, онъ объявилъ о своемъ бракосочетаніи и потомъ уже отправился въ Краковъ для погребенія, назначивъ (1549) собраться Сейму въ Піотрковѣ. Но оный не состоялся по причинѣ негодованія, что Король безъ воли и вѣдома родителя и Государственныхъ Чиновъ вторично вступилъ въ бракъ; зачинщиками тому были Краковскій Воевода Петръ Кмита и другіе Вельможи, подговоренные Королевою Боною. Хотя о прошедшихъ, особенно о древнихъ временахъ и не слѣдуетъ су-

дить по обычаямъ и обстоятельствамъ нынѣшнимъ, однакожь не льзя не сказать о неприличіи нѣкоторыхъ лицъ, которые непремѣнно требовали развода Короля съ Варварою Радзивиллъ. Такъ на пр: Янъ Тенчинскій объявилъ: что онъ скорѣе согласится, видѣть Турецкаго Султана Польскимъ Королемъ, нежели коронованіе Королевы Варвары въ Краковскомъ замкѣ; Николай Дзѣржговскій, Гнѣзненскій Архіепископъ, обѣщалъ грѣхъ разложить на всѣхъ Поляковъ, лишь бы только Король согласился разрушить бракъ свой. Гетманъ и Кастелланъ Янъ Тарновскій и Краковскій Епископъ Самуилъ Мацѣевскій вступились за Короля; но они тщетно доказывали важность брака, не смотря на то, что Королевы Дворянскаго происхожденія менѣе приносили вреда Королевству, нежели иныя Княжескаго рода, и что память добродѣтельной, богобоязненной Королевы Варвары Запольской и доблести Елисаветы Пилецкой долженствовали бы перемѣнить умы, упрежденные происками Королевы Боны. Но страсти и корыстолюбіе всегда глухи для истины. Во время увѣщанія Петра Боратинскаго, заклинавшаго Короля именемъ Божіимъ развестись съ супругою, всѣ Послы (Депутаты), бывшіе на Сеймѣ, преклонили колѣна. Король выслушавъ рѣчи его и Самуила Мацѣевскаго, прекратилъ все дѣло сими словами: „что сдѣлано, того

„не перемѣнить; а вамъ приличнѣе просить „меня не о томъ, чтобы я былъ невѣренъ „своей супругѣ, но о томъ чтобы соблю- „далъ вѣрность къ каждому. Супругѣ я далъ „клятву, отъ которой не отступлю пока „Господу Богу угодно будетъ продлить жизнь „мою; храненіе клятвы дороже для меня всѣхъ „коронъ въ мірѣ." Послѣ столь рѣшительна- го отвѣта начался споръ о присоединеніи къ Польшѣ Пруссіи, Затора и Литвы и объ ура- вненіи правъ ихъ. Наконецъ Сеймъ конченъ, и хотя нѣкоторые не соглашались предоста- вить Королю даже и права рѣшить дѣла пока онъ не разведется съ супругою, однакожь онъ, не смотря на сіе, занимался судопроизвод- ствомъ, и изъ Кракова разослалъ повсюду увѣщанія къ Дворянству, поставляя оному на видъ неприличіе посягать на верховную власть Королей. Въ то же время произошло въ Краковѣ смятеніе между Студентами, ко- торые всѣ оставили городъ и разъѣхались въ разныя стороны. Одни отправились въ Гер- манію, другіе въ Богемію, иные въ Пруссію. Поводомъ къ тому была слабость Пробоща Чарнковскаго, слуги котораго убили нѣсколь- кихъ Студентовъ, напавшихъ на распутную женщину, и остались за то безъ наказанія. Сіе происшествіе послужило къ размноженію въ Государствѣ иновѣрцевъ: ибо уѣхавшіе за границу Студенты приняли тамъ Лютеран-

ское или Кальвинское Вѣроисповѣданіе и мало по малу возвращались въ Польшу.

Среди сихъ событій Крымскіе Татары, вторгнувшись въ Русь, овладѣли Передмиркою и взяли въ плѣнъ Князя Вишневецкаго; въ самой же Польшѣ безпрестанно возрастали безпорядки: подъ предлогомъ недѣйствительности Сейма и Королевской власти, многіе, изъ собственныхъ видовъ, не признавали Королевскихъ рѣшеній. Сіи обстоятельства склонили Дворянство къ собранію новаго Сейма, на который Король не соглашался (1550); Николай Дзержговскій предпринималъ самъ собрать его. Наконецъ Янъ Тарновскій успѣлъ убѣдить Короля созвать Сеймъ въ Піотрковѣ. Но и оный, равно какъ и первый, былъ безуспѣшенъ по случаю возникшаго спора о томъ, съ котораго времени должно начаться исполненіе законовъ: съ царствованія ли Іоанна Албрехта и Александра или еще прежде? Въ то же время Перемышльскій Каноникъ Станиславъ Оржеховскій, Польскій Историкъ, гонимый Епископомъ Яномъ Дзядускимъ за то, что находясь въ духовномъ званіи намѣревался жениться и потомъ дѣйствительно женился, внесъ все сіе дѣло на разсмотрѣніе Сейма, и отъ сего возникъ споръ о судной власти Епископовъ. Король не хотѣлъ раздражать ни той ни другой стороны, помышляя единственно о коронова-

ніи своей супруги, которое и послѣдовало въ Краковѣ, куда явились и Ленные Герцоги Прусскій и Поморскій. При семъ случаѣ Епископы почти насильно исторгли у Короля письменное обязательство, не давать иновѣрцамъ должностей, и принудили потребовать отвѣта отъ Пинчовскаго владѣльца Станислава Олесницкаго, который содержалъ у себя Кальвинскаго Пастора Франциска Станкара, а монаховъ изгналъ изъ монастыря. Станкаръ былъ удаленъ, Олесницкій же, обѣщавшій исправленіе, прощенъ, съ тѣмъ, чтобы впредь не осмѣливался поступать такимъ образомъ. Но Олесницкій, отправивъ Станкара, принялъ другихъ Пасторовъ, а его примѣру послѣдовали и многіе другіе Вельможи; простой же народъ оставался постоянно въ Вѣрѣ отцевъ своихъ. Между тѣмъ скончалась (1551) Королева Варвара. Король самъ провожалъ тѣло ея до Вильны, и долго хранилъ ея вещи, часто орошая оныя слезами горести. — Въ сіе время Духовенство помышляло о средствахъ къ искорененію ученія, противнаго Католическому. Архіепископъ Николай Дзержговскій созвалъ въ Піотрковѣ Сунодъ, на которомъ болѣе прочихъ дѣйствовалъ Вармійскій Епископъ Станиславъ Гозій. Славный протестъ Гозія противъ не-Католиковъ принятъ за правило, и Духовенство, подтвердивъ рѣшеніе Яна Дзядускаго по дѣлу Оржеховскаго,

просило Короля о приведеніи онаго въ исполненіе; но Перемышльскій Старостa Петръ Кмита воспротивился тому; когда же Дзядускій подалъ обвиненіе противъ Войцѣха Стадницкаго за введеніе новой Вѣры, то на частныхъ Сеймахъ поручено Посламъ домогаться, чтобы Епископы въ домашнія дѣла не мѣшались. Сеймъ Піотрковскій (1552) принялъ сіе домогательство, и рѣшеніе Короля состояло въ томъ, чтобы Епископы вѣдали только дѣла, относящіяся до догматовъ Вѣры и Просвѣщенія. Объ изданіи таковаго постановленія болѣе всѣхъ хлопоталъ Белзскій Воевода Рафаилъ Лещинскій, который первый изъ Вельможъ явно объявилъ себя не-Католикомъ, и при открытіи Сейма во время Богослуженія даже не снималъ шапки и не становился на колѣни. Съ того времени мнѣнія о Вѣрѣ не имѣли препятствій, бывшихъ въ другихъ Государствахъ причиною кровопролитій; степень образованности Поляковъ уже не дозволяла имъ пятнать себя подобнымъ поступкомъ. Даже Духовенство явило собою примѣръ умѣренности, помирясь съ Оржеховскимъ, и предоставивъ ему право испросить для себя разрѣшеніе въ Римѣ. И такъ, когда въ другихъ земляхъ Христіанская кровь лилась то подъ сѣкирою палачей, то на ратномъ полѣ, въ Польшѣ каждый вѣровалъ по собственному убѣжденію, каждый славилъ Бога по собствен-

ному разумѣнію и волѣ. Свобода Вѣроисповѣданія и благоразумная умѣренность удержали обѣ Пруссіи въ границахъ повиновенія; Данцигскіе жители, видя предоставляемую имъ свободу Вѣры, также остались вѣрными.—

Несчастное разореніе Бреславля Татарами (1551) вознаградилъ Полевой Гетманъ Николай Сенявскій, который лишилъ Стефана и Золдана Господарства Молдавскаго, и посадивъ на ихъ мѣсто Петра въ качествѣ Воеводы, сдѣлалъ его данникомъ Королевскимъ. Впрочемъ сія удача безпокоила Короля, который опасался, чтобы Турки не объявили ему войны; но Прусскій Герцогъ Албрехтъ, у котораго Король гостилъ, и Янъ Тарновскій, убѣдили его воспользоваться симъ случаемъ къ полученію власти надъ Молдавіею, не опасаясь Турокъ. Изъ Королевца Сигизмундъ отправился въ Вильно (1553), и тамъ проводилъ время въ удовольствіяхъ и безпечности: боялись, чтобъ онъ совсѣмъ не забылъ о дѣлахъ Государственныхъ. Съ согласія Сената онъ женился на Эрц-Герцогинѣ Австрійской Екатеринѣ, вдовѣ Мантуанскаго Герцога Франциска Гонзаго; Королева же Бона, слѣдуя совѣтамъ двухъ своихъ любимцевъ, Италіанцевъ Папагоды и Бранкаччіо, рѣшилась въ томъ же году отправиться въ Италію. Сигизмундъ не хотѣлъ отпустить ея, зная, что она уже не возвратится и вывезетъ съ собою великія

сокровища. Краковскій Епископъ Пржеренбскій объѣхалъ всѣхъ Вельможъ, убѣждая не выпускать Королевы. Но просьбы матери превозмогли волю сына, а ея золото одолѣло твердость Вельможъ. (1555) Она отправилась подъ предлогомъ поправленія разстроеннаго здоровья; а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы свободнѣе предаться непозволительной связи своей съ Папагодою. Давъ въ займы Испанскому Королю 320.000 червонныхъ, она поселилась въ Барѣ, въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, гдѣ и скончалась (1557), бывъ, какъ говорятъ, отравлена своимъ любимцемъ, который составилъ ложное завѣщаніе, въ слѣдствіе чего закладное ея Герцогство Баръ поступило къ Королю Испанскому, а большая часть сокровищь досталась ему самому. Король Сигизмундъ Августъ посылалъ въ Испанію, требуя уплаты денегъ и объявляя о недѣйствительности духовнаго завѣщанія; но когда Король Филиппъ I спросилъ Посла, на какомъ основаніи Король Польскій требуетъ наслѣдства, по дружбѣ ли съ нимъ или по праву, Посолъ Войцѣхъ Кржискій неосторожно отвѣчалъ, что Королю Польскому не прилично принимать какъ бы изъ милости то, чего онъ можетъ домогаться по праву. Филиппъ передалъ сіе дѣло въ Неаполитанское судилище, которое никогда онаго не рѣшило: только въ послѣдствіи времени (1569) Гнѣ-

зненскій Архіепископъ Янъ Пржеренбскій успѣлъ склонить Филиппа къ назначенію ежегодной уплаты нѣкоторой суммы Королю Польскому и преемникамъ его. Не смотря на таковую разсрочку, платежъ производился непостоянно и наконецъ весь капиталъ остался у Испанцевъ подъ названіемъ *Неаполитанскихъ суммъ*. Короли изъ Дома Вазы уступили оныя Республикѣ, но и оная не могла получить долга, потому что Испанія и Неаполь перешли въ другія руки.

1555 годъ достопамятенъ первымъ не-Католическимъ Сунодомъ въ Козминѣ, гдѣ послѣдователи Гельветическаго ученія соединились съ братьями Богемскими.

На новомъ Сеймѣ въ Піотрковѣ (1556) Послы требовали, чтобы Литургія отправляема была на Отечественномъ языкѣ; чтобы дозволено было причащаться Св. Таинъ подъ двумя видами; а Священникамъ жениться, и чтобы отмѣнено было посылать Аннуату въ Римъ; на Сеймѣ же въ Варшавѣ Коронный Великій Канцлеръ Оцѣскій объявилъ Посламъ Прусскимъ, что Король не думаетъ гнать ихъ за Вѣру, хотя и не даетъ имъ явнаго позволенія на свободу Аугсбургскаго исповѣданія изъ опасенія, дабы Папа, въ отмщеніе за сіе, не возбудилъ противъ него Императора Римскаго, или не далъ Московскому Царю Русской короны, либо Императорскаго

титула: при чемъ онъ не замедлилъ бы возобновить притязанія Великихъ Князей Московскихъ на земли до Вильна и Люблина. По симъ причинамъ Король обѣщалъ не противиться принятію священнослужителей исповѣдуемой ими Вѣры, съ тѣмъ, чтобы образовъ изъ церквей не выносили и не перемѣняли церковныхъ обрядовъ (1557); вскорѣ Данцигъ, Торунь и Элбингъ получили и письменное дозволеніе на введеніе новаго вѣроисповѣданія. (1558) Въ доказательство упадка Епископской власти распустили слухъ о чудѣ, случившемся въ Сохачевѣ. Разсказывали, будто бы какая-то дѣвка продала Жидамъ частицу Св. Даровъ, которую они искололи булавками и изъ коей истекла кровь: дѣвку и нѣсколькихъ Жидовъ казнили (1559); по сему случаю вооружилось Дворянство, подъ предводительствомъ маститаго старца Яна Тарновскаго, жалуясь, что не предоставили самому Богу покарать преступленіе, непостижимое уму и чувствамъ человѣческимъ. Янъ Тарновскій требовалъ, чтобы Епископы были удалены изъ Сената, для того, что они, какъ подчиненные чуждой власти, по связямъ своимъ съ Римомъ, не всегда могутъ подавать совѣты, сообразные съ пользами Отечества. Все сіе происходило въ продолженіе войны Ливонской.

Валтеръ Фирстенбергъ, Великій Магистръ Ордена Меченосцевъ, (1556) принявъ со всѣми Кавалерами своего ордена Лютеранскую Вѣру, объявилъ войну Рижскому Архіепископу Вильгельму изъ Дома Маркграфовъ Брандебургскихъ, подъ предлогомъ, будто бы сей намѣревался Ливонію уступить Польшѣ, а Курляндію брату своему Албрехту, Герцогу Прусскому. Архіепископъ Вильгельмъ, осажденный въ Кокенгаузенѣ, и стѣсненный голодомъ, не могъ противиться Фирстенбергу, который взялъ его въ плѣнъ и заключилъ въ темницу, не смотря на родство его съ Королемъ Польскимъ. Королевскій Посолъ Гаспаръ Лонцкій, пріѣхавшій къ Магистру съ требованіемъ освободить Архіепископа, вмѣсто вниманія къ званію своему, нашелъ у него смерть. Оскорбленный столь наглыми поступками Сигизмундъ Августъ, собралъ въ Варшавѣ Сеймъ, (1557) опредѣлившій войну. Король выступилъ съ войскомъ изъ Вильны къ Позволю; но Великій Магистръ, устрашась Королевскихъ силъ, охотно согласился выслушать мирныя предложенія. На сей конецъ онъ торжественно, въ сопровожденіи 300 всадниковъ, прибылъ въ Королевскій станъ, и преклонивъ предъ Королемъ колѣно, винился въ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Архіепископу и Послу, обѣщая вознаградить всѣ убытки. Освобожденный Архіепископъ публично приносилъ благодаре-

ніе Королю, какъ избавителю своему и благодѣтелю. Оба они, т. е. Архіепископъ и Великій Магистръ признали себя данниками и Вассалами Сигизмунда Августа, какъ Великаго Князя Литовскаго. Царь Іоаннъ Васильевичь IV, узнавъ о семъ происшествіи, пошелъ на Ливонію со всѣми своими силами, (1558) съ намѣреніемъ завоевать всю сію страну. Онъ овладѣлъ Нарвою, Дерптомъ (Юрьевомъ) и Феллиномъ, гдѣ самъ Фирстенбергъ погибъ, содѣлавшись жертвою измѣны собственныхъ своихъ воиновъ, которые выдали его непріятелю, но не извѣстно живаго или уже мертваго. Ужасное опустошеніе сей страны убѣдило новаго Магистра Готгарда Кетлера безусловно отдать всю Ливонію Сигизмунду Августу, какъ Великому Князю Литовскому, съ тѣмъ, чтобы онъ противосталъ Іоанну Васильевичу IV. Для избѣжанія войны, которая въ продолженіе 24 лѣтъ, посредствомъ частыхъ перемирій съ Россіею не имѣла настоящаго характера, Король намѣревался войти въ переговоры съ Іоанномъ Васильевичемъ объ удаленіи его изъ Ливоніи или по крайней мѣрѣ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Отъ таковыхъ договоровъ или перемирій Россія обыкновенно оставалась въ выигрышѣ: ибо не смотря на превосходство силъ Польскихъ, она всегда оставляла за собою пріобрѣтенныя крѣпости; сверхъ того сіи перемирія

давали Россіи возможность воевать съ Заволжскими Татарами,—и всѣ сіи обстоятельства не мало споспѣшествовали къ умноженію силъ Россіи, всегда опасныхъ для Польши. Василій Іоанновичь принялъ титулъ Великаго Князя, Самодержца всея Россіи, хотя большая часть оной находилась подъ владѣніемъ Польскимъ. Сынъ его Іоаннъ Васильевичь, не довольствуясь симъ титуломъ, по взятіи Казани наименовался Царемъ. Слово *Царь* означаетъ *Короля*, и въ Библіи Славянской говорится: Царь Давидъ, Царь Иродъ, и т. д. Но какъ Славяне столицу Греческихъ Императоровъ Константинополь назвали *Царемъ-градомъ*, Греки же Императоровъ Греческихъ и Римскихъ именовали Царями или Королями (*Базилевсъ*), то и Россіяне титулъ Царскій сравнивали съ Титуломъ Императорскимъ. Поляки называли Царями только Хановъ Крымскихъ, Астраханскихъ и Казанскихъ. По сему поводу Сигизмундъ Августъ не соглашался признать Іоанна Царемъ въ томъ смыслѣ въ какомъ оный почитали Россіяне; между тѣмъ какъ Іоаннъ IV, для снисканія большаго уваженія, производилъ свой родъ отъ Римскихъ Императоровъ, будучи потомкомъ Владиміра Великаго, Государя всея Россіи. Споры сіи давно уже предсказывали войну; теперь же, когда Ливонія покорилась Польшѣ, а Іоаннъ IV имѣлъ свои виды на оную, война

сдѣлалась неизбѣжною. Но Король крайне затруднялся недостаткомъ денегъ и раздѣленіемъ двухъ подвластныхъ ему народовъ. Поляковъ не возможно было скоро вооружить, и потому одна Литва выступила въ Ливонію. Русскіе отступили отъ Кеси (Вендена) (1560), и хотя Дворянство разъѣхалось, однакожъ Александръ Полубинскій съ бодростію защищалъ Ливонію (1561); но съ горстію вольницы и наемнаго войска не возможно было возвратить взятыхъ непріятелемъ городовъ и портовъ, которые, оставшись безъ защиты, поддались Шведамъ. Королевскій Намѣстникъ въ Ливоніи Георгій Радзивиллъ совѣтовалъ Королю призвать Поляковъ на помощь. Для большаго поощренія ихъ къ вооруженію, Кетлеръ сложилъ съ себя званіе Магистра, выѣхалъ изъ Ливоніи, предоставляя оную Королю, и получилъ за то во владѣніе Герцогство Курляндское почти на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ Албрехтъ получилъ Пруссію; при чемъ свобода Вѣроисповѣданія обезпечена какъ въ Ливоніи, такъ и въ Курляндіи (1563). Поляки, принявъ участіе въ сей войнѣ, вели оную не съ должнымъ усиліемъ, и между тѣмъ какъ они на Піотрковскомъ Сеймѣ болѣе шумѣли нежели дѣйствовали, время проходило, и Русскіе успѣли взять Полоцкъ. Въ сіе-то время учреждено взимать *кварту* съ Королевскихъ имѣній или Старостствъ, т. е.

четвертую часть доходовъ на содержаніе постояннаго войска, по примѣру Литвы, принявшей уже сію мѣру въ 1552 году. Но и сіе средство оказалось недостаточнымъ на содержаніе нужнаго числа войска, и когда Поляки, истощенные предшествовавшими войнами, отказались отъ войны Ливонской, то оная продолжалась одними Литовскими силами при слабыхъ пособіяхъ со стороны Польши, подъ предводительствомъ знаменитыхъ вождей того времени, между коими славнѣйшіе были Николай Радзивиллъ, Григорій Ходкѣвичь, Филонъ Кмита, Флоріанъ Зебржидовскій, Станиславъ Леснѣвольскій и Станиславъ Пацъ. Россія въ сей войнѣ всегда брала верхъ до такой степени, что когда Король предлагалъ ей миръ съ уступленіемъ Смоленска или Полоцка и съ оставленіемъ за нею той части Ливоніи, которая уже находилась въ ея владѣніи, она не соглашалась и на сіи, столь выгодныя условія: Іоаннъ Васильевичь никогда не зналъ недостатка ни въ деньгахъ, ни въ войскѣ, безпрестанно пополнявшемся новыми воинами.

— Къ войнѣ съ Россіею едва не присоединилась война Турецкая. Іаковъ или Іоаннъ Граціанъ, Грекъ, выдавая себя за потомка племени Гераклидовъ или Деспотовъ, подружился съ нѣкоторыми Польскими Вельможами, а Войцѣхъ Ласкій, сынъ Сѣрадскаго Вое-

воды Гіеронима, помогъ ему пріобрѣсть Воеводство Волошское, откуда онъ изгналъ Господаря Александра, (1561) бѣжавшаго въ Турцію. Разгнѣванный Султанъ едва согласился на то, чтобъ Граціанъ владѣлъ Молдавіею; но владѣніе его было не продолжительно. Въ то время какъ онъ собирался жениться на дочери Краковскаго Кастеллана Мартина Зборовскаго, Волохи взбунтовались и избрали своимъ владѣтелемъ Михаила Томжу подъ именемъ Стефана. Томжа осадилъ Граціана въ Сочавѣ; между тѣмъ Князь Димитрій Вишневецкій, по наущенію Ласкаго, вторгнулся въ Молдавію съ намѣреніемъ овладѣть оною въ свою пользу; но Томжа, снявъ осаду города, обратилъ всѣ силы противъ Вишневецкаго и взялъ его въ плѣнъ съ Пѣсоцкимъ и другими Поляками, и всѣхъ ихъ отправилъ въ Царьградъ. Несчастный Князь жизнію заплатилъ за властолюбивые свои виды. Онъ и товарищи его погибли ужасною смертію: Султанъ приказалъ ихъ бросить на желѣзныя рогатины, и Вишневецкій мучился три дня, пока Турокъ не пронзилъ его стрѣлою за хуленіе Магомета. Съ помощію Седмиградцевъ Томжа взялъ Сочаву, ибо Волохи сами выдали побѣдителю Граціана, который и былъ имъ умерщвленъ: за сей жестокій поступокъ Султанъ низложилъ Томжу, и отдалъ Княжество прежнему Господарю. Бѣжавшій

въ Польшу съ великими сокровищами, Томжа лишенъ жизни во Львовѣ по приказанію Короля, когда Солиманъ и Седмиградцы домогались выдачи его. Такимъ образомъ прекратились безпорядки въ Валахіи, которая опять осталась подъ вліяніемъ Турціи.

Въ томъ же 1563 году Король предоставилъ всѣмъ своимъ подданнымъ свободу Вѣроисповѣданія, и самъ колебался въ Вѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ возненавидѣлъ супругу свою Екатерину, за ея высокомѣріе и весьма слабое здоровье. Прилѣпившись въ Варварѣ де Гизъ, Кальвинкѣ, онъ началъ думать о разводѣ и о перемѣнѣ Вѣроисповѣданія. Но раздоры между не-Католиками, соблазнительное поведеніе Франциска Лисманина, который, вмѣсто покупки книгъ, женился въ Швейцаріи, и увѣщанія Кардинала Гозія отклонили Короля отъ сего намѣренія. Нѣкогда гонимые Протестанты, содѣлались (1564) въ свою очередь гонителями. На Парчевскомъ Сеймѣ они требовали изгнанія *Аріанъ*, которые сами себя называли *Польскими братьями* или *Унитаріями*, а въ чужихъ краяхъ извѣстны были подъ именемъ *Социніанъ*, отъ Италіанцевъ Лелія и Фауста Социна, распространявшихъ сіе ученіе въ Польшѣ. На Сеймѣ Пётрковскомъ Кардиналъ Гозій вступился за сихъ Аріанъ (17), когда возобновлено было требованіе объ изгнаніи ихъ по случаю явнаго отдѣленія ихъ отъ Еван-

гелико-Реформатовъ или Кальвиновъ. Тотъ же Кардиналъ Гозій ввелъ *Іезуитовъ* (1566) въ Польшу, основавъ первой ихъ Коллегіумъ въ Брунсбергѣ, въ Вармiи. Съ 1545 по 1565 годъ онъ былъ однимъ изъ нѣсколькихъ предсѣдателей или Легатовъ Папскихъ на знаменитомъ Тридентинскомъ Соборѣ и былъ главною причиною того, что Кардиналъ Комендони, мимо желанія Примаса Іакова Уханскаго, властію своею и убѣжденіемъ склонилъ Польскихъ Епископовъ къ принятію положеній онаго Собора. Думать должно, что и Король не противился симъ положеніямъ, въ надеждѣ, что Кардиналъ будетъ способствовать къ разводу его съ Екатериною Австрійскою: чего однакожъ Кардиналъ не хотѣлъ сдѣлать (1566); Королева же, наскучивъ пребываніемъ своимъ въ Польшѣ, уѣхала (1567) въ Линцъ съ Императорскимъ Посломъ Андреемъ Дудичемъ Велюнскимъ. Но ни одною Конституціею положенія Тридентинскаго Собора не были подтверждены, потому что въ Сенатѣ тогда уже засѣдало болѣе Протестантовъ нежели Католиковъ. Самъ Примасъ Уханскій колебался въ послушаніи Риму и думалъ предать Папу клятвѣ за то, что онъ не прислалъ ему Кардинальской шляпы; по свидѣтельству Нунція Алоизія Липомана, большая часть Епископовъ преклонна была къ перемѣнѣ Вѣры. Кіевскій Епископъ Нико-

лай Пацъ (1562—1580) явно принялъ Лютеранскую реформу; когда же Папа на его мѣсто назначилъ другаго Епископа и Пацъ не могъ удержаться на своемъ мѣстѣ, тогда онъ равнодушно занялъ должность Кастеллана Мстиславскаго.

Недостатокъ въ деньгахъ, семейственныя неудовольствія, споръ о соединеніи Пруссіи и Литвы съ Короною, подобно тому какъ съ оною уже соединены были Княжества Заторское и Освѣцимское, поставляли (1564) Короля въ самое затруднительное положеніе, между тѣмъ какъ войско, которому слѣдовало уплатить 700 тысячь злотыхъ, намѣревалось задержать Короля въ Люблинѣ до выдачи жалованья.

Среди таковыхъ непріятностей, Пруссаки, по причинѣ разности языка, употребляли всѣ силы, чтобъ не соединяться съ Польшею. Великій Магистръ Крестоносцевъ Георгій Гундъ-Мункгеймъ тщетно старался возмутить Данцигскихъ жителей (1568). Онъ прислалъ имъ изъ Мергентгейма предлинное письмо, которымъ увѣдомлялъ, что орденъ Крестоносцевъ не отрекался отъ древнихъ своихъ правъ на Пруссію, и что сіи права подтверждены въ 1566 году на Нѣмецкомъ Сеймѣ. Но Данцигскіе жители, сравнивъ легкія непріятности, чинимыя имъ Польскимъ Правительствомъ, съ притѣсненіями Крестоносцевъ,

отвѣчали ему вѣжливо, что они, какъ вѣрные подданные Польскаго Короля, никому болѣе не подвластны, и письмо Магистра отослали къ Королю.—Намѣреваясь отмстить Іоанну Васильевичу, который Посла его Быковскаго со свитою посадилъ въ тюрьму (1567), Король собралъ подъ Радошкѣвичами 100.000 войска, и между тѣмъ ожидалъ слѣдствій имѣвшаго вспыхнуть въ Москвѣ мятежа: время прошло въ бездѣйствіи, и войско разошлось потерявъ безъ пользы два мѣсяца. Іоаннъ Васильевичъ, чтобъ выиграть время, освободилъ Посла изъ заключенія и приглашалъ Короля къ свиданію съ собою. Янъ Ходкѣвичъ, Староста Самогитскій, Князь Романъ Сангушко, Георгій Зѣновичъ съ горстью наемныхъ воиновъ защищали границы; брали верхъ надъ Русскими въ открытомъ полѣ, но не могли ни взять того, что завоевано было непріятелемъ, ни остановить его опустошеній. Только одному Князю Роману Сангушкѣ удалось овладѣть Улою.—

Бездѣтность Короля и отъѣздъ Королевы Екатерины изъ Велюня въ Австрію содѣлывали необходимымъ соединеніе всѣхъ владѣній Дома Ягелловъ тѣснѣйшими узами. Сіе соединеніе, послѣ многихъ затрудненій и споровъ, состоялось наконецъ на Сеймѣ въ Люблинѣ (1569), послѣ смерти главнѣйшихъ противниковъ онаго: Князя Николая Чернаго-

Радзивилла въ Литвѣ и Ахація Чемы (de Zehmen) Маріенбургскаго Воеводы въ Пруссіи. Король отказался отъ всякой собственности и соединилъ на вѣчныя времена съ Государствомъ Пруссію, Полѣсье, Волынь, Подолію и Украину. Для Польши и Литвы установлены общіе Сеймы въ Варшавѣ, учреждены гражданскія должности и совершенно уравнены права обоихъ народовъ. Тогда же положено, чтобы Ливонія принадлежала равно и Польшѣ и Литвѣ, а Герцогъ Курляндскій былъ ихъ общимъ данникомъ. Прусскимъ Посламъ и Сенаторамъ назначены мѣста въ совѣщательныхъ собраніяхъ. Съ тѣхъ поръ частные Литовскіе Сеймы прекратились, и сей порядокъ совѣщанія существовалъ даже до новѣйшихъ временъ. Народы, составившіе одну Республику, должны были всѣ избирать одного Государя и всѣ пользоваться одинаковыми правами и преимуществами. На семъ Сеймѣ (19 Іюля) вторый Прусской Герцогъ Албрехтъ Фридрихъ учинилъ присягу въ вѣрности и повиновеніи Королю. Въ то же время дано позволеніе не только Посламъ Маркграфа Георгія Фридриха Франконской линіи, но и Посламъ Іоакима II, Курфирста Брандебургскаго, прикасаться къ хоругви, подаваемой преклонившему колѣно даннику, въ знакъ права на наслѣдованіе, когда его потомство прекратит-

ся. Тогда же положено начало величію Дома Брандебургскаго.

(1570) — Іоаннъ Васильевичь, не надѣясь завоевать Ливоніи силою, заключилъ перемиріе на три года, и Голстинскаго Герцога Магнуса, брата Датскаго Короля, наименовалъ Ливонскимъ Королемъ подъ своею опекою, желая чрезъ сіе отклонить Датскаго Короля отъ союза съ Королемъ Польскимъ, и, давъ Ливонцамъ Нѣмецкаго Государя, содѣлать для нихъ свое владычество сноснѣе. Сей титулъ принадлежалъ Государю только той части Ливоніи, которая находилась у Русскихъ; но и тамъ Магнусъ не имѣлъ почти никакой власти, не смотря на то что Данія уступила ему собственныя свои владѣнія въ Ливоніи.

Генеральный Сунодъ Аугсбургскаго и Швейцарскаго Исповѣданій въ Сендомирѣ доставилъ не-Католикамъ перевѣсъ предъ Католиками. На семъ Сунодѣ заключено условіе, извѣстное подъ именемъ Сендомирскаго, о соблюденіи разности мнѣній, о взаимной дружбѣ и Христіанскомъ братствѣ. Въ Сенатѣ, кромѣ Епископовъ, почти не было уже Католиковъ. Но народъ оставался въ прежней Вѣрѣ, и помѣщики не думали о обращеніи онаго. Спустя два года (1572) Король объявилъ неограниченную свободу Вѣроисповѣда-

нія для каждаго, и вскорѣ послѣ того (7 Іюля) скончался въ Книшинѣ.

Сигизмундъ Августъ имѣлъ великія природныя дарованія. Онъ зналъ многія науки, занимался Математикою и владѣлъ въ совершенствѣ Латинскимъ языкомъ. Языки Италіанскій и Нѣмецкій зналъ какъ свой собственной. Любилъ музыку и покровительствовалъ ученыхъ. Въ частной жизни былъ скроменъ; но когда дѣло шло о показаніи Королевскаго великолѣпія въ общественныхъ дѣлахъ, онъ не щадилъ издержекъ и старался блескомъ поддержать важность свою. Врожденная Дому Ягелловъ кротость, была его наслѣдственною добродѣтелію; подобно своимъ предкамъ, онъ увлекался излишнимъ мягкосердіемъ. Отсюда проистекала общая всѣмъ Ягелламъ расточительность, которой чуждъ былъ одинъ только Сигизмундъ I. Сигизмундъ же Августъ въ семъ отношеніи шелъ по слѣдамъ прочихъ. Современные писатели обвиняютъ его въ слабости характера и излишней самонадѣянности; но въ оправданіе его могутъ служить несчастныя супружества и безпрестанныя усилія со стороны Дворянства къ ограниченію Королевской власти. До 17 лѣтняго возраста находясь подъ глазами матери, онъ сдѣлался лѣнивымъ, и показывалъ себя весьма нерѣшительнымъ въ войнахъ съ непримиримымъ врагомъ Литвы и Польши Іоанномъ Василье-

вичемъ. Но въ судопроизводствѣ, въ оказаніи справедливости, въ выслушиваніи жалобъ подданныхъ своихъ былъ неутомимъ. Подагра и хирагра мучили его до такой степени, что онъ намѣревался сложить съ себя управленіе; при всемъ томъ утопалъ въ удовольствіяхъ любви. Сколь благоразумно судилъ онъ о разности Вѣръ, столь же безразсудно полагался на Астрологію и чародѣйства. Онъ былъ увѣренъ что умретъ на 72 году отъ рожденія; ибо одинъ Астрологъ предсказалъ день его смерти въ 72 году, что отчасти и оправдалось 1572 годомъ, когда впрочемъ самому Королю было только 52 года.—Не льзя безъ умиленія вспомнить, что въ царствованіе Сигизмунда Августа ни одной капли крови не пролито въ Польшѣ за разность Вѣръ: обстоятельство, приносящее честь и Королю и всему народу. Науки при немъ были въ цвѣтущемъ состояніи. Сигизмундъ Августъ любилъ Польской языкъ, и сдѣлалъ его господствующимъ въ Литвѣ. При немъ-то возникъ золотой вѣкъ Литтературы Польской, и по каждой части наукъ не было недостатка въ ученыхъ. Съ того времени начали на Польскомъ языкѣ писать Уставы, права̀ или Конституціи. Тогда снискали извѣстность: Поэтъ Николай Рей Нагловицкій, Ораторъ и дѣеписатель Станиславъ Оржеховскій, Историки Лука Гурницкій, Криштофъ Варшевицкій, Вар-

ѳоломей Папроцкій и Политикъ Андрей Фричь Модржевскій. — Въ царствованіе Сигизмунда вышли въ свѣтъ двѣ Польскія Библіи: одну издали въ 1561 году Доминиканецъ и Академикъ Леонардъ, Іоаннъ Леополитъ и Николай Шарфенбергеръ, а другую, вышедшую въ свѣтъ въ 1563 году въ Брестѣ Литовскомъ, иждивеніемъ Несвижскаго и Олыкскаго владѣльца Князя Николая Радзивилла Чернаго, переводили въ Пинчовѣ Янъ Ласкій, Симонъ Зацій, Петръ Статорій изъ Тіонвиля, Григорій Орсацій, Андрей Тржецѣскій, Іаковъ изъ Люблина и иные. Сіи оба изданія доселѣ дѣлаютъ честь Полякамъ.—Сигизмундъ Августъ пользовался толикимъ уваженіемъ, что Императоръ Максимиліанъ II просилъ его быть судьею между собою и племянникомъ своимъ Венгерскимъ Королевичемъ Іоанномъ Сигизмундомъ. Ганзейскіе города избрали его своимъ Протекторомъ; но какъ разсмотрѣніе сего обстоятельства отложено было до Сейма, то и Протекторство кончилось ничѣмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Король былъ счастливѣе въ выборѣ супругъ и оставилъ послѣ себѣ потомство, Польша имѣла бы иную участь. Съ помощію мелкаго Дворянства, Король получилъ обратно столовыя Староства и имѣнія. Не смотря на безпрестанныя покушенія къ ограниченію Королевской власти, Сигизмундъ Августъ не допу-

стилъ нималѣйшаго ущерба оной, и вооружась твердостію духа, удержалъ ненарушимымъ все, что наслѣдовалъ отъ предковъ. Но не имѣя дѣтей и потерявъ надежду имѣть оныхъ, онъ не могъ, по слабости здоровья, привести въ исполненіе намѣреніе свое объ учрежденіи права наслѣдованія, тѣмъ болѣе, что Вельможи уже помышляли о свободномъ избраніи Короля. Надѣясь жить долго, онъ выдалъ двухъ своихъ сестеръ за мужъ за границею; дѣти ихъ были еще не способны къ правленію; третья же сестра оставалась дѣвицею. Несчастному случаю приписывать должно, что между тѣмъ, какъ въ другихъ Государствахъ избирательное правленіе замѣнялось наслѣдственнымъ, въ Польшѣ напротивъ того, достояніе Ягелловъ подлежало свободному избранію, погрузившему наконецъ Государство въ бездонную пропасть бѣдствій. — Не задолго до кончины Короля Сигизмунда Августа, новый Волошскій Господарь Ивонія учинилъ присягу въ вѣрности.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КОРОЛИ ПОЛЬСКІЕ

свободно избираемые.

1572 — 1794.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Цвѣтущее состояніе Республики.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1572, 1573)

Смертію Сигизмунда Августа пресѣкся родъ Ягелловъ. Вельможи и Дворянство, увлекаясь духомъ вольности и желаніемъ распространить собственныя выгоды, ложно думали, что свободный выборъ Королей, безъ вниманія къ ихъ происхожденію, но единственно по уваженію личныхъ достоинствъ и заслугъ, предупредитъ не только всѣ злоупотребленія самовластія, но и пред-

охранитъ Республику отъ всякихъ какъ внутреннихъ такъ и внѣшнихъ бѣдствій. Время доказало неосновательность таковаго разсужденія, и убѣдило, что случай и счастіе не рѣдко берутъ верхъ надъ мудростію человѣческою, и что кажется весьма хорошимъ по теоріи, оказывается весьма вреднымъ на самомъ дѣлѣ. Не смотря на то, что Поляки ни одному народу не уступали ни въ любви къ Отечеству, ни въ доброй нравственности и мужествѣ, и у нихъ, какъ и вездѣ, злые люди были сильнѣе добрыхъ, а добрые, увлекаясь страстями, впадали иногда неумышленно въ погрѣшности, вреднѣйшія тѣхъ, которыя чинимы были съ злымъ намѣреніемъ. Польша находилась не въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ нѣкогда Республика Римская: она не была окружена ни мелкими невѣжественными народами, ни слабыми Государствами, кои сами собою клонились къ упадку. Напротивъ того съ Востока грозила Польшѣ Турецкая Имперія, съ другой стороны ей должно было опасаться могущественной Россіи, которую потомъ только Самозванцы удерживали нѣсколько отъ нападеній на Польшу; на Западѣ Австрійскій Домъ безпрестанно пріобрѣталъ новыя силы, замѣнивъ правленіе избирательное наслѣдственнымъ. Отъ бѣдной Швеціи, по видимому, не было никакой опасности; но, по стече-

нію обстоятельствъ, она-то и была главною виною потрясенія Польскаго Государства посредствомъ войнъ, которыя для Поляковъ были чуждыми, но чрезъ несчастливое избраніе Короля сдѣлались для нея гибельными. Самая же большая опасность скрывалась въ составѣ самаго Государства: излишняя свобода родила раздоры, а частные виды Вельможъ заставляли ихъ забывать о пользѣ общественной. Какъ нѣкогда народъ не оказывалъ никакого пособія Королямъ наслѣдственнымъ, такъ въ сіе время Короли въ свою очередь не поддерживали усилій народа, когда общественныя бѣдствія пробуждали мужество онаго отъ усыпленія. Для происковъ, сдѣлавшихся обыкновенными въ царствованіе Дома Ягелловъ, открылось еще обширнѣйшее поле, и Отечество дорогою цѣною расплачивалось за дѣйствія своихъ гражданъ.

Первое избраніе Короля было чрезвычайно шумно и неудачно. Умы, раздѣляемые разностію Вѣръ, раздѣлились на партіи. Католики желали имѣть Короля Католика; но малое ихъ число въ Сенатѣ не давало имъ большой надежды. Протестанты имѣли совсѣмъ противныя желанія. Короны домогались: Нѣмецкій Императоръ Максимиліанъ II для сына своего Эрц-Герцога Эрнста, Французскій Король Карлъ IX для брата Генриха, и Король Шведскій Іоаннъ III для самаго себя

или для шестилѣтняго сына своего Сигизмунда. Литва, для прекращенія войнъ съ Россіею, почти единодушно желала поднести корону Іоанну Васильевичу, между тѣмъ какъ Коронный Маршалъ, Краковскій Воевода Янъ Фирлей, глава партіи Швейцарскаго Исповѣданія, намѣревался самъ возложить оную на себя. Но онъ нашелъ сильныхъ противниковъ въ Зборовскомъ и Гуркахъ, начальникахъ Аугсбургской партіи. Малопольское Дворянство, собравшись въ Краковѣ, приняло мѣры къ соблюденію общественной безопасности на время междоцарствія, безъ участія въ томъ Гнѣзненскаго Архіепископа Іакова Уханскаго, которому таковое неуваженіе къ его особѣ было весьма непріятно. На съѣздѣ Ловицкомъ онъ назначилъ общій съѣздъ въ Книшинѣ. Но Малая Польша и Литва, состоявшія большею частію изъ не-Католиковъ, противились сему съѣзду, и держа сторону Короннаго Маршала Фирлея, отказывали Примасу въ правѣ созывать Сеймы. Великопольскіе Лютеране, опасаясь, чтобъ корона не досталась Кальвинисту, соединились съ Католиками, и предоставили Примасу обще съ Государственными Чинами назначить время и мѣсто для общаго Сейма, къ чему, послѣдуя примѣру Зборовскихъ, пристала и бо́льшая часть Малой Польши и Литвы, завидовавшихъ Фирлею. Въ Каскахъ положено со-

браться Конвокаціонному Сейму въ Варшаву къ 6 Января слѣдующаго 1573 года; при семъ случаѣ за Примасомъ оставлено прежнее право назначать Сеймы, на которыхъ Коронному Маршалу отъ имени его и Государственныхъ Чиновъ надлежало быть распорядителемъ. Такимъ образомъ рушились планы Фирлея. На Сеймѣ оказалось величайшее несогласіе; и хотя можно было сказать, что въ семъ собраніи сбылась пословица: *сколько головъ, столько умовъ*, однакожъ тогдашнія добродѣтели Поляковъ не допустили буйные умы до злодѣйства, и дѣло кончилось довольно успѣшно. Во первыхъ сдѣлано постановленіе въ отношеніи къ Вѣрѣ, по которому возстановлено согласіе между разновѣрцами: ибо Польское Духовенство, умѣреннѣйшее нежели въ другихъ Государствахъ, постигало необходимость согласиться на то, чего уже не льзя воспретить, дабы упорствомъ не лишиться того, что можно было сохранить. Куявскій Епископъ Янъ Карнковскій, ревностнѣйшій защитникъ Католической Вѣры, самъ написалъ сей артикулъ, обезпечивъ предварительно ненарушимость Церковныхъ обрядовъ для Католиковъ. Но, кромѣ Краковскаго Епископа Красинскаго, всѣ прочіе Епископы отказались отъ подписанія сего постановленія: они забыли, что только кротость рѣшенія по дѣлу Оржеховскаго и иныхъ удержала ученѣйшихъ лю-

дей въ нѣдрахъ Католической Церкви. Элекціонный Сеймъ назначенъ 7 Апрѣля за предмѣстіемъ Прагою на мѣстѣ, называемомъ *подъ Камнемъ.* Положено, чтобы избранный Дворянствомъ Король наименованъ былъ Примасомъ и провозглашенъ Маршаломъ.

Дѣятельность Французскаго Посла Іоанна Монлюкъ, Валенцскаго Епископа, склонила большинство голосовъ на сторону Генриха Валуа, потому что дерзкіе поступки Австрійскихъ агентовъ весьма не нравились Полякамъ, и безъ того уже не благопріятствовавшимъ Австрійскому Дому, содѣлавшему Богемію и Венгрію изъ избирательныхъ Государствъ наслѣдственными. Султанъ Турецкій явно желалъ, чтобы Поляки не избирали Короля изъ Австрійскаго Дома, и предлагалъ имъ Пяста: Примаса, Фирлея, или кого угодно. Янъ Фирлей, съ своей стороны, и не-Католики всѣми силами противились избранію Генриха, по причинѣ кровопролитія, совершеннаго въ Парижѣ надъ Гугенотами въ день Св. Варѳоломея (18). Они уже замышляли составить заговоръ, и объявить Королемъ Бецкаго Кастеллана, Яна Шафранца; но Янъ Замойскій остановилъ злой умыселъ Вельможъ предложеніемъ, чтобы всѣ Кандидаты непремѣнно подвергнулись правамъ избирательнымъ и сами не присутствовали при выборахъ. Послѣ сего никто не смѣлъ явно предлагать Шафранца,

и заговоръ не состоялся. Но трудно было согласить безпокойные умы, обуреваемые духомъ партій. Нѣкоторые предлагали корону Императорскому Послу, богатому Богемцу Вильгельму Розенбергскому; но, по мнѣнію однихъ, онъ самъ отказался отъ оной; по свидѣтельству же другихъ старательства его оказались безуспѣшными: ибо всѣ противники Генриха уже согласились въ пользу Эрнста, Эрц-Герцога Австрійскаго. Но какъ партія Французская была сильнѣе, то Примасъ нарекъ Королемъ Анжуйскаго Герцога *Генриха Валуа*, брата Французскаго Короля Карла IX.

Противная партія отступила къ Грохову. Замѣтивъ слабость силъ своихъ, она согласилась признать Генриха Королемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ далъ присягу въ соблюденіи спокойствія между разновѣрцами, а братъ его Карлъ IX таковую же свободу Гугенотамъ во Франціи. Монлюкъ, щедрый въ обѣщаніяхъ, согласился на всѣ предложенныя ему условія. —Пункты были слѣдующіе: Франціи и Польшѣ состоять въ вѣчномъ мирѣ и оказывать другъ другу взаимную помощь; Франціи на своемъ коштѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ содержать противъ Россіи 4.000 пѣхоты Гасконской; на Балтійскомъ морѣ содержать ей флотъ для воспрепятствованія Нарвской торговлѣ, находившейся въ рукахъ Русскихъ;

городъ сей взять и возвратить Польшѣ; учредить свободную торговлю во Францiи; уплатить долги, оставшiеся послѣ покойнаго Короля, и другiе, сдѣланные Республикою; обезпечить сохраненiе всѣхъ правъ и преимуществъ и исполненiе разныхъ обѣщанiй, гласныхъ и тайныхъ, Посломъ данныхъ: въ случаѣ не сдержанiя слова, народъ воленъ по вновь составленнымъ артикуламъ (19) сложить съ себя подданство. Несчастное право, бывшее причиною погибели столькихъ народовъ!—Послѣ подписанiя сихъ пунктовъ, Монлюкъ присягнулъ, а Великiй Коронный Маршалъ Янъ Фирлей, 17 Маiя 1573 г., провозгласилъ Генриха Королемъ Польскимъ. Одни только Прусскiе города еще держали сторону Эрнста.

ГЕНРИХЪ ВАЛУА.

(1573—1574).

Во Францiю отправились въ Посольствѣ со стороны Польши: Познанскiй Епископъ Адамъ Конарскiй, Сѣрадскiй Воевода Войцѣхъ Ласкiй, Войницкiй Кастелланъ Янъ Тенчинскiй, Гнѣзненскiй Кастелланъ Янъ Томицкiй, Мендзиржецкiй Кастелланъ Янъ Гербуртъ, и Рацiонжскiй Кастелланъ Станиславъ Кржискiй; отъ Литвы Олыкскiй и Несвижскiй Князь

Николай Радзивиллъ-Сѣрота; отъ военнаго сословія со стороны Польши: Казиміровскій Староста Николай Фирлей, Белзскій Староста Янъ Замойскій, Одоляновскій Староста Янъ Зборовскій и Николай Томицкій; изъ Литвы Александръ Пронскій. Торжественный въѣздъ сего Посольства (20) обратилъ на себя общее вниманіе (21). Съ того времени Французы начали имѣть лучшее понятіе о Польшѣ и Полякахъ, нежели какое дотолѣ имѣли, какъ о народѣ Сѣверномъ. Гугеноты, осажденные въ Санцеррѣ, чрезъ посредство Польскаго Посольства, получили довольно выгодный миръ; но всѣхъ требуемыхъ для нихъ правъ Карлъ IX никакъ не соглашался даровать, гнѣваясь на обѣщанія Посла своего Монлюка, слишкомъ поспѣшныя. Гдѣ требованія слишкомъ велики, тамъ обыкновенно меньше бываетъ успѣха: такъ случилось и здѣсь. Познанскій Епископъ Адамъ Конарскій, Сѣрадскій Воевода Войцѣхъ Ласкій и Князь Николай Криштофъ Радзивиллъ, вновь обращенный Католикъ, протестовали противъ артикула о правахъ не-Католиковъ въ Польшѣ, свидѣтельствуя, что на оный не было общаго согласія. Генрихъ, опасаясь оскорбить Папу и Французскихъ Католиковъ, колебался учинить присягу на сей пунктъ; но объясненіе Яна Зборовскаго, что онъ никогда не былъ бы Королемъ Польскимъ, еслибъ можно было предвидѣть его

сомнѣнія—склонило его къ принятію предложенія. Генрихъ обще съ братомъ Карломъ IX учинилъ присягу въ Парижѣ 10 Сентября 1573, а 4 или 5 Октября изъ сей Столицы выѣхалъ въ Польшу, на границы коея прибылъ 25 Января 1574 г. Причиною столь позднаго отъѣзда и медленнаго путешествія, была тайная надежда Генриха наслѣдовать престолъ Французскій: ибо здоровье Карла IX весьма слабѣло; Генрихъ намѣревался еще долѣе оставаться въ Парижѣ, но просьбы и даже угрозы брата принудили его къ отъѣзду. 21 Февраля происходило коронованіе Генриха. На торжество сіе собрались и Послы Прусскіе, съ домогательствомъ разныхъ новостей, на которыя Поляки не могли согласиться. Генрихъ во время церемоніи возобновилъ свои сомнѣнія въ разсужденіи разновѣрцевъ; но когда Великій Маршалъ Коронный грозилъ уйти изъ церкви съ короною, то онъ торжественно, хотя и не безъ оговорокъ, присягнулъ на всѣ артикулы (22). Несчастное происшествіе на семъ Сеймѣ вовлекло Польшу на долгое время въ междоусобную вражду. Самуилъ Зборовскій, выходя изъ замка, бросился съ саблею на Яна Тенчинскаго, и когда они начали рубиться, Перемышльскій Кастелланъ Андрей Ваповскій, стараясь разлучить ихъ, былъ смертельно раненъ Зборовскимъ въ присутствіи самаго Короля. Король

осудилъ Зборовскаго на изгнаніе изъ Отечества, впрочемъ съ сохраненіемъ званія и всего имущества: столь легкое наказаніе сочтено было знакомъ неправосудія Короля, котораго поведеніе безпрестанно болѣе и болѣе отвращало отъ него сердца народа. Между тѣмъ получено извѣстіе о кончинѣ брата его Карла IX, послѣдовавшей 30 Маія. Въ слѣдствіе сего Король созвалъ Совѣтъ для разсужденія о томъ, что ему дѣлать должно. Сдѣланное ему предложеніе, дабы онъ назначилъ Сеймъ, для полученія согласія на отъѣздъ во Францію, показалось ему мѣрою, слишкомъ продолжительною. Для того онъ 18 Іюля одинъ, тайно, на Турецкой лошади, бѣжалъ въ Силезію, оставивъ въ спальнѣ своей письма къ нѣкоторымъ Сенаторамъ, съ увѣреніемъ, что онъ скоро возвратится, и что изъ опасенія лишиться Французскаго престола, онъ долженъ былъ поспѣшать во Францію. На другой день, коль скоро бѣгство Короля сдѣлалось извѣстнымъ, Подкоморій Янъ Тенчинскій и Николай Зебржидовскій пустились за нимъ въ погоню; но догнали его уже на Силезской границѣ за Освѣцимомъ или за Плейсомъ (Pszczyna), гдѣ онъ ѣхалъ въ коляскѣ и находился внѣ опасности быть задержаннымъ. Тенчинскій и Зебржидовскій пали къ ногамъ Короля и со слезами умоляли его возвратиться; онъ отказалъ имъ въ томъ весьма учти-

во, и самъ, растроганный до слезъ, отвѣчалъ, что не желая утратить Франціи, онъ не можетъ возвратиться. Дабы не терять времени, онъ пригласилъ обоихъ ихъ въ свою коляску, и отъѣхавъ вмѣстѣ съ ними нѣкоторое разстояніе, вручилъ Тенчинскому перстень въ залогъ своего возвращенія, и просилъ чтобы оставленныя имъ письма розданы были по адресамъ. Простясь съ ними, Король направилъ путь къ Вѣнѣ, а оттуда въ Парижъ, чрезъ Венецію, Туринъ и Ліонъ.

Отбытіе Короля возбудило общее негодованіе въ народѣ Польскомъ. Примасъ созвалъ Сеймъ въ Варшаву на 24 Августа, и на ономъ назначилъ 12 Маія слѣдующаго года послѣднимъ срокомъ, въ которой Генрихъ долженъ былъ лишиться короны, если не возвратится въ Польшу. Будучи слишкомъ занятъ дѣлами своими во Франціи, онъ не возвратился; и потому на Сеймѣ въ Стенжицѣ, 26 Маія, 1575 г. объявлено междоцарствіе и для новаго избранія Короля назначено 7 Ноября того же года.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1575—1576)

Между тѣмъ какъ въ Польшѣ всѣ умы заняты были междоцарствіемъ, Волошскій Господарь Ивонія, Польскій голдовникъ, потерялъ свои владѣнія, которыя купилъ у Турокъ Молдавскій Воевода Петръ. Вѣрный другъ Ивоніи, Сверчовскій съ 1300 козаковъ, явивъ удивительное и почти невѣроятное мужество, погибъ въ сей войнѣ отъ измѣны Волоховъ. Случай сей едва не былъ причиною разрыва съ Турціею. Братъ Татарскаго Хана Адель-Гирей вторгнулся въ Русь и до 20.000 народа увелъ съ собою въ неволю. — Сіи бѣдствія ни мало не склонили къ единодушію Поляковъ, раздѣляемыхъ раздорами.

Короны Польской искали: сынъ Императора Максимиліана II, Австрійскій Эрцгерцогъ Эрнстъ, братъ того же Императора Австрійскій Эрцгерцогъ Фердинандъ Тирольскій, Король Шведскій Іоаннъ съ сыномъ своимъ Сигизмундомъ, Алфонсъ Герцогъ Феррарскій и Моденскій, и Стефанъ Баторій, Воевода или Князь Седмиградскій, у котораго про-

живалъ Самуилъ Зборовскій. Сенаторы изъ Духовенства всѣ расположены были въ пользу самаго Императора, хотя онъ и не искалъ для себя короны; свѣтскіе же раздѣлились на двѣ партіи: одна благопріятствовала Максимиліану, другая Эрнсту. Нѣкоторые напротивъ того желали имѣть Королемъ кого либо изъ Пястовъ. Коронный Надворный Маршалъ Георгій Зборовскій подалъ голосъ въ пользу Стефана Баторія. Дворянство требовало одного изъ Эрцгерцоговъ Австрійскихъ, или же Пяста. Главою сей послѣдней партіи былъ Янъ Замойскій, къ которому пристало наконецъ и все военное сословіе. Сендомирскій Воевода Янъ Костка и Воевода Белзскій Янъ Тенчинскій, объявленные отъ Дворянства Кандидатами, отказались отъ таковой чести и объявили, что не желая сами царствовать, они довольствуются правомъ избранія Королей. По невозможности согласить умы, Примасъ Уханскій 12 Декабря 1575 г. нарекъ Королемъ Императора Максимиліана II, а Великій Коронный Маршалъ Андрей Опалинскій возвѣстилъ народу о таковомъ нареченіи; но раздраженная симъ поступкомъ большая часть Сенаторовъ и все военное сословіе соединились съ Яномъ Замойскимъ, который, оставъ отъ мысли избрать Пяста, 14 Декабря объявилъ Королевою Анну Ягелло, послѣднюю сестру Сигизмунда Августа, назначивъ ей су-

пругомъ Спефана Баторія, Седмиградскаго Князя; поелику же все Духовенство держалось стороны Примаса, то Янъ Сенинскій повторилъ объявленіе о избраніи Максимиліана. Обѣ стороны отправили Посольство, съ приглашеніемъ избранныхъ на тронъ, и назначили съѣздъ: партія Примасова въ Ловичѣ, а партія Замойскаго въ Андреевѣ. Вмѣсто Стефана немедленно дали присягу придворный его врачь Георгій Бландрата и Мартинъ Беревичи, съ объявленіемъ, что Государь ихъ для личной присяги явится въ Андреевѣ 18 Января 1576 г. Содержаніе присяги было слѣдующее: Король подтвердитъ всѣ права и преимущества; уплатитъ долги Республики; возвратитъ завоеванныя Россіею области; возобновитъ союзъ съ Турками; усмиритъ Татаръ и обновитъ всѣ крѣпости; подтвердитъ, условія, предложенныя Генриху Валуа; не будетъ просить помощи иноземцевъ безъ согласія Государственныхъ Чиновъ; не станетъ наемныхъ воиновъ посылать за границу; въ случаѣ же крайней надобности, на собственномъ иждивеніи выставитъ 1.500 человѣкъ пѣхоты.

Нерѣшительность Максимиліана II въ томъ, принять ли ему корону или отказаться отъ оной, намѣреніе дождаться Германскаго Сейма, чтобы испросить совѣта у Имперскихъ Курфирстовъ, и желаніе, чтобы одинъ изъ его сыновей былъ Королемъ Поль-

скимъ—всѣ сіи обстоятельства усилили противную партію. Польское Духовенство опасалось правленія Стефана по той причинѣ, что весь дворъ его состоялъ изъ не-Католиковъ. Георгій Бландрата былъ Аріанинъ, а все Седмиградское Княжество раздѣлялось на разныя Вѣроисповѣданія. Хотя самъ Стефанъ и былъ Католикъ; но Польскіе не-Католики питали надежду, что онъ перемѣнитъ Вѣру. Высокомѣрный отвѣтъ Императора Максиміліана II, (1575 г.) данный партіи Баторія, охладилъ къ нему сердца Поляковъ. Съѣздъ въ Андреевѣ (1576 г.) увеличился прибытіемъ многихъ Сенаторовъ и Куявскаго Епископа Яна Карнковскаго, который предложилъ услуги свои Стефану, если онъ увѣритъ его въ твердости Вѣры своей. Іеронимъ Филиповскій, посолъ Стефана, не прибывшаго еще въ собраніе, далъ вторичную присягу. Въ слѣдствіе сего Императорскимъ Посламъ объявлено, что избраніе Максиміліана было беззаконное; когда же Примасъ оставался непреклоннымъ къ сторонѣ Стефана, то всѣ его послѣдователи, противники Баторія, объявлены врагами Отечества. Стефанъ пригласилъ Карнковскаго на границу, дабы лично удостовѣрить его, что онъ, равно какъ и предки его, всегда пребывалъ въ Католической Вѣрѣ. Но опасаясь раздражить не-Католиковъ, онъ откладывалъ публичное о семъ объявленіе; однакожь для предупрежде-

нія Императора учинилъ присягу 8 Февраля въ Меггисѣ, и съ 3.000 войска, перешедши чрезъ Валахію, остановился въ Снятынѣ, гдѣ свѣдавъ отъ Суликовскаго, посланнаго Епископомъ Карнковскимъ, что не иначе можетъ получить корону какъ послѣ публичнаго объявленія себя Католикомъ, присутствіемъ своимъ при совершеніи Литургіи доказалъ намѣреніе оставаться въ Католической Вѣрѣ, не смотря на сожалѣніе Польскихъ Пословъ, не принадлежавшихъ къ Католической церкви. Въ Краковъ прибылъ Стефанъ 22 Апрѣля; 1 Майя совершено Карнковскимъ коронованіе его и Королевны Анны, а 2 того же мѣсяца было ихъ обрученіе. Сіе послѣднее дѣйствіе было весьма не по сердцу Стефану: ибо ему было только 42, Аннѣ же 52 года. Предшественникъ Баторія, Генрихъ отказался отъ брака съ нею, какъ не предложеннаго ему въ условіяхъ; а Стефанъ не имѣлъ никакого предлога отклонить отъ себя таковое супружество.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ.

(1576—1586)

Когда всѣ старанія склонить Примаса къ согласію на съѣздахъ въ Ловичѣ 28 Февраля и въ Варшавѣ 9 Апрѣля 1576 года оказались тщетными, Король рѣшился силою оружія принудить его къ послушанію. Примасъ предупредилъ дѣйствія Короля, признавъ его Государемъ и учинивъ въ Варшавѣ присягу. Примѣру сему, по убѣжденію Яна Ходкѣвича, послѣдовала и Литва. Только Данцигъ и Пруссія еще колебались признать Королемъ Стефана. Король двинулся съ войскомъ въ Пруссію, гдѣ всѣ города сдались ему (1576, 1577 г.), кромѣ Данцига, полагавшагося на свои укрѣпленія и на наемное Нѣмецкое войско и не хотѣвшаго покориться, ибо онъ опасался ограниченія правъ своихъ и преимуществъ. Побѣда всегда была на сторонѣ Поляковъ, но трудно было овладѣть укрѣпленнымъ городомъ. При посредничествѣ Германскихъ Князей заключенъ миръ въ Маріенбургѣ 11 Декабря 1577 года. Городъ заплатилъ Королю 200.000 злотыхъ, и сверхъ того внесъ столько же на

возобновленіе Оливскаго монастыря, разрушеннаго чернію.

Война Ливонская наипаче содѣйствовала заключенію мира съ Данцигомъ. Іоаннъ IV Васильевичь,—узнавъ что Датскій Королевичь Магнусъ, наскучивъ пустымъ титуломъ Ливонскаго Короля, намѣревался пристать къ Полякамъ—занялъ остальную часть Ливоніи кромѣ Риги и нѣкоторыхъ замковъ. Въ увѣренности что безъ труда овладѣетъ и всею Ливоніею, онъ заключилъ Магнуса въ темницу и объявилъ Польшѣ войну. Но Царь ошибся въ своихъ надеждахъ: ему предстояло имѣть дѣло не съ слабымъ Сигизмундомъ I, не съ безпечнымъ Сигизмундомъ Августомъ II. Дѣятельный Стефанъ выслалъ Литовское Дворянство, подъ начальствомъ Николая Радзивилла, на защиту Литвы и Риги, и назначилъ въ Варшавѣ Сеймъ (1578) для собранія денегъ на военныя издержки. По недостатку финансовъ онъ далъ Инвеституру на Польскую Пруссію и право администраціи въ оной Аншпахскому Маркграфу Георгу Фридриху.—Послѣ того Король Стефанъ устроилъ войско козаковъ, далъ имъ Гетмана и замокъ Трехтимировъ, и возложивъ на нихъ обязанность имѣть всегда въ готовности 6.000 войска, предписалъ имъ строгую военную дисциплину. Городъ Батуринъ и въ наше время остается памятникомъ благоразумныхъ

учрежденій Стефана Баторія.—Король нанялъ значительное число Венгровъ и Нѣмцевъ. Таковыя пріуготовленія и пораженіе Россіянъ Андреемъ Сапѣгою подъ Венденомъ,—гдѣ ихъ легло 6.000 на мѣстѣ, между тѣмъ какъ остальные должны были снять осаду города—предвѣщали счастливую будущность (23).

(1579). — Король съ 30 000 войска самъ выступилъ къ Полоцку. Поляками предводительствовалъ Коронный Гетманъ Мелецкій, Литовцами Великій Литовскій Гетманъ Князь Николай Радзивиллъ; надъ пятью тысячами Венгровъ начальствовалъ Каспаръ Бекѣшъ, нѣкогда величайшій врагъ Короля, а тогда вѣрнѣйшій другъ его. Послѣ сильнаго приступа Полоцкъ покорился, а въ слѣдъ за нимъ сдались Соколъ, Туробинъ и Суша. Такимъ образомъ все Полоцкое Воеводство возвращено Литвѣ, а изгнанное изъ онаго Дворянство получило прежнія свои владѣнія. Между тѣмъ Князь Константинъ Острожскій опустошалъ Сѣверскую область, и простеръ свои побѣды даже до окрестностей Смоленска. Двѣ тысячи селъ и мѣстечекъ Русскихъ испытали тѣ же бѣдствія, которыя терпѣла Литва отъ Россіи во времена Ягелловъ.—Для поддержанія войны положено было собрать двугодичную подать.—Великія Луки, Велижъ, Усвятъ, Невель, Езерице, Завольчье покорились Полякамъ; въ то же время Мелецкій, поссо-

рясь съ Венграми, сложилъ съ себя Гетманское званіе и великая булава отдана Яну Замойскому. Сіи столь славные подвиги склонили Ригу (1581), до того времени непокорную, дать присягу на подданство; Царь же, увѣрясь въ невозможности противоборствовать силамъ Стефана, просилъ мира. Но предвидя, что Король не согласится на миръ, пока онъ не возвратитъ ему Ливоніи,—Іоаннъ Васильевичь предложилъ Папѣ и Императору Римскому соединеніе народа своего съ Католическою Церковью и союзъ противъ Турокъ, и просилъ ихъ быть посредниками при заключеніи мира съ Королемъ Стефаномъ. Въ то самое время Король держалъ въ осадѣ Псковъ, и какъ городъ сей защищался съ большимъ упорствомъ, то онъ поручилъ осаду Замойскому, а самъ уѣхалъ въ Варшаву на Сеймъ. Тамъ, по убѣжденію Іезуита Антонія Поссевина, ѣздившаго къ Царю съ посольствомъ отъ Папы, Король склонился къ заключенію перемирія на десять лѣтъ.

Миръ или лучше сказать перемиріе заключено въ Киверовой горѣ 15 Янв. 1582 г.; но поелику переговоры объ ономъ начались въ Запольѣ, то и самый трактатъ называется *Запольскимъ*. За Польшею осталось одно только Полоцкое Воеводство; Великія Луки, Псковъ и другія крѣпости и уѣзды отданы Ливоніи. Къ заключенію сего трактата мно-

го способствовала хитрость Шведскаго Короля Іоанна, который, вмѣсто того чтобъ воевать Россію, какъ то совѣтовалъ ему Король Польскій, забиралъ въ Ливоніи за̀мки и города, по всѣмъ правамъ Польшѣ принадлежавшіе. По сей причинѣ Стефанъ, кончивъ войну съ Россіею, отправлялъ въ Швецію два посольства, одно послѣ другаго, требуя отъ оной возвращенія Эстоніи, которою завладѣли Шведы; но Король Шведскій отказывался отъ исполненія сего требованія, возобновляя старинныя притязанія на приданое супруги своей, Екатерины Ягелло, сестры Сигизмунда Августа. Сверхъ того объявляя мнимыя права̀ свои на Ливонію, онъ тѣмъ рѣшительнѣе отказывался отъ исполненія домогательства Польши, что видѣлъ Стефана въ весьма затруднительномъ положеніи отъ внутреннихъ безпокойствъ. Но сей великій мужъ, равно дѣятельный во время мирное, какъ и храбрый на полѣ битвы, предотвращалъ всѣ бѣдствія твердостію своего духа. Онъ дѣйствовалъ рѣшительно, и чего не могъ достигнуть вдругъ, — какъ на пр. учрежденія порядка избранія и наслѣдованія престола, и постоянной воинской дисциплины, — то предоставлялъ времени и перемѣнѣ обстоятельствъ. Во всѣхъ благихъ начинаніяхъ Короля дѣятельнѣйшимъ ему помощникомъ былъ Янъ Замойскій, который собственнымъ ополченіемъ

обезпечилъ отъ Турокъ Польскія границы. — Ливонія (1583 г.) раздѣлена на три Воеводства: Венденское, Дерптское и Перновское, а вмѣсто нѣсколькихъ Епископствъ, уничтожившихся съ распространеніемъ Реформаціи, учреждено только одно, въ Венденѣ. Ливонское Дворянство получило одинакія права съ Польскимъ, а Пильтенскій округъ, купленный у Датскаго Короля за 30.000 талеровъ, отданъ (1584 г.) въ залогъ Герцогу Прусскому, уплатившему сію сумму.—

Въ то же время, на основаніи прежняго, отложеннаго до времени Королевскаго рѣшенія, казненъ въ Варшавѣ Самуилъ Зборовскій, по приказанію Яна Замойскаго, который, въ качествѣ Старосты Краковскаго, захватилъ его въ селѣ Пекарахъ подъ Прошовицами изъ дома Спадницкихъ. Поводомъ къ таковому со стороны Замайскаго поступку было сопротивленіе Зборовскаго выѣхать изъ Польши, и угрозы его противъ особы Короля. Въ самомъ дѣлѣ тогда же открытъ заговоръ на жизнь Короля, составленный тремя братьями Зборовскими, т. е. тѣмъ же Самуиломъ, Коронымъ Подчашимъ Криштофомъ и Надворнымъ Маршаломъ Андреемъ. Сіи Вельможи, оскорбясь, что Стефанъ, ввѣрясь Замойскому, поступалъ не по ихъ плану и совѣтамъ, рѣшились лишить Короля и престола и жизни. Старшій ихъ братъ, Янъ, Гнѣзненскій Кастелланъ, не

участвовавшій въ семъ гнусномъ заговорѣ, успѣлъ-было снискать милость Короля для двухъ изъ нихъ, Криштофа и Андрея; но Криштофъ, не довѣряя чистосердечію Стефана, бѣжалъ въ Моравію: въ слѣдствіе сего онъ лишенъ правъ Гражданства, а дѣло Андрея отложено на будущее время. Правый судъ Короля, 1586 г., раздражилъ Дворянство, пріобыкшее къ мягкосердечію Ягелловъ; но Стефанъ, желая возстановить въ Республикѣ порядокъ, не могъ иначе дѣйствовать (24). Волненіе умовъ не отвлекало Короля отъ исполненія его предначертаній: Провидѣніе даровало Польшѣ Стефана для того, чтобъ показать свѣту, что Геній можетъ со временемъ одолѣть всѣ затрудненія. Съ увѣренностію можно было полагать, что Баторій приведетъ Польшу въ устройство и упрочитъ ея благоденствіе установленіемъ наслѣдственнаго правленія, или по крайней мѣрѣ начертитъ законъ о порядкѣ избранія Государей; но къ величайшему несчастію Поляки лишились сего героя въ самое то время, когда онъ, казалось, уже приближался къ предназначенной цѣли.

После кончины Іоанна IV Васильевича Король Стефанъ намѣревался завоевать Россію, и тѣмъ самымъ усмирить Турокъ. Съ сею цѣлію онъ послалъ въ Римъ племянника своего Вармійскаго Епископа Кардинала Андрея Баторія и Іезуита Антонія Поссевина (25)

съ просьбою о денежнемъ пособіи. Сикстъ V, мужъ великаго ума, лучшій изъ Римскихъ Первосвященниковъ, обѣщалъ Королю въ продолженіе всей войны давать по 25.000 скудіевъ въ мѣсяцъ, и что такое обѣщаніе было искреннее, въ томъ ручалась важность слово Сикста V, извѣстная всему свѣту. Среди сихъ намѣреній Король непремѣнно хотѣлъ учредить право наслѣдованія престола или правила избранія Государей, и потому думалъ уже о великодушномъ прощеніи Зборовскихъ, желая симъ поступкомъ болѣе привязать къ себѣ сердца народа; но нечаянная смерть, постигшая его въ Гроднѣ, 12 Дек. 1586 г., прекратила всѣ сіи великія намѣренія, и повергла несчастную Польшу въ бездну новыхъ бѣдствій.

Стефанъ Баторій родился въ Венгріи 25 Сентября 1532 г., отъ благородныхъ, но не богатыхъ родителей. Сначала онъ служилъ Фердинанду I, съ дочерью котораго Екатериною — потомъ третьею супругою Сигизмунда Августа, находившеюся въ первомъ супружествѣ за Мантуанскимъ Герцогомъ — посланъ былъ въ Италію, и разгнѣвавшись на Фердинанда I за то, что онъ не выкупилъ его изъ Венгерскаго плѣна, присталъ къ Іоанну Сигизмунду. Во время пребыванія его у Максиміліана II, въ качествѣ Сигизмундова посла, Нѣмцы, подъ предлогомъ разрыва пере-

мирія, заключили его въ темницу, въ которой онъ пробылъ три года подъ строгимъ надзоромъ. Время заключенія своего онъ употребилъ на чтеніе Историковъ, изъ которыхъ особенно любилъ Юлія Цезаря, коего зналъ почти наизусть. Освободясь изъ заключенія, онъ поступилъ на Седмиградское Княженіе въ 1570 г., по смерти Іоанна Сигизмунда, и удержался на ономъ противъ Гаспара Бекѣша, который, видя его послѣ на Польскомъ престолѣ, самъ добровольно пріѣхалъ къ нему, и забывъ прежнюю вражду, сдѣлался искреннѣйшимъ его другомъ. Равномѣрно и Король предалъ забвенію всѣ прежніе его поступки, и Бекѣшъ умирая, поручилъ ему опеку надъ своимъ сыномъ. — Стефанъ Баторій пламенно любилъ науки и поощрялъ къ онымъ юношество. Присутствуя на публичныхъ испытаніяхъ въ Вильнѣ, онъ говаривалъ: „*disce puer latine, ego te faciam Mospanie.*“ (Молодой человѣкъ, учись по Латыни; я сдѣлаю тебя господиномъ). Самъ онъ, не зная твердо по Польски, обыкновенно разговаривалъ по Латыни. Во время войны съ Россіею онъ основалъ Академію въ Вильнѣ, и отдавая справедливую похвалу познаніямъ Іезуитовъ, учреждалъ для нихъ Коллегіи и заводилъ школы, дабы распространить чрезъ нихъ свѣтъ наукъ въ Польшѣ. Баторій не могъ предвидѣть, что знаменитый въ то время Іезуитскій орденъ,

въ царствованіе слабаго Сигизмунда III, удалясь отъ прямой своей цѣли, т. е. просвѣщенія юношества, содѣлается сильнѣйшимъ гонителемъ всѣхъ иновѣрцевъ, чрезъ что нарушится общественное спокойствіе, упадетъ просвѣщеніе, а Государство обезсилѣетъ въ войнахъ съ Швеціею и козаками. Впрочемъ несчастій сихъ были виною не столько Іезуиты, сколько самые Государи XVI и XVII вѣковъ, которые подъ предлогомъ распространенія Вѣры старались только распространить власть свою. При Королѣ Стефанѣ не было ни малѣйшаго гоненія за Вѣру, и между тѣмъ какъ за оную во Франціи кровь лилась ручьями, а въ Нидерландахъ пылалъ мятежъ противъ Испанцевъ, въ Польшѣ всѣ распри ограничивались бумагою (26). Большая часть Малопольскаго Дворянства послѣдовала исповѣданію Гельветическому или Аугсбургскому исправленному; Великая Польша держалась стараго Аугсбурскаго, къ которому принадлежала большая часть Гражданъ Нѣмецкаго происхожденія, и почти вся Пруссія и Ливонія. Въ Литвѣ значительнѣйшая часть жителей была Гельветическаго исповѣданія, въ Самогитіи восемь Князей оставались еще въ Католической Вѣрѣ, которую исповѣдывала также едва десятая часть всей Литвы.

Отъ раздора Протестантовъ, которые обще съ Католиками предоставили Примасу

управленіе Государствомъ во время междоцарствія, Католическая Вѣра снова взяла надъ прочими исповѣданіями перевѣсъ, усиленный просвѣщеннѣйшими того вѣка людьми, которые, не видя ни малѣйшаго гоненія въ дѣлѣ совѣсти, спокойно пребывали въ нѣдрахъ Римской Церкви. Таковы были: Янъ, Петръ и Николай Кохановскіе, извѣстные Стихотворцы, Историкъ Мартинъ Кромеръ, Епископъ Вармійскій, и иные. — Увлекаясь примѣромъ другихъ Государствъ, слѣпое усердіе внушало иногда и Стефану мысль насильно обращать въ Католическую Вѣру, но въ семъ случаѣ онъ говорилъ, что „онъ царствуетъ надъ людьми, а не надъ совѣстью людей.“ Столь же достопамятенъ отвѣтъ его Станиславу Ташицкому, просившему объ освобожденіи изъ заключенія Типографщика Родецкаго. „Какъ Король, я готовъ жертвовать собственною кровію для соглашенія Духовныхъ мнѣній, но какъ оное не возможно, то я весьма далекъ отъ мысли, что Вѣра должна быть распространяема разлитіемъ крови: ибо совѣсти не льзя принуждать.“ Въ другомъ случаѣ онъ сказалъ: „Богъ предоставилъ себѣ три вещи: творить изъ ничего, вѣдать будущее и управлять совѣстію.“ — Впрочемъ благоразумная умѣренность Короля къ иновѣрцамъ отнюдь не происходила отъ холодности къ Вѣрѣ, какъ нѣкоторые утверждали: ибо самъ Епископъ

Карнковскій признавалъ, что Король лучше нежели Епископы исполняетъ постановленія Тридентинскаго Собора. Обвиняли Короля Стефана и въ томъ, что онъ Венграмъ и другимъ иностранцамъ оказывалъ предпочтеніе предъ Поляками; былъ скупъ и замышлялъ объ учрежденіи наслѣдственнаго правленія. Сіи сказанія отзываются явною завистію и весьма далеки отъ истины. Безпристрастіе всегда управляло сердцемъ Короля, который равно награждалъ заслуги и Поляковъ и иностранцевъ. Заставъ Государство въ совершенномъ разстройствѣ, онъ съ большею удобностію могъ получать лучшее насмное войско изъ Венгріи и Германіи. Но лишь только онъ замѣтилъ, что духъ мужества пробудился въ Полякахъ, то немедленно возвратилъ имъ прежнюю славу въ битвахъ и уже имѣлъ къ нимъ болѣе довѣрія. Можно сказать утвердительно, что еслибы Польша не имѣла Стефана, то и при Сигизмундѣ III Поляки не могли бы сдѣлать того, что сдѣлали.—Скупымъ онъ никогда не бывалъ, но не былъ и расточителенъ: поелику же корыстолюбцы не имѣли тѣхъ выгодъ, какими пользовались при Ягеллахъ и Генрихѣ Валуа, то и самую бережливость его называли скупостію. Казна Республики была въ самомъ дурномъ состояніи, и потому должно было по возможности сокращать издержки.—Мысли Стефава о вве-

деніи наслѣдственнаго правленія оправдались послѣдствіями. Король не токмо не былъ причастенъ къ приписываемому ему пороку скупости, но напротивъ того былъ чрезвычайно щедръ, когда требовала того нужда (27). За заслуги онъ давалъ то, чего и не надѣялись получить, и даже весьма щедро награждалъ тѣхъ, кто его оскорблялъ, забывая въ семъ случаѣ частныя отношенія и помня только однѣ заслуги. Такъ на Сеймѣ (1585) онъ наградилъ Земскаго Посла Пенкославскаго Старостівомъ Сендомирскимъ, сказавъ: „хотя Пенкославской и плохой Посолъ, но онъ хорошій воинъ". При семъ Король предалъ совершенному забвенію нанесенныя себѣ отъ него оскорбленія.—Человѣколюбіе его никогда не доходило до слабости или униженія Королевскаго достоинства, ибо онъ „за правду готовъ былъ жертвовать жизнію." Это были собственныя его слова. По сему онъ никогда не оставлялъ преступленія безъ наказанія. Кромѣ Зборовскихъ, подверглись казни въ Вильнѣ: Коварскій помѣщикъ Григорій Осцикъ за переписку съ Царемъ, Визскій Кастелланъ, казненный въ Визнѣ за смертоубійство, и нѣсколько другихъ злодѣевъ. На Сеймахъ краснорѣчіемъ своимъ не рѣдко смыкалъ онъ уста самымъ дерзкимъ людямъ. Достойна памяти речь его (1586), въ которой, какъ бы пророческимъ духомъ, совѣтуя не слишкомъ пользо-

ваться правами свободы, Стефанъ сказалъ, что „онъ не есть и никогда не будетъ Королемъ рисованымъ или глинянымъ.“ Онъ съ твердостію духа укорялъ Чины въ ошибкахъ правленія, и былъ столь же строгъ къ чужимъ Правительствамъ, домогавшимся нѣкотораго вліянія на дѣла Польши: словомъ, онъ умѣлъ быть истиннымъ Государемъ. Когда Испанскій Король прислалъ ему орденъ Золотаго Руна, онъ отвѣчалъ Послу, на торжественной аудіенціи, что Короли Польскіе не нуждаются въ чужихъ украшеніяхъ. Когда же Испанскій Посолъ отказался отъ принятія для своего Государя предложенной ему цѣпи съ гербомъ Баторія, извиняясь тѣмъ, что онъ не имѣетъ на сіе повелѣнія, Стефанъ сказалъ: „конечно, волчьи зубы (это былъ его гербъ) не согласятся съ овномъ Испанскимъ.“ Заботясь единственно о благѣ Польши, Стефанъ всѣми силами противился всякому чужеземному вліянію на дѣла оной, и потому, при заключеніи Запольскаго трактата, постигнувъ замыслъ Шведскаго Короля Іоанна, сказалъ: „не хочу чтобъ Шведы ловили звѣрей тамъ, гдѣ я раскидываю сѣти.“ По сей самой причинѣ во время войны съ Россіею онъ хранилъ миръ съ Турками и не мѣшался въ войны Австрійскаго Дома. Даже и Седмиградское Княженіе чрезъ его посредство вкусило сладкіе плоды мира: ибо Турки уважали и боялись Стефана. Хотя же онъ по

окончаніи войны съ Россіею и помышлялъ о войнѣ съ Турціею, но мысль сію допустилъ единственно для усмиренія опасныхъ для Польши Татаръ, а не изъ частныхъ видовъ, какъ то было послѣ при Собѣскомъ, не для пользы другихъ Государствъ, и не съ цѣлію насильственнаго обращенія Магометанъ въ Христіанство.—Король Стефанъ обыкновенно жилъ въ Троднѣ или въ Вильнѣ, избѣгая присутствія Королевы, которой не любилъ, хотя и оказывалъ ей должное уваженіе. Находясь на тронѣ, онъ нимало не стыдился прежняго своего бѣднаго состоянія, и часто съ удовольствіемъ воспоминалъ объ ономъ.—Кончина Короля была тѣмъ прискорбнѣе для Республики, что въ Ливоніи произошло волненіе въ народѣ, а въ Ригѣ даже вспыхнулъ мятежъ по случаю введенія новаго Календаря. Въ царствованіе Стефана положено, чтобы Король имѣлъ при себѣ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ 16 Сенаторовъ: въ томъ числѣ 4 Епископовъ, 4 Воеводъ и 8 Кастеллановъ, по очереди избираемыхъ на Сеймѣ чрезъ каждые два года. Таково было начало Сенаторовъ—Совѣтниковъ Королевскихъ. Для судопроизводства учреждены Трибуналы (1578 г.), для Великой Польши въ Піотрковѣ, для Малой Польши въ Люблинѣ, а для Литвы (1581 г.) на одно полугодіе въ Вильнѣ, а на другое попеременно въ Новогродкѣ и Минскѣ, что въ по-

слѣдствіи времени измѣнилось, по перенесеніи Новогродской и Минской каденцій въ Гродно. —По свидѣтельству Пасторія: „Король Стефанъ въ церкви былъ набожнѣе Священнослужителя, въ Сенатѣ благоразумнѣе Сенатора, въ Судѣ умнѣе Законовѣдца, въ войскѣ искуснѣе Гетмана, въ битвѣ храбрѣе всякаго воина, въ терпѣніи, добродушіи и кротости превыше всякаго человѣка, въ поддержаніи правъ народа заботливѣе всякаго гражданина, въ дружбѣ искреннѣе всякаго друга, въ обществѣ пріятнѣе всякаго собесѣдника, на охотѣ сильнѣе льва: словомъ, онъ былъ болѣе нежели настоящій философъ.“ — Баторій былъ роста средняго, сложенія крѣпкаго, цвѣтъ лица имѣлъ темный, волосы черные, зубы правильные и бѣлые.

Придворные врачи взаимно укоряли себя въ томъ, что Король отъ ихъ небрежности лишился жизни. Носился слухъ, что онъ умеръ отъ яда: это разглашали враги Стефана и Замойскаго, котораго ненавидѣли за отличный умъ и необыкновенныя способности. Король во все время своего царствованія питалъ постоянную привязанность къ Канцлеру и Великому Гетману Яну Замойскому: сія привязанность основана была на взаимномъ ихъ другъ къ другу почтеніи. По сей причинѣ всѣ старанія лишить Замойскаго Королевскихъ милостей были тщетны. По смерти

впторой жены его, Король далъ ему въ супружество племянницу свою Гризельду Батори, дочь Седмиградскаго Князя Криштофа (1583 г.), дабы чрезъ то войти съ нимъ въ свойство. Знаменитость Замойскаго происходила не столько отъ богатства его и милостей Короля, сколько отъ личныхъ достоинствъ, и потому противникамъ его не возможно было происками своими лишить его того уваженія, которое стяжалъ онъ отличными своими заслугами.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Царствованіе Королей изъ Дома Вазы.

1587—1669.

Постепенный упадокъ Государства и народа.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1587)

Кончина славнаго Короля Стефана была причиною безконечныхъ смутъ въ Польшѣ: съ нимъ исчезли благосостояніе сего Государства и перевѣсъ онаго на Сѣверѣ.

Зборовскіе, главнѣйшіе враги Великаго Яна Замойскаго, соединясь со всѣми его противниками и со всею низкою толпою завистниковъ, составили значительную партію, къ которой присоединился даже и Примасъ Станиславъ Карнковскій. Вѣроятно, что Замойскій замышлялъ или самъ возсѣсть на

тронъ или посадить на оный одного изъ Баторіевъ, но—подъ предлогомъ, будто намѣренія сего великаго мужа не согласуются съ народною свободою, и будто сила и власть его превосходятъ уже силы частнаго человѣка— зависть и корыстолюбіе не переставали клеветать на лучшаго изъ Граждан, на ревностнѣйшаго защитника Отечества. На частныхъ Сеймахъ, бывшихъ прежде Генеральнаго Сейма, коему назначено быть 2 Февраля 1587 года, происходили величайшіе споры и несогласія на счетъ Замойскаго. Такъ на Русскомъ Сеймѣ во Львовѣ Снятынскій Староста Николай Язловецкій требовалъ, чтобы Замойскій отказался отъ Гетманской булавы, данной ему будто бы только до кончины Короля, и подъ тѣмъ же предлогомъ, увлеченный духомъ раздора, предлагалъ и Жолкѣвскаго лишить Сенаторскихъ креселъ, за то, что онъ былъ усерднымъ защитникомъ Замойскаго. Когда ненависть возбуждаетъ враговъ противъ великихъ мужей, свѣтъ истины и добродѣтели не рѣдко снискиваютъ имъ друзей и защитниковъ. Такимъ образомъ и непріятели Замойскаго ни въ чемъ не успѣли на частныхъ Сеймахъ; но на Генеральномъ Сеймѣ Познанскій Воевода Графъ Станиславъ Гурскій въ Сенатѣ и Станиславъ Чарнковскій въ Посольской избѣ явились предводителями противниковъ Замойскаго. Для ограниче-

нія его власти охраненіе Русской границы поручено Гербурту, а безопасность Каменца вѣрена Язловецкому. Одна вражда обыкновенно раждаетъ другую; и такъ тогда же возобновились споры о религіи. Свѣтскія сословія желали утвержденія вѣчнаго мира между разновѣрцами, а Духовенство тому противилось. Одинъ только Каменецкій Епископъ рѣшился наконецъ подписать сію статью, но съ прибавленіемъ *pro bono pacis*, т. е. для блага, для прочности мира. Прочіе разошлись, дабы не присутствовать при подписаніи оной.—Литва и Пруссія имѣли свои причины къ жалобамъ, а Послы Земскіе ссорились за первенство съ городами Прусскими. Вся Республика находилась въ ужасномъ замѣшательствѣ.— Георгій Зборовскій, изгнанный изъ Государства, присутствовалъ въ Сенатѣ какъ Надворный Маршалъ, и въ память и въ честь лучшаго изъ Королей никому не позволено было и слова вымолвить. Въ общей смутѣ шумные клики заглушали гласъ разсудка и мнѣніе людей болѣе умѣренныхъ. Зборовскіе, пылая желаніемъ мести за брата Самуила, только о томъ и помышляли, какъ бы Замойскаго уронить въ общемъ мнѣніи и вручить скипетръ тому, кто никогда бы не могъ быть съ нимъ въ дружбѣ. Во время изгнанія младшій изъ братьевъ Христофоръ Зборовскій нашелъ-было убѣжище въ Моравіи, и

покровительство при Австрійскомъ Дворѣ, издавна имѣвшемъ виды на Польскую корону. На требованіе Стефана Императоръ Рудольфъ II не выдалъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, купивъ имѣніе въ Моравіи, сдѣлался гражданиномъ сего Маркграфства, и потому не можетъ быть выданъ. Изъ благодарности къ Императору, а еще болѣе изъ ненависти къ Замойскому, Зборовскіе вознамѣрились возвести на престолъ одного изъ братьевъ Императора Рудольфа II. Императоръ не щадилъ казны на поддержаніе сего намѣренія, и потому Зборовскіе, для доставленія скипетра Эрцгерцогу Австрійскому Максимиліану, съ десятью тысячами войска явились на мѣсто выбора. Туда же прибылъ и Замойскій съ немногочисленнымъ, но опытнымъ воинствомъ, обманутый Венденскимъ Воеводою Георгіемъ Фаренсбахомъ, обѣщавшимъ ему помощь.— Междоусобіе готово было вспыхнуть; Зборовскіе старались произвести общее возмущеніе, но ни Сенатъ, ни Литва не пристали къ нимъ. Для предупрежденія кровопролитія положено, чтобы ни та ни другая сторона не являлась на выборы въ одно и то же время, или съ оружіемъ. Положеніе сіе прекратило притязанія Вельможъ Польскихъ на тронъ. Уже никто изъ Пястовъ не смѣлъ искать короны, и даже Андрей Баторій потерялъ охоту получить оную, когда благопріятствовавшій

ему Замойскій самъ совѣтовалъ Седмиградскимъ сословіямъ наблюдать за безопасностію Польскихъ границъ отъ Турокъ и отклонять предложенія ихъ о Кандидатѣ изъ рода Баторіевъ. Сверхъ его чаянія, таковое предложеніе не замедлило послѣдовать; а Зборовскіе, пользуясь симъ случаемъ, представляли народу намѣренія Замойскаго въ самомъ черномъ видѣ. — Литва, заключивъ союзъ съ Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, не противилась избранію его въ Короли, имѣя въ виду спокойствіе Государства со стороны Россіи. Но вдовствующая Королева предлагала племянника своего Сигизмунда, сына Шведскаго Короля III и Екатерины Ягелло, какъ потомка крови Ягелловъ, столь любезной Полякамъ. Обѣщаніе присоединить Эстонію къ Государству, склонило многихъ въ пользу Сигизмунда. Король Шведскій сначала не имѣлъ большой охоты стараться о Польской коронѣ; но письма вдовствующей Королевы склонили его къ тому, и хотя онъ съ давняго времяни помышлялъ о доставленіи престола Польскаго сыну своему, и для того, по волѣ матери, воспиталъ его въ Католической Вѣрѣ и обучилъ языку Польскому, но соглашался не иначе возвести его на престолъ, какъ безъ малѣйшаго ущерба для Швеціи. Обстоятельство сіе сдѣлалъ онъ извѣстнымъ повсемѣстно. Наконецъ посредничество вдовствующей Коро-

левы и привязанность къ крови Ягелловъ открыли Сигизмунду дорогу въ Польшу. Противники Зборовскихъ, по убѣжденію Замойскаго — къ которому присталъ и Примасъ, державшій дотолѣ сторону Зборовскихъ—рѣшились провозгласить его Королемъ. 19 Августа 1587 года Примасъ нарекъ *Сигизмунда III* Королемъ Польскимъ; Прусскіе Чины дали голоса въ его же пользу, и партія Зборовскихъ ограничилась пятью Сенаторами и маловажнымъ числомъ Дворянства. По истеченіи трехъ дней, Кіевскій Епископъ Воронецкій, принужденный друзьями Зборовскихъ, нарекъ Польскимъ Королемъ Эрцгерцога Максиміліана; Литовцы же, отстраняясь отъ раздора, не хотѣли ни того ни другаго признать Государемъ, но рѣшились бросить жребій, кому изъ нихъ должно царствовать. Для сего отозвавъ Князей Радзивилловъ изъ лагеря Зборовскихъ прежде нареченія Максиміліана, возвратились по домамъ, съ предувѣдомленіемъ, что всякое назначеніе, сдѣланное въ ихъ отсутствіе, будетъ съ ихъ стороны почтено недѣйствительнымъ. Не смотря на сіе Кардиналъ Князь Георгій Радзивиллъ въ Бернардинской церкви въ Варшавѣ воспѣлъ за Максиміліана гимнъ *Тебе Бога хвалимъ:* ибо часть Духовенства привыкла уже въ то время связи съ Римомъ цѣнить болѣе выгодъ Отечества и обязанностей гражданъ, въ надеждѣ

полученія за то титуловъ и бенефицій. Тогда и Зборовскіе готовились ввести Максимиліана, ожидавшаго ихъ въ Ольмюцѣ. Максимиліанъ имѣлъ возможность овладѣть престоломъ: ибо Сигизмундъ былъ еще въ Швеціи и отецъ его еще не рѣшился дозволить ему принять корону. Условія требовали, чтобы Сигизмундъ ѣздилъ въ Швецію не иначе какъ съ согласія Государственныхъ Чиновъ, чтобы Эстонію присоединилъ къ Польшѣ, чтобы досталъ Польшѣ пушекъ, пороха и ядеръ для покоренія Великаго Новагорода, Смоленска и Пскова, и чтобы всѣ взятыя подъ Венденомъ пушки уступилъ Республикѣ. Онъ долженъ былъ также отказаться отъ долга Сигизмунда Августа, отъ всѣхъ правъ на наслѣдство послѣ него, и даже отъ Неаполитанскихъ суммъ, и предоставить все сіе Республикѣ; соблюдать миръ съ иновѣрцами, нарушителей онаго карать, и дать присягу въ сохраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ.—Король Шведскій на все соглашался кромѣ присоединенія Эстоніи къ Польшѣ, противъ чего Шведскіе Послы торжественно протестовали. Для отклоненія и сего затрудненія, вдовствующая Королева поручилась всѣмъ своимъ имѣніемъ за Эстонію; но Шведскій Король и тогда еще опасался отпустить сына своего въ Польшу, боясь, чтобы онъ не вмѣшался въ войну съ Австріею. — Между тѣмъ Замойскій

овладѣлъ Краковомъ, предупредивъ въ томъ Зборовскихъ, которые осадили Вислицу для воспрепятствованія собраться въ оной Сейму Шведскихъ приверженцевъ. Удача Замойскаго склонила наконецъ Короля Іоанна отправить сына въ Польшу, съ тѣмъ однакожъ, чтобы ему не домогаться Эстоніи: что Послы Польскіе и обѣщали. Сигизмундъ III прибылъ моремъ къ Гелѣ: оттуда отправился къ Данцигу; но по данному при разлукѣ съ родителемъ обѣщанію, онъ не прежде вышелъ на берегъ, какъ услышавъ вторичное обѣщаніе, что Польша не будетъ дѣлать домогательствъ объ Эстоніи. При учиненіи присяги въ Оливѣ Перемышльскій Епископъ Войцѣхъ Барановскій потребовалъ отъ самаго Короля засвидѣтельствованія, что въ разсужденіи Эстоніи со стороны Пословъ сдѣлано все, что можно было сдѣлать, но что всѣ ихъ усилія остались безплодными. — 11 Октября Сигизмундъ III получилъ дипломъ на избраніе и выѣхалъ въ Краковъ, гдѣ Замойскій дѣлалъ приготовленія къ его принятію. Успѣвъ выпроводить Зборовскихъ изъ Вислицы, онъ подкрѣпилъ избраніе Сигизмунда III уничтоженіемъ избранія Максимиліана. Не смотря однакожъ на сіе, Максимиліанъ съ 6.000 Нѣмцевъ прибылъ въ 16 день того же мѣсяца подъ Могилу; тамъ пристали къ нему Зборовскіе съ 2.500 войска и нѣсколькими ро-

тами, присланными отъ Язловецкаго. Но Замойскій не впустилъ непріятелей въ Краковъ, и имъ не удалось схватить Сигизмунда III подъ Предборьемъ: ибо увѣдомясь о зломъ умыслѣ, онъ своротилъ изъ Пётркова на Раву и Сендомиръ. 25 Ноября Замойскій поразилъ подъ Краковомъ войско Максимиліана и принудилъ его отступить къ Ченстохову. Побѣда сія открыла Сигизмунду путь въ Краковъ, гдѣ 27 Декабря 1587 г. совершено торжественное коронованіе.

СИГИЗМУНДЪ III.

(1587—1632).

Еще Сигизмундъ III не былъ обезпеченъ во владѣніи престоломъ, когда Максимиліанъ покорилъ Любель въ Графствѣ Спижскомъ, и подъ Велюномъ расположился лагеремъ. Немедленно послѣ коронованія Замойскій выступилъ противъ него съ войскомъ, и принудилъ отступить къ Силезіи. Эрцгерцогъ полагалъ, что Замойскій не осмѣлится преслѣдовать его въ Австрійскомъ владѣніи; но Гетманъ (25 Янв. 1588) остановился подъ Бычиною и вторично разбилъ Максимиліаново войско въ Силезіи. Не довольствуясь тѣмъ, онъ взялъ приступомъ городъ. Эрцгерцогъ сдался ему

на условіи, чтобы не везти его съ тріумфомъ въ Краковъ, но содержать въ иномъ мѣстѣ, подъ приличнымъ званію его надзоромъ. Побѣда сія утвердила Сигизмунда III на престолѣ. Максимиліанъ, сосланный въ Красный ставъ, находился тамъ до тѣхъ поръ, пока въ слѣдующемъ году не обѣщалъ отречься отъ короны. Литва и Русь признали Сигизмунда III Государемъ, и даже Вѣнскій Дворъ, при посредничествѣ Папскаго Легата Кардинала Алдобрандини (бывшаго потомъ подъ именемъ Климента VIII Папою) въ Бытомлѣ и Бендынѣ, (9 Март. 1589) согласился признать его Королемъ Польскимъ, дабы чрезъ то освободить Максимиліана изъ плѣна. Но миръ Австрійскаго Дома съ Королемъ оказался неискреннимъ: Максимиліанъ, освободясь изъ плѣна, не хотѣлъ отречься отъ Польской короны, а Императоръ Рудольфъ II возмущалъ козаковъ противъ Турокъ, съ намѣреніемъ вовлечь въ Турецкую войну Польшу, и такимъ образомъ улучшить въ Венгріи свои дѣла, которыя находились въ весьма дурномъ положеніи.—

Не смотря на то, что Сигизмундъ III полученіемъ короны обязанъ былъ почти единственно Замойскому, который собственнымъ войскомъ разбилъ Максимиліана, сей мужъ не долго пользовался благодарностію Короля: ибо не умѣлъ льстить, и привыкнувъ въ цар-

ствованіе Стефана быть правою рукою Государя и первою опорою трона, онъ и при Сигизмундѣ имѣлъ въ виду только благо отчизны и выгоды Государства. Но Сигизмундъ III не имѣлъ достоинствъ Стефана, и при самомъ въѣздѣ въ Краковъ явилъ уже неспособность свою къ правленію: когда онъ не умѣлъ ничего отвѣчать на сдѣланное ему на Латинскомъ языкѣ краснорѣчивое привѣтствіе, Замойскій не могъ удержаться чтобъ не спросить у Мартина Леснѣвольскаго: „какого нѣмаго чорта привезли вы намъ изъ Швеціи?“ Замойскій узналъ его еще лучше, когда увидѣлъ, что высокомѣріе и гордость, свойственныя низкимъ душамъ, владычествовали надъ нимъ и управляли всѣми его дѣйствіями. Сигизмундъ ни въ чемъ не слушался Замойскаго, потворствуя однимъ только льстецамъ, и, по врожденной малоумнымъ людямъ самонадѣянности, хотѣлъ самъ во всемъ распоряжаться.

Положеніе отца его въ Швеціи поселило въ немъ неохоту къ управленію Польшею, гдѣ онъ не могъ царствовать самовластно. Король Шведскій Іоаннъ III, отецъ Сигизмунда, получилъ престолъ Шведскій послѣ старшаго своего брата Эрика XIV (1568), который, лишась разсудка, содѣлался ненавистнымъ всему народу (28). Къ полученію короны способствовалъ Іоанну младшій братъ его,

Карлъ Герцогъ Зюдерманладскій, въ надеждѣ, что онъ раздѣлитъ съ нимъ бразды правленія. Но Іоаннъ устранилъ его отъ участія, и потому самъ не былъ безопасенъ на тронѣ. Народъ, привязанный къ Лютеранской Вѣрѣ, болѣе любилъ Карла, нежели Іоанна III, который не только сына своего Сигизмунда воспиталъ въ Вѣрѣ Католической, но и самъ весьма благопріятствовалъ Католическимъ обрядамъ. Поелику же народъ Шведскій, изъ рукъ отца ихъ Густава I Вазы, вмѣстѣ съ освобожденіемъ своимъ отъ ига Датчанъ, получилъ и Лютеранскую Вѣру, то ему казалось, что съ утратою сей Вѣры при Іоаннѣ III угаснетъ и независимость и благосостояніе Государства. Убѣжденія Королевы Екатерины Ягелло, Кардинала Гозія, Іезуита Антонія Поссевина и другихъ Миссіонеровъ сего ордена, заставили наконецъ Іоанна III (1578) сдѣлаться Католикомъ; но онъ еще не смѣлъ явно обращать Шведовъ, и приказалъ учредить Литургію, болѣе сообразную съ Католическою, подъ тѣмъ предлогомъ, что Богослуженіе требуетъ болѣе важности и великолѣпія. Введенію таковой Литургіи противилась большая часть Духовенства и Зюдерманландскій Герцогъ Карлъ, который съ того времени сталъ защитникомъ и покровителемъ всѣхъ, гонимыхъ за Вѣру отъ Іоанна III; чрезъ что и снискивалъ болѣе и болѣе люб-

ви въ народѣ: Зюдерманландія служила убѣжищемъ всѣмъ изгнанникамъ изъ Швеціи. Скоро и въ Королѣ остыло усердіе къ Католической Вѣрѣ, когда скончалась (1583) Королева Екатерина, а Поляки заключили съ Россіею миръ (1582): ибо тогда Столица Римская, чрезъ того же Поссевина, который обратилъ Короля Іоанна III, замышляла привлечь Царя Іоанна IV Васильевича въ нѣдра Церкви, въ полной увѣренности, что чрезъ сіе послѣдуетъ наконецъ въ Россіи соединеніе Греческаго Закона съ Латинскимъ. Явное пренебреженіе выгодъ Швеціи въ намѣреніи обратить Россію, охладило усердіе Іоанна III, а вторая его супруга Гуниля Белке, Лютеранскаго исповѣданія, (1585) еще болѣе поколебала его въ Вѣрѣ. Наконецъ исчезла и вся надежда обращенія Шведовъ, когда Герцогъ Зюдерманландскій, оставшись бездѣтнымъ вдовцемъ, соединился съ Королемъ, и по преимуществу ума своего началъ управлять всѣми его дѣйствіями. Не смотря на таковую перемѣну Іоаннъ III уже не могъ стяжать народной любви, ибо до самой своей кончины онъ былъ всегда нерѣшителенъ какъ въ дѣлахъ Вѣры, такъ и въ дѣлахъ правленія. Не уничтоживъ непріятной народу Литургіи, онъ самъ пребывалъ въ безпрестанныхъ сомнѣніяхъ, и чрезъ то оскорблялъ и Католиковъ и Лютеранъ. Изъ Калмарскаго трактата явствуетъ, что онъ не

помышлялъ уже болѣе о обращеніи своего народа, хотя возведеніе на Польскій престолъ сына его Сигизмунда и представляло ему выгоды таковаго обращенія. Отъѣздъ сына въ Польшу воспламенилъ родительскую его нѣжность; услышавъ же, что Сигизмундъ на престолѣ своемъ не весьма счастливъ, онъ чрезвычайно хотѣлъ видѣться съ нимъ. Іоаннъ и Сигизмундъ надѣялись найти въ Польшѣ великія сокровища, о трудности же Польскаго правленія они и не думали. Бѣдная Швеція не могла доставить много денегъ Іоанну, въ Польшѣ же расточительность Ягелловъ совершенно истощила казну, и даже земскіе доходы были столь малы, что едва могли удовлетворять существеннымъ надобностямъ Королевскаго Двора и Государства. Что было собрано Стефаномъ, то издержано въ междоцарствіе.—Сигизмунду хотѣлось также увидѣться съ отцемъ; мѣстомъ свиданія назначенъ былъ Ревель. Сигизмундъ прибылъ туда въ Августѣ, исполненный неудовольствія на Поляковъ за то, что они не дозволяли ему царствовать самовластно, и за то, что не нашелъ въ Польшѣ денегъ. Король Іоаннъ III, не вполнѣ довѣряя Карлу Зюдерманландскому, желалъ чтобы сынъ его возвратился въ Стокгольмъ; Сигизмундъ, предусматривая безпокойства, могущія возникнуть по кончинѣ родителя, также хотѣлъ оставить Польшу,

въ которой онъ, не получая пособія изъ Швеціи, неоднократно терпѣлъ нужду. Разнесся слухъ, что онъ, помирясь съ Австріею, намѣревался за извѣстную сумму уступить Польшу Эрцгерцогу Эрнсту или кому иному; но не извѣстно справедливы или ложны были слухи сіи; достовѣрно только то, что Сигизмундъ колебался возвратиться въ Польшу, и наконецъ, къ бѣдствію ея, возвратился. Много Поляковъ, а особливо Замойскій, защищавшій между тѣмъ границы Польскія противу Турокъ, желали чтобъ Сигизмундъ сложилъ корону; напротивъ того другіе, особенно же бывшіе съ нимъ въ Ревелѣ, опасаясь новыхъ бѣдствій для Государства, хотѣли чтобы онъ оставался на престолѣ. Краснорѣчивый Проповѣдникъ Іезуитъ Петръ Скарга, имѣвшій великое вліяніе на слабаго Короля, употреблялъ всѣ силы удержать его на тронѣ, по уваженію къ пользѣ, какую онъ могъ принести Католической Вѣрѣ; наконецъ Шведскіе Сенаторы уговорили Полковниковъ своихъ положить оружіе предъ спальнею Короля Іоанна и объявить ему, что они не намѣрены болѣе сражаться за него, если онъ возметъ съ собою сына въ Швецію. Въ слѣдствіе сего оба Короли разстались съ горестію, и Сигизмундъ III чрезъ Ригу возвратился въ Польшу.

Сигизмундъ III не умѣлъ примѣниться ни къ обычаямъ, ни къ законамъ Польскимъ.

Увлеченный примѣромъ Вольскаго Старосты Кржепицкаго и безумною страстію къ Алхиміи, онъ тратилъ деньги на дымъ, подобно Императору Рудольфу II; но тщетно искалъ золота, въ которомъ всегда нуждался. Не щадя иждивеній на выписываніе музыкантовъ и живописцевъ, онъ былъ скупъ на военныя и общественныя надобности; отстранивъ отъ себя Замойскаго, совершенно ввѣрился иностранному Духовенству, наипаче же Іезуитамъ, Нѣмцамъ и придворнымъ льстецамъ. Изъ Вельможъ участвовали въ совѣщаніяхъ его только Коронный Подкоморій Андрей Боболя, Литовскій Маршалъ Князь Албертъ Радзивиллъ и Коронный Духовный Референдарій Янъ Тарновскій, не столько по уму своему и способности къ правленію, сколько изъ усердія къ Католической Вѣрѣ. Духовники Бернардъ Голынскій и Петръ Скарга назначали должности. Кромѣ Замойскаго, Король поведеніемъ своимъ вооружилъ противъ себя многихъ Вельможъ и Дворянъ, и безъ того уже къ нему не расположенныхъ. Примасъ Князь Карнковскій, добродѣтельный старецъ, но нѣсколько завистливый, осмѣлился съ Станиславомъ Гуркою на съѣздѣ въ Колѣ возражать противъ Сеймовыхъ постановленій, и даже старался ограничить Гетманскую власть, и, подъ предлогомъ облегченія Дворянства, противился новымъ поборамъ на Турецкую

войну, для которой, по случаю бѣдности Государственной казны, Великій Замойскій (1590) пожертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ. За убытки, нанесенные козаками, за сожженіе Тегины (Бендеръ), Козлова и другихъ мѣстъ, Турки требовали уплаты 300.000 талеровъ въ теченіе 60 дней; въ противномъ случаѣ грозили вторженіемъ въ границы Польскія со всѣми своими силами. Великій Визирь Синанъ-Паша всячески побуждалъ Султана къ сей войнѣ, и увѣрилъ его въ слабости Польши до такой степени, что онъ осмѣлился требовать или введенія въ Польшу Магометанской Вѣры, или немедленной уплаты означенной суммы. Къ столь сильному оскорбленію Поляки остались нечувствительными, и предпочли соблюденіе собственныхъ, частныхъ выгодъ пожертвованіямъ на военные расходы. Висѣвшія надъ главами Поляковъ тучи прошли мимо, какъ бы чудомъ. Великій Визирь Синанъ-Паша умеръ, а преемникъ его Фергатъ склонился къ миру за нѣсколько сотъ соболей, свѣдавъ отъ Англійскаго Посла, что Англійская Королева не дастъ Польши въ обиду, и соединясь съ Испаніею, вооружитъ всю Европу противъ Турокъ. Въ то же время заключено и съ Россіею перемиріе (1591) на одиннадцать лѣтъ съ предоставленіемъ Сигизмунду права помогать отцу своему въ случаѣ нападенія на него

со стороны России. Само небо, казалось, благопріятствовало Сигизмунду III; но онъ еще съ одной стороны находился въ опасности. Австрія, не могши вредить ему явно, вредила тайно, безпрестанно возбуждая козаковъ противъ Турокъ чрезъ посредство нѣкоего Хлопицкаго, дабы чрезъ то отвлечь вниманіе Мусульманъ отъ Венгріи. Равномѣрно и Эрцгерцогъ Максимиліанъ не отставалъ отъ притязаній своихъ къ престолу: для прекращенія вражды съ Австріею, новые Совѣтники Короля увѣрили его въ необходимости вступить въ бракъ съ одною изъ Принцессъ, дабы чрезъ родство съ Австрійскимъ Домомъ обезпечить себя на тронѣ. Дочь Стирійскаго Эрцгерцога Карла, Анна, была первою супругою Сигизмунда III (30 Маія 1592), вопреки желанію и совѣтамъ Сената и военнаго сословія.

Замойскій видя, что Король, для удовлетворенія страсти своей къ самовластію, благу Польши предпочитаетъ выгоды не только отдаленной Швеціи, но даже и непріязненной Австріи,—не могъ долѣе терпѣть таковаго его поведенія. Неудовольствіе сдѣлалось общимъ: войско оставалось безъ жалованья, казна была въ истощеніи, воины не знали никакой дисциплины и были въ тягость для народа; слѣпое усердіе Духовенства къ обращенію въ Католическую Вѣру нарушало спо-

койствіе въ семействахъ и преслѣдовало свободу совѣсти. Мало по малу угасала въ народѣ благоразумная умѣренность и вѣротерпимость. Иновѣрческія церкви въ Вильнѣ и Краковѣ разрушены: Король обѣщалъ наказать разрушителей храмовъ Божіихъ, но обѣщанія своего не исполнилъ. Уже не считали болѣе иновѣрцевъ членами одного семейства, сынами одного Отечества: для отличія, назвали ихъ *Диссидентами.* Отсюда открылся источникъ новыхъ бѣдствій: ибо они, видя себя въ пренебреженіи, входили въ тѣсныя связи съ чужеземными единовѣрцами, а Католическіе Вельможи и Іезуиты, увлеченные излишнею ревностію, думали болѣе о выгодахъ Рима, Австріи и Испаніи, нежели о пользахъ Отечества.—Всѣ сіи обстоятельства были поводомъ къ тому, что на Сеймѣ въ Варшавѣ (6 Сентября 1592) весь народъ раздѣлился на двѣ партіи: Королевскую и Канцлерскую. Главою послѣдней былъ Замойскій, намѣревавшійся силою законовъ принудить Короля къ улучшенію правленія. По его старанію составленъ *Инквизиціонный Сеймъ*, на которомъ Король призналъ себя виновнымъ, обѣщалъ царствовать впредь по законамъ, далъ слово не ѣздить въ Швецію безъ согласія на то Государственныхъ Чиновъ и не назначать себѣ наслѣдника. Казалось, что спокойствіе было водворено; но духъ остался тотъ же самый. Несчаст-

ныя стеченія обстоятельствъ вели къ безполезной шестидесятилѣтней Шведской войнѣ и сполѣтнимъ козацкимъ смутамъ, содѣлавшимся одною изъ главнѣйшихъ причинъ паденія Польши. Упадокъ Королевской власти еще болѣе ослабилъ силы народныя и открылъ широкій путь къ безпорядкамъ всякаго рода.

По смерти Шведскаго Короля Іоанна III, отца Сигизмунда III (25 Ноября 1592), вступилъ въ управленіе Зюдерманландскій Герцогъ Карлъ, именемъ наслѣдника, Короля Польскаго; но скоро оказалось намѣреніе его овладѣть самому престоломъ. Сигизмундъ III, свѣдавъ о томъ, назначилъ къ 4 Маія слѣдующаго 1593 года Сеймъ, на которомъ едва могъ получить позволеніе ѣхать въ Швецію. 16 Сентября онъ сѣлъ въ Данцигѣ на корабль, и, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, прибылъ въ Стокгольмъ не прежде 10 Октября. Сіе промедленіе доставило Карлу возможность усилить свою партію и поставить войско на такую ногу, что онъ въ состояніи былъ предписывать законы своему Государю. Невозможно было согласить пользу Швеціи съ пользами Польши; еще труднѣе было управлять двумя народами, столь различными въ Вѣрѣ, обычаяхъ и духѣ. Поляки требовали Эстоніи, которую во время Россійскихъ войнъ присвоили себѣ Шведскіе Короли Эрикъ XIV и Іоаннъ

III; Шведы же не только не соглашались отдать оной, но желали сверхъ того владѣть и всею Ливоніею, между тѣмъ какъ Царь Московскій, гроза Поляковъ и Шведовъ, имѣлъ свои виды на сіи обѣ провинціи. Въ бо́льшей части Швеціи ненавистно было имя Сигизмунда за слѣпую приверженность къ Риму. Изъ Пруссіи въ Швецію доходили вѣсти, непріятныя для послѣдователей стараго Аугсбургскаго исповѣданія, объ отобраніи церквей у ихъ единовѣрцевъ въ Эльбингѣ и Торунѣ, и о подобномъ замыслѣ на церковь Пресвятыя Богородицы въ Данцигѣ, гдѣ по сему поводу, хотя подъ инымъ предлогомъ, вспыхнуло возмущеніе. Всѣми сими обстоятельствами умѣлъ пользоваться Герцогъ Зюдерманландскій, притворяясь таковымъ же ревнителемъ своей Вѣры, какъ Сигизмундъ Католической; съ тою только разностію, что сей дѣйствовалъ по внутреннему убѣжденію, а тотъ по видамъ политики. Чины Польскіе облегчали Карлу всѣ средства къ лишенію Сигизмунда III Шведскаго престола.—Въ Польшѣ не одни Протестанты подвергались гоненіямъ за Вѣру, но и Русь — которую принуждали къ Уніи чрезъ нарочно опредѣляемыхъ въ оную Уніатскихъ Архіереевъ и Священниковъ—подвергалась таковой же участи. Вражда между первѣйшими домами въ Государствѣ, разслабила оное: и потому Карлъ

зналъ, что отъ Польши Сигизмундъ III не много получитъ помощи. Впрочемъ Сигизмундъ могъ бы еще имѣть нужное ему пособіе, если бы слушался Замойскаго. Онъ въѣхалъ въ Стокгольмъ съ Папскимъ Нунціемъ Франциском Маласпиною, въ сопровожденіи множества слугъ, и Священниковъ, по большей части Іезуитовъ: казалось будто бы онъ пріѣхалъ для Духовной Миссіи, а не для полученія престола: съ нимъ не было ни войска, ни денегъ. — Первый его поступокъ въ Стокгольмѣ обратился ему во вредъ, а противнику его въ пользу. Сигизмундъ III, не соглашаясь быть мvропомазаннымъ и коронованнымъ изъ рукъ Упсальскаго Архіепископа Авраама Андресона какъ Протестанта и опредѣленнаго на сіе мѣсто Карломъ, требовалъ, чтобы Папскій Нунцій возложилъ на него Шведскую корону. Сіе требованіе оскорбило все Духовенство въ Швеціи и было причиною, что коронованіе отложено до 1 Марта слѣдующаго 1594 года; но и тогда, какъ самое коронованіе, такъ и всѣ прочія дѣла исполнены по желанію Герцога Зюдерманландскаго, хотя и очевидно было, что всѣ его дѣйствія клонились къ тому, чтобы самому возсѣсть на престолъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ прибыло къ Сигизмунду 3.000 войска: что еще болѣе взволновало народъ, и Сигизмундъ возвратился въ Польшу 18 Августа съ ничтож-

нымъ типуломъ Короля Шведскаго, оставивъ почти всю власть въ рукахъ своего противника.

Между тѣмъ Татары на пути въ Венгрію противъ Рудольфа II опустошили Красную Русь и Подолію. Напрасны были предостереженія Замойскаго объ обезпеченіи границъ Турецкихъ: Король хотя и думалъ предпринять что либо, но не имѣлъ денегъ для приведенія намѣреній своихъ въ дѣйствіе. При семъ случаѣ Замойскій опять самъ собою подалъ помощь Отечеству. Онъ изгналъ изъ Молдавіи Воеводу Стефана Резвана, любимца Седмиградскаго Князя Сигизмунда Баторія, и отдавъ Волошское Господарство даннику Польскому Іереміи Могилѣ, оградилъ такимъ образомъ южныя границы Польши; но внутреннихъ замѣшательствъ не въ силахъ былъ прекратить. Наливайко и Лобода, козацкіе бунтовщики, опустошили всю Русь. Бунты сіи усмирены Гетманомъ Станиславомъ Жолкѣвскимъ (1596), который подъ Лубнами принудилъ ихъ покориться, овладѣлъ обозами и взялъ знамена и другіе военные доспѣхи, присланные имъ отъ Нѣмецкихъ Императоровъ; но ни Жолкѣвскій, ни Замойскій не успѣли истребить сѣмянъ дальнѣйшихъ безпокойствъ.

(1595. 1596)—*Унія* или соединеніе Греческаго Исповѣданія съ Римскимъ, заключенное въ Брестѣ Литовскомъ, могло бы быть по-

лезно, если бы при семъ случаѣ не было насилій, которыя, вмѣсто того чтобы согласовать умы, еще болѣе раздражали оныя. Одна часть Руси пристала къ Уніи, признавъ Папу главою Церкви; другая же, отвергая таковое соединеніе, не только начала благопріятствовать единовѣрнымъ Россіянамъ, но даже, избѣгая гоненія Католиковъ и Уніатовъ, ввѣрялась покровительству Турокъ. Такимъ образомъ въ одно и то же время запылали страшныя войны въ Швеціи и бунты козацкіе, и пламя оныхъ было тѣмъ ужаснѣе, что оно находило пищу себѣ въ политикѣ Государей, Духовенства и Вельможъ. Благодаря просвѣщенію, мы въ наши времена едва можемъ вообразить, какъ можно было дойти до кровопролитія за вещи, непостижимыя уму человѣческому и слѣдственно не постигнутыя! Поляки уже не могли гордиться тѣмъ, что на землѣ ихъ за разность мнѣній не пролито ни одной капли крови. Гонимые, содѣлавшись въ свою очередь гонителями, особливо козаки на Руси, покрыли себя безславіемъ.—Прусаки и Ливонцы оказывали болѣе расположенія къ Шведамъ, своимъ единовѣрцамъ, нежели къ Полякамъ; да и самые Поляки помрачили имена свои пристрастіемъ къ чужеземцамъ, отъ которыхъ тщетно надѣялись выгодъ для самихъ себя, либо помощи для Отечества. Съ тѣхъ поръ Австрія, Россія и Швеція всегда

имѣли между Поляками своихъ приверженцевъ; нарушалось въ народѣ единство, растлѣвались нравы, и свобода содѣлывалась причиною гибели. По смерти Королевы Анны Батори (1596) уничтожены при дворѣ старопольскіе обычаи: ибо Сигизмундъ III до такой степени любилъ Нѣмецкій образъ жизни, что сына своего Владислава силою и побоями принуждалъ носить Нѣмецкую одежду. Весь его придворный штатъ состоялъ изъ Нѣмцевъ, и для нихъ совершалось особенное Священнослуженіе въ Церкви Св. Бенона. Таковое пристрастіе къ Нѣмцамъ еще болѣе охлаждало къ нему Поляковъ, которые и безъ того уже его не любили.

Между тѣмъ какъ Сигизмундъ III дѣйствіями своими въ Польшѣ болѣе походилъ на Миссіонера нежели на Короля, дядя его Карлъ Зюдерманландскій лишилъ его Шведскаго престола. По отъѣздѣ Сигизмунда изъ Швеціи, Карлъ собралъ самовольно Сеймъ въ Зюдеркьепингѣ и на ономъ присвоилъ себѣ неограниченную власть въ качествѣ Регента. Поступкомъ симъ огорчились многіе Шведы, а Николай Флеммингъ, Правитель Финляндіи, не только удержалъ сіе Княжество въ послушаніи Сигизмунду III, но и защищалъ оное довольно счастливо. Данія также не равнодушно взирала на дѣйствія Карла IX, желая лучше имѣть своимъ сосѣдомъ Сигизмунда, нежели

его; по сему поводу Датскій Король Христіанъ IV всячески старался содѣйствовать противникамъ Карла. Но слабый Сигизмундъ довольствовался только посольствами и отправленіемъ повелѣній въ Швецію. Герцогъ Зюдерманландскій хотя и сложилъ съ себя Регентство (18 Февраля 1597), но только для вида, чтобы послѣ на Сеймѣ въ Арбогѣ съ большимъ торжествомъ опять получить оное. Смерть Флемминга открыла ему путь къ овладѣнію Финляндіею и Эстоніею: и такъ по прошествіи трехъ лѣтъ во всей Швеціи Сигизмунду III ничего не осталось кромѣ пустаго титула, безъ всякой власти. Стыдясь своихъ несчастій и опасаясь презрѣнія, онъ таилъ свои неудачи въ Польшѣ; но когда увидѣлъ что уже не возможно болѣе скрывать сихъ событій, онъ испросилъ на Сеймѣ (1598) дозволеніе вторично отправиться въ Швецію. Замойскій совѣтовалъ итти туда съ сильнымъ войскомъ; но, потому ли что Сигизмундъ не имѣлъ денегъ, или для того, что полагался на приверженцевъ своихъ въ Швеціи, онъ собралъ опять только три тысячи наемнаго войска, которое мимоходомъ причинило въ Пруссіи много вреда.—Въ самомъ дѣлѣ многіе Шведы оставили сторону Карла, и вѣроятно что Сигизмундъ и съ сею горстью людей успѣлъ бы овладѣть Швеціею, (ибо начало похода было довольно удачно), если бы

къ несчастію поведеніе его не было противно духу народа. 8 Сентября онъ пришелъ къ Кальмару и взялъ сію крѣпость, гдѣ много Шведовъ отпало отъ Карла; между тѣмъ Столярмъ, овладѣвъ городомъ Або въ Финляндіи, дожидался въ Грунеборгѣ прибытія Сигизмунда. Хотя Іоахимъ Шель, Адмиралъ Герцога, принудилъ Финляндцевъ очистить Грунеборгъ, однакожь Королевское войско усилилось присоединеніемъ къ оному кавалеріи изъ провинцій Смоланда, Остроготланда и Упланда. Врожденная Сигизмунду III бездѣйственность уничтожила столь счастливое начало. Изъ Кальмара онъ поѣхалъ въ Стегебургъ для свиданія съ сестрою своею, давъ время Карлу IX собрать войско: ибо какъ всегда, такъ и въ сіе время, Король не слушалъ ничьихъ совѣтовъ, а слѣдовалъ влеченію собственной воли. Для свиданія съ сестрою, онъ отвергнулъ настоятельное требованіе Георгія Фаренсбаха итти сухимъ путемъ далѣе и ударить немедленно на Стокгольмъ. Не смотря однако же на сію ошибку, искусство въ военномъ дѣлѣ вождей Сигизмунда III доставило ему значительную побѣду надъ дядею; но Король медлительностію своею опять поставилъ дѣла въ худшее положеніе, нежели въ какомъ оныя прежде находились. Вмѣсто того чтобы воспользоваться побѣдою, онъ вступилъ въ переговоры съ терявшимъ уже всю

надежду Карломъ, и такимъ образомъ далъ время подоспѣть непріятельскому флоту изъ Финляндіи, чѣмъ самымъ укрѣпились надежда и силы его противника. Королю не возможно было ни оставаться долѣе въ Стегебургѣ, ни итти къ Стокгольму, и потому онъ отступилъ къ Зюдеркьепингу, а оттуда къ Линкьепингу, гдѣ и былъ настигнутъ Герцогомъ Зюдерманландскимъ, который напалъ на него неожиданно и одержалъ блистательную побѣду. Король вынужденъ былъ согласиться на договоръ, содержаніе котораго предоставлено было разсмотрѣнію Шведскаго Сейма. Не смотря на все сіе Сигизмундъ имѣлъ еще довольно силы для поправленія своихъ ошибокъ и для завоеванія Швеціи; но упавъ духомъ, поспѣшно возвратился въ Польшу, оставивъ даже приверженныхъ къ себѣ пятерыхъ Шведскихъ Сенаторовъ на жертву врагу своему. Карлъ радовался отбытію Сигизмунда: уволенный отъ непріятнаго свиданія съ Государемъ своимъ, онъ созвалъ общій Сеймъ (1599), на которомъ приверженцы его постановили, что если Сигизмундъ самъ не пріѣдетъ, и не пришлетъ сына, который былъ бы воспитанъ въ Лютеранской Вѣрѣ, то они откажутся отъ повиновенія ему. Послѣ таковаго положенія Карлъ овладѣлъ Финляндіею, и уже только одна Эстонія оставалась вѣрною Сигизмунду. Герцогъ (1600) уступилъ

ее Польшѣ; но сія бѣдная область, будучи не въ силахъ прокормить двухъ армій, сама поддалась Швеціи. Георгій Фаренсбахъ, Воевода Венденскій, имѣлъ приказаніе отъ Республики охранять только границы Польской Ливоніи, но, по внушенію придворныхъ льстецовъ и по тайному повелѣнію Короля, онъ вторгнулся въ Эстонію, напалъ на войско Карла IX и воззвалъ Финляндцевъ къ подъятію оружія за Сигизмунда. Еще недовольный симъ, когда Герцогъ Зюдерманландскій выслалъ къ нему Посла чтобы спросить: съ какимъ намѣреніемъ поступаетъ онъ такимъ образомъ, и должны ли Шведы ожидать отъ Польши мира или войны,—Фаренсбахъ, въ нарушеніе народныхъ правъ, задержалъ Посла и отправилъ его къ Королю въ Польшу. Оскорбленный симъ поступкомъ, Карлъ IX вступилъ въ Ливонію и взялъ Перновъ, предполагая вести войну въ Ливоніи, дабы сберечь Эстонію. Замойскій, обремененный лѣтами, изнуренный трудами, едва согласился принять на себя начальство въ сей войнѣ: онъ предвидѣлъ какъ со стороны Короля такъ и со стороны Республики всѣ къ веденію оной затрудненія. Его свѣжіе подвиги въ Валахіи, гдѣ онъ не только удержалъ Іеремію Могилу противъ воли Турокъ и Нѣмцевъ, но и Молдавію отдалъ брату его Семену, какъ Польскому голдовнику, увѣнчали новыми лаврами чело Гетмана, и еслибы

Король не предпочиталъ связей съ Австріею пользамъ Республики, то и Седмиградская область досталась бы тогда же Баторіямъ, приверженцамъ Польскимъ. Побѣды Замойскаго въ Валахіи и низложеніе Михаила съ Молдавскаго Господарства, изъ котораго онъ, при помощи Австрійцевъ и Турокъ изгналъ было семейство Могилы, и даже помышлялъ о раздѣлѣ Польши, — были тѣмъ славнѣе, что тотъ же Михаилъ, полагаясь на непримиримую ненависть Руси къ Брестской Уніи, предначерталъ себѣ планъ чрезвычайно дерзкій: обѣщавъ Россіи Литву, Шведамъ Ливонію, Австрійцамъ Краковъ, онъ хотѣлъ все остальное завоевать для себя.

Вооруженіе на защиту Ливоніи было уже поздно: Шведы успѣли овладѣть многими замками прежде нежели Сигизмундъ III приготовилъ войско къ походу. Слабые Литовскіе полки Гетмана Криштофа Радзивилла, Великаго Маршала Дорогостайскаго и Полеваго Гетмана Карла Ходкѣвича, не могли противустать силѣ Шведовъ, имѣвшихъ до 24 тысячь войска. По вступленіи Замойскаго въ Ливонію (1601), Король присоединился къ нему съ блистательною свитою, вовсе неспособною къ битвамъ, и думалъ, что вся Ливонія покорится ему при его появленіи. Но она не любила Сигизмунда III еще болѣе нежели Польша: тамошній народъ, привязанный къ Люте-

ранской Вѣрѣ, считалъ его не Государемъ, а слабымъ игралищемъ Iезуитовъ. Хотя же большiе города и оставались преданными Сигизмунду, но и Карлъ имѣлъ въ нихъ множество друзей. Король, увидѣвъ свою ошибку, долженъ былъ удалиться изъ Ливонiи, и Замойскiй остался вести войну одинъ съ врожденнымъ ему мужествомъ и дѣятельностiю. Шведы не смѣя сразиться съ нимъ въ полѣ, держались въ замкахъ; но неутомимый Гетманъ равно былъ искусенъ въ покоренiи крѣпостей, какъ и въ битвахъ на открытомъ мѣстѣ. Взятiе Вольмара (8 Дек. 1601) заключило военныя дѣйствiя того года. Въ слѣдующемъ году самая упорная защита крѣпостей не могла остановить Замойскаго. Онъ три мѣсяца держалъ въ осадѣ Феллинъ, подъ которымъ Фаренсбахъ погибъ, а самъ Гетманъ раненъ, однакожь не отступилъ отъ города и взялъ оный. Послѣ того взяты Везенбергъ и Вейссенштейнъ, не смотря на тысячи препятствiй, представляемыхъ съ одной стороны самымъ положенiемъ городовъ и мужествомъ Шведовъ, а съ другой необузданностiю и недостатками собственнаго своего войска. Польская сабля касалась уже предѣловъ Эстонiи, когда, оклеветанный предъ Королемъ, Замойскiй долженъ былъ сложить съ себя начальство (1602) и возвратиться въ Польшу: вмѣсто оказанiя ему пособiя, Ко-

роль посылалъ въ войско одни обѣщанія, не взирая на то, что Гетманъ, для удержанія войска въ Ливоніи, отдалъ подъ залогъ собственное свое серебро. Карлъ Ходкѣвичь, тогда Полевой, а потомъ Великій Гетманъ Литовскій, принялъ послѣ него начальство надъ оставшеюся горстію людей: ибо большая часть войска, особливо пѣхоты, разошлась, и много конницы распущено по повелѣнію самого Короля. Ходкѣвичь въ теченіе трехъ лѣтъ (1603—1605) защищалъ Ливонію въ качествѣ правителя оной, и не только безпрестанно тревожилъ непріятеля, но даже въ жестокихъ битвахъ, какъ то подъ Вейссенштейномъ и Кирхгольмомъ, къ удивленію Европы одерживалъ блистательныя побѣды надъ непріятелемъ вчетверо сильнѣйшимъ, и не преставалъ поражать его, доколѣ иныя дѣла не отозвали его въ другую сторону. Сія Ливонская война, не принесши ни Польшѣ, ни Сигизмунду никакой существенной пользы, кончилась опустошеніемъ прекрасной провинціи и пролитіемъ невинной крови. Карлъ, на Сеймѣ въ Норкьепингѣ, (22 Март. 1604) объявилъ себя Королемъ Шведскимъ, и признанъ въ семъ званіи всею Европою, кромѣ Польши и нѣкоторыхъ Католическихъ Государствъ, не могшихъ вредить ему.

Во время войны Ливонской возгорѣлось въ Польшѣ междоусобіе. По смерти первой

Сигизмундовой супруги, (31 Янв. 1598) онъ вознамѣрился вступить вторично въ бракъ съ родною ея сестрою Констанціею, согласно съ желаніемъ своей тещи. Сіе намѣреніе, по причинѣ молодости Принцессы, и изъ опасенія сопротивленія со стороны гражданъ, непріязненныхъ Австрійскому Дому, нѣсколько лѣтъ хранимо было въ тайнѣ. Мать Принцессы, убѣдила Эрцгерцога Максимиліана отречься отъ правъ своихъ на корону, а Папа въ угодность Австріи обѣщалъ дать на сей бракъ разрѣшеніе. Когда же приближалось время бракосочетанія, почти весь народъ возсталъ на Короля, и главою сей оппозиціи снова явился вѣчный Австрійскаго Дома врагъ и всегдашній противникъ тайныхъ умысловъ, Янъ Замойскій, который совѣтовалъ Королю въ Ливоніи жениться на Ѳеодорѣ, дочери Іоанна Васильевича, дабы таковою связію съ Россіею обезпечить Ливонію. Бракосочетаніе Короля отложено до смерти Замойскаго (1605), и приготовленіе къ браку началось не прежде какъ по полученіи въ Краковѣ извѣстія о Кирхгольмской битвѣ. 4 Декабря пріѣхала Принцесса; 11 числа совершенъ бракъ и коронованіе. При семъ торжествѣ Сигизмундъ III самъ поджегъ искру давно уже тлѣвшагося междоусобія. Краковскій Воевода Николай Зебржидовскій, другъ Замойскаго, давно убѣждалъ его лишить престола Короля, неспособнаго

къ правленію. Замойскій гнушался таковымъ поступкомъ: ибо, пламенѣя любовію къ Отечеству, онъ предвидѣлъ, что сего не льзя произвести въ дѣйствіе безъ пролитія крови соотечественниковъ въ междоусобіи, и публично объявилъ на Сеймѣ, что любовь къ Отечеству всегда должна согласоваться съ любовію къ Государямъ, и что хотя онъ удалился отъ двора для избѣжанія безпрестанно возводимыхъ на него обвиненій, и не рѣдко порицалъ дѣйствія и поведеніе Короля, но никогда не намѣревался нарушить вѣрности, которою каждой гражданинъ обязанъ Верховной власти. По сей самой причинѣ при жизни Замойскаго Государство спаслось отъ междоусобія; но послѣ его смерти никто уже не могъ имѣть столь сильнаго вліянія на умы, недовольные Королемъ. Зебржидовскій, давно уже лишенный Королевской милости за то, что бывъ имъ обогащенъ, не хотѣлъ ему льстить, подобно низкой толпѣ придворныхъ, былъ, какъ кажется, и не совсѣмъ благодаренъ къ нему. Явнымъ знакомъ неблаговоленія къ нему Государя было повелѣніе выѣхать изъ дома, занимаемаго имъ въ качествѣ Краковскаго Старосты. Сіе привело его въ столь сильный гнѣвъ, что онъ выслушавъ повелѣніе сказалъ: „я оставлю домъ, но и Король „вскорѣ долженъ будетъ оставить престолъ.“ Епископъ Краковскій и Номинатъ Гнѣзненскій

Бернардъ Мацѣевскій тайно благопріятствовалъ Зебржидовскому, а Литовскій Подчашій Князь Янусъ Радзивиллъ, у котораго Король отобралъ Солецкое и Дудское Староства и отдалъ оные Ходкѣвичу, — готовъ былъ рѣшиться на всѣ способы къ своему отмщенію. Польша исполнена была недовольными противъ Короля. Оставшееся безъ уплаты жалованья Ливонское войско пошло къ Бресту Литовскому, отыскивая удовлетворенія въ имѣніяхъ Королевскихъ и духовныхъ, и оставивъ Гетмана Ходкѣвича съ однимъ только собственнымъ его полкомъ. Угнѣтеніе иновѣрцевъ доводило ихъ до отчаянія. Доколѣ Швеція не отказывалась отъ подданства Сигизмунду III, онъ хранилъ еще нѣкоторую умѣренность въ дѣлахъ Вѣры; даже давалъ иновѣрцамъ важныя должности, такъ на пр. Краковскаго Подкоморія Циковскаго, Аріанина, сдѣлалъ Сенаторомъ; и когда Брестская Унія нашла многихъ враговъ, которые не хотѣли соединиться съ Римскою Церковію, и одни изъ Епископовъ Русскихъ соединились съ оною, другіе же отказались отъ повиновенія Папѣ, Король былъ еще столь разсудителенъ, что новымъ Универсаломъ (1598) воспретилъ гоненіе Неуніатовъ. Но по отпаденіи Швеціи, ревность Сигизмунда III дошла до того, что казалось, будто единственною цѣлію его есть обращеніе иновѣрныхъ къ единомыслію, а не

управленіе Королевствомъ. Слѣдствіемъ сего были величайшія жестокости и неправосудіе; угнѣтенные ждали только начальника, чтобы противостать насилію и оградить себя отъ онаго на будущее время. Въ такомъ расположеніи умовъ, Николай Зебржидовскій, усердный Католикъ и основатель Кальваріи, славнаго Реформатскаго монастыря въ четырехъ миляхъ отъ Кракова, явился предводителемъ недовольныхъ. Среди столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ Сигизмундъ III, по внушенію льстецовъ, помышлялъ еще о войнѣ съ Россіею, которая Димитріемъ Самозванцемъ приведена была въ страшное замѣшательство. Не взирая на всѣ постигшія его бѣдствія, онъ все еще питалъ надежду, что Небо наконецъ увѣнчаетъ успѣхомъ его намѣренія. Съ такимъ расположеніемъ духа велъ онъ войны съ Швеціею и Россіею, будучи увѣренъ, что не только узритъ у ногъ своихъ сіи Государства, но и обратитъ оныя въ Католическую Вѣру, къ которой ни Шведы, ни Русскіе не имѣли ни малѣйшей склонности. Краковское Дворянство на частныхъ Сеймахъ въ Прошовицѣ (7 Марта 1606) подало проектъ, чтобы воинское сословіе съѣхалось въ Стенжицу для всеобщаго вооруженія: это былъ знакъ къ возстанію. Малопольское Дворянство собралось въ Корчинѣ, гдѣ присоединилось къ нему и Дворянство Великополь-

ское. Бо́льшая часть мятежниковъ собралась въ Стенжицѣ, между тѣмъ какъ на Сеймѣ Варшавскомъ ходъ дѣлъ умышленно затрудняемъ былъ остальными мятежниками, дабы тѣмъ болѣе имѣть поводовъ къ обвиненію Короля. Сенатъ, по возможности, оправдывалъ Сигизмунда, и самъ Король старался обезоружить враговъ своихъ ласкою, которая уже была вовсе неумѣстна. По порученію Короля, Петръ Скарга ѣздилъ къ Зебржидовскому съ предложеніемъ ему дружбы и благоволенія; но въ то же время Князь Янусъ Радзивиллъ, подъ предлогомъ оскорбленія, нанесеннаго ему Мышковскимъ, оставилъ Варшавскій Сеймъ, взялъ съ собою почти всѣхъ Литовскихъ Пословъ и присталъ къ мятежникамъ, не дожидаясь окончанія Сейма. 4 Іюня было другое собраніе мятежниковъ въ Люблинѣ, гдѣ Князь Янусъ Радзивиллъ сдѣланъ Маршаломъ. Положено, чтобы всякъ, кто дорожитъ званіемъ Дворянина, явился 6 Авг. въ Сендомирѣ, и, сверхъ Маршала, дано право собирать войска Станиславу Стадницкому и Адаму Горайскому; вмѣстѣ съ тѣмъ, остановивъ обыкновенное судопроизводство, мятежники поручили всю власть воинскому сословію. Наряженное отъ нихъ посольство требовало отъ Короля: чтобы онъ улучшилъ правленіе, исполнилъ условія, признался въ своей винѣ, публично просилъ въ оной извиненія, отрекся

отъ намѣренія ввести самодержавіе и обѣщалъ не слушать внушеній придворныхъ любимцевъ. Войско мятежниковъ состояло почти изъ 100.000; но несогласіе между начальниками и необузданность воиновъ содѣлывали сію многочисленную армію не весьма страшною. Когда посольство Короля осталось безуспѣшнымъ, тогда Жолкѣвскій получилъ повелѣніе набирать войско на Руси, къ которому присоединились и нѣкоторые помѣщики съ своими людьми. Въ скоромъ времени Король имѣлъ около 3.000 войска, подъ начальствомъ трехъ Потоцкихъ: Старосты Яна, Каменецкаго Кастеллана Якова и Феллинскаго Старосты Стефана. Жолкѣвскій привелъ изъ Руси 7.000 опытныхъ воиновъ, и когда такимъ образомъ Король достаточно былъ обезпеченъ, въ Вислицѣ заключена *конфедерація* въ его присутствіи, подъ руководствомъ Короннаго Подчашія Адама Сѣнявскаго. Обширный кругъ мятежниковъ началъ мало по малу уменьшаться, и вскорѣ Королевскія силы получили надъ онымъ перевѣсъ. Непріятели были преслѣдуемы и настигнуты при переправѣ чрезъ Вислу подъ Яновцемъ. Тутъ Зебржидовскій покорился и обѣщалъ распустить свое войско, а разсмотрѣніе дѣла предоставить будущему Сейму. Но прежде нежели состоялся Сеймъ, (7 Маія 1607 г.) Великопольское Дворянство, собравшись въ *Коло*, назначило об-

щій съѣздъ въ Андржеевѣ, куда пріѣхалъ и Зебржидовскій; тамъ положено вновь собрать войско, и силы мятежниковъ возрасли до того, что предводители оныхъ думали уже объ избраніи въ Короли Гавріила Баторія, Князя Седмиградскаго. Находясь въ столь великой опасности, Король отозвалъ изъ Ливоніи Гетмана Ходкѣвича, который (1 Іюня 1607 г.) съ 1600 конныхъ воиновъ въѣхалъ въ Краковъ, поручивъ Ливонію Зборовскому, оставшемуся тамъ еще съ меньшимъ числомъ войска. Такимъ образомъ уничтожились всѣ выгоды, доставленныя Кирхгольмскою битвою, и Шведы тотчасъ взяли верхъ въ опустошенной Ливоніи, между тѣмъ какъ Литовское войско должно было имѣть дѣло съ мятежниками.— Вражда между вождями Королевской стороны, Жолкѣвскимъ, Ходкѣвичемъ и Потоцкими едва не была причиною ихъ пораженія; но и на сторонѣ непріятельской дѣла шли не лучше: тѣ которые въ Люблинѣ наиболѣе возставали противъ Короля, отстали отъ мятежниковъ по различнымъ частнымъ видамъ. Мятежники съ 4.000 войска шли къ Варшавѣ, въ надеждѣ подкрѣпить тамъ силы свои. Королевское войско преградило имъ путь подъ Варкою. Увидѣвъ свою ошибку, мятежники начали отступать, и многіе изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Станиславъ Стадницкій съ 500 человѣкъ конницы, отстали отъ мятежни-

ковъ. Побѣда была въ рукахъ Короля; но нерасположеніе къ нему войска удержало его отъ сраженія. Не смотря на сіе мятежники отступили къ Радому и остановились подъ Гузовомъ, гдѣ дѣло рѣшилось битвою 6 Іюля 1607 г. Срединою войска завѣдывали Потоцкіе, правымъ крыломъ Ходкѣвичь, а лѣвымъ Жолкѣвскій; Король былъ въ арріергардѣ. Въ непріятельскомъ войскѣ Зебржидовскій находился по среди, а по обѣимъ сторонамъ Гербуртъ и Князь Янусъ Радзивиллъ. Радзивиллъ, пользуясь замѣшательствомъ происшедшимъ въ крылѣ Ходкѣвича, пробился даже до арріергарда, и товарищь его Головня прискакавъ къ Королевскому шатру, спросилъ съ насмѣшкою: *гдѣ Шведъ?* Королю совѣтовали бѣжать на лѣвое крыло, къ Жолкѣвскому; но узнавъ что пѣхота еще стоитъ на мѣстѣ, онъ остался тамъ гдѣ и былъ, и давъ Ходкѣвичу время исправиться, самъ лично не мало способствовалъ къ одержанію побѣды. — Сія побѣда удержала Сигизмунда III на тронѣ и слѣдующій 1608 годъ прошелъ безъ новыхъ мятежей. Казалось, что внутренніе раздоры прекратились. Карлъ Ходкѣвичь возвратился въ Ливонію, и тамъ, вспомоществуемый болѣе Несвижскими Князьями Радзивиллами, нежели Королемъ, отнялъ у Шведовъ все, чѣмъ они овладѣли въ его отсутствіе, и даже взялъ Перновъ хитростію. Подобнымъ средствомъ

надѣялся онъ покорить и Ревель; (1609) но мысли Короля обращены были на Россію, и необходимость требовала отказаться отъ продолженія дѣйствій въ Ливоніи и заключить со Шведами перемиріе.

Между тѣмъ правительство Польское болѣе и болѣе приходило въ разстройство: ибо Сигизмундъ III не перемѣнился ни въ образѣ жизни, ни въ мысляхъ. Онъ не переставалъ гнать иновѣрцевъ, слѣдуя внушеніямъ Іезуитовъ, и не теряя пустой надежды возвратить Швецію, съ помощію Австріи и Испаніи, предполагалъ также завоевать и Россію, безъ денегъ, безъ возможности платить войску жалованье: словомъ, поступалъ какъ и прежде, истрачивая доходы на придворныя надобности и алхимическіе процессы и вовсе не думая ни о войскѣ, ни о военныхъ издержкахъ.

Когда по кончинѣ Іоанна IV Васильевича и по краткомъ царствованіи сына его Ѳеодора, Борисъ Годуновъ возсѣлъ на Царскомъ престолѣ, Сигизмундъ III, (1601) чрезъ Великаго Канцлера Литовскаго Льва Сапѣгу заключилъ съ нимъ союзъ на двадцать лѣтъ, въ силу коего обезпечилъ себя со стороны Россіи на время военныхъ дѣйствій съ Швеціею. Борисъ честно сохранялъ договоръ; но радъ былъ войнѣ Поляковъ съ Шведами, потому ли, что чрезъ сіе оба народа теряли силы, или для

шого, что Годуновъ, какъ похититель престола, тайно благопріятствовалъ такому же похитителю, Герцогу Зюдерманландскому. Сигизмунду III представился удобный случай къ отмщенію. Бѣглый монахъ изъ Московскаго Чудова монастыря, обманщикъ *Гришка* или *Григорій Отрепьевъ* началъ выдавать себя за Димитрія Іоанновича, младшаго Ѳеодорова брата, увѣряя, что Борисъ вмѣсто его умертвилъ по ошибкѣ (1594) въ Угличѣ какого-то поповскаго сына. Сходство лица, возрастъ, короткая рука и бородавка на лицѣ склонили многихъ въ его пользу (29). Димитрій I Самозванецъ явился сначала въ Кіевѣ у Князя Василія Острожскаго, у котораго онъ находился дьячкомъ. Онъ былъ опредѣленъ въ Печерскій монастырь, но изгнанъ оттуда за несоблюденіе постовъ; учился въ Іезуитскихъ школахъ въ Гащѣ и въ Ливоніи по Латынѣ, потомъ служилъ при кухнѣ Гульскаго и наконецъ у Князя Адама Вишневецкаго. Тамъ притворясь смертельно больнымъ, онъ объявилъ о себѣ кто онъ таковъ, и въ доказательство словъ своихъ показалъ золотой, осыпанный дорогими каменьями крестъ, данный ему въ знакъ памяти крестнымъ его отцемъ Княземъ Мстиславскимъ. Князь Адамъ Вишневецкій ему повѣрилъ, и чрезъ посредство брата своего Князя Константина познакомилъ

его съ Королемъ. Трудно рѣшить, искренно ли повѣрилъ ему Сигизмундъ III, или только притворился, будто вѣритъ его разсказамъ. Извѣстно только то, что Король взялъ его къ себѣ, и пріѣхавъ съ нимъ къ Георгію Мнишку, Сендомирскому Воеводѣ, тестю Князя Константина, подарилъ ему нѣсколько тысячь злотыхъ изъ Самборской Экономической конторы и обнадежилъ его своею милостію. — Король требовалъ мнѣнія Замойскаго (23 Март. 1604), желая чтобы сіе дѣло поручено было Князю Збарасскому. Но поелику сей Князь не признавалъ Димитрія настоящимъ Царевичемъ, то Король рѣшился ввѣрить дѣло Мнишку, имѣвшему особенныя причины вступиться за Димитрія: ибо Маріанна или Марина, дочь его отъ втораго брака, дѣвица чрезвычайной красоты и исполненная прелестей, полюбила Димитрія, а сей, пользуясь случаемъ войти въ родство съ сильными Мнишками и Вишневецкими, обѣщалъ жениться на ней, лишь только получитъ престолъ. Замойскій, сомнѣваясь въ успѣхѣ дѣла, совѣтовалъ Королю не мѣшаться въ оное, по крайней мѣрѣ безъ согласія Сейма. Но поелику Димитрій сдѣлался Католикомъ и далъ обѣщаніе стараться о соединеніи Церквей, то Король не захотѣлъ уже откладывать долѣе дѣйствій своихъ во ожиданіи не извѣстнаго рѣшенія Сейма; а какъ самъ онъ

не могъ поддерживать сего дѣла, то по совѣту Іезуитовъ дозволилъ Вельможамъ принять участіе въ ономъ, объявивъ, что дѣйствія ихъ будутъ для него весьма пріятны. Мнишекъ около Львова собралъ (30) 700 человѣкъ конницы, раздѣлилъ оную на шесть отрядовъ и повелъ Димитрія къ Москвѣ чрезъ Кіевъ. (1604). За Днѣпромъ сіе войско возрасло до 2.000; когда же Донскіе козаки, возмущенные Щенснымъ Свирскимъ, пристали къ Димитрію, и много народу изъ Сѣверской области сбѣжалось подъ его знамена, тогда уже Димитрій сдѣлался опаснымъ для Бориса: ибо хотя онъ и претерпѣлъ пораженіе подъ Новымгородомъ-Сѣверскимъ, однакожь поправилъ свое дѣло взятіемъ Путивля и Бѣльска: всѣ дальнѣйшія препятствія со стороны Бориса были безуспѣшны, и скоропостижная смерть его (5 Апр. 1605) открыла Димитрію путь къ Москвѣ. Ѳеодоръ Борисовичь, шестнадцатилѣтній юноша, вступивъ на престолъ подъ опекою матери, не могъ воспрепятствовать успѣхамъ Самозванца. Войско Борисово, осаждавшее мѣстечко Кромы или Крамы, признало Димитрія Государемъ, и сему примѣру не замедлило послѣдовать почти все Россійское Государство. Ѳеодоръ Борисовичь лишенъ престола и вскорѣ съ семействомъ своимъ, по приказанію Димитрія, умерщвленъ въ Москвѣ,

куда Самозванецъ имѣлъ торжественное шествіе 20 Іюня 1605 г. Послѣ коронованія новый Царь Димитрій отправилъ пышное посольство къ Королю Польскому съ предложеніемъ мира и дружбы, и вмѣстѣ съ просьбою о Маринѣ Мнишекъ. За нѣсколько времени до брака Короля съ Принцессою Констанціею, совершено въ Краковѣ 25 Сент. бракосочетаніе Марины съ Посломъ, а 3 Декабря, въ день прибытія Принцессы Констанціи, Марина отправилась въ Промникъ, для избѣжанія торжественнаго свиданія съ будущею супругою Сигизмунда III. Изъ Промника она уѣхала въ Москву въ Январѣ слѣдующаго 1606 года съ отцемъ и Послами Королевскими и Царскимъ, и прибыла на границы 17 Апрѣля, а въ Москву въ Маіѣ. Тамъ, среди свадебныхъ пиршествъ, Князь Василій Іоанновичь Шуйскій сдѣлалъ возстаніе противъ Димитрія, который умерщвленъ вмѣстѣ со множествомъ бывшихъ съ нимъ Поляковъ (31), а Марина съ отцемъ и послами Сигизмунда III едва успѣла сохранить жизнь, сошедши съ трона въ темницу (27 Маія 1606). Престоломъ овладѣлъ Князь Василій Шуйскій, но онъ не долго царствовалъ: ибо появился новый Димитрій II Самозванецъ, безъ сомнѣнія обманщикъ, но по наущенію Поляка Мѣховскаго, любимца прежняго Димитрія, нашедшій себѣ многихъ защитниковъ между мстительными Поляками,

и даже между Московскими Князьями и Боярами, ненавидѣвшими Шуйскаго.—Распустили слухъ будто Димитрій подземнымъ ходомъ спасся отъ гибели; и онъ вскорѣ собралъ до 7.000 войска. Въ наборѣ семъ наипаче принимали участіе: Усвятскій Староста Янъ Павелъ Сапѣга, вопреки совѣтамъ своего брата, Канцлера. Князь Романъ Ружинскій, Александръ Зборовскій, Андрей Млоцкій, Виламовскій, Рудскій, Орликовскій, Копычинскій, Князь Адамъ Вишневецкій, Самуилъ Тишкѣвичь, Адамъ Харлескій, Мелѣшко, Бобовскій, Ланцкоронскій, Русѣцкій, Страбовскій, Мадалинскій, Стравинскій, Бучинскій, Гаѣовскій и Рудницкій. Заруцкій привелъ съ собою 8.000 Донскихъ козаковъ, къ которымъ пристало и великое множество Россіянъ. Димитрій, разбивъ войско Шуйскаго, остановился подъ Столицею въ Тушинѣ (1608) и осадилъ Москву. Надъ войскомъ Димитрія начальствовалъ Князь Ружинскій, а Янъ Павелъ Сапѣга, бывшій съ симъ послѣднимъ въ ссорѣ, расположился отдѣльно подъ Троицкимъ монастыремъ. Власть Димитрія была весьма слаба, ибо каждый изъ его военачальниковъ имѣлъ въ виду только собственныя свои выгоды; но Шуйскій возвысилъ противника своего въ глазахъ народа: дабы умилостивить Поляковъ, онъ освободилъ изъ темницы Мнишка, Марину и Королевскихъ По-

словъ; поелику же Маринѣ хотѣлось непремѣнно царствовать, а Мнишку быть тестемъ Царя, то они умышленно откладывали отъѣздъ свой въ Польшу, пока не были взяты и препровождены въ Тушино. Марина признала Димитрія своимъ супругомъ, обвѣнчавшись съ нимъ тайно, дабы такимъ образомъ еще болѣе успокоить совѣсть свою, и безъ того уже омраченную страстію къ владычеству.— На Дону, Терекѣ и въ другихъ частяхъ Россіи являлось еще нѣсколько Самозванцевъ подъ разными именами и все Государство Россійское находилось въ ужасномъ волненіи.

Въ сіе-то время Сигизмундъ III объявилъ Россіи войну (1609), дабы, пользуясь водворившимися въ оной безпорядками, или содѣлаться ея обладателемъ, или по крайней мѣрѣ отторгнуть отъ нея Литовскія провинціи. Замойскаго уже не было въ живыхъ, и Король думалъ поручить начальство Станиславу Жолкѣвскому, намѣреваясь и самъ находиться въ походѣ. Жолкѣвскій предвидѣлъ трудность начальствовать надъ войскомъ въ присутствіи самаго Короля, вовсе несвѣдущаго въ военномъ дѣлѣ; онъ зналъ, что придворные любимцы въ военномъ станѣ, такъ же какъ въ Варшавѣ, возьмутъ преимущество предъ Гетманомъ и будутъ опровергать здравые совѣты. Однакожъ онъ убѣдился принять начальство потому, что пріѣзжавшій въ Кра-

ковъ за Мариною Мнишекъ Аѳанасій Васильевичь Безобразовъ, имѣлъ отъ Голицыныхъ и иныхъ Русскихъ Князей тайное порученіе объявить, что они предлагаютъ скипетръ Королевичу Владиславу, желая лучше его имѣть Государемъ, нежели быть подданными бродяги, обманщика. Легковѣрный Сигизмундъ III, исполненный надежды обратить Россіянъ въ Католическую Вѣру, желалъ Россійскаго вѣнца, но не для сына своего, а для самаго себя. Обманутый ложнымъ донесеніемъ о слабости силъ Смоленска, онъ полагалъ достаточнымъ явиться только предъ сею крѣпостію, чтобы овладѣть оною. Но онъ пришелъ туда съ 20.000 войска не прежде какъ въ Октябрѣ, когда уже Смоленскъ обезпеченъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ. Жолкѣвскій совѣтовалъ оставить сей городъ и итти прямо на Москву для подкрѣпленія Димитрія; но здѣсь случилось то, что онъ предугадывалъ, т. е. онъ лишился всей власти, и Король ввѣрился мужественнымъ, но не примиримымъ врагамъ Жолкѣвскаго, тремъ братьямъ Потоцкимъ. Осада Смоленска продолжалась 20 мѣсяцевъ; Король уже не слушалъ болѣе ни Гетмана, ни тѣхъ кои совѣтовали ускорить штурмъ, т. е. Канцлера Льва Сапѣги и Велижскаго Старосты Гоеѣвскаго. Войско, не получая платы, безпрестанно уменьшалось, и готово было бунтовать. Король еще болѣе испор-

тилъ дѣло, отозвавъ Поляковъ изъ стана Димитрія, усиливъ тѣмъ сторону Шуйскаго, и вооруживъ противъ себя Димитрія, бѣжавшаго въ Калугу. Вспомоществуемый Шведами, Шуйскій думалъ отрѣзать Смоленскъ отъ непріятеля (1610). Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, полководецъ Царя Василія, освободилъ Троицкій монастырь отъ осады, прогналъ отъ онаго Яна Сапѣгу съ помощію Шведовъ, послѣ чего и Тушинскій станъ снятъ болѣе по возникшимъ въ ономъ раздорамъ, нежели изъ опасенія непріятельскихъ силъ; тогда же умеръ Гетманъ онаго Князь Ружинскій. Всѣ города около Смоленска, осажденные Поляками, достались опять въ руки Россіянъ, державшихъ сторону Царя Василія, а братъ его Димитрій Шуйскій съ сильнымъ войскомъ шелъ къ Смоленску. Побѣды Гетмана Жолкѣвскаго, котораго Король выслалъ противъ него, измѣнивъ ходъ дѣла, загладили прежнія неудачи и открыли Королевичу Владиславу путь на царство. Жолкѣвскій (8 Іюля 1610) подъ Клушинымъ разбивъ на голову войско Димитрія Шуйскаго, пошелъ къ Столицѣ, гдѣ Царь Василій (27 Іюля) уже лишенъ былъ престола, и бразды правленія ввѣрены Князю Димитрію Мстиславскому. Многіе Вельможи Московскіе искренно желали имѣть Царемъ Владислава, дабы положить конецъ междоусобіямъ. 27 Августа у Дѣвичьяго монастыря

утвержденъ договоръ, чтобы Владиславъ царствовалъ на условіяхъ, за годъ предъ тѣмъ предложенныхъ Михайломъ Салтыковымъ подъ Смоленскомъ. — Благоразумное поведеніе Гетмана, смерть Димитрія, и иныя событія облегчали Владиславу путь къ престолу, ибо уже почти все Россійское Государство признавало его Царемъ; Столица же, осажденная Польскимъ войскомъ, ожидала только прибытія новаго Государя. Заруцкій, другъ Марины, дѣйствовалъ еще съ Донцами; но сіи дѣйствія были уже слабы и вовсе прекратились бы, еслибъ безпечность Сигизмунда III не возобновила оныхъ. Низкіе льстецы его, завистники славы Гетмана, убѣдили Короля, вмѣсто утвержденія договора Жолкѣвскаго, возобновить осаду Смоленска, который мужественною своею защитою поощрялъ и другіе города къ отраженію враговъ. Россіяне постигли наконецъ намѣреніе Сигизмунда III возложить на самаго себя Царскій вѣнецъ и овладѣть Государствомъ, которое предлагало скипетръ сыну его. Они не любили Сигизмунда за нетерпимость Вѣръ. Торжественное посольство о присланіи Владислава Сигизмундъ III принялъ надменно, и главныхъ онаго Членовъ, Ростовскаго Митрополита Филарета и Князя Василія Голицына заключилъ въ темницу. Наконецъ онъ взялъ Смоленскъ, (14 Іюня 1611) но не имѣя чѣмъ платить войску, уѣхалъ на

Сеймъ въ Варшаву для опредѣленія новыхъ налоговъ, а между тѣмъ Смоленское войско, не знавшее никакой дисциплины, разошлось. Сіе случилось въ то время, когда Прокопій Ляпуновъ осаждалъ въ Москвѣ Александра Госѣвскаго, притворяясь, будто онъ съ Заруцкимъ держитъ сторону сына Димитрія и Марины (32), а Госѣвскій выжегъ весь городъ, дабы облегчить Полякамъ его защиту. И Россія и Польша дорогою цѣною платили за неблагоразуміе Сигизмунда III. Между тѣмъ въ Вильнѣ и Варшавѣ торжествовали подвиги Поляковъ, Пруссія отдана въ ленное владѣніе Брандебургскому Курфирсту Іоанну Сигизмунду, а Россіяне въ отчаяніи призывали на тронъ одного изъ сыновей Карла IX, Короля Шведскаго, бывшаго Герцога Зюдерманландскаго. Появленіе третьяго Димитрія Самозванца въ Иванѣ-городѣ само по себѣ было кратковременнымъ бѣдствіемъ; за то раздоры Вельможъ Русскихъ были продолжительнѣе. Госѣвскій, осажденный Прокопіемъ Ляпуновымъ, Княземъ Димитріемъ Трубецкимъ и Просовецкимъ, защищался мужественно; Янъ Сапѣга дважды побѣждалъ осаждающихъ, но при несогласіи военачальниковъ всѣ ихъ усилія оставались безплодными. Наконецъ Сигизмундъ III послалъ Ходкѣвича съ Ливонскимъ ничтожнымъ войскомъ (1612) на помощь осажденнымъ въ Москвѣ; но Польскіе воины, прель-

щаясь повсюду богатою добычею, совершенно вышли изъ повиновенія. Извѣданная храбрость Ходкѣвича не могла одолѣть вдругъ и внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Браславскій Воевода Яковъ Потоцкій, имѣвшій начальство надъ Смоленскимъ войскомъ, прислалъ въ Столицу племянника своего Струса съ горстію свѣжихъ людей, желая присвоить себѣ славу сохраненія Москвы; но Струсъ вступилъ въ оную почти тогда, когда Госѣвскій ее оставилъ, и не желая быть подъ начальствомъ Гетмана Ходкѣвича, ни въ чемъ ему не помогалъ. Какъ за два года предъ тѣмъ Жолкѣвскій, такъ въ сіе время Ходкѣвичь тщетно просилъ помощи у Короля, медленно собиравшаго любимыхъ своихъ Нѣмцевъ, и пріѣхавшаго съ Королевою Констанціею, недоброжелательною мачихою Владислава, въ Вильно, откуда онъ пошелъ къ Вязьмѣ съ двумя полками. Между тѣмъ гарнизонъ Польскій въ Москвѣ въ концѣ Октября сдался, не могши долѣе противиться голоду и свѣжимъ Россійскимъ войскамъ, предводимымъ Княземъ Димитріемъ Пожарскимъ, который, соединясь съ Нижегородскимъ Гражданиномъ Козмою Мининымъ, возбудилъ всю Россію къ вооруженію, для рѣшительнаго прекращенія водворившагося неустройства. Сигизмунду III оставалось только возвратиться со стыдомъ на Сеймъ для испрошенія новаго пособія къ под-

держанію войны. Къ счастію Польши, по смерти Карла IX въ Швеціи (1611) наслѣдникъ его и сынъ Густавъ Адольфъ, бывъ занятъ войною съ Даніею, не могъ и думать о Ливоніи.

Россіяне единодушно избрали на царство Михаила Θеодоровича, сына Ростовскаго Митрополита Филарета, того самаго, который находился въ неволѣ у Сигизмунда III. Сей Филаретъ въ свѣтскомъ званіи извѣстенъ былъ подъ именемъ *Θеодора Никитича Романова;* но Борисъ заставилъ его постричься за мнимый замыселъ овладѣть престоломъ, которымъ послѣ завладѣлъ самъ Годуновъ.

Таковому окончанію дѣла объ избраніи Владислава много содѣйствовала мачиха его, Королева Констанція: она убѣждала Короля оставаться подъ Смоленскомъ; когда же Король выступилъ къ Вязьмѣ, она, сопутствуя ему со всѣмъ Дворомъ, всячески затрудняла походъ его: ибо не доброжелательствуя пасынку, она надѣялась и Польскій престолъ доставить не ему, а собственному своему сыну. Плодами столь труднаго и дорого стоившаго Польшѣ похода были взятіе Смоленска и развращеніе Польскаго войска, дерзнувшаго составить три Конфедераціи, изъ коихъ одна, затѣянная Осипомъ Цѣклинскимъ въ Москвѣ, находилась въ сіе время во Львовѣ; другая, служившая нѣкогда Яну Сапѣгѣ,

Усвятскому Старостѣ (умершему въ Кремлѣ 1611), осталась въ Брестѣ Литовскомъ подъ начальствомъ Вацлава Побѣдинскаго, а третья, Смоленская, образовавшаяся послѣ Сейма 1613 года, расположилась въ Бидгощѣ. Такимъ образомъ каждая провинція имѣла свое мятежническое войско. Сигизмундъ III потерялъ охоту и царствовать и апостольствовать въ Россіи, послѣ того какъ Сеймъ (1613) опредѣлилъ сдѣлать налогъ, который едва былъ достаточенъ для удовлетворенія прежняго войска. Король, терпя крайній недостатокъ въ деньгахъ, самъ приказалъ распустить часть солдатъ, и Литва уже одна, съ помощію Ходкѣвича и Госѣвскаго защитила Смоленскъ (1614—1615), осажденный Русскими; Король же, при посредничествѣ Нѣмецкаго Императора Матѳія, охотно согласился кончить войну съ Россіею, что было и Сеймомъ (1613) одобрено. Но какъ положеніе Сигизмунда III и Республики было всѣмъ извѣстно, то новый Царь Михаилъ Ѳеодоровичь требовалъ возвращенія Смоленска и уплаты 1.600.000 злотыхъ Польскихъ за сокровища, вывезенныя Поляками изъ Москвы. Началась новая война (1616), и Сигизмундъ III (1617) со стыдомъ долженъ былъ отправить въ Россію сына своего Владислава съ новымъ войскомъ. Начало сего похода было довольно успѣшно, и Королевичь, нашедши еще въ Россіи преж-

нихъ своихъ приверженцевъ, и оказавъ отличное почтеніе къ обрядамъ Греко-Россійской Вѣры, особенно по взятіи Дорогобужа, снискалъ любовь народную тамъ, гдѣ дѣйствовало его оружіе; но раздоръ между приставленными къ нему Коммисарами, извѣстность Россіянъ о тайномъ наказѣ на счетъ заключенія мира, и неповиновеніе войска, не позволили ему воспользоваться представлявшимися выгодами, хотя путь и былъ открытъ ему къ самой Москвѣ (1618). Храбрость и искусство въ военномъ дѣлѣ Литовскаго Гетмана Ходкѣвича одолѣли-было всѣ сіи препятствія, и онъ уже достигалъ цѣли, какъ неплатежъ войску жалованья и безпечность Сигизмунда III положили преграду дальнѣйшимъ его дѣйствіямъ. Войско Польское опять находилось въ положеніи крайне затруднительномъ; но присоединеніе къ оному Петра Кунасевича Сагайдачнаго съ Запорожскими козаками, которые чрезъ посредство Льва Сапѣги вовлечены въ Россійскую войну, увеличило силы ослабленныхъ Поляковъ, расположившихся станомъ въ Тушинѣ, откуда произведено было смѣлое, но неудачное нападеніе на Москву. Послѣ сего заключенъ миръ на 14 лѣтъ въ деревнѣ Деулинѣ (15 Янв. 1619), въ семи верстахъ отъ Троицкой Лавры. Воеводства Смоленское и Черниговское остались за Польшею, Михаилъ Ѳеодоровичъ признанъ

Царемъ, а Родитель его и другіе, томившіеся съ нимъ въ заключеніи, получили свободу. Шуйскіе и Голицынъ не дожили до сего времени; тѣла ихъ погребены въ Доминиканской церкви въ Варшавѣ съ надгробными надписями, которыя казались лестными для Сигизмунда III, а на самомъ дѣлѣ служили еще къ большему помраченію его имени.

Война и миръ съ Россіею дорого стоили Польшѣ: за пріобрѣтенныя отъ ней провинціи она лишилась Валахіи и Ливоніи, вмѣшавшись въ новую Турецкую войну, и возобновивъ прежнюю войну съ Шведами. Никакія бѣдствія не въ силахъ были лишить Короля лестныхъ его надеждъ. Перемиріе съ Швеціею продолжалось до 1616 года; но когда Король Сигизмундъ III, увлеченный убѣжденіями неблагоразумныхъ друзей своихъ въ Швеціи, приказалъ разсѣявать разныя письма въ Стокгольмѣ противъ Густава Адольфа, тогда и Король Шведскій началъ помышлять о войнѣ Ливонской, и ожидалъ только заключенія мира съ Россіею. Видя затруднительное положеніе Поляковъ въ Москвѣ, онъ принялъ на свою сторону Фаренсбаха (1617), и чрезъ него овладѣлъ Перновомъ и Динаминдомъ: Рига защитилась съ великимъ трудомъ. Но явной войны еще не было: ибо Шведы хотѣли прежде трактатами съ Россіею обезпечить за собою то, что они уже имѣли въ Ливоніи.

Съ возвращенiемъ Фаренсбаха въ подданство Польши, возвращены и крѣпости, сданныя имъ Шведамъ, кромѣ Пернова (1618); Густавъ Адольфъ долженъ былъ ожидать удобнѣйшаго случая къ войнѣ.

Война Польши съ Турками вскорѣ представила ему сей случай; раздраженные безпрестанными набѣгами козаковъ, они давно уже думали воевать Польшу, но бывъ заняты войною съ Персами, не могли выступить противъ оной.—Константинъ Могила (1614), лишенный ими Молдавскаго Господарства за неплатежъ дани, долженъ былъ уступить владѣнiе свое Томжѣ, который изгналъ его въ Польшу. Зять Могилы, Стефанъ Потоцкiй старался выгнать изъ Молдавiи Томжу, но не успѣлъ въ томъ; былъ разбитъ и взятъ Турками въ плѣнъ. Другiе зятья его, Князья Самуилъ Корецкiй и Михайло Вишневецкiй дѣлали на Молдавiю столь же неудачныя покушенiя: оба они такъ же плѣнены и отосланы въ Стамбулъ (1616). Скиндеръ-Паша съ 80.000 войска явился на границахъ Польши для отмщенiя за набѣги козаковъ и покушенiя Поляковъ на Молдавiю. Подъ Бушею на Днѣстрѣ встрѣтилъ его Жолкѣвскiй съ войскомъ гораздо малочисленнѣйшимъ. Обыкновенный раздоръ между военачальниками, не хотѣвшими повиноваться Гетману, безпечность Короля и тайныя приказанiя не под-

вергать Республики опасностямъ сомнительной войны съ Россіею, на которую отправился Королевичь Владиславъ, — были причиною того, что Жолкѣвскій заключилъ весьма невыгодный миръ, оставивъ Молдавію и Валахію въ большей зависимости отъ Турокъ, нежели прежде (1617).—Миръ сей заключенъ съ тою цѣлію, чтобъ успѣшнѣе вести войну въ Россіи, однакожь въ томъ самомъ и въ слѣдующемъ году Татары разорили Украину почти въ глазахъ Жолкѣвскаго, который между тѣмъ договаривался съ Скиндеръ-Пашею. Козаки, столь нужные Полякамъ для войны съ Россіею, сдѣлались такъ сильны, что уже не слушались приказаній Короля. Какъ Татары вторгались въ Польшу, такъ они въ свою очередь разъѣзжали по Турціи и даже достигали до воротъ Цареградскихъ. Многіе порицали Жолкѣвскаго за слабость его; но они не обращали вниманія на Королевскія приказанія, которыя связывали ему руки, и на несчастное положеніе всего Государства.

Сигизмундъ III далъ Туркамъ новую причину къ неудовольствію, послѣдовавъ совѣту тогдашняго Луцкаго Епископа, потомъ Великаго Канцлера Андрея Липскаго, и убѣжденіямъ Іезуитовъ, послать *Лисовчиковъ* (33) въ Венгрію на помощь Фердинанду II, противъ Бетлема Габора, Седмиградскаго Князя, лично осаждавшаго Вѣну съ Австрійскими мятежника-

ми. Впторженіе Лисовчиковъ въ Венгрію, по опустошеніи Краковскаго Подгорья, отвлекло отъ Вѣны Бетлема Габора, который съ Богемскими мятежниками настаивалъ у Турецкаго Султана объ отмщеніи Сигизмунду III за пріязнь его къ Австріи, бывшей въ явной враждѣ съ Турціею. Новый Султанъ Османъ имѣлъ и со стороны Россіи таковыя же требованія: ибо Россія желала мщенія не токмо за потерю значительныхъ областей, но и за насильственное обращеніе оныхъ въ Унію. Даже Турецкіе Греки, какъ единовѣрные съ жителями отторгнутыхъ отъ Россіи провинцій, возмущали чернь на Украинѣ. Гаспаръ Граціанъ, уроженецъ Стирійскій, за выкупъ въ Италіи многихъ Турецкихъ плѣнниковъ, сдѣланъ Господаремъ Волошскимъ; поелику же открылось, что онъ благопріятствовалъ болѣе Полякамъ, нежели Туркамъ, то Султанъ приговорилъ его къ смерти; за что онъ и объявилъ войну Турціи. На помощь Граціану спѣшилъ Жолкѣвскій въ Молдавію; но какъ Турецкое войско при Прутѣ было гораздо многочисленнѣе, то онъ и долженъ былъ отступить, и, бывъ при Днѣстрѣ оставленъ частію своей кавалеріи, погибъ подъ Цѣцорою съ цвѣтомъ лучшихъ воиновъ изъ малой Польши и Руси (7 Октября 1620); въ то же время Полевой Гетманъ Конецпольскій со многими другими взятъ въ плѣнъ, Татары снова

безнаказанно опустошили границы; Султанъ же Османъ двинулъ всѣ Оттоманскія силы на завоеваніе Польши. Сигизмундъ III разослалъ пословъ ко всѣмъ дворамъ съ просьбою о помощи; но не получилъ оной ни отъ кого; а Императоръ Фердинандъ II, бывшій главнымъ виновникомъ войны, запретилъ даже нанимать войско въ Австріи и Богеміи, гдѣ онъ велъ еще войну съ собственными своими мятежниками. Государственные Чины положили ополчиться всѣми силами, но по недостатку денегъ и по слабости силъ Республики, истощенныхъ безпрестанными и всегда неудачными войнами, едва половина предположеній приведена въ дѣйство. Собрано до 55.000 войска, съ которымъ Ходкѣвичь и Станиславъ Любомирскій стали подъ Хотиномъ; къ нимъ присоединился Петръ Кунасевичь Сагайдачный съ 30.000 Запорожцевъ. Турокъ съ Татарами было до 400.000, противъ которыхъ однакожъ Поляки устояли. Ходкѣвичь умеръ въ Хотинѣ (24 Сент. 1621); но присутствіе Любомирскаго и Королевича Владислава удержало войско въ порядкѣ, не взирая на то, что оно томилось голодомъ и недостатками разнаго рода. По низложеніи Великаго Визиря Гуссейна, новый Визирь Дилаверъ-Паша, видя, что всѣ его приступы къ Польскимъ окопамъ были безуспѣшны и обращались Туркамъ во вредъ, приступилъ къ мирнымъ перс-

говорамъ, тогда какъ у Поляковъ оставалась только одна бочка пороху. Миръ (7 Октяб. 1621) заключенъ на прежнихъ условіяхъ.

Война сія, довольно впрочемъ удачная, была не безвредна для Польши: еслибы Ходкѣвичь одинъ съ Станиславомъ Любомирскимъ имѣлъ начальство надъ войскомъ, то она кончилась бы скорѣе, и Татары не простерли бы набѣговъ своихъ съ одной стороны до Самбора и Замостья, а съ другой до Луцка и Сокаля: при чемъ всегда гибло множество народа. Всеобщее ополченіе собиралось слишкомъ медленно; Король съ обыкновенною своею безпечностію продолжалъ собраніе Сейма въ Варшавѣ и занимался не своевременною инвеститурою Брандебургскаго Курфирста Георга Вильгельма, которому по ленному праву (2 Янв. 1620) досталась въ наслѣдство Пруссія, по смерти отца его Іоанна Сигизмунда, перваго Курфирста изъ Прусскихъ Герцоговъ.—По заключеніи уже мира, возвращавшееся изъ подъ Хотина войско встрѣтило Короля въ Львовѣ съ частію ополченія.— За безпечность Государя своего Польша потеряла еще Ригу и иные города въ Ливоніи. Литовскій Полевой Гетманъ, Слуцкій и Бирзенскій Князь Криштофъ Радзиваллъ имѣлъ подъ своимъ охраненіемъ провинцію сію, когда Ходкѣвичь выступилъ къ Хотину и срокъ перемирія съ Шведами миновалъ; но сей храб-

рый Польскій Военачальникъ, не любимый Королемъ какъ Диссидентъ, не получалъ нималѣйшаго пособія изъ Польши, и даже войну сію, какъ бы чуждую для Республики, при Дворѣ съ посмѣяніемъ называли *войною Радзивилловскою.* Въ продолженіе Турецкой войны Густавъ Адольфъ послѣ шестинедѣльной осады взялъ Ригу, столицу Ливоніи (22 Сентяб. 1621), съ нѣкоторыми другими городами, и вступилъ въ Курляндію, въ которой овладѣлъ Митавою. Хотя же, по случаю возобновленія перемирія на годъ, Польша и получила обратно всѣ земли до Двины и удержала за собою Дерптъ и другіе Ливонскіе города, однако уже можно было предвидѣть рѣшительную потерю сей провинціи, коея столица, Рига, осталась за Шведами.

Войско, не удовлетворяемое жалованьемъ, едва не составило новой конфедераціи. Дѣланіе фальшивой монеты, происки придворныхъ, гоненіе иновѣрцевъ, нарушали спокойствіе Государства, между тѣмъ какъ Король вовсе не думалъ объ искорененіи зла. Не смотря на постановленія Сеймовъ (1609—18) о свободномъ исповѣданіи Вѣры Греко-Россійской, Іезуиты и нѣкоторые Уніатскіе Священники, обращали Дворянство Русское и Литовское (34). Волынскій Чашникъ Лаврентій Древицкій (1620) тщетно представлялъ Королю на Сеймѣ, что Русскія провинціи доставляютъ

Польшѣ самыхъ храбрыхъ воиновъ, и не смотря на то въ сіи провинціи назначаются Епископы, вовсе недостойные сего сана, каковыми были на пр. Почаповскій, опредѣленный въ Луцкую Епархію прежде достиженія имъ каноническаго возраста; Шишко, сынъ крѣпостнаго человѣка Кіевскаго Воеводы, получившій Епархію Перемышльскую. Онъ доносилъ также Королю, что въ Львовѣ исповѣдующіе Грекороссійскую Вѣру не могутъ ни жить, ни умирать спокойно, хотя Епархія Львовская и не принимала Уніи. Король, потворствуя гоненіямъ противъ иновѣрцевъ, холодно выслушивалъ сіи жалобы. Величайшее гоненіе было въ Краковѣ: сей городъ, бывшій прежде Столицею Польши, началъ приходить въ упадокъ (1608—19) съ того времени, какъ Король пересталъ жить въ ономъ.—Краковскій Епископъ Мартинъ Шишковскій отнялъ въ своей Епархіи у Кальвиновъ до сорока церквей. Еще болѣе сѣтовали иновѣрцы въ Литвѣ на Іосафата Кунцевича, Архіепископа Полоцкаго (35), котораго Левъ Сапѣга письмомъ изъ Варшавы (12 Март. 1622) убѣждалъ удерживаться отъ неумѣренной ревности къ распространенію Уніи. Не задолго предъ тѣмъ Козацкій Гетманъ Петръ Кунасевичь Сагайдачный исходатайствовалъ у Цареградскаго Патріарха Ѳеофана нареченіе Епископовъ Греко-Россійскихъ (1620) на тѣ мѣста, ко-

торые Король роздалъ Уніатскимъ Епископамъ, по большей части не изъ Дворянъ, безъ воли самаго Дворянства:—таковое обстоятельство едва не было причиною новаго междоусобія. Нареченные Патріархомъ Епископы должны были укрываться въ домахъ Дворянъ, а Полоцкій нареченный Епископъ Мелетій Смотрицкій, наскучивъ такою жизнію, подговорилъ Витебскихъ гражданъ убить Іосафата Кунцевича (12 Ноября 1623). На Сеймахъ 1623—27 годовъ, за исключеніемъ наказанія Витебска, отложено разсмотрѣніе всѣхъ жалобъ до будущаго времени, и внутренняя тишина утверждена только на бумагѣ (36). Мелетій Смотрицкій самъ присталъ къ Уніи и получивъ Дерманское Игуменство, забылъ свою Полоцкую Епархію. Такимъ образомъ Сигизмундъ III обратилъ до двухъ милліоновъ Русскихъ къ Уніи или къ Латинскому обряду; но вмѣстѣ съ тѣмъ посѣялъ и сѣмяна будущихъ козацкихъ войнъ, столь пагубныхъ для Польши.

Въ другомъ дѣлѣ Король поступилъ еще хуже: забывъ, что за пособіе Фердинанду II онъ привлекъ на Польшу Турецкое оружіе, опять посылалъ ему же на помощь козаковъ для истребленія Диссидентовъ, надѣясь, что Австрія съ своей стороны поможетъ ему возвратить Швецію. Съ сею цѣлію онъ прилагалъ всѣ старанія, чтобъ склонить Польскіе

Государственные Чины къ войнѣ съ Швецiею. Густафъ Адольфъ, знавшiй о его намѣренiи, воспользовался случаемъ, когда Король съ супругою и дѣтьми ѣздилъ въ Польскую Пруссiю для удовольствiя,—и явился съ флотомъ подъ Данцигомъ (1623) дабы испытать, не нарушитъ ли тогда же Сигизмундъ III перемирiя; однакожь оное возобновлено еще на два года. Сигизмундъ III, и безъ того уже не любимый народомъ, усугубилъ мѣру ненависти къ себѣ, когда Королева Констанцiя, при тогдашней бѣдности Государственной казны, купила у Николая Коморовскаго за 600.000 злотыхъ имѣнiе Живецъ для дѣтей своихъ, а Король отдалъ Вармiйское Епископство девятилѣтнему сыну Iоанну Албрехту. Всѣ сiи обстоятельства вмѣстѣ были причиною весьма бурнаго Сейма (1624). На ономъ Король удостовѣрился, что онъ не имѣетъ никакого уваженiя, и Государственные Чины ни подъ какимъ предлогомъ не согласились назначить подати для Шведской войны, которую хотѣлось начать Сигизмунду коль скоро срокъ перемирiя кончится. По истеченiи сего срока Густафъ Адольфъ, изготовясь къ брани (1625), уже не соглашался на продолженiе перемирiя, но рѣшительно требовалъ заключенiя вѣчнаго мира и отреченiя отъ правъ на Швецiю.— Вторгнувшись въ Польскую Ливонiю, онъ взялъ Дерптъ и все что въ оной принадлежало

Полякамъ, кромѣ Динабурга, и поразивъ Станислава Сапѣгу, овладѣлъ Биржею, которую потомъ Левъ Сапѣга, сдѣлавшись Великимъ Гетманомъ замѣнилъ Лауданами. Все еще надѣясь на помощь Австріи, Сигизмундъ III, безъ денегъ и почти безъ войска, отвергалъ всѣ мирныя предложенія своего противника. Въ слѣдующемъ (1626) году Густавъ Адольфъ перенесъ войну въ Пруссію, гдѣ нашелъ многихъ друзей. Пилавскій Комендантъ Курфирста Брандебургскаго отразилъ Шведовъ сильнымъ огнемъ изъ пушекъ, не заряженныхъ ядрами, а Элбингъ добровольно покорился Густаву, и даже Данцигъ поколебался въ вѣрности. Большая часть Королевской Пруссіи находилась уже въ рукахъ непріятеля, когда Сигизмундъ III съ Королевичемъ Владиславомъ пришелъ на помощь къ Торуню. Дальнѣйшіе успѣхи Шведовъ были остановлены, не смотря на то, что въ сраженіяхъ подъ Маріенбургомъ и Гнѣвомъ преимущество было на ихъ сторонѣ. По случаю прибытія Станислава Конецпольскаго съ свѣжимъ войскомъ, Государственные Чины, видя, что уже не возможно думать о мирѣ, назначили на Сеймѣ въ Торунѣ новые налоги для поддержанія войны; но на семъ самомъ Сеймѣ Король подалъ народу новый поводъ къ неудовольствію противъ себя. По убѣжденію Королевы, Коронный Канцлеръ Андрей Липскій сдѣлалъ странное предложе-

ніе избрать наслѣдникомъ престола Королевича Іоанна Казиміра, минуя Владислава, ненавистнаго мачихѣ (1627).—Война продолжалась и въ слѣдующемъ году съ перемѣннымъ счастіемъ, и хотя Король Шведскій предлагалъ отдать Польшѣ всѣ свои завоеванія, кромѣ Риги, и уплатить военныя издержки съ тѣмъ условіемъ, чтобы заключить съ нимъ миръ на тридцать лѣтъ и въ теченіе сего времени кончить споръ о правахъ на Шведскій престолъ; однакожь миръ не состоялся: ибо Сигизмундъ III не соглашался и на сіи столь выгодныя предложенія. Обѣщанія Испанскаго Короля Филиппа IV поставить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ на Балтійскомъ морѣ флотъ изъ 24 линейныхъ кораблей, на которомъ Валленштейнъ долженъ былъ перевезти изъ Помераніи въ Швецію 12.000 войска, увлекли наконецъ Сигизмунда, который начиналъ уже колебаться. Испанскіе послы Гавріилъ де Роа и Баронъ д'Оши увѣряли, что у нихъ для сей войны готовы 200.000 злотыхъ, и потому всѣ переговоры о мирѣ прекращены (1628). Когда же Ганзейскіе города не согласились давать Испанцамъ кораблей своихъ въ наймы, и всѣ старанія Гавріила де Роа къ убѣжденію ихъ остались тщетными, тогда Сигизмундъ III, имѣя крайнюю надобность въ деньгахъ, просилъ уже вмѣсто флота отдать ему имѣвшуюся въ готовности

на военныя издержки сумму 200.000 злотыхъ; но сихъ денегъ ему не дано, а вторично обѣщанъ флотъ, лишь только Ганзейскіе города ощутятъ силу Императорскаго оружія. Легковѣрный Сигизмундъ III, успокоенный таковымъ обѣщаніемъ, по убѣжденію Барона д'Оши послалъ даже собственныхъ девять кораблей на помощь Австрійцамъ; но весь сей флотъ потопленъ Датчанами; между тѣмъ Шведы до такой степени усилились въ Пруссіи (1629), что Врангель думалъ уже объ осадѣ Торуня и начиналъ опустошать Мазовію. Сеймъ Варшавскій назначилъ собрать подушную подать и дозволилъ Королю ввести въ Государство чужое, наемное войско, видя новую непреклонность Сигизмунда къ выгодному миру, предлагаемому Густавомъ Адольфомъ по случаю предстоявшей ему войны съ Императоромъ Фердинандомъ II. Наконецъ Валленштейнъ прислалъ Арнгейма изъ Брандебурга съ 10.000 войска, но болѣе для продолженія войны нежели въ помощь. Разбитые подъ Штумомъ, (37) Шведы не только въ состояніи еще были противиться Полякамъ, но даже Густавъ Адольфъ, извѣщаемый Курфирстомъ Брандебургскимъ о всѣхъ намѣреніяхъ Арнгейма и Гетмана Конецпольскаго, пріобрѣлъ такой перевѣсъ, что при посредничествѣ Англіи и Франціи, не только всю Ливонію, кромѣ Динабургскаго округа, но даже

Элбингъ, Браунсбергъ, Мемель (Клайпеду) и Пилаву удержалъ за собою по силѣ заключеннаго (26 Сент. 1629) на шесть лѣтъ перемирія, къ заключенію котораго наиболѣе содѣйствовалъ Французскій Посолъ Шарнассе, по волѣ Кардинала Ришелье, правившаго Франціею при Лудовикѣ XIII. Кардиналъ, хотя усердный Католикъ, но не менѣе того предусмотрительный политикъ, помышлялъ тогда единственно о воспрепятствованіи Австрійскому Дому распространять могущество свое въ Германіи, гдѣ счастливые Генералы Фердинанда II, Валленштейнъ и Тилли, вспомоществуемые Курфирстомъ Баварскимъ, поразивъ Протестантовъ и Датчанъ, открывали ему дорогу къ Самодержавію. Густавъ Адольфъ, увлеченный льстивыми обѣщаніями Франціи, оставилъ Польскую войну для участія въ Нѣмецкой.

Во время войны Шведской Татары неоднократно поражаемы были на Украинѣ Стефаномъ Хмѣлецкимъ и Станиславомъ Любомирскимъ, и едва только были усмирены, какъ возникла новая козацкая война (1630); по разбитіи Конецпольскимъ козаковъ, явилась подъ Глинянами Конфедерація войска, неполучившаго жалованья за прежнее время: Король удовлетворилъ требованіе онаго изъ своей собственной казны (1631).—Варшавскій Сеймъ опредѣлилъ собрать подушныя деньги на

уплату Нѣмецкому наемному войску, и утвердилъ права Королевы на владѣніе старостваами Бродницкимъ и Голубскимъ.—

Сигизмундъ III последніе два года жизни провелъ въ мирѣ и согласіи съ Государственными Чинами; но смерть Королевы Констанціи ввергла его въ неутѣшную печаль. Среди приготовленій къ отъѣзду въ Краковъ для погребенія Королевы, смерть постигла и самаго его въ Варшавѣ, (30 Апрѣля 1632 г.) на 66 году отъ рожденія и на 45 царствованія.

Сигизмундъ III былъ Государь добрый, правосудный, но, къ несчастію Польши, неспособный къ правленію, чрезъ что онъ погрузилъ Государство въ бездну бѣдствій. Слѣпо слѣдуя внушеніямъ Іезуитовъ и Австрійскаго Дома, онъ болѣе занимался обращеніемъ иновѣрцевъ, нежели Государственными дѣлами. Въ Польшѣ и Литвѣ онъ успѣлъ Католическую Вѣру сдѣлать господствующею, и при его кончинѣ въ Сенатѣ засѣдали уже только двое Диссидентовъ, т. е. Сигизмундъ Грудзинскій, Калишскій Воевода, Кальвинистъ, и Рафаилъ Лещинскій, Белзскій Воевода, Аріанинъ; но ему не удалось поселить въ народѣ единодушія. Строгія казни и гоненія на послѣдователей Грекороссійскаго исповѣданія въ Литвѣ, наипаче за убіеніе въ Витебскѣ Полоцкаго Архіепископа Іосафата Кунцевича (1624) и за мятежи въ Вильнѣ, дѣлали мно-

жество недовольныхъ; козаки же хотя и приведены были къ послушанію силою оружія, но только выжидали удобной поры для возобновленія мятежей.— Ограниченіе Королевской власти уменьшило и силы народныя; права и преимущества нарушаемы были по видамъ придворныхъ или подъ предлогомъ пользы для Церкви, между тѣмъ какъ истинная цѣль таковаго нарушенія состояла въ выгодахъ частныхъ лицъ или другихъ Государствъ. Такъ Сигизмундъ III, для Австріи воюя съ Шведами и Турками, терялъ собственныя провинціи. Симъ образомъ утрачены Ливонія, Молдавія и даже часть Пруссіи, а пріобрѣтенныя отъ Россіи области, по недоброжелательству туземцевъ, принуждаемыхъ къ Уніи, увеличивали только силы козаковъ, уже готовыхъ къ отпаденію отъ Польши.—Безпрестанныя войны истребляли цѣлые города; нетерпимость препятствовала селиться въ оныхъ иностраннымъ ремесленникамъ и художникамъ, отъ чего народонаселеніе крайне уменьшилось.—Королева Констанція въ старостахъ своихъ также стѣсняла свободу вѣроисповѣданія, и по ея настоянію казненъ былъ Белзскій мѣщанинъ, Аріанинъ, Иванъ Тишкевичъ, за то, что не хотѣлъ присягнуть во имя Святыя Троицы, давая отчетъ по должности лавника, хотя онъ и былъ оправданъ судомъ.—Въ доказательство кротости

Короля Сигизмунда III должно упомянуть, что онъ хотѣлъ даровать прощеніе дворянину Михайлѣ Пѣкарскому, который въ припадкѣ сумасшествія дважды ударилъ Короля при входѣ его въ Церковь Св. Іоанна для слушанія Литургіи; но Государственные Чины, по важности преступленія, не взирая на разстройство ума Пѣкарскаго, осудили его на казнь.— Владиславъ IV, по внушенію сыновней любви, соорудилъ Сигизмунду III памятникъ въ Варшавѣ на Краковскомъ предмѣстіи; но ежели Варшава обязана ему началомъ своего величія (ибо онъ первый изъ Королей основалъ въ ней резиденцію), то въ замѣну того, понесенныя всею Польшею подъ его правленіемъ потери, заставляютъ думать, что ему, вовсе не заслужившему памятника, воздвигнутъ оный въ Столицѣ Государства, въ воспоминаніе не славы и тріумфовъ, а несчастной эпохи упадка Отечества и начала зла, погубившаго Польшу.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1632)

По смерти Сигизмунда III междоцарствіе было кратковременное и спокойное, хотя сначала и казалось, что не обойдется безъ великой бури. Еще при жизни Сигизмунда III, когда гоненія за Вѣру безпрестанно усиливались, Шведскій Король Густавъ Адольфъ, ободряемый Криштофомъ Радзивилломъ и другими Диссидентами, питалъ тайную надежду на полученіе Польскаго престола. Обстоятельство сіе столь сильно раздражило Сигизмунда III и народъ, что письма о семъ предметѣ, писанныя повѣреннымъ Густава Адольфа, Іаковомъ Русселемъ, къ нѣкоторымъ изъ Сенаторовъ и къ лицамъ воинскаго званія были преданы сожженію рукою палача; такимъ образомъ Шведская партія совсѣмъ упала (38). Однакожъ властолюбивый Густавъ Адольфъ и по смерти Сигизмунда III старался еще о пріобрѣтеніи Польской короны; но Криштофъ Радзивиллъ, получивъ изъ устъ Владислава удостовѣреніе, что права̀ Диссидентовъ останутся

ненарушимыми, оставилъ сторону Шведскую, и даже въ Великой Польшѣ, гдѣ Густавъ Адольфъ имѣлъ многихъ приверженцевъ, на частныхъ Сеймахъ послѣдовало единодушное постановленіе не избирать въ Короли иностранца. На Конвокаціонномъ Сеймѣ (23 Іюня 1632) Брандебургскій Курфирстъ въ качествѣ Герцога Прусскаго, также часть войска и козаки, домогались права подавать голоса при избраніи Короля, но всѣ получили рѣшительный отказъ. Въ то же самое время споры, возникшіе о дѣлахъ Духовныхъ, грозили междоусобною войною. Сеймовый Маршалъ Криштофъ Радзивиллъ, принадлежавшій къ Швейцарскому исповѣданію и испытавшій самъ сильное гоненіе отъ покойнаго Короля, хотѣлъ отклонить на будущее время всѣ притѣсненія за разность Вѣръ, и не только защищалъ права иновѣрцевъ, но даже старался снискать для нихъ неограниченную свободу мнѣній съ распространеніемъ преимуществъ; напротивъ того Духовенство и многіе Католики настоятельно требовали совершеннаго уничтоженія правъ иновѣрцевъ. На семъ Сеймѣ предоставлены были Диссидентамъ только нѣкоторыя преимущества, но имъ запрещено строить новыя церкви въ тѣхъ Королевскихъ городахъ, гдѣ таковыхъ еще не было; разсмотрѣніе же споровъ между Уніатами и не Уніатами Греческаго исповѣданія отложено до будущаго Сейма. Элекціон-

ный Сеймъ (27 Сентября 1632) начался таковыми же преніями: Криштофъ Радзивиллъ и Белзскій Воевода Лещинскій могли выставить войска не болѣе 5.000, Католики же, требовавшіе уничтоженія Диссидентовъ, имѣли 15.000. Ахатій Гроховскій, Луцкій Епископъ, строгою протестаціею противъ Диссидентовъ посѣялъ новую между разновѣрцами вражду. Но большая часть народа еще хранила духъ прежней умѣренности, и какъ Католики такъ и Диссиденты еще гнушались разлитіемъ братской крови за богословскія пренія, или по дѣламъ о десятинѣ и о пріобрѣтеніи Духовенствомъ Дворянскихъ имѣній. —

Сеймъ заключился (8 Ноября) единодушнымъ избраніемъ на царство Владислава IV, а духовныя распри прекратились торжественнымъ его обѣщаніемъ, согласить требованія обѣихъ сторонъ къ общему удовольствію. Причиною столь скораго избранія на тронъ Владислава IV было то, что онъ не имѣлъ соискателей: ибо даже и Шведскій Посолъ не возражалъ противъ таковаго выбора, съ тѣмъ чтобъ Республика обѣщала заключить прочный миръ съ Швеціею. Четверо Владиславовыхъ братьевъ, и Перемышльскій Епископъ Генрихъ Фирлей, Брестъ-Литовскій Воевода Князь Александръ Радзивиллъ, Подскарбій и Сенаторъ Георгій Оссолинскій,

Казиміръ Сапѣга, Князь Янусъ Вишневецкій, Сигизмундъ Казановскій и Николай Корицинскій предлагали вручить корону Владиславу IV. На условія, въ первый разъ написанныя по Польски, новый Король 13 Ноября далъ присягу въ Церкви Св. Іоанна, и тогда же объявлено народу о его избраніи, а для коронованія въ Краковѣ назначено 30 Января слѣдующаго (1633) года. По содержанію условій Владиславу IV предстояло: ненарушимо хранить права и преимущества народа, улучшить воинское сословіе Республики, основать воинскую школу, завоевать утраченныя предшественниками его области, съ согласія Государственныхъ Чиновъ заключить миръ съ Россіею и Швеціею: ибо Россія, немедленно по смерти Сигизмунда III, не дожидаясь окончанія перемирія, объявила Польшѣ войну. Сверхъ того онъ обязался: братьевъ своихъ склонить къ учиненію присяги Республикѣ; безъ согласія Чиновъ не объявлять войны, не заключать мира, не набирать войска; Каменецъ-Подольскъ и Луцкъ укрѣпить новыми окопами; на границахъ построить четыре новыя крѣпости; иностранцевъ къ должностямъ не опредѣлять; въ бракъ безъ согласія Сената не вступать; о флотѣ на морѣ Балтійскомъ и о суммахъ Неаполитанскихъ совѣщаться съ Государственными Чинами. Всѣ сіи и нѣкоторыя другія, менѣе важ-

ныя условія Король обязался исполнить въ точности.

Владиславъ IV.

(1633 — 1648).

Коронованіе Владислава IV совершено въ Краковѣ 6 Февраля 1633 г., ибо по болѣзни его не могло оное быть въ назначенный день, 30 Января. На Коронаціонномъ Сеймѣ объявлена война съ Россіею, коея войско еще съ Октября прошлаго года, подъ начальствомъ Михаила Борисовича Шеина осаждало Смоленскъ; по закрытіи Сейма Король немедленно отправился въ Варшаву, потомъ въ Литву и оттуда съ войскомъ поспѣшилъ къ Смоленску. Городъ сей находился въ крайней опасности: осажденный въономъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ стотысячною непріятельскою арміею, Станиславъ Воеводскій не имѣлъ уже болѣе возможности защищаться: у него не стало ни пороха, ни ядеръ, ни продовольствія, и онъ вѣрно бы сдался, еслибъ не подоспѣлъ Великій Гетманъ Литовскій Криштофъ Радзиллъ, который принудилъ Шеина остановить нѣсколько свои усилія. Сей великій мужъ, давно уже пріобрѣтшій право на полученіе Литовской булавы, по причинѣ разности

Вѣръ, подвергнулся гоненію Сигизмунда III, и уже при Владиславѣ IV, который при награжденіи заслугъ не обращалъ вниманія на Вѣроисповѣданіе, онъ получилъ начальство надъ Литовскимъ войскомъ, и при помощи Короля доказалъ, что можетъ одолѣть непріятеля, когда ему въ томъ не будутъ препятствовать придворныя хитрости, подобно какъ въ Ливонскую войну съ Шведами.—Хотя соединенныя силы Королевскія и Радзивилловскія составляли не болѣе 20.000 человѣкъ, однакожъ Шеинъ принужденъ былъ отступить отъ Смоленска, и за милю отъ города расположился укрѣпленнымъ лагеремъ, во ожиданіи помощи изъ Россіи. Шеинъ имѣлъ 46.000 Русскихъ и 6.000 иностранцевъ; но сіе войско, окруженное вдвое меньшимъ числомъ Поляковъ и изнуряемое голодомъ, уменьшилось до 20.000: въ слѣдствіе чего Шеинъ долженъ былъ (1 Февр. 1634 г.) согласиться на капитуляцію, которая приведена въ исполненіе, тогда какъ часть Русскихъ и иностранцевъ еще хотѣли пробиться сквозь ряды Поляковъ, предписавшихъ имъ: оставить на мѣстѣ весь обозъ, всѣ орудія, за исключеніемъ двѣнадцати полевыхъ малаго калибра пушекъ, и всѣ военные снаряды, и выступить изъ стана только съ оружіемъ въ рукахъ, съ распущенными знаменами и съ музыкою. При семъ случаѣ военачальники обязались въ теченіе че-

тырехъ мѣсяцевъ не служить противъ Польши.—Послѣ таковой побѣды Владиславъ двинулся далѣе по дорогѣ къ Москвѣ , и взявъ Дорогобужъ и Вязьму, осадилъ Бѣлой, и чрезъ посредство Полеваго Гетмана Казановскаго опустошивъ сей край даже до Можайска , наконецъ самъ овладѣлъ Калугою и Можайскомъ. Таковыя обстоятельства склонили Царя Михаила Ѳеодоровича къ миру, по которому (15 Іюня 1634) вторично уступлены Польшѣ Воеводства Смоленское и Черниговское (39) со всѣми правами на Ливонію , Эстонію и Курляндію , а Владиславъ IV отрекся отъ Царскаго титула и обѣщалъ возвратить грамоту, поднесенную ему Московскими Вельможами, по случаю избранія его Царемъ (40). Окончаніе перемирія съ Швеціею, неизбѣжная война съ Турками и недостатокъ денегъ были побудительными причинами для Короля къ заключенію мира среди побѣдъ, одержанныхъ надъ Россіянами. За таковую умѣренность Владислава IV самъ Царь возблагодарилъ его уплатою военныхъ издержекъ и богатыми дарами. Съ другой стороны Польша получила счастливый миръ съ Швеціею и Турками.—Во время войны съ Россіею вторгались въ оную не только Татары, но и Турки. Татары въ 1633 г. поражены Великимъ Короннымъ Гетманомъ Станиславомъ Конецпольскимъ, а Турки, вчетверо сильнѣйшіе, разбиты подъ Камен-

цемъ одиннадцатью тысячами Поляковъ, и лишились охоты дѣлать впредь набѣги на Польскія владѣнія. По окончаніи Россійской войны, Султанъ Амуратъ IV охотно согласился на заключеніе мира, складывая вину набѣга на Эрзерумскаго Пашу Абасси. По мирнымъ условіямъ Татары должны были очистить поля Бѣлградскія, а Валахія, Молдавія и Седмиградская область остаться въ прежнемъ положеніи: ибо Султанъ уже намѣревался сіи Провинціи обратить въ Пашалыки. Абасси, виновникъ сей войны, жизнію заплатилъ за оную. Обезпечивъ себя съ Юга, Польша страшилась еще войны съ Швеціею. Во время малолѣтства Христины, дочери Густава Адольфа, павшаго подъ Люценомъ, (6 Ноября 1632 г.) Швеціею правилъ Сенатъ, подъ предсѣдательствомъ Акселя Оксенштирны, Канцлера и друга покойнаго Короля. Шведы заняты были войною Нѣмецкою; однакожь они хотѣли оставить Германію, и, по истеченіи срока перемирія съ Польшею, всѣ силы свои обратить на Королевскую Пруссію, гдѣ по случаю войны Поляковъ съ Россіею оставалось уже не много способовъ къ защитѣ и гдѣ, сверхъ того, Шведы имѣли многихъ друзей, единовѣрцевъ: ибо хотя Владиславъ IV и далекъ былъ отъ того чтобъ кого либо гнать за Вѣру, по примѣру слѣпой ревности отца своего, но духъ насилія въ дѣлахъ Вѣры до

такой степени вкоренился между Поляками, нѣкогда чрезвычайно кроткими и умѣренными, что многіе изъ нихъ благомъ Отечества жертвовали своему мнѣнію, и Король, при всемъ своемъ просвѣщеніи и благоразуміи, не въ силахъ былъ искоренить страсть къ гоненію иновѣрцевъ и предразсудки, посѣянные отцемъ его въ народѣ Польскомъ въ теченіе полувѣка. Курфирстъ Брандебургскій, первый послѣ Коронаціоннаго Сейма присягнувшій Владиславу IV, благопріятствовалъ Шведамъ также какъ и предшественникъ его; но собственная его выгода требовала того, чтобы Шведы съ Поляками находились въ мирѣ: онъ опасался, что въ случаѣ войны Пруссія понесетъ неизбѣжный вредъ. Посредство пословъ Французскаго, Англійскаго и Голландскаго много содѣйствовало къ перемирію, заключенному въ Штумсдорфѣ близъ Маріенбурга и Штума на двадцать шесть лѣтъ. По случаю сего перемирія Шведы возвратили Польшѣ Прусскіе города, дабы тѣмъ удобнѣе воевать Австрію, которая всѣми силами старалась склонить къ сей войнѣ Владислава IV; но Владиславъ былъ не Сигизмундъ III: Польша пріобрѣла миръ, по которому осталась за Шведами только часть Ливоніи до границъ Курляндіи.

Въ 1635 г. Владиславъ IV намѣревался вступить въ бракъ, съ согласія Государствен-

ныхъ Чиновъ; но какъ выборъ его палъ на Принцессу Елисавету, сестру Пфальцграфа Фридриха V, Курфирста Рейнскаго, то по причинѣ разности вѣръ Сеймъ нашелъ къ тому многія препятствія. Всѣ Епископы, кромѣ Перемышльскаго Пясецкаго, были тому противны. Однакожъ дозволено Королю отправить посольство къ дядѣ и матери невѣсты, въ Лондонъ и Гагу. Смерть двухъ братьевъ Владислава IV (41) заставляла его спѣшить бракосочетаніемъ, и какъ переговоры шли слишкомъ медленно, то Король перемѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился-было въ самой Польшѣ искать себѣ супруги, но отъ мысли сей отвлеченъ былъ Капуциномъ Валеріаномъ Маньи и началъ думать (1636 г) о вступленіи въ бракъ съ Эрцгерцогинею Цециліею Ренатою, дочерью Императора Фердинанда II. Съ согласія Чиновъ, Король отправилъ Сѣрадскаго Каштеллана Пржерембскаго къ брату Принцессы, царствовавшему тогда Императору Фердинанду III съ предложеніемъ, не согласится ли онъ привести въ исполненіе слово отца своего въ разсужденіи замужства Принцессы и приданаго. Вмѣсто всего, что прежде было обѣщано, дали за Принцессою только Ключъ Виттенгау; но личныя ея достоинства вознаградили за невнимательность Императора къ слову родителя своего (42).

При всей мудрости въ правленіи Владислава IV, онъ не избѣжалъ непріятностей, которыхъ часть родилась по собственной его винѣ. Онъ увлекался неумѣренною щедростію и потому терпѣлъ безпрестанный недостатокъ въ деньгахъ, сей главной пружинѣ всѣхъ дѣйствій. — Когда онъ былъ еще Королевичемъ, слуги его по своему произволу располагали доходами съ значительныхъ его имѣній. Не лучше того хозяйничалъ Владиславъ и на тронѣ, и еще болѣе довѣрялъ своимъ любимцамъ. — Однакожь Польша въ его царствованіе процвѣтала: ибо Великопольскія границы заселялись суконщиками и иными ремесленниками, бѣжавшими изъ Германіи отъ ужасовъ тридцатилѣтней войны и гоненія Силезскихъ Протестантовъ. Въ то время (1632 г.) основаны торговыя мѣстечки (1636-1648 г.) Равичь, Новыя Здуны и другія, а древнія начали возникать изъ развалинъ. — Хотя Король самъ и далекъ былъ отъ всякаго гоненія за Вѣру, но изувѣры позволяли себѣ разныя насилія, которыхъ Король не въ силахъ былъ пресѣчь, по ограниченности власти своей. Въ началѣ царствованія Владислава исповѣдующіе Грекороссійскую вѣру получили разныя преимущества; но не смотря на то, что для прекращенія на будущее время раздоровъ именно назначено какія церкви должны принадлежать имъ, и какія Уніатамъ, — гоненія

на нихъ не переставали. Несчастные Рускіе поселяне, для избѣжанія угнѣтеній, присоединялись къ козакамъ, которые, наскучивъ Польскимъ правленіемъ, по случаю построенія крѣпости Кудака, взбунтовались, (въ 1638 г.) подъ предводительствомъ Павлюка и едва были усмирены Станиславомъ Конецпольскимъ: онъ побилъ ихъ великое множество подъ Кумейками и Боровицею. Вопреки данному слову, Павлюкъ, съ четырмя главнѣйшими сообщниками казненъ въ Варшавѣ. Новые мятежи, произведенные сперва Остржаниномъ, потомъ Димитріемъ Тымашевичемъ, прекращены сраженіемъ надъ рѣкою Старчею, гдѣ было пролито крови Польской болѣе нежели во всю Шведскую войну: отъ того Польша теряла вдвое, лишаясь въ одно и то же время и своихъ силъ и козацкихъ, кои полезнѣе было бы ей обратить на Турокъ. Притѣсненіе козаковъ увеличилось: уничтожено званіе козацкаго Гетмана, преимущества ограничены; когда же часть Татаръ объявила желаніе отдаться подъ покровительство Польши,—то желаніе сіе отвергнуто изъ опасенія, чтобъ не раздражить Турокъ. Въ Украинѣ безпорядки вкоренялись болѣе и болѣе; а въ самой Польшѣ, Владиславъ, не взирая на пламенное свое усердіе исправить злоупотребленія, не могъ ничего сдѣлать какъ по

слабости своего здоровья, такъ и по недостатку въ деньгахъ.

Связь Владислава IV съ Австрійскимъ Домомъ не нравилась Полякамъ и была причиною многихъ для него неудовольствій. Такъ Французы задержали въ Марсели брата его Іоанна Казиміра (25 Іюля 1640 г.), плывшаго въ Испанію, и не скоро освободили его; такъ едва не дошло до войны со Швеціею, когда Генрихъ Боотъ съ тайно-навербованною толпою вторгнулся изъ Восточной Пруссіи въ Ливонію, а Татары увели около 30.000 душъ изъ Южныхъ областей въ рабство (1640 г.)

По смерти Королевы Цециліи Ренаты (43) (24 Марта 1644 г.) Король женился на Лудовикѣ Маріи Неверской изъ Дома Гонзаговъ, Принцессѣ Мантуанской, воспитанной во Франціи, и принесшей ему 700.000 талеровъ приданаго; но съ сею супругою Владиславъ не былъ счастливъ. Коронованіе Лудовики Маріи совершено въ Краковѣ (15 Іюля 1646 г.)

Блистательная побѣда, одержанная Станиславомъ Конецпольскимъ надъ Татарами (въ 1644 г.) подъ Очаковымъ и убѣжденія Венеціанскаго Посла Ивана Типоли, склонили Короля къ войнѣ съ Турціею, при чемъ, кажется, имѣлось въ виду распространеніе владычества, или, по крайней мѣрѣ, обезпеченіе сына въ наслѣдованіи престоломъ. На деньги, полученныя въ приданое, и на задатокъ Вене-

ціанскій въ счетъ обѣщанныхъ 500.000 талеровъ, Король нанялъ за границею 14.000 войска и поспѣшно готовился къ войнѣ. Но Сеймъ (1646 г.) ни подъ какимъ предлогомъ на оную не согласился, и Король, тронутый рѣчью Сеймоваго Маршала Станкевича, который заклиналъ его родительскою любовію къ его сыну,—отказался отъ своего плана; тогда же ограничено и право Короля собирать и нанимать войско; собственно же при его особѣ дозволено содержать не болѣе 1.200 человѣкъ гвардіи. Послѣ сего Владиславъ IV (9 Авг. 1647 г.) лишился единственнаго своего сына, умершаго на 8 году жизни отъ кроваваго поноса.

Въ то самое время, когда новый козацкій бунтъ Богдана Хмѣльницкаго потрясъ могущество всей Польши, Король скончался въ Меречѣ 20 Маія 1648 г. на пути изъ Вильны въ Варшаву. Отъ роду было ему 53 года; царствовалъ 15 лѣтъ.

Владиславъ IV былъ весьма пріятной наружности, но слишкомъ дороденъ. Въ молодости любилъ удовольствія до излишества, въ зрѣломъ же возрастѣ общество и удобности жизни. Но онъ никогда не унижался до бездѣйствія. Сей Король долгое время страдалъ каменною болѣзнію и иными недугами,—слѣдствіемъ необузданности страстей въ молодости, и потому часто не съ надлежащею

твердостію дѣйствовалъ въ исполненіи своихъ предпріятій. Съ седьмаго года возраста находившись подъ руководствомъ ученыхъ наставниковъ, Бурруса и Гавріила Прованція, Владиславъ IV получилъ приличное образованіе. Онъ хорошо говорилъ по Польски, по Нѣмецки, по Латыни и по Италіански. На десятомъ году возраста онъ стяжалъ себѣ любовь народа предпочтеніемъ Польской одежды Нѣмецкому платью, когда отецъ его предоставилъ ему на выборъ одѣваться по Польски или по Нѣмецки. Избравъ Польскую одежду, онъ сказалъ, что „Польскому Королевичу не прилично одѣваться иначе, какъ только по Польски.“ Походы къ Москвѣ и къ Хотину укрѣпили духъ его, а путешествіе по Германіи (1624 г.), чрезъ Ниссу, Вѣну до Брабанта, оттуда чрезъ Лотарингію въ Италію и въ Неаполь, обогатило умъ его новыми познаніями: ибо онъ путешествовалъ не столько для удовольствія, сколько для пользы. Болѣе всѣхъ странъ полюбилась ему Белгія, гдѣ онъ былъ принятъ съ отмѣнною ласкою, а подъ Бредою славный Амвросій Спинола, державшій тогда крѣпость сію въ осадѣ, угостилъ его великолѣпно. Владиславъ лично объѣхалъ осажденную крѣпость, не обращая вниманія на частые выстрѣлы съ валовъ оной, убившіе даже подъ нимъ лошадь.—Папа Урбанъ VIII въ Римѣ оказалъ ему

ту самую почесть, какую получилъ нѣкогда Карлъ V, т. е. сопричислилъ его къ Каноникамъ Св. Петра, дабы онъ могъ вблизи смотрѣть на образъ Св. Вероники, и, какъ Каноникъ, показать оный народу съ балкона, благословляя имъ по чину Священника. Въ то же время Папа подарилъ Владиславу мечь, освященный при торжествованіи Юбилея, самъ препоясалъ онымъ юнаго Королевича и самъ же надѣлъ на него шляпу, на томъ же торжествѣ освященную.

Смерть его была весьма чувствительна для Польши: ибо онъ одинъ имѣлъ еще нѣкоторое вліяніе на козаковъ, не смотря на казнь Павлюка. По слабости здоровья, Король спалъ долго, и рѣдко бывалъ въ церкви: что не нравилось многимъ, особливо тѣмъ, которые не обращая вниманія на обстоятельства, видятъ истинную набожность въ наружныхъ обрядахъ, вмѣсто того, чтобъ усматривать оную въ человѣкѣ изъ поступковъ его.

Владиславу IV принадлежитъ честь учрежденія почтъ (1647 г.); въ началѣ же его царствованія (1634 г.), искренній другъ Короля Георгій Оссолинскій, потомъ Великій Канцлеръ Коронный, заключилъ съ Папою Конкордатъ, по силѣ коего Король былъ въ правѣ располагать двѣнадцатью игуменствами, равно какъ и всѣми Епископствами.

Щедрость свою Владиславъ IV явилъ наипаче при выдачѣ единственной сестры своей Анны Екатерины Констанціи (1642 г.) въ супружество за Пфальцграфа Нейбургскаго Филиппа Вильгельма: она вывезла изъ Польши до 600.000 талеровъ.—Въ началѣ своего царствованія Владиславъ IV учредилъ орденъ Зачатія Пресвятыя Богородицы, на что послѣдовало и утвержденіе Папы Урбана VIII въ 1634 г. Но вскорѣ послѣ того Сеймъ (1638 г.) уничтожилъ орденъ сей вмѣстѣ съ иностранными титулами, потому, что отличія сіи не согласовались съ тогдашнимъ братскимъ равенствомъ Дворянства. Княжескій титулъ предоставленъ былъ только древнимъ Россійскимъ и Литовскимъ домамъ, имѣвшимъ оный до присоединенія Литвы къ Польшѣ. Къ такому положенію о титулахъ было поводомъ пожалованіе Папою Урбаномъ VIII и Императоромъ Фердинандомъ II Княжескаго достоинства Георгію Оссолинскому. Впрочемъ много появилось въ Польшѣ Княжескихъ фамилій, которыя относились уже не къ имѣніямъ, а только къ лицамъ.

При Владиславѣ IV науки еще процвѣтали, но уже не въ такой степени какъ при Сигизмундѣ Августѣ: ибо при Сигизмундѣ III учились только для того, чтобъ или успѣшнѣе обращать иновѣрцевъ, или убѣдительнѣе возражать на доводы обращателей, отъ чего

исчезла свобода писателей, возникло гоненіе за Вѣру, и перомъ ученаго владѣли сильнѣе страсти, нежели истина. Впрочемъ сія печальная перемѣна послѣдовала не столь быстро, и при Сигизмундѣ III еще можно было насчитать въ Польшѣ много ученыхъ, въ каждомъ родѣ наукъ и познаній. Были еще и хорошіе писатели. Жилъ еще и Великій Замойскій, другъ Сизонія и Мурета, основатель Академіи Замойской (1594). Мартинъ и Іоахимъ Бѣльскіе, Лука Горницкій, Стрыйковскій—Дѣеписатели; Кленовичь и Шимоновичь—Стихотворцы, и многіе другіе оставили сочиненія свои на Польскомъ языкѣ; нѣкоторые, на пр. Варшевицкій, Гейденштейнъ и пр. съ успѣхомъ писали по Латыни. При всемъ томъ уже при Сигизмундѣ III вкралось ненавистное обыкновеніе примѣшивать въ Польской языкъ Латынь. Современники Владислава IV не отвергнули таковаго обыкновенія, которое вкралось даже и въ законодательство: чѣмъ изданіе законовъ позднѣе, тѣмъ болѣе въ ономъ есть такъ называемаго *макаронизма* — т. е. примѣси словъ иностранныхъ.—Прежде за границу ѣздили только для обогащенія себя познаніями: такъ Замойскій посѣщалъ Парижъ и Италію, Левъ Сапѣга Лейпцигъ; потомъ стали путешествовать для препровожденія времени и изъ любопытства. Основательное изученіе наукъ осталось въ пренебреженіи;

образцы Словесности, писатели Греческіе и Римскіе, забыты; мѣсто ихъ заступили невразумительныя Богословскія пренія, описанія чудесъ и пр. Отличная Латынь Замойскаго замѣнилась почти вездѣ схоластицизмомъ среднихъ вѣковъ. Впрочемъ еще и въ то время Іезуитъ Матөій Казиміръ Сарбіевскій, не только въ Польшѣ, но и въ цѣлой Европѣ снискалъ славу лучшаго подражателя Горацію. Кобѣржицкій, Пясецкій, Окольскій достойны стоять на ряду съ писателями прошедшаго вѣка; но лучшіе сочинители писали уже только по Латыни, и по мѣрѣ ограниченія свободы мыслей, упадали и самыя науки. Цензура всѣхъ книгъ (съ 1622 г.) находилась въ рукахъ Іезуитовъ, и всѣ вышедшія противъ нихъ книги, какія только можно было собрать, по приказанію Сигизмунда III, сожжены на площади въ Варшавѣ. Указатель запрещенныхъ книгъ, изданный Соборомъ Тридентинскимъ, и перепечатанный Краковскими Епископами Бернардомъ Мацѣевскимъ (1603 г.) и Мартиномъ Шишковскимъ (1617 г.), съ присовокупленіемъ къ оному книгъ Польскихъ, служилъ правиломъ для преслѣдованія позднѣйшихъ сочиненій на Польскомъ языкѣ. Исторія Мартина Бѣльскаго была въ числѣ запрещенныхъ твореній, и отцы Іезуиты поставляли за особенное удовольствіе жечь сочиненія древнихъ Польскихъ Авторовъ, кото-

рые казались имъ противными духу Католической Вѣры. Годичныя ихъ извѣстія (Litterae annuae) наполнены разсказами о томъ, какъ они сами жгли сочиненія новообращаемыхъ, или убѣждали ихъ жечь оныя. Іезуиты всѣми мѣрами старались препятствовать изданію въ свѣтъ твореній другихъ орденовъ, и преслѣдовали какъ самихъ Авторовъ, такъ и Цензоровъ, не принадлежавшихъ къ ихъ сословію, особенно въ Краковской Академіи. — Польская Литтература была для Іезуитовъ чуждою: вмѣсто оной господствовали въ школахъ варварская, испорченная Латынь и Полемика. Цвѣтущее состояніе иновѣрческихъ школъ въ Германіи еще поддерживало въ Іезуитахъ нѣкоторое соревнованіе; тамъ были еще ученые Іезуиты, прославившіеся сочиненіями своими, на пр: Аѳанасій Кирхеръ, Іаковъ Гретсеръ, Петръ Канизій. Во Франціи же соревнованіе о первенствѣ школъ съ учеными Ораторіанами, введенными туда Петромъ Беруліусомъ (1613 г.), бывшимъ потомъ Кардиналомъ, и о глубокости учености съ Бенедиктинскою Конгрегаціею Св. Мавра, (съ 1621 г.) было причиною, что Французскіе Іезуиты были ученѣйшими людьми своего времени. Филиппъ Люббей, Яковъ Мальтре Гардуинъ и иные всегда пребудутъ извѣстны, и хотя сей орденъ и во Франціи искажали придворныя и политическія интриги, однакожь

члены онаго прославили свое общество многими незабвенными твореніями. Въ Польшѣ было иначе: здѣсь отцы Iезуиты искали только Миссіонеровъ для Китая и Японіи, будущихъ мучениковъ; а ученые Польскіе Iезуиты, какъ то Сарбіевскій, или нѣсколько позднѣе Кояловичи, не въ Польшѣ, но въ Нидерландахъ и въ другихъ иностранныхъ Государствахъ обогащали умы свои глубокими познаніями. Уже въ 1625 году Священникъ Иванъ Брожекъ (Broscius), Математикъ и врачъ Краковскій, потомъ пробощъ Мендзиржецкій и Спашовскій, описалъ дурную методу ученія въ Iезуитскихъ школахъ; но при Сигизмундѣ III никто и ничего не могъ сдѣлать противъ Iезуитовъ. Самые Епископы бывали ихъ игралищемъ, восходя чрезъ ихъ посредничество на Епископскія каѳедры. Владиславъ IV, желая ограничить таковое вліяніе сего ордена, приказалъ (1634 г.) закрыть школы ихъ въ Краковѣ, и ввелъ въ Варшаву (1642 г.) и Подолинецъ Піаровъ; но Піарскій орденъ хотя и не мѣшался въ происки и пронырства Iезуитовъ, однакожъ заимствовалъ отъ нихъ дурной вкусъ ученія и не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Короля Владислава IV въ XVII вѣкѣ, и даже не смотря на то, что съ 1655 по 1705 годъ домъ Князей Любомирскихъ и нѣкоторые Епископы учредили десять Коллегій, — до самаго преобразованія Конарскаго

(1740 г.) и до того времени пока Іезуиты сами собою ввели лучшій способъ ученія, Піары не въ силахъ были способствовать распространенію просвѣщенія.—Вмѣстѣ съ упадкомъ наукъ упала и Краковская Академія, которая едва-было не досталась Іезуитамъ (1627 г.). Въ то время, какъ Владиславъ IV тщетно отыскивалъ утраченные фундуши, а ученый Краковскій Епископъ Тылицкій напрасно завелъ въ Новодворскихъ школахъ каѳедру Словесности,—въ Академію вкрался дурной вкусъ, и бѣдные Академики невольно увлечены были общимъ мнѣніемъ. Посему Литтература Польская оставалась въ крайнемъ небреженіи. Только въ Торунѣ и Данцигѣ были порядочныя школы; но оныя были недоступны для Поляковъ, какъ Иновѣрческія. Въ Лешнѣ и Слуцкѣ бывали иногда ученые Профессоры; но и тамъ для Католиковъ встрѣчались тѣ же затрудненія, какія въ Данцигѣ и Торунѣ.—Знатнѣйшіе Польскіе Вельможи посылали въ то время дѣтей своихъ въ Ингольштадтъ, Вирцбургъ и Лованіумъ, гдѣ Іезуиты были ученѣе, нежели въ Польшѣ; но, прилѣпляясь къ Нѣмецкимъ обычаямъ, они возвращались на родину съ потерею національнаго характера.—При Королевѣ Лудовикѣ Гонзаго Французскіе обычаи, такъ сказать, насильно начали брать верхъ надъ Польскими. Монахини Сакраментки (Бенедиктинки) и Визитки

(Салезіанки) въ Варшавѣ, но особенно въ областяхъ Польскихъ, наипаче способствовали къ распространенію языка Французскаго между Польками. Мало помалу сокращалось и число Типографій въ Польшѣ, и только въ Краковѣ печаталось еще нѣсколько болѣе книгъ. Гнѣзненскій Архіепископъ Янъ Венжикъ приказалъ внесть въ Сунодальныя постановленія строгое свое рѣшеніе противу напечатанной въ 1632 году въ Данцигѣ Польской Библіи, и процессомъ съ Типографщиками о маловажной опечаткѣ (*do* вмѣсто *od*) сдѣлалъ изданіе сіе чрезвычайно рѣдкимъ, такъ что одни лишь сохранившіеся отъ сожженія экземпляры продавались тайно. — Съ упадкомъ правленія упадало и Духовенство отъ небреженія къ наукамъ. Уже не было ни Скарги, ни Вуйка, которые чистымъ Польскимъ языкомъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ трогали съ каѳедры сердца слушателей.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1648 1649.)

Никогда еще Польша не доходила до такой степени разстройства, какъ во время сего междоцарствія. Отъ ошибочной ли политики Владислава IV, или отъ слѣдствій недѣ-

тятельности отца его, Богданъ Хмѣльницкій возобновилъ козацкіе мятежи, отъ которыхъ сильно поколебалось могущество Польши. По случаю личной обиды Подстаросты Даніила Чаплицкаго, Хмѣльницкій (въ 1646 г.) воспламенилъ войну, продолжавшуюся около осмидесяти лѣтъ, и кончившуюся совершеннымъ ослабленіемъ Польши, раздѣленіемъ Украины и наконецъ уничтоженіемъ самихъ козаковъ Малороссійскихъ и Запорожскихъ, что случилось почти чрезъ два вѣка: ибо слѣдствія сей войны продолжались даже до конца XVIII столѣтія. Доколѣ Великій Гетманъ Коронный Станиславъ Конецпольскій предводительствовалъ Польскими войсками, мятежники не надѣялись на успѣхъ. Постановленіе Короля Стефана, чтобы реестровыхъ козаковъ было не болѣе 6.000, готовыхъ взяться за оружіе, не было исполняемо. Запорожскіе козаки съ 30 и 40.000 войска весьма полезны были для Польши въ войнахъ съ Турціею и Россіею; но чрезъ сіе самое Польша утратила власть свою на Запорожьѣ или Низовьѣ, т. е. на Днѣпровскихъ островахъ ниже пороговъ, и Запорожская Сѣчь или уже вовсе не повиновалась Королевскимъ велѣніямъ, или исполняла оныя неохотно и только по принужденію Польскаго оружія. На Сеймахъ часто разсуждаемо было объ уничтоженіи, усмиреніи или о лучшемъ устройствѣ козаковъ, за коихъ Турки

не рѣдко мстили Польшѣ: ибо какъ Татары въ Русь, такъ и козаки вторгались не только въ Крымъ, Валахію и Молдавію, но дѣлали набѣги и въ Азіи и съ побѣдоносным̃ъ своимъ оружіемъ грабили предмѣстія Стамбула. Уничтоженіе козаковъ подвергло бы Русь еще большимъ нападеніямъ со стороны Татаръ и усилило бы Турцію: потому Польша имѣла столько же причинъ щадить ихъ, сколько и уничтожить; Турки, будучи въ то время очень сильными, соблюдали мирныя условія не такъ строго какъ въ послѣдствіи. Но всего вреднѣе для Польши была тѣсная связь Русской черни съ козаками: гонимая за Вѣру, она толпами уходила на Запорожье и увеличивала тамъ число козаковъ, и безъ того уже сильныхъ. По смерти Станислава Конецпольскаго, Польша не имѣла ни одного героя, подобнаго Замойскому, Жолкѣвскому, Ходкѣвичу и инымъ, которые славою своихъ подвиговъ столь сильно дѣйствовали на умы народа. Обстоятельство сіе извѣстно было Запорожцамъ и они не замедлили воспользоваться онымъ. Имѣвъ дотолѣ множество людей подъ своими знаменами изъ Русскихъ областей, они и при семъ случаѣ нашли тамъ же новыхъ сподвижниковъ; для увеличенія же силъ своихъ они вступили въ союзъ съ Татарами, всегда наклонными и способными къ грабежу. Богданъ Хмѣльницкій былъ родомъ Шляхтичь

Польской или Литовской; онъ слылъ храбрымъ воиномъ, отличившимся на войнахъ Россійской и Турецкой, и въ описываемую нами эпоху, по милости Станислава Конецпольскаго и Короля Владислава IV, занималъ должность Запорожскаго Писаря. Отецъ его Михаилъ, столь же заслуженный воинъ, получилъ слободу Собутовъ отъ Чигиринскаго Старосты, Русскаго Воеводы Даниловича, у котораго онъ долгое время былъ управителемъ. Слуга Короннаго Хорунжаго Александра Конецпольскаго, Данило Чаплицкій, Чигиринскій Подстароста, отнялъ сію слободу у Богдана подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы оная принадлежала къ Староству, развелъ его съ женою и сына его Тимоѳея приказалъ высѣчь батогами на Чигиринскомъ рынкѣ (1646 г.). За таковыя оскорбленія Богданъ искалъ правосудія и предъ Судомъ и въ Варшавѣ; но потому ли что слобода можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ несправедливо поступила въ его владѣніе, онъ не могъ получить ее обратно; жена же его, сдѣлавшись Католичкою, предпочла быть женою Польскаго Подстаросты, нежели козацкаго Писаря; буйство Чаплицкаго осталось безъ наказанія, а Богдану выдано только 50 злотыхъ въ вознагражденіе за строенія его въ Собутовѣ. Въ бытность Богдана въ Варшавѣ, Король Владиславъ, зная личныя его достоинства, обѣщалъ-было пособить ему съ

тѣмъ, чтобъ онъ принялъ участіе въ доставленіи ему, при помощи козаковъ и Татаръ, Самодержавія, или по крайней мѣрѣ въ распространеніи его власти. Мысль сію поддерживали Іеронимъ Радзѣевскій и Георгій Оссолинскій, Великій Канцлеръ Коронный, въ той надеждѣ, что съ приведеніемъ оной въ дѣйствіе прекратятся внутренніе раздоры въ Польшѣ. Козацкій Есаулъ Барабашъ, крестный отецъ Хмѣльницкаго, назначался въ предводители козаковъ, которые, не имѣя уже собственныхъ Гетмановъ, состояли подъ начальствомъ Гетмановъ Коронныхъ. Но Барабашъ и многіе другіе не соглашались взяться за сіе дѣло по той причинѣ, что раны, нанесенныя козакамъ Станиславомъ Конецпольскимъ, были еще въ свѣжей памяти.—Богданъ Хмѣльницкій, увлеченный гнѣвомъ противъ Чаплицкаго, тѣмъ охотнѣе принялъ на себя возмутить Запорожцевъ и соединить ихъ съ Татарами, чѣмъ болѣе надѣялся найти чрезъ то средствъ къ отмщенію врагу своему.

Въ концѣ 1647 г. Хмѣльницкій, начертавъ планъ дѣйствій на Запорожьѣ, и пригласивъ къ соучастію Хана Исламъ-Гирея, который (1648 г.) дозволилъ Тогай-Бею помочь ему съ 80.000 войска, поднялъ знамя бунта противъ Поляковъ, нимало о томъ не помышлявшихъ. Сіе возстаніе подкрѣплено было и Духовенствомъ, коего начальникомъ былъ тогда Кіевскій Архіепископъ Петръ Мо-

тила. Великій Гетманъ Коронный, Краковскій Кастелланъ Николай Потоцкій, получивъ о томъ свѣдѣніе чрезъ Жидовъ, послалъ на мятежниковъ сына своего Стефана съ 5 или 6.000 войска. Но какъ большую онаго часть составляли жители Русскихъ областей, то всѣ они пристали къ козакамъ, а остальные 1.500 человѣкъ, по прибытіи Тогай-Бея съ Татарами, уведены ими въ рабство. Подъ Корсунемъ такое же несчастіе постигло и самаго Великаго Гетмана Николая Потоцкаго съ Полевымъ Гетманомъ Мартиномъ Калиновскимъ; послѣ сего почти вся Украина и со вновь заложенною крѣпостью Кудакомъ (44) досталась въ руки Хмѣльницкаго.

2 Іюня 1648 года Хмѣльницкій изъ Бѣлойцеркви писалъ къ Королю Владиславу IV объ освобожденіи козаковъ отъ разныхъ обидъ и притѣсненій и о дарованіи имъ нѣкоторыхъ преимуществъ. Но письмо сіе не застало уже Владислава въ живыхъ. Хмѣльницкій былъ въ недоумѣніи: ибо въ то самое время Князь Іеремія Вишневецкій, одинъ изъ Русскихъ Вельможъ, опытный воинъ, любимый Дворянствомъ и народомъ Латинскаго обряда; но ненавидимый Русскими за жестокій его нравъ и за то, что онъ сдѣлался Уніатомъ, а потомъ и Католикомъ, — возвратился изъ-за Днѣпра съ горстью народа, и остановясь на Волыни, собралъ тамъ собственнымъ иждиве-

*

ніемъ 4.000 войска и подъ мѣстечкомъ Звягель разбилъ Есаула Кривоноса, который съ 60.000 опустошалъ Волынь и Подолію.—Хмѣльницкій въ Бѣлой-церкви спокойно ожидалъ окончанія междоцарствія, въ надеждѣ, что въ наслѣдникѣ Владислава IV найдетъ онъ Государя миролюбиваго, и чрезъ него прекратитъ сіе дѣло съ обоюдною выгодою, особенно если на Сеймѣ будетъ имѣть преимущество та сторона, которая при жизни Владислава IV поощряла его къ сей войнѣ. Случилось иначе. Ни Оссолинскій, ни противная ему сторона не имѣли на Сеймѣ столько вѣса, чтобы склонить всѣхъ къ благоразумному единодушію. Одни предлагали жестокостію, другіе напротивъ того мѣрами кроткими усмирить козацкіе мятежи; между тѣмъ никто не приступалъ къ дѣлу. Война длилась съ ужаснымъ ожесточеніемъ. Князь Вишневецкій лилъ кровь людей Греческаго закона, а Кривоносъ Католиковъ. И такъ междоусобная война родила войну другую, ужаснѣйшую,—войну за Вѣроисповѣданіе. Конвокаціонный Сеймъ (16 Іюля 1648 г.) предложилъ козакамъ мирныя условія, но такія, какія можно было бы предлагать только послѣ побѣдъ, одержанныхъ нѣкогда Станиславомъ Конецпольскимъ. Поляки требовали, чтобы козаки выдали всѣхъ плѣнныхъ и, отказавшись отъ союза съ Татарами, дали вновь

присягу на вѣрность Польшѣ; чтобы выдали главныхъ зачинщиковъ мятежа и, возвратив письмо Владислава IV, поощрявшее ихъ къ возстанію, ожидали рѣшенія своей судьбы.— Къ усугубленію бѣды, во время плѣна Коронныхъ Гетмановъ, впавшихъ въ руки Татаръ подъ Корсунемъ, для начальства надъ Польскимъ войскомъ избраны три Полковника. Первымъ былъ Князь Доминикъ Острожскій и Заславскій, Вельможа честнѣйшихъ правилъ, но вовсе не свѣдущій въ военномъ дѣлѣ; выборомъ его въ сіе званіе огорчился знаменитый Князь Іеремія Вишневецкій, который по всей справедливости могъ надѣяться получить начальство надъ войскомъ; другимъ Полковникомъ былъ Александръ Конецпольскій, Коронный Хорунжій, молодой человѣкъ, отлично храбрый, но неопытный; третьимъ, Николай Остророгъ, Коронный Подчашій, весьма ученый, но болѣе искусный въ правовѣдѣніи, нежели въ знаніи ратномъ. Судя по неудачному выбору, многіе предрекали неуспѣшность войны. Къ Полковникамъ приставили еще 26 Коммиссаровъ.—

Среди таковаго раздѣленія умовъ (6 Октября 1648 г.) назначено время для избранія Короля и тогда же набиралось войско. Подъ Пилавцами стало 36.000 Поляковъ; но обозъ ихъ превышалъ въ восемь разъ самое войско: ибо въономъ было до 100.000 возовъ. Князь

Іеремія Вишневецкій, который почти одинъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ противился козакамъ, бывъ призванъ въ Польскій станъ, не усомнился пожертвовать личною выгодою общему благу; но цѣлые полгода прошли въ бездѣйствіи, пока между Полковниками прекращенъ былъ раздоръ, хотя и не надолго. При посредствѣ Брацлавскаго Воеводы Адама Киселя (45), заключено кратковременное перемиріе для начатія переговоровъ; но обѣ стороны были слишкомъ далеки отъ мира.—Хмѣльницкій, узнавъ о предлагаемыхъ условіяхъ и о томъ, что Польша требуетъ выдачи его самаго, ожидалъ только прибытія Татаръ, а въ Москвѣ искалъ милости Царской. Надѣясь на заключеніе мира, Поляки, и особенно помѣщики Украинскіе, полагали, что дѣло кончится безъ кровопролитія. Люди обыкновенно вѣрятъ тому, чего имъ хочется, и какъ большая часть Польскихъ помѣщиковъ имѣли крестьянъ своихъ подъ знаменами козацкими, то посему никто и не принялъ предложенія Князя Іереміи Вишневецкаго, чтобы нечаяннымъ нападеніемъ на непріятеля поразить его и тѣмъ ускорить окончаніе войны. Между военачальниками возобновился раздоръ и каждый оставался при собственномъ своемъ мнѣніи. Между тѣмъ какъ Поляки теряли такимъ образомъ время на ссоры и еще болѣе на удовольствія, Хмѣльницкій явился

въ виду ихъ стана и на позиціи, гораздо выгоднѣйшей той, какую они занимали.—Споръ объ избраніи Короля достигъ также до стана. Для поддержанія стороны Іоанна Казиміра, положено было отступить къ Константинову; но прежде нежели сей планъ могъ быть приведенъ въ исполненіе, разнесся пустой слухъ о прибытіи Татаръ, и Поляки постыдно бѣжали изъ-подъ Пилавцовъ. Малоопытные военачальники едва ли не первые подали примѣръ къ бѣгству. Въ станѣ Хмѣльницкаго находилось только 6.000 Татаръ, пришедшихъ туда еще до бѣгства Поляковъ; и потому онъ едва могъ вѣрить глазамъ своимъ, не видя предъ собою непріятеля (23 Сентября 1648 г.).—Множество сокровищъ, найденныхъ въ Польскомъ обозѣ и чрезвычайное изобиліе въ продовольствіи, удержали козаковъ и Татаръ отъ преслѣдованія бѣглецовъ.—8 Октября Хмѣльницкій явился подъ Львовомъ, и когда сей городъ заплатилъ ему контрибуцію, онъ обратился къ Замостью, гдѣ заперлось многочисленное Дворянство съ полкомъ Элбинскаго Кастеллана Лудовика Вейера. Всѣ Дворянскія имѣнія до Буга, и даже земли Русскія, потерпѣли ужасное разореніе, неизбѣжное въ войну междоусобную. Привязанность ли къ царствовавшему Дому Вазы, надежда ли на милости Іоанна Казиміра, или непокорность козацкаго войска, или же побѣды Ли-

товскаго войска подъ предводительствомъ Полеваго Гетмана Князя Януса Радзивилла (46), или наконецъ другія неизвѣстныя причины, склонили Хмѣльницкаго къ переговорамъ подъ Замостьемъ, гдѣ онъ оставался въ бездѣйствіи цѣлыя три недѣли, во ожиданіи окончанія выборовъ. Замостье освободилось отъ непріятеля уплатою 20.000 злотыхъ (47),—сумма, которую граждане и бывшее въ осадѣ Дворянство тысячекратно вознаградили, покупая у козаковъ и Татаръ за безцѣнокъ разныя драгоцѣнности, награбленныя ими въ другихъ мѣстахъ у Поляковъ же.

22 Ноября 1648 г. Іоаннъ Казиміръ избранъ Королемъ Польскимъ въ Варшавѣ, безъ вниманія къ проискамъ Седмиградскаго Князя Рагоція, которому благопріятствовалъ Князь Іеремія Вишневецкій. Младшій братъ Короля, Бреславскій Епископъ Карлъ Фердинандъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія подалъ голосъ въ его же пользу, а Князь Іеремія Вишневецкій еще до окончанія выбора назначенъ былъ Полковникомъ собраннаго противъ козаковъ войска; сіе такъ сильно огорчило Хмѣльницкаго, что онъ, изъявивъ готовность освободить Гетмановъ изъ Татарскаго плѣна, вновь объявилъ желаніе къ начатію переговоровъ о мирѣ. Притворясь, будто изъ уваженія къ Іоанну Казиміру, онъ готовъ исполнять его веленія, — Хмѣльницкій возвратился въ Бѣлую-

церковь, и принявъ подъ Замостьемъ Королевскаго Посла Смяровскаго съ должными почестями, обѣщалъ ожидать Коммиссаровъ для заключенія мира, тѣмъ болѣе, что самъ Іоаннъ Казиміръ вызвался доставить ему козацкую булаву. Но увлекаясь честолюбіемъ, онъ мыслилъ объ Удѣльномъ Княжествѣ на Украинѣ, и между тѣмъ принималъ торжественныя посольства отъ Турокъ, Россіянъ и Господарей Волошскихъ. 19 Февр. 1649 г. Коммисія Польская (48) въ Переяславлѣ застала Хмѣльницкаго уже не въ томъ расположеніи, въ какомъ онъ былъ подъ Замостьемъ: хотя онъ и принялъ отъ Коммиссаровъ присланныя ему булаву и бунчукъ (49) и показывалъ довольно уваженія къ Королю, но въ то же время весьма грубо выговаривалъ Вельможамъ Польскимъ и Латинскому Духовенству за поступки ихъ съ козаками и съ жителями Русскихъ областей Грекороссійскаго Исповѣданія. Коммиссары едва могли спасти жизнь свою; они съ прискорбіемъ увидѣли, что вся Украина, т. е. Воеводства Черниговское и Кіевское, были въ рукахъ Хмѣльницкаго; что Воеводство Брацлавское оставалось въ сомнительномъ положеніи, а Волынское и Подольское находились въ великой опасности. Хотя перемирію и назначено быть предъ Троицынымъ днемъ, однакожъ все предвѣщало скорое возобновленіе военныхъ дѣйствій. Хмѣльницкій требовалъ: 1) возста-

новленія всѣхъ правъ и преимуществъ, коими прежде пользовались козаки; 2) изгнанія изъ Украины Іезуитовъ и жидовъ; 3) уничтоженія Уніи; 4) прáва содержать 40.000 реестровыхъ козаковъ; 5) чтобъ всѣ должностныя мѣста по Кіевскому Воеводству даваемы были только Греко-Россіянамъ; 6) чтобы Кіевскій Митрополитъ присутствовалъ въ Сенатѣ; 7) чтобъ Чаплицкій былъ ему выданъ, а Вишневецкій удаленъ отъ команды надъ войскомъ. —Сначала онъ домогался даже и выдачи Вишневецкаго для отмщенія ему за всѣ его жестокости противъ козаковъ.

Таковыя требованія не оставляли надежды на миръ; съ другой стороны война грозила опасностію какъ новому Королю, такъ и Хмѣльницкому: ибо сей послѣдній не имѣлъ еще довольно власти для обузданія непокорности козаковъ, желаніямъ коихъ не рѣдко долженъ былъ угождать, не обращая вниманія на слѣдствія, отъ того произойти могущія.

ІОАННЪ КАЗИМІРЪ V.

(1649 — 1669)

Коронованіе Короля Іоанна Казиміра совершено въ Краковѣ 17 Января 1649 г. По окончаніи Переяславскаго перемирія, война немедленно возобновилась. Государственные Чины ввѣрили Королю начальство надъ войскомъ и веденіе войны; но заключать мира онъ не имѣлъ права иначе, какъ съ согласія приставленныхъ къ нему Коммиссаровъ и съ условіемъ, чтобъ мирный договоръ представленъ былъ на утвержденіе Сейма. Каштелланъ Белзскій Андрей Фирлей, Каменецкій Каштелланъ Станиславъ Ланцкоронскій и Коронный Кравчій Николай Остророгъ командовали войскомъ подъ главнымъ начальствомъ Короля. Первымъ поводомъ къ возобновленію войны были безпокойства поселянъ около Бара и Тарнополя, которые легко были усмирены посланнымъ отъ Короля Фирлеемъ. Козаки сочли сіе за нарушеніе перемирія, и выступили противъ Поляковъ, которые подъ предводительствомъ Фирлея и его товарищей стояли подъ Константиновымъ. Для вѣрнѣйшаго успѣха они отступили къ Збаражу (30

Іюня 1649), потому что ихъ было не болѣе 9.000, а Хмѣльницкій, кромѣ 200.000 козаковъ, имѣлъ еще до 160.000 Татаръ. Вскорѣ (13 Іюля) и Хмѣльницкій пришелъ къ Збаражу, гдѣ находился также и Князь Іеремія Вишневецкій, всѣми силами способствовавшій пользамъ осажденныхъ. Осада длилась два мѣсяца; двадцать приступовъ отражены удачно; въ 75 вылазкахъ Поляки жестоко мстили непріятелю. Но не возможно было противиться долѣе: ужасный голодъ заставлялъ питаться кониною, кошками, мышами и собаками; смрадъ отъ павшей скотины и человѣческихъ труповъ заражалъ воздухъ и воду; Хмѣльницкій между тѣмъ никакъ не соглашался снять осады, пока ему не выдадутъ Князя Вишневецкаго, Александра Конецпольскаго и иныхъ Вельможъ Русскихъ. Въ слѣдствіе таковаго не умѣреннаго требованія, Поляки употребляли послѣднія усилія къ защитѣ, въ продолженіе которой пущенная изъ стана непріятельскаго стрѣла съ запискою извѣстила ихъ, что Король спѣшитъ къ нимъ на помощь.

Совершивъ съ возможною поспѣшностію бракосочетаніе со вдовствовавшею Королевою Лудовикою Маріею (50), Король Іоаннъ Казиміръ въ день Св. Іоанна Крестителя выступилъ въ Русскія области съ 18.000 войска, подъ сѣнію освященной Нунціемъ Іоанномъ де

Торресомъ хоругви (51). Окруженный подъ Зборовымъ Хмѣльницкимъ, который имѣлъ довольно силъ для того чтобы сразиться съ обоими войсками Польскими отдѣльно, — Король находился въ великой опасности. Но онъ успѣлъ отклонить отъ дружбы съ козаками Татарскаго Хана Исламъ-Гирея, бывшаго у Поляковъ въ плѣну и освобожденнаго Владиславомъ IV (52). Кромѣ даровъ и письма, Ханъ склонился къ разрыву съ Хмѣльницкимъ, опасаясь, чтобы отъ паденія Поляковъ не возвысилось могущество Козаковъ. Онъ разстался съ сими послѣдними, а Хмѣльницкій согласился на слѣдующія условія: — „Козакамъ возвратить всѣ прежнія права и „преимущества. — Рѣка Горынь отдѣляетъ „козаковъ отъ Польши. Козакамъ имѣть 40.000 „реестроваго войска. Составленіе Реестра „должно зависѣть отъ ихъ Гетмана. Чигиринское Староство должно принадлежать „Козацкому Гетману, а Барское Гетману Коронному. — Козацкимъ Гетманомъ быть Богдану Хмѣльницкому; преемниками же его „всегда будутъ козаки Греческаго Исповѣданія. „— За всѣ прежнія дѣла объявить всепрощеніе. „— Король обязанъ пещись объ уничтоженіи „Уніи. Епархіи Хелмская, Луцкая, Мстиславская, Перемышльская должны быть отданы „Греческому не-Уніатскому Духовенству, а „Митрополиту Кіевскому засѣдать въ Сенатѣ

„ниже Епископа Хелмскаго. — Должности въ „Воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и „Черниговскомъ должны быть поручаемы „однимъ лишь не-Уніатамъ. — Іезуитамъ не „дозволяется ни въ Кіевѣ, ни на Украинѣ „имѣть школъ, ни даже жить тамъ, потому „что въ Кіевѣ будутъ школы Православныя. „— Козакамъ даровать право гнать вино и „продавать оное въ свою пользу. — Каждому „козаку получать ежегодно платье и 10 зло-„тыхъ. — Дворянство, возвратясь въ свои „помѣстья, не будетъ требовать вознагра-„жденія за убытки.“ — Хмѣльницкій торжественно просилъ у Короля прощенія за причиненіе мятежа, и утвердилъ присягою вышепомянутые пункты.

Въ Литвѣ также война прекратилась: тамъ Полевой Гетманъ Князь Янусъ Радзиввиллъ счастливо дѣйствовалъ противъ мятежниковъ (1648 г.), разбивъ ихъ предводителей Гладкаго, Ивана Кржечовскаго подъ Лоевымъ, и вскорѣ послѣ того (1649 г.) Подобайлу при Днѣпрѣ. — Въ подвигахъ сихъ участвовали: Стольникъ Великаго Княжества Литовскаго Викентій Госѣвскій, побѣдитель Голоты, начальника козачьяго отряда; Михайло Казиміръ Пацъ, Ходорковскій, Подленцкій и иные знаменитые Поляки; изъ иностранцевъ же отличились въ сей войнѣ Рейнгольдъ Тизенгаузенъ, Гропъ Оттгаузенъ, Нольде и Гансковъ.

Латинскому Духовенству и Вельможамъ не нравились заключенныя съ Гетманомъ условія, чрезъ которыя они лишались имѣній своихъ на Украинѣ. Когда же дѣло дошло до реестрованія 40.000 козаковъ, то изъ нихъ 160.000 не хотѣло возвратиться къ земледѣлію. Дабы удержать ихъ подъ своими знаменами, Хмѣльницкій рѣшился сдѣлать ихъ свободными козаками. Духовенство съ Нунціемъ, представивъ формальной протестъ противъ Кіевскаго Митрополита, объявило Королю, что коль скоро новоприбывшій въ Варшаву Митрополитъ Сильвестръ Коссовскій вступитъ въ Сенатъ, то Латинскіе Епископы немедленно оставятъ оный. Насильственное обращеніе къ Уніи не прекращалось и среди сихъ смутныхъ событій, предвѣщавшихъ неминуемое и скорое возобновленіе войны, едва только что оконченной. Хмѣльницкій съ своей стороны также подалъ поводъ къ войнѣ покушеніемъ возвести старшаго сына своего Тимоѳея на Господарство Волошское. Онъ требовалъ отъ Господаря Василія Люпули младшей его дочери Домны (53) въ супруги сыну своему, и по полученіи въ томъ отказа, рѣшился съ помощію Турокъ и Татаръ насильно привести планъ свой въ исполненіе. Съ таковымъ намѣреніемъ онъ тѣснѣе прежняго подружился съ Татарами, и помогалъ имъ противъ Черкесовъ, а съ Турками, въ качествѣ Удѣльнаго

владѣтеля, договаривался о принужденіи Люпули выдать дочь свою за Тимоѳея. — Вынужденный таковыми поступками Хмѣльницкаго и убѣжденіями своихъ приближенныхъ, Іоаннъ Казиміръ приказалъ Великому Коронному Гетману Николаю Потоцкому расположиться съ войскомъ подъ Каменцемъ и быть въ готовности выступить противъ козаковъ. Дотолѣ Хмѣльницкій не думалъ еще о совершенномъ отторженіи отъ Польши: онъ надѣялся утвердить за сыномъ наслѣдство и обезпечить его тою же степенью величія, которой онъ самъ достигъ пріобрѣтеніемъ козацкаго Гетманства. Онъ зналъ, что если бы сынъ его сдѣлался Господаремъ или вступилъ въ родство съ знатнѣйшими Польскими домами, тогда и достоинство Гетмана содѣлалось бы принадлежностію его рода вмѣстѣ съ имѣніями, пріобрѣтенными отъ Польши или отъ щедротъ Короля, а можетъ быть и съ Валахіею, бывшею неоднократно цѣлію гордыхъ замысловъ Вишневецкихъ, Корецкихъ и Потоцкихъ. Хмѣльницкій, не вѣря Польскимъ Вельможамъ, имѣлъ еще нѣкоторую довѣренность къ самому Королю. Но часто случается, что частный человѣкъ, вознесясь выше своей сферы, долженъ пройти за предназначенную имъ самимъ черту: труднѣе иногда съ самой высокой ступени спуститься на ближайшую къ оной, нежели изъ праха,

съ самой нижней ступени досягнуть до самой вершины. Властолюбіе есть опаснѣйшая приманка для человѣка въ такомъ положеніи, въ какомъ тогда находился Хмѣльницкій.— Впрочемъ, оставляя разсужденія, довольно сказать, что война началась. Хмѣльницкій обвинялъ Поляковъ за расположеніе войска подъ Каменцемъ, а Поляки упрекали его за самовольныя дѣйствія въ Валахіи и за пріязнь съ Турецкимъ Султаномъ, который не только приказалъ Люпули выдать дочь за Тимоѳея, но даже прислалъ Богдану Хмѣльницкому кафтанъ и драгоцѣнную саблю, какъ будто бы своему даннику. Когда же Люпули не хотѣлъ повиноваться волѣ Султана, тогда 16.000 козаковъ, предводимыхъ Носсачемъ Пушкаремъ и Дорошенкою принудили его не только къ отданію дочери за сына Хмѣльницкаго, но и къ обѣщанію уплатить 600.000 талеровъ Татарамъ, которые помогали Хмѣльницкому.—Хмѣльницкій осадилъ Каменецъ (54), гдѣ храбро защищался Петръ Потоцкій, Коммендантъ той крѣпости, разославшій между тѣмъ въ разныя стороны нарочныхъ для возбужденія жителей противъ козаковъ. Полевой Гетманъ Мартинъ Калиновскій, вождь опытный и храбрый, не имѣлъ силъ къ отраженію непріятеля, и потому Князь Іеремія Вишневецкій воевалъ одинъ, собственнымъ иждивеніемъ. Король (10 Апр. 1651 г.) вто-

рично выступилъ изъ Варшавы, съ освященною Нунціемъ хоругвію, но по малочисленности войска долженъ былъ (14 Маія) остановиться подъ Сокалемъ, въ ожиданіи пока присоединятся къ нему ополченія областныя. — 19 Маія Хмѣльницкій снялъ осаду Каменца и обратился противъ Короля, у котораго съ Дворянствомъ и вольницею было до 100.000 войска.—Король (15 Іюня) перешелъ за Бугъ, и тамъ подъ Берестечкомъ (28 Іюня) завязалась битва. Татары были отражены частію въ первой день сраженія, частію въ второй. Въ первый день битвы явили неустрашимое мужество граждане Краковскіе, Сендомирскіе, Ленчицкіе и Велюнскіе, Георгій Любомирскій и Александръ Конецпольскій. Во второй день покрылись славою три полка: Краковскаго Кастеллана Потоцкаго, Великаго Короннаго Маршала Георгія Любомирскаго и Липовскаго Подканцлера Казиміра Льва Сапѣги. Князь Іеремія Вишневецкій, Воевода Русскій, пользуясь густымъ туманомъ, (30 Іюня) занялъ позицію весьма вредную для Хмѣльницкаго, и по Королевскому приказанію устремясь противъ козаковъ вмѣстѣ съ Подольскимъ Воеводою Станиславомъ Потоцкимъ, успѣшно проломилъ ихъ ряды въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Король, идучи въ слѣдъ за нимъ, отрѣзалъ Татаръ отъ козаковъ сильнымъ огнемъ изъ пушекъ и смѣлымъ натискомъ конницы и пѣ-

хоты. Татары обратились въ бѣгство, и всѣ усилія Хмѣльницкаго возвратить ихъ къ битвѣ остались тщетными. Чрезъ двадцать часовъ Татарскій Ханъ находился уже въ 11 миляхъ отъ мѣста сраженія; за нимъ послѣдовалъ и Хмѣльницкій: Поляки одержали совершенную побѣду. До 30.000 козаковъ и Татаръ легло на мѣстѣ. Вмѣсто того, чтобы пользоваться послѣдствіями сей побѣды, Іоаннъ Казиміръ вступилъ съ козаками въ переговоры; а въ Польскомъ станѣ возобновились прежніе раздоры и несогласія: Дворянство укоряло Короля въ томъ, что онъ щадитъ козаковъ къ собственной своей гибели, что онъ не посылаетъ въ огонь ни Нѣмцевъ, ни другихъ наемниковъ, а собственное войско подвергаетъ всѣмъ возможнымъ опасностямъ.—Князь Іеремія Вишневецкій, котораго Король хотѣлъ послать для пресѣченія пути козакамъ, требовалъ только 15.000 войска; но Князя не слушали и придворные льстецы успѣли даже поселить въ сердцѣ Короля зависть къ Вишневецкому, будто бы намѣревавшемуся присвоить себѣ всю честь побѣды. Послѣ долгаго спора послали Ланцкоронскаго съ 3.000; козаки испугавшись, сняли вновь разбитый ими близъ прежняго побоища лагерь, и скрылись изъ виду Поляковъ, которые оставались равнодушными зрителями ихъ бѣгства. Король хотѣлъ-было преслѣдовать непріятеля;

но его убѣдили отъ того удержаться. Оставивъ Королю 5.000 войска на три мѣсяца, Дворянство разошлось по домамъ, а Король, имѣвшій еще 40.000 войска, также возвратился въ Варшаву потому наипаче, что многимъ Вельможамъ нимало не хотѣлось итти съ нимъ къ Кіеву. Продолженіе войны поручено Короннымъ Гетманамъ съ 20.000 войска.

Іоаннъ Казиміръ не имѣлъ достоинствъ брата своего Владислава IV. Обладая великими природными дарованіями, онъ былъ разсудителенъ и дальновиденъ; мужество его въ несчастіи было непоколебимо, но въ счастіи онъ не владѣлъ собою, и, подобно отцу своему, часто портилъ лучшія дѣла. Онъ не столько походилъ на Короля, сколько на Іезуита или Кардинала, потому, что слишкомъ довѣрялъ любимцамъ своимъ, наипаче же Іезуитамъ. Супругѣ своей Лудовикѣ Маріи онъ далъ совершенную волю дѣлать, что ей угодно, и самъ былъ игралищемъ ея своенравія и исполнителемъ ея воли. Онъ не умѣлъ повелѣвать, какъ повелѣвали Стефанъ Баторій или Владиславъ IV. Подданные, не имѣя къ нимъ любви, боялись однакожъ суровости Стефана, и важности Владислава IV. Іоанна Казиміра, напротивъ того, не боялись и не любили.

Въ скоромъ времени Хмѣльницкій укрѣпился, и съ 50.000 козаковъ расположился подъ Масловымъ Ставомъ. Опытность въ военномъ

дѣлѣ пришедшаго на Украину Князя Януса Радзивилла, взятіе имъ Кіева, и соединеніе съ Коронным войскомъ принудили Хмѣльницкаго къ заключенію слѣдующихъ условій подъ Бѣлой-церковью:

(28 Сент. 1651 г.) „1) Реестровымъ козакамъ быть не болѣе 20.000, которые вмѣстѣ съ Гетманомъ присягнувъ на вѣрность „Королю, обязаны служить на каждой войнѣ, „и только въ Кіевскомъ Воеводствѣ на Королевскихъ земляхъ должны селиться, а не въ „Воеводствахъ Черниговскомъ и Брацлавскомъ; „2) каждый не реестровый козакъ обязанъ „исправлять повинности для Королевскихъ „зaмковъ; 3) козаки въ Воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ, а Поляки въ Воеводствѣ Кіевскомъ не должны стоять лагеремъ; 4) Дворянству возвратиться въ имѣнія свои въ помянутыхъ Воеводствахъ и получить въ оныхъ потерянныя должности; „5) Чигиринское Староство принадлежитъ козацкому Гетману, которому подчинены всѣ „козацкіе Полковники; 6) Неунитскимъ церквамъ „на Украинѣ будутъ оставлены прежнія права и доходы съ имѣній; 7) объявится всеобщее прощеніе; 8) жидамъ можно жить и „брать на откупъ имѣнія на Украинѣ; 9) козакамъ не впускать на Украину Татарскихъ „табуновъ для подножнаго корма; 10) козаковъ, находящихся въ Литвѣ, не вносить

„въ реестры, или сказки; 11) изъ Кіевскихъ „козаковъ внесено будетъ въ реестры только „не большое число; 12) Коммисары Польскіе, „Гетманъ и Полковники козацкіе дадутъ при„сягу въ соблюденіи сихъ условій.“

Договоръ не былъ искрененъ: ибо Хмѣльницкій, все еще думая о пріобрѣтеніи для сына своего Молдавіи, входилъ въ сношенія съ Шведами и Турками, желая возбудить ихъ противъ Польши. — Спокойствіе продолжалось только нѣсколько мѣсяцевъ, во время реестрованія 20.000 козаковъ; иные же увѣряютъ, что ихъ было внесено въ реестры опять 40.000, вопреки условію. Когда же послѣ того оказалось много такихъ, которые не хотѣли возвратиться въ земледѣльческое состояніе: то многочисленныя толпы козаковъ, съ дозволенія Хмѣльницкаго, вышли въ Россію, гдѣ основали слободы Ахтырку, Сумы, Изюмъ, Харьковъ и Рыбну, отъ коихъ и козаки Харьковскіе и Слободскіе получили названіе (55), не долго существовавшее.

Поляки заблаговременно увѣрились въ хитрости Хмѣльницкаго перехваченными отъ него письмами. Мартинъ Калиновскій съ 9.000 войска расположился подъ Батогомъ или Батовомъ, для наблюденія за дѣйствіями козаковъ. Но онъ и тамъ обманутъ былъ Хмѣльницкимъ, который увѣрилъ, что ему нечего бояться козаковъ, если только онъ не будетъ

препятствовать сыну его Тимоѳею, который съ Татарами отправится въ Молдавію для бракосочетанія съ дочерью Молдавскаго Господаря. — Татары нечаянно явились предъ станомъ Польскимъ, между тѣмъ какъ Тимоѳей съ козаками прокрался лѣсомъ въ тылъ. Послѣ двухдневной битвы (1 и 2 Іюня 1652 г.) побѣда преклонилась на сторону козаковъ. Плѣнные, цвѣтъ Польскаго воинства, умерщвлены: оставлено только десять человѣкъ въ живыхъ. Козаки питали особенное негодованіе на Мартина Калиновскаго, за безпрестанныя его угрозы; и потому когда Татары хотѣли оставить 5.000 плѣнныхъ въ живыхъ для выкупа своихъ изъ плѣна, ожесточенные козаки платили имъ за каждую Польскую голову, и Нагайцы рѣзали беззащитныхъ Поляковъ. Мартинъ Калиновскій уже не былъ свидѣтелемъ сего ужаснаго зрѣлища: онъ палъ вмѣстѣ съ прочими на мѣстѣ битвы. Послѣ таковыхъ жестокостей, казалось, что всѣ связи между Польшею и Хмѣльницкимъ рѣшительно будутъ расторгнуты. Но благоразумная его недовѣрчивость къ Татарамъ, которые равно пользовались и неудачами козаковъ и бѣдствіями Поляковъ, удержала его отъ дальнѣйшихъ поступковъ. Онъ вторично осадилъ Каменецъ, но, кажется, болѣе для того, чтобы обезпечить сыну бракосочетаніе съ дочерью Господаря, нежели чтобы завоевать

сію крѣпость для Турокъ и Татаръ, которымъ онъ ее обѣщалъ. — По сему поводу онъ послалъ письма на Варшавскій Сеймъ, предлагая миръ и извиняясь въ поступкѣ своемъ съ Калиновскимъ.

По бóльшей части за одною бѣдою слѣдуетъ другая. Уже можно было предвидѣть неизбѣжность войны съ одной стороны съ Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, а съ другой съ Шведскимъ Королемъ Карломъ Густавомъ: среди сихъ опасностей, въ нѣдрахъ Государства, въ святилищѣ Сеймовъ родилось новое, гибельное орудіе своенравія: *veto*, или пріостановленіе Сеймовыхъ постановленій въ случаѣ, когда кто либо изъ земскихъ Депутатовъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, произнесетъ слово: *не позволяю* (*nie pozwalam*). Упитскому Депутату Сицинскому, который былъ недоволенъ Королевскимъ рѣшеніемъ по дѣлу Шавельской экономіи, первому удалось такимъ образомъ прекратить Сеймъ, бывшій въ началѣ 1652 года. И тогда и послѣ того поступокъ Сицинскаго былъ охуждаемъ; и хотя даже съ общаго согласія положено было уничтожить таковое право, однако же оно оставалось въ своей силѣ даже до новѣйшихъ временъ, когда гордость народная или частная, а въ послѣдствіи времени и перевѣсъ посторонняго вліянія имѣли въ виду свои цѣли, коихъ легче можно было достигнуть при разстройствѣ

Польши. Король Іоаннъ Казиміръ самъ подалъ поводъ къ новымъ безпорядкамъ за то, что Іеронимъ Радзѣевскій, Коронный Подканцлеръ, бывшій прежде искреннимъ его другомъ, не соглашался жены своей отдать Королю въ любовницы, не смотря, что за сіе и за сложеніе Подканцлерства предлагаемы ему были и Кастелланство Краковское и Старостство Любельское и иныя милости. Безстыдная просьба жены его о разводѣ, поданная ею въ Нунціатурскій Судъ по убѣжденію Короля, исполнила сердце Подканцлера жестокой печали. Съ помощію стражи воинской сія развратная женщина не только обратно получила все свое имущество, но даже овладѣла дворцемъ и домами мужа, который тогда находился въ отсутствіи; при чемъ братъ ея, Литовскій Подскарбій Богуславъ Слушка, ранилъ нѣсколькихъ его людей. Іеронимъ Радзѣевскій, по возвращеніи своемъ при помощи друзей своихъ, Мазовецкихъ Дворянъ, насильно овладѣлъ своимъ домомъ ночью, не думая ни о присутствіи Короля въ городѣ, ни о собравшемся на ту пору Сеймѣ. Потворствуя волѣ Короля и по проискамъ Андрея Лещинскаго, Хелмскаго Епископа и Великаго Канцлера, Маршальскій Судъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ Надворнаго Маршала Луки Бнинскаго-Опалинскаго, опредѣлилъ (20 Янв. 1652 г.) лишить оскорбленнаго супруга жиз-

ни и чести, а жену его и ея брата, Литовскаго Подскарбія Богуслава Слушку приговорилъ только къ ничтожной денежной пени и къ тюремному заключенію на годъ и шесть недѣль. Столь явная несправедливость была причиною величайшаго безпорядка на Сеймѣ, и хотя по закрытіи онаго вскорѣ назначенъ другой Сеймъ, но и на ономъ не пособили злу, болѣе и болѣе усиливавшемуся на пагубу Государства. Пылая мщеніемъ, Радзѣевскій уѣхалъ въ Вѣну, чтобы вооружить Австрійцевъ противъ Короля; когда же и тамъ намѣреніе его не удалось, онъ отправился въ Швецію, гдѣ надѣялся найти готовыхъ враговъ Польши. Король, предъявивъ Сейму перехваченные письма Радзѣевскаго, писанные имъ изъ Швеціи къ козакамъ, безъ труда получилъ подтвержденіе прежняго приговора о лишеніи его чести и жизни. Впрочемъ Радзѣевскій не признавалъ тѣхъ писемъ своими, и многіе не вѣрили возводимому на него обвиненію.

Въ Швеціи онъ дѣйствовалъ успѣшнѣе. Шведская Королева Христина, наскучивъ и бременемъ правленія и жизнію въ хладной и дикой Швеціи, вознамѣрилась сложить съ себя корону и вручить оную родственнику своему Пфальц-Графу Карлу Густаву. Легкомысленный Іоаннъ Казиміръ, принявъ титулъ Короля Шведскаго послѣ отца и брата, полагалъ, что ему не трудно будетъ получить

Шведскій престолъ или иныя выгоды отъ женщины своенравной и болѣе руководствовавшейся собственною волею, нежели видами политики. Въ слѣдствіе сихъ надеждъ, заключенный въ Любекѣ трактатъ (1651) оставался безъ дѣйствія, и недоумѣнія между Швеціею и Польшею возрастали; но войны еще не было. Шведы поощряли козаковъ къ продолженію мятежей, особенно когда удостовѣрились, что Іоаннъ Казиміръ въ отношеніи къ Швеціи наслѣдовалъ образъ мыслей Сигизмунда III. Въ сіе-то время явился въ Стокгольмѣ Іеронимъ Радзѣевскій.—

Между тѣмъ возгорѣлась война и съ Россіею. Король, увѣрясь, что Хмѣльницкій обольщаетъ его пустою надеждою своей преданности и повиновенія, предложилъ на Сеймѣ всѣ доводы его невѣрности. Участниками сей войны были Седмиградскій Князь Георгій Рагоцій и Молдавскій Воевода Рагуля. Неблагопріятствуя Тимоѳею, они оба увѣдомляли Турковъ, будто онъ и отецъ его замышляютъ Украину и Молдавію сдѣлать независимыми Княжествами. Татары не довѣряли козакамъ, и потому употребили всѣ мѣры, чтобъ отмстить имъ. Въ Валахіи Рагоцій и Рагуля, при помощи Поляковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Стефана Чарнецкаго, воевали съ довольнымъ успѣхомъ: осажденный въ Сочавѣ Тимоѳей убитъ пушечнымъ ядромъ; но

на Украинѣ Король не имѣлъ счастія: Хмѣльницкій, обольстивъ Татаръ дарами, при помощи ихъ окружилъ станъ Іоанна Казиміра подъ Званцомъ, какъ прежде того подъ Зборовымъ. Король вторично спасся отъ величайшей опасности, преклонивъ Татаръ на свою сторону. Миръ заключенъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и подъ Зборовымъ; но сей миръ состоялся только для вида: ибо Король, тайно уговорясь съ Ханомъ, предположилъ истребить козаковъ, а Хмѣльницкій, оставленный Татарами, желалъ только выиграть время. Татары, всегда имѣя въ виду собственную корысть и пользуясь бѣдствіями Польши и козаковъ, опустошили Подолію, Волынь и часть Литвы, и увели въ рабство около пяти тысячь Дворянъ. Едва Король возвратился въ Варшаву, какъ Хмѣльницкій (въ Январѣ 1654 г.) вступилъ въ Переяславлѣ въ подданство Царя Алексія Михайловича, который немедленно отправилъ два сильныя войска, одно въ Литву, подъ начальствомъ Князей Серебрянаго и Хованскаго, а другое на Украину подъ предводительствомъ Василія Васильевича Бутурлина. Желаніе стяжать имя побѣдителя склонило Князя Януса Радзивилла, бывшаго тогда Великимъ Гетманомъ Литовскимъ, дать сраженіе не дожидаясь прибытія не любимаго имъ Полеваго Литовскаго Гетмана Госѣвскаго; но онъ былъ раз-

битъ подъ Шкловымъ, и сіе пораженіе открыло Царю дорогу съ третьимъ войскомъ къ Смоленску, который на сей разъ не чрезъ измѣну, какъ тогда думали, но единственно отъ неопытности Смоленскаго Воеводы Филиппа Обуховича (29 Сентября 1654 г.) сдался на капитуляцію. Большая часть Литвы, почти до самой Вильны, занята Русскими: Сеймъ только еще предлагалъ мѣры къ защитѣ сей части Государства, тогда какъ оную уже защищать надлежало. Одержанныя (въ Янв. 1655 г.) Поляками побѣды на Украинѣ подъ Гуманемъ, Охматовымъ и Ставищемъ, были безполезны: Литва оставалась безъ защиты, о новыхъ же усиліяхъ противъ Русскихъ не возможно было думать, потому, что въ Великой Польшѣ явился новый непріятель.

Карлъ Густавъ, новый Шведскій Король, увѣренный Радзѣевскимъ, что легко было овладѣть Польшею при тогдашнихъ ея обстоятельствахъ, хотѣлъ уже начать войну; и лишь только Посолъ Іоанна Казиміра, Генрихъ Канaзиль, издалъ въ Стокгольмѣ протестъ противъ вступленія Густава на престолъ, то онъ немедленно и приступилъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Іоаннъ Казимиръ, увидѣвъ свою ошибку, послалъ въ Стокгольмъ Сендомирскаго Стольника Андрея Морштина для отвращенія новой бури отъ несчастнаго Отечества; но уже было поздно. Карлъ Гу-

ставъ не принялъ Посла; когда же прибыли въ Стокгольмъ Ленчицкій Воевода Янъ Лещинскій и Писарь Великаго Княжества Литовскаго Александръ Нарушевичь, онъ и съ ними едва согласился имѣть нѣкоторыя сношенія, и то лишь изъ приличія.

Шведскій Фельдмаршалъ Виттенбергъ съ 17.000 войска изъ Помераніи вступилъ въ Великую Польшу, и Воеводства Познанское и Калишское, возмущенные Радзѣевскимъ, немедленно (25 Іюля 1655 г.) покорились Шведамъ подъ Уйсцемъ. Карлъ Густавъ прибылъ съ свѣжимъ войскомъ и соединившись съ Виттенбергомъ при Конинѣ, въ станѣ подъ Коломъ объявилъ Польскому Послу Криштофу Пржіемскому, что онъ лично съ Іоанномъ Казиміромъ вступитъ въ переговоры въ Варшавѣ. Іоаннъ Казиміръ бѣжалъ изъ Столицы, и не могши, по причинѣ безпрерывныхъ дождей, дать сраженія при Чарнковѣ, лишился всякой надежды и въ отчаяніи ушелъ въ Краковъ, а оттуда въ Глогау, въ Опольское Княжество, которое находилось у него въ залогѣ. Оттуда онъ переѣхалъ въ Ополь, гдѣ и пробылъ довольно долгое время: (до 9 Янв. 1656 г). Несчастный Король Польскій имѣлъ причину отчаяваться: большая часть Литвы находилась въ рукахъ Русскихъ, и вражда между Янусомъ Радзивилломъ и Викентіемъ Госѣвскимъ не подавала больше никакой надежды

къ защитѣ сей страны. Князь Янусъ Радзивиллъ оставилъ даже Вильно и наконецъ самъ, (10 Августа 1655 г.) отдался подъ покровительство Швеціи, по договору въ Кейданахъ съ Графомъ Магнусомъ Делагарди; а Русскіе (8 Августа) вступили въ Вильну, беззащитную Столицу Великаго Княжества, которую, равно какъ и весь Литовскій край, совершенно разорили. Козаки, послѣ Туманской битвы, вмѣстѣ съ Русскими осадили Львовъ и даже до Люблина опустошили Малую Польшу. Наконецъ и мужественный Кіевскій Кастелланъ Станиславъ Чарнѣцкій не защитилъ Кракова (56) отъ Шведовъ, а Полевой Коронный Гетманъ Станиславъ Ланцкоронскій и Коронный Хорунжій Александръ Конецпольскій, разбитые Шведами подъ Войничемъ, принуждены были имъ покориться и учинить присягу въ вѣрности.

Карлъ Густавъ думалъ, что онъ уже Король Польскій. Воеводства покорялись ему одно за другимъ. Одна только Королевская Пруссія не была еще въ его власти,—Пруссія, которую Канцлеръ Густава Адольфа Аксель Оксенштирна, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, совѣтовалъ завоевать, хотя бы даже и съ оставленіемъ на тотъ разъ Нѣмецкой войны, по тому уваженію, что край сей былъ бы для Шведскаго Короля важнѣе самой Швеціи. Но, сверхъ чаянія, Пруссія пребыла вѣрною

Іоанну Казиміру, и даже когда Прусское Рыцарство хотѣло принять залоги Курфирста Брандебургскаго Фридриха Вильгельма Великаго, города воспротивились тому изъ опасенія, чтобы Фридрихъ не присталъ къ сторонѣ Шведовъ, что въ послѣдствіи и дѣйствительно сбылось. Карлъ Густавъ со всѣми своими силами двинулся изъ Малой Польши въ Пруссію, взявъ съ собою и Александра Конецпольскаго съ 7.000 войска. Въ увѣренности что онъ есть уже Государь всей Польши, на предложеніе Сендомирянъ собрать Сеймъ для избранія себя въ Короли и для обезпеченія на будущее время свободнаго избранія Государей, онъ отвѣчалъ, что „въ избраніи не „имѣетъ надобности: ибо по праву по„бѣды онъ можетъ быть и дѣйствительно „есть Королемъ народа Польскаго, и един„ственно мечу своему“, — при семъ онъ положилъ на оный руку, — „обязанъ полу„ченіемъ Польскаго престола.„ Не смотря на желаніе Короля Шведскаго удержать войско въ дисциплинѣ и кротостію своею снискать любовь Поляковъ, — онъ не могъ не выказать стремленія своего къ неограниченному правленію, а безпрестанные успѣхи нарушали дисциплину въ его войскѣ.

Шведы начинали приходить въ ненависть, а сожалѣніе объ участи Іоанна Казиміра преклоняло къ нему сердца народа.

Въ Ополь съѣхалось къ нему множество Вельможъ Польскихъ, два Архіепископа и восемь Епископовъ. Но Король оставался въ недоумѣніи, что ему предпринять: ибо въ совѣтѣ его приверженцевъ голоса раздѣлились: одни совѣтовали принять предложеніе Карла Густава о признаніи его Наслѣдникомъ престола, другіе напротивъ того желали предоставить Австрійскому Дому право наслѣдованія. Король уже склонился бы на сторону первыхъ если бы не Королева Лудовика Марія: опасасаясь, чтобы онъ не внялъ убѣжденіямъ Шведскаго Посла Шлиппенбаха, она всячески препятствовала имъ видѣться другъ съ другомъ на единѣ. Наконецъ Австрійская партія превозмогла. Ленчицкій Воевода Янъ Лещинскій былъ посланъ къ Императору Фердинанду III съ просьбою о помощи, съ предложеніемъ права наслѣдованія престола и съ предоставленіемъ въ залогъ значительныхъ областей, какъ то: Воеводствъ Краковскаго и Сѣрадскаго, и Староствъ Самборскаго и Живецкаго. Посолъ усомнился дѣлать столь великія предложенія, и объяснилъ Императору однѣ лишь невыгоды, какія можетъ имѣть Австрія отъ перевѣса Швеціи; на сіе ему отвѣчали, что Императоръ не можетъ для защиты Польши подвергаться очевидной опасности. Между тѣмъ во время пребыванія Карла Густава въ Пруссіи дѣла приняли иной оборотъ.

Ченстохово не хотѣло принять Шведскаго гарнизона и защищалось отъ осады Шведскаго Генерала Бурхарда Миллера съ великимъ вредомъ для Шведовъ. При сей защитѣ Пріоръ ордена Паулиновъ Августинъ Кордѣцкій одушевлялъ всѣхъ мужествомъ и вмѣстѣ съ Сѣрадскимъ Мечникомъ Ѳомою Замойскимъ-Рожицкимъ и съ двоюроднымъ братомъ Стефана Чарнецкаго, Петромъ Чарнецкимъ, дѣлалъ всѣ приготовленія къ оборонѣ. Надежда воскресла въ сердцахъ Поляковъ; духъ народный, упавшій отъ столькихъ бѣдствій, ожилъ снова. Всѣ частныя распри на сей разъ были забыты. Краковскій Воевода и Великій Коронный Гетманъ Станиславъ Потоцкій, Русскій Воевода и Полевой Гетманъ Станиславъ Ланцкоронскій, Черниговскій Воевода Крыштофъ Тишкѣвичь, Обозный Андрей Потоцкій, Городельскій Староста Станиславъ Сташевскій, Луковскій Судья Станиславъ Домашевскій и иные составили въ Тишовцѣ (29 Дек. 1655 г.) (57) конфедерацію, къ которой сначала пристало войско, а потомъ и Дворянство. Какъ Станиславъ Ланцкоронскій былъ учредителемъ сего союза, такъ Кіевскій Кастелланъ Стефанъ Чарнецкій и Великій Коронный Маршалъ Юрій Любомирскій были душею онаго: они наиболѣе наносили вреда Шведамъ въ Малой Польшѣ, между тѣмъ какъ Подляшскій Воево-

да Петръ Опалинскій вооружился на нихъ въ Великой Польшѣ.

Возникшее между Хмѣльницкимъ и Россіею несогласіе было причиною того, что Львовъ не сдался осаждающимъ. Доходило до того, что самъ Хмѣльницкій и многіе козаки уговаривали Львовцевъ къ упорной защитѣ: ибо козаки начали сожалѣть о томъ, что отдались въ подданство Россіи. Конфедераты (58) препроводили Іоанна Казиміра чрезъ Карпатскія горы, чрезъ Любомль, на Кросно и Ланцутъ въ Львовъ (1656 г.), куда Александръ Вольфъ, бывшій потомъ Игумномъ Пеплинскимъ, привезъ благополучно и Государственныя сокровища (59). Желая вѣрою въ Провидѣніе защитить отечество, Король Іоаннъ Казиміръ укрѣпился духомъ и поручилъ себя и свое Королевство покровительству Пресвятыя Богородицы, которая чудеснымъ образомъ защитила Ченстохово. Львовъ назначенъ резиденціею Короля и Столицею Государства, впредь до возвращенія потерянныхъ областей. Никогда политика не порицала призыванія помощи Божіей на защиту праваго дѣла; но порывы фанатизма всегда достойны порицанія. Іоаннъ Казиміръ запятналъ свой благочестивый поступокъ духомъ гоненія. Дѣлая обѣтъ избавить народъ отъ всякаго преслѣдованія за Вѣру, онъ въ то же время далъ обѣщаніе обращать иновѣрцевъ

въ Латинскій обрядъ. Прежде всего намѣревался онъ изгнать изъ Государства или Жидовъ, или Аріанъ.—

Татары отступились отъ козаковъ, лишь только узнали о связяхъ ихъ съ Россіею, и Хмѣльницкій далъ имъ слово подъ Езѣрною не воевать болѣе противъ Короля. Но Польша опять увидѣла въ немъ врага своего.—Послѣ ничтожныхъ сшибокъ Курфирстъ Брандебургскій Фридрихъ Вильгельмъ присталъ на сторону Карла Густава, по заключенному въ Королевцѣ трактату, гдѣ Король Шведскій сверхъ Брунсберга обѣщалъ ему и Вармію. Въ Королевской Пруссіи только Данцигъ, Пуцкъ и Маріенбургъ не были еще заняты Шведами. По полученіи извѣстія о возвращеніи Іоанна Казиміра въ Польшу, Карлъ Густавъ, оставивъ осаду Маріенбурга, двинулся съ 10.000 конницы въ Малую Польшу, гдѣ хотя онъ (18 Іюля 1656) и разбилъ подъ Голембемъ Кіевскаго Кастеллана Стефана Чарнецкаго; но всѣ дальнѣйшія его усилія остались безуспѣшными. Янъ Замойскій, внукъ Великаго Замойскаго, защитился въ Замостьѣ, Перемышль укрѣпился, а остальное войско, находившееся съ Конецпольскимъ у Шведовъ, пристало къ сторонѣ Іоанна Казиміра. Одержавъ побѣду подъ Сендомиромъ, Король Шведскій съ величайшею для особы своей опасностію едва могъ возвратиться въ Пруссію.

Война въ Пруссіи и въ Великой Польшѣ длилась съ перемѣннымъ счастіемъ: Чарнецкій иногда билъ Шведовъ въ Польшѣ; въ Литвѣ же Госѣвскій истребилъ десять Шведскихъ полковъ нечаянным нападеніемъ въ квартирахъ; между тѣмъ Царь Алексій Михайловичь, не равнодушно взиравшій на торжество Шведовъ, осадилъ Ригу, и при посредствѣ Императора Фердинанда III заключилъ въ Вильнѣ перемиріе съ Іоанномъ Казиміромъ. Король Польскій (1 Іюля 1656.) взялъ обратно у Шведовъ Варшаву, а Чарнецкій Піотрковъ. Курфирстъ Брандебургскій, прельщенный новымъ Маріенбургскимъ трактатомъ, по коему Польская Пруссія долженствовала содѣлаться независимою, объявилъ себя противъ Польши. Соединясь съ Брандебургцами, Шведы, послѣ трехдневной битвы (18 Іюля) одержали новую побѣду подъ Прагою; послѣ чего Варшава вторично досталась Шведамъ, которые ограбили оную и истребили всѣ укрѣпленія. Іоаннъ Казиміръ, не видя за собою погони, въ скоромъ времени собралъ новыя силы въ Люблинѣ, между тѣмъ какъ опасность, коей подвергалась Ливонія, обратила на оную все вниманіе Карла Густава; а Курфирстъ долженъ былъ наблюдать за дѣйствіями Госѣвскаго въ Литвѣ. Шведскій Генералъ Павелъ Вирцъ довольно удачно защищалъ Краковъ, но Поляки брали верхъ на всѣхъ прочихъ пунктахъ.

Среди таковыхъ обстоятельствъ Франція совѣтовала имъ заключить миръ съ Шведами; Австрія напротивъ того желала продолженія войны, доказывая, что выгоднѣе помириться съ Россіею. Король опять былъ въ недоумѣніи; но посредствомъ Духовенства Австрійская партія превозмогла вторично, не смотря на то, что Королева весьма тому противилась, будучи недовольна Императоромъ Фердинандомъ III, который не соглашался ни одной изъ ея племянницъ выдать въ замужство за сына своего Леопольда. — Изъ 30 тысячнаго Шведскаго войска оставалось уже не болѣе 7.000; при всемъ томъ Карлъ Густавъ не терялъ надежды успѣшно кончить войну, зная, что Король Польскій по большей части дѣйствуетъ не по собственной волѣ, но по вліянію другихъ. Въ сей надеждѣ утверждалъ его наипаче новый врагъ Польши, Седмиградскій Князь Рагоцій, который (1657) вступилъ въ Королевство съ 60.000 войска. Королева Лудовика Марія обнадеживала его въ наслѣдованіи престола послѣ Іоанна Казиміра, если онъ женитъ сына своего на ея племянницѣ; но онъ, зная, что сего не льзя иначе привести въ исполненіе, какъ перемѣнивъ Вѣру Ка́львинскую на Католическую, прекратилъ всякія о томъ сношенія, и взирая на ослабленную Польшу какъ на вѣрную добычу, послѣдовалъ убѣж-

деніямъ Шведовъ и взялся за оружіе.—Павелъ Вирцъ, Шведскій Комендантъ въ Краковѣ, отразилъ Юрія Любомирскаго; Король Шведскій съ 7.000 Шведовъ и 3.000 Брандебургцевъ прибылъ въ Малую Польшу и соединился съ Рагоціемъ при Опатовѣ; но поелику Данія явно и Австрія тайно готовились къ войнѣ съ Швеціею, то онъ и не могъ тамъ долго оставаться. Рагоцій же, увидѣвъ, что не такъ легко овладѣть Польшею, какъ онъ предполагалъ, уже терялъ охоту къ войнѣ. Юрій Любомирскій съ одной, а Австрійскіе Венгерцы, подъ предводительствомъ Венгерскаго Воеводы Весселинія съ другой стороны вторгнулись въ Седмиградское Княжество, между тѣмъ какъ Польскій Посолъ Яскульскій исходатайствовалъ въ Царѣградѣ повелѣніе Рагоцію выступить изъ Польши, а Татарамъ помогать оной. И такъ всѣ успѣхи Рагоція ограничились занятіемъ бывшихъ почти безъ всякой защиты Бреста Литовскаго и Варшавы. Венгерское войско оставило повсюду слѣды своего хищничества и жестокости; а въ Брестѣ и Шведы подражали гнусному ихъ примѣру. — По отбытіи Шведовъ въ Данію, которая въ то время объявила войну Карлу Густаву, половина Седмиградскаго войска,—состоявшаго изъ людей разныхъ націй, даже враждебныхъ между собою,—разошлась въ разныя стороны и у Рагоція оставалось не бо-

лѣе 30.000. Неопытный вождь, вмѣсто того, чтобъ поспѣшить въ свое Княжество, какъ совѣтовали ему Шведы, пошелъ на Волынь, гдѣ оставленъ былъ козаками, подъ Мендзибожемъ на Дѣразнѣ, и гдѣ пресѣкли ему путь Коронные Гетманы Станиславъ Потоцкій, Юрій Любомирскій (60) и Стефанъ Чарнецкій, бывшій уже тогда Воеводою Русскимъ, съ 10.000 войска, утружденнаго далекимъ походомъ, безъ пушекъ и почти безъ аммуниціи. Потоцкій и Любомирскій, только что возвратившійся изъ Седмиградскаго Княжества, намѣревались избѣгнуть сраженія, давъ пропускъ Рагоцію согласно съ желаніемъ Короля, или лучше сказать Королевы; но Чарнецкій сему воспротивился и (23 Іюля 1657) принудилъ Седмиградскаго Князя къ весьма тяжкимъ условіямъ: 1) за внесеніе войны въ предѣлы Польши извиниться предъ Королемъ Польскимъ и Оттоманскою Портою; 2) возвратить всю награбленную добычу; 3) въ Королевскую казну внести 400.000 талеровъ въ пользу войска Польскаго; 4) Хану уплатить нѣкоторую сумму денегъ; 5) прекратить всѣ сношенія съ врагами Польши. — Разнесшійся слухъ, что Король Польскій съ пришедшимъ на помощь ему Австрійскимъ войскомъ идетъ на Рагоція, убѣдилъ его согласиться на помянутыя тягостныя условія. При возвращеніи его домой, Татары сдѣлали на него нападеніе

и плѣнили болѣе 11.000 человѣкъ изъ его войска. Такимъ-то образомъ кончились высокомѣрные замыслы Рагоція, который думалъ раздѣлить Польшу съ Шведами и Россіею, т. е. предназначая Шведамъ Пруссію и Великую Польшу, Россіи Заднѣпровскія страны и Украину, а себѣ Литву и Малую Польшу.

Юный Императоръ Леопольдъ I, по кончинѣ Фердинанда III, (2 Апр. 1656) подтвердилъ заключенный отцемъ его въ Вѣнѣ трактатъ (61), по силѣ котораго онъ отправилъ на помощь къ Іоанну Казиміру 17.000 войска подъ начальствомъ Графа Мелхіора Гатцфельда, но съ весьма дорогою за сіе платою 500.000 злотыхъ Рейнскихъ единовременно впередъ и по 300.000 ежегодно, пока продолжится война; въ обезпеченіе исправнаго платежа отданы подъ залогъ соляныя копи. Кромѣ того Польша обязалась безъ вѣдома и воли Императора ни съ какою Державою, а наипаче съ Швеціею, мира не заключать; Виленскаго перемирія съ Россіею, заключеннаго при посредничествѣ Австріи, не нарушать; принять посредничество Австріи о козакахъ; всѣхъ враговъ Императора Леопольда I считать своими врагами; съ Даніею и Брандебургомъ вступить въ союзъ; наслѣдникомъ Іоанна Казиміра избрать одного изъ Эрцгерцоговъ, а въ залогъ точнаго исполненія таковаго обременительнаго обязательства отдать Австріи Краковъ,

Познанъ и Торунь.—Между тѣмъ Курфирстъ Брандебургскій, надѣясь получить значительную часть Великой Польши и Вармiи, пребывалъ въ союзѣ съ Швецiею; но когда возгорѣлась Датская война и счастiе начало измѣнять Карлу Густаву, то и онъ поколебался въ дружбѣ къ Шведамъ, тѣмъ болѣе, что наслѣдственныя его владѣнiя уже почувствовали тяжесть войны. Петръ Опалинскiй нечаяннымъ вторженiемъ въ Мархiю вынудилъ у тамошняго Правительства обѣщанiе склонить своего Государя къ миру и не давать ему никакой помощи для продолженiя войны. Въ тоже время, (8 Октября 1656) Викентiй Корвинъ Госѣвскiй, Полевой Гетманъ Литовскiй, поразилъ подъ Простками Шведовъ и Брандебургцевъ, предводимыхъ Графомъ Вальдекомъ и Шведскимъ Генераломъ Израилемъ: Королевецъ и вся Пруссiя затрепетали. Большая часть Дворянства расположена была въ пользу Короля Іоанна Казимiра и Курфирстъ имѣлъ основательную причину опасаться чтобъ не потерять Пруссiи. Но Госѣвскiй, вмѣсто того чтобъ продолжать военныя дѣйствiя, заключилъ перемирiе на три мѣсяца, безъ вѣдома Короля и Чиновъ, заботясь единственно о безопасности семейства своего, бывшаго въ Королевцѣ, и вскорѣ послѣ того самъ при Габѣ пораженъ былъ Шведомъ Стеенбокомъ. —Курфирстъ Брандебургскій, по трактату

съ Карломъ Густавомъ обезпечившій независимость отъ него Пруссіи и Вармiи, при перемѣнѣ счастія началъ уже скучать войною съ Польшею.

Фридрихъ Вильгельмъ Великій былъ Государь предусмотрительный, властолюбивый; умѣвъ пользоваться всякимъ обстоятельствомъ, онъ содѣлался творцемъ величія Прусской Монархіи; у него всегда были деньги, никогда не было недостатка въ войскѣ; онъ былъ столь же опытный полководецъ и воинъ, сколько искусный политикъ и дипломатъ: доказательствомъ сему послѣднему можетъ служить то, что когда при заключеніи Вестфальскаго мира онъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи, то не только не понесъ никакой потери, но еще напротивъ того много выигралъ. Ему удалось получить отъ Шведовъ и отъ легкомысленной Королевы Христины ближайшую Померанію, уступивъ права свои на дальнѣйшую; сверхъ того онъ пріобрѣлъ право на Архіепископство Магдебургское и Епископства Галберштадское, Минденское и Каминское. Тотъ же Курфирстъ Брандебургскій, по видимому вѣрный Шведамъ, но другъ ихъ только для собственной пользы, не упуская изъ виду перевѣса Австрійскаго Дома, бывшаго въ тягость родителю его Георгу Вильгельму въ то время, когда Фердинандъ II при Валленштейнѣ имѣлъ заложенныя въ Мархіи земли,—не хотѣлъ чтобъ Великая Польша

досталась Австріи, для того ли чтобъ не быть съ нею въ сосѣдствѣ, или же потому, что онъ болѣе благопріятствовалъ Полякамъ нежели Австрійцамъ. Въ слѣдствіе сего онъ самъ приказалъ Фельдмаршалу своему Дерфлингеру уступить Полякамъ Познань и иные города, прокладывая себѣ такимъ образомъ дорогу къ миру съ Государемъ Польскимъ, съ которымъ до того времени велъ войну. Въ самомъ дѣлѣ Вармійскій Епископъ Вацлавъ Лещинскій,—при посредничествѣ Леопольда I, со стороны котораго дѣйствовалъ Австрійскій Посолъ Баронъ де Лисоль, — (19 Сент. 1657 г.) заключилъ съ нимъ миръ, на основаніи котораго Герцогская Пруссія содѣлалась вовсе независимою отъ Польши, а трактатъ Велявскій возобновленъ въ Бидгощѣ. Курфирстъ Брандебургскій пріобрѣлъ также Битовъ и Лавенбургъ въ Помераніи въ ленное владѣніе на томъ же основаніи, на какомъ владѣли оными Померанскіе Князья; городъ Элбингъ съ его округомъ обѣщано дать ему въ залогъ за 400.000 талеровъ, и если бы заемъ 120.000 талеровъ не былъ чрезъ три года уплаченъ, то онъ имѣлъ право занять Драгимское Старостство. За сей столь выгодный миръ Курфирстъ Брандебургскій обѣщалъ объявить войну Карлу Густаву, счастливо воевавшему въ Даніи, а Польшѣ предоставилъ владѣть Герцогскою Пруссіею по пресѣченіи

Брандебургскаго Дома, и обѣщалъ для каждой ея войны выставлять на помощь 1.500 человѣкъ пѣхоты и 500 кавалеріи. Въ настоящую же войну Курфирстъ хотѣлъ къ Польскимъ войскамъ присоединить 6.000 своего.—

Сеймъ 1658 г., обезславившій себя изгнаніемъ Аріанъ, на которомъ нѣкоторые фанатики предлагали даже изгнать изъ Государства всѣхъ вообще жителей, не принадлежавшихъ къ Католической Вѣрѣ, — утвердилъ всѣ планы противъ Шведовъ въ полной надеждѣ, что всѣ обѣщанія, обнадеженныя толикими со стороны Польши пожертвованіями, непремѣнно будутъ исполнены. —

Оказалось, что Австрійское пособіе было только причиною продолженія войны: ибо Гатцфельдъ для того единственно пришелъ къ Кракову, чтобы Вирцу, по оказаніи ему множества вѣжливостей, предоставить удалиться въ Померанію (30 Авг. 1657 г.). Наконецъ съ трудомъ дошло дѣло до осады и взятія Торуня симъ Австрійскимъ войскомъ, которое, чтобъ не расторгнуть Вестфальскаго мира съ Швеціею, называлось не Австрійскимъ, но Венгерскимъ. Король Польскій имѣлъ надъ симъ войскомъ, какъ наемнымъ, верховную власть; однако же Австрійцы повиновались ему не иначе какъ по наставленіямъ Вѣнскимъ. Поелику же Франція и Швеція были противъ Австріи, то польза Вѣнскаго

Двора требовала продлить войну въ Польшѣ. По сей-то причинѣ и Курфирстъ Брандебургскій, великій врагъ Франціи, убѣжденъ былъ Австріею объявить себя со стороны Польши и защищать съ сѣвера Австрію отъ Франціи. — Но по объявленіи независимости Пруссіи, онъ отнюдь не спѣшилъ участвовать въ войнѣ, и не помышлялъ о выставкѣ 6.000 Брандебургцевъ въ пособіе Полякамъ; впрочемъ тогда и Шведовъ не много оставалось въ Польшѣ; Австрійскія же войска въ Великой Польшѣ и въ Польской Пруссіи до такой степени сдѣлались обременительны, что Краковскій Каноникъ Андрей Ольшевскій на Коронаціонномъ Сеймѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ 1658 г. торжественно просилъ Леопольда I о выводѣ оныхъ изъ Польши. За таковую-то помощь, приведенную Австрійскими Полководцами Гатцфельдомъ и Монтекукулли, Краковскія соляныя копи оставались въ рукахъ Австрійцевъ даже до временъ Фридриха Августа II, а бѣдный Іоаннъ Казиміръ не зналъ что дѣлать: мириться ли съ несправедливымъ непріятелемъ или продолжать пользоваться дорогою дружбою безполезныхъ союзниковъ: ибо и самое Дворянство, выходя изъ терпѣнія, грозило силою противиться поведенію сихъ тягостныхъ гостей, коихъ Офицеры прибыли въ Польшу съ женами и распо-

ложились на обывательскихъ квартирахъ, какъ бы въ собственныхъ помѣстьяхъ.

Польская Королева Лудовика Марія, болѣе благопріятствуя Франціи нежели Польшѣ, думала единственно о пользахъ Франціи и о возведеніи на Польской престолъ будущаго супруга племянницы своей или котораго либо изъ Принцевъ Французскаго Дома. Ненависть ея къ Австрійскому Дому заставила ее даже ѣхать въ Берлинъ съ обѣщаніемъ предоставить наслѣдство одному изъ сыновей Курфирста Брандебургскаго; но зная уже, что Королевѣ не льзя было слишкомъ довѣрять, и сверхъ того имѣя личное неудовольствіе къ Лудовику XIV,—онъ не хотѣлъ отстать отъ союза съ Австріею, и рѣшительно отказался отъ содѣйствія видамъ Королевы. Война Шведская продолжалась безъ всякой пользы для Польши. Братъ Карла Густава, Фридрихъ Адольфъ Пфальцграфъ Цвейбрикскій, защищалъ часть Польской Пруссіи, занятую Шведами. Стефанъ Чарнецкій надѣялся сожженіемъ въ Помераніи до 600 селъ и мѣстечекъ (1657 г.) выжить оттуда Шведовъ; но, будучи оставленъ союзниками, онъ долженъ былъ самъ выступить изъ оной. Дѣйствія Госѣвскаго при осадѣ Риги (1658 г.) были неудачны. Чарнецкій, посланный на помощь Датскому Королю Фридриху III (62) въ Голстинію съ 6.000 войска, хотя и покрылся незабвенною славою въ

семъ походѣ, за который самъ Датскій Король писалъ къ нему благодарственное письмо; однакожъ и сіи подвиги не заставили Шведовъ выступить изъ Западной Пруссіи, гдѣ наконецъ съ великимъ трудомъ (29 Дек. 1658 г.) взятъ Торунь. — Королева Марія Лудовика, убѣдивъ Короля принять посредничество Франціи, дала союзникамъ благовидный предлогъ къ бездѣйствію; между тѣмъ война все еще длилась съ перемѣннымъ счастіемъ, а Польское войско, не получая жалованья, составило военный союзъ или Конфедерацію, и почти все вышло изъ Пруссіи для полученія себѣ вознагражденія въ Королевскихъ имѣніяхъ. Штетинскій Губернаторъ Павелъ Вирцъ воспользовался симъ случаемъ для опустошенія Королевской Пруссіи нечаяннымъ вторженіемъ въ оную изъ Помераніи, въ то самое время когда Курфирстъ Брандебургскій съ Императорскимъ Генераломъ Монтекукулли, Русскимъ Воеводою (63) Стефаномъ Чарнецкимъ и Воеводою Подляшскимъ Петромъ Опалинскимъ воевалъ въ Голстиніи противъ Шведовъ.

Царь Алексій Михайловичь съ нетерпѣніемъ ожидая обѣщаннаго преемничества послѣ Іоанна Казиміра, возобновилъ войну въ Литвѣ, когда козацкій Гетманъ Виговскій присталъ было къ сторонѣ Польской. Госѣвскій, Полевой Гетманъ Великаго Княжества Литовска-

го, подъ предлогомъ переговоровъ остававшiйся въ станѣ подъ Вильною, не послѣдовалъ совѣту Павла Сапѣги, Виленскаго Воеводы и Великаго Гетмана, и взятъ въ плѣнъ, а большая часть Литвы, Вильно, Гродно, Троки, Минскъ, достались Русскимъ еще во время продолженiя войны съ Шведами; Карлъ Густавъ съ своей стороны грозилъ возвратиться въ Польшу, не смотря на всѣ постигшiя его несчастiя, дабы взять обратно то, что онъ утратилъ, или же потерять совершенно все. Юрiй Любомирскiй, Великiй Маршалъ и Полевой Коронный Гетманъ и Коронный Хорунжiй Янъ Собѣскiй съ 15.000 войска, пришедши въ Королевскую Пруссiю, заняли всѣ завоеванныя Шведами города, кромѣ Марiенбурга, Штума и Элбинга. Наконецъ смерть Карла Густава (64) открыла дорогу къ миру, о заключенiи котораго Польская Королева, хотя и не имѣя въ виду выгодъ самой Польши, старалась всѣми мѣрами, и для того приняла посредничество Францiи (1658 г.) — Обстоятельство сiе до такой степени раздражило Императора Леопольда, что съ того времени онъ началъ явно благопрiятствовать Россiи. Миръ заключенъ въ монастырѣ Оливѣ (3 Маiя 1660 г.). Сѣверная Ливонiя, какъ было при Густавѣ Адольфѣ, осталась за Швецiею, а Южная или Воеводство Динабургское за Польшею. Король Польскiй отрекся отъ всѣхъ при-

тязаній на Швецію, а Шведы отказались отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Пруссіи и Литвѣ. Титулъ Короля Шведскаго Іоаннъ Казиміръ оставилъ за собою только до конца своей жизни, и то съ условіемъ: не употреблять онаго въ бумагахъ, посылаемыхъ въ Швецію.

Миръ съ Швеціею и происшествія на Украинѣ представили удобную пору къ возвращенію земель, завоеванныхъ Россіею. Богданъ Хмѣльницкій умеръ въ Чигиринѣ (15 Авг. 1657); шестинадцатилѣтній сынъ его Юрій Хмѣльницкій (Хмѣльниченко) еще не былъ способенъ наслѣдовать Гетманскую булаву, которая посему досталась Ивану Виговскому, замышлявшему отдать снова Украину Королю Польскому. Хотя Царскій Намѣстникъ въ Кіевѣ Богданъ Матвѣевичь Хитровъ, имѣвшій достаточное число войска, производилъ въ Гетманы Мартина Пушкаренко и иныхъ козаковъ, но Виговскій всегда бралъ верхъ надъ своими противниками, и съ Польскими Коммиссарами: Кастелланами, Волынскимъ Станиславомъ Бенѣвскимъ и Смоленскимъ Казиміромъ Евлашовскимъ (16 Септ. 1658) заключилъ торжественный договоръ въ Гадячѣ слѣдующаго содержанія:

„1) Греческому Исповѣданію пользоваться совершенною свободою какъ въ Польшѣ, такъ и Литвѣ, и послѣдователей „онаго допускать ко всѣмъ должностямъ;

„2) Построеніе Уніатскихъ церквей воспре-
„щается; люди же Латинскаго обряда бу-
„дутъ пользоваться свободою вѣроисповѣ-
„данія въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлав-
„скомъ и Черниговскомъ, съ тѣмъ однако,
„чтобы владѣльцы, принадлежащіе къ сему
„обряду, не были въ правѣ судить людей,
„принадлежащихъ къ Православной Греческой
„Церкви; 3) Кіевскому Митрополиту засѣ-
„дать въ Сенатѣ ниже Архіепископа Львов-
„скаго, а Владыкамъ Луцкому, Львовскому, Пе-
„ремышльскому, Хелмскому, Мстиславскому
„ниже Латинскихъ Епископовъ тѣхъ же Епар-
„хій; 4) Достоинство Сенаторское въ Кіев-
„скомъ Воеводствѣ предоставляется только
„Дворянству Православнаго Исповѣданія, а въ
„Брацлавскомъ и Черниговскомъ попеременно
„Дворянству той и другой Вѣры; 5) Гражда-
„намъ обрядовъ Греческаго и Латинскаго
„имѣть одинаковыя права; 6) въ Кіевѣ или
„иномъ какомъ городѣ учредить Академію,
„въ которой Аріане, Кальвинисты и Лю-
„теране не должны имѣть ни учите-
„лей, ни учениковъ. Открытіе Гимназіи,
„школъ и Типографіи будетъ невозбранно.
„Для предупрежденія всякихъ раздоровъ, Его
„Королевское Величество всѣ школы иныхъ
„Исповѣданій переведетъ въ другія города; 7)
„будетъ объявлено всеобщее прощеніе. Права
„на выморочныя имѣнія останутся недѣй-

„ствительными; 8) Республика народовъ Поль-„скаго, Литовскаго и Русскаго остается въ „прежнихъ предѣлахъ; 9) Запорожскаго войска „будетъ 30.000, или сколько онаго Гетманъ „Русскій, т. е. Козацкій или Запорожскій „имѣть разсудитъ. Онъ можетъ также со-„держать 10.000 наемнаго войска; 10) въ „трехъ Русскихъ Воеводствахъ ни Польскимъ „ни Литовскимъ войскамъ не имѣть по-„стояннаго пребыванія; если же онымъ слу-„чится быть тамъ для помощи козакамъ, то „Гетманъ Русскій имѣетъ надъ ними главное „начальство; 11) Гетманъ Русскій въ правѣ „жаловать Дворянство; 12) Козаки свобод-„ны отъ всякихъ податей какъ Королев-„скимъ Чиновникамъ, такъ и помѣщикамъ; „13) Русскимъ Гетманомъ останется Иванъ „Виговскій. По его смерти козаки изберутъ „четырехъ Кандидатовъ, изъ числа которыхъ „Король наименуетъ одного Гетманомъ; 14) „будетъ въ Кіевѣ Монетный дворъ; 15) плава-„ніе по Черному морю будетъ свободно для „трехъ народовъ: Польскаго, Литовскаго и „Русскаго; 16) козакамъ позволяется имѣть „своихъ Хранителей печатей, Маршаловъ и „Подскарбіевъ съ Сенаторскимъ достоин-„ствомъ; 17) Судопроизводство и иныя права „и преимущества останутся совершенно от-„дѣльными отъ Литовскихъ и Коронныхъ.“

Такова была сущность Гадячскаго договора,

по силѣ котораго три Украинскіе Воеводства должны были, подобно Литвѣ, получить особое управленіе, и изъ двухъ народовъ, составлявшихъ дотолѣ Государство, должны были составиться три народа, каждый на собственныхъ своихъ правахъ. Но поелику Виговскій сдѣланъ былъ Кіевскимъ Воеводою, и пріобрѣлъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Старостива Любомское и Барское, при чемъ множество козаковъ получило Дворянское достоинство, то по сему случаю немалая часть козацкой черни начала питать къ нему зависть. Не смотря на побѣду подъ Конотопомъ, (17 Іюля 1659) при помощи 3.000 Поляковъ, приведенныхъ Обознымъ Андреемъ Потоцкимъ и Коронным Стражникомъ Станиславомъ Яблоновскимъ, одержанную Виговскимъ надъ Россійскими Князьями Трубецкимъ, Ромодановскимъ и Пожарскимъ, — Россія снова начала брать перевѣсъ, потому, что почти вся Литва была опять въ ея рукахъ и она съ Шведами находилась въ мирѣ. Россіяне провозгласили Гетманомъ Юрія Хмѣльницкаго; назначенный при немъ, по причинѣ его малолѣтства, Наказный Гетманъ Иванъ Цецюра повсюду побѣждалъ и наконецъ Виговскому ничего болѣе не оставалось, какъ бѣжать въ Баръ и просить у Короля помощи. — Новая побѣда надъ Россіянами, одержанная Чарнецкимъ въ Литвѣ подъ Ляховицами (26 Іюня

1660), измѣнила ходъ дѣлъ. Шереметевъ, помышлявшій о взятіи Кракова, и осадившій въ Дубнѣ Короннаго Гетмана Станислава Потоцкаго, уже долженъ былъ думать о собственной защитѣ, будучи осажденъ въ Любартовѣ на Волыни (17 Сент. 1660). Бѣжавъ оттуда ночью, онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ Польскими войсками подъ начальствомъ Станислава Понятовскаго и Юрія Любомирскаго, и (1 Окт.) долженъ былъ сдаться на капитуляцію, по которой все Россійское войско, кромѣ 300 человѣкъ, положило оружіе, а Россія должна была отказаться отъ всѣхъ правъ на земли козаковъ. Но Татары, напавъ на возвращавшееся въ Россію безоружное войско, часть онаго истребили, часть увели въ рабство, не смотря на сопротивленіе сопровождавшаго оное Польскаго конвоя. При семъ несчастномъ случаѣ Россіяне лишились до 36.000 человѣкъ.

Между тѣмъ (18 Сент.) Юрій Хмѣльницкій, подвергшійся неожиданному нападенію Любомирскаго, долженъ былъ сдаться на капитуляцію. Содержаніе ея было слѣдующее: „1) Гадячскій договоръ оставляется въ своей „силѣ, кромѣ условій въ разсужденіи Русскаго „Княжества; 2) козаки обратятъ оружіе противъ Россіи и помирятся съ Татарами; 3) „Цецюрѣ и полкамъ Нѣжинскому и Черниговскому

„скому объявить прощеніе, если они приста-
„нутъ къ сему договору.“

Такимъ образомъ и Литва была освобождена и Украина снова поступила во владѣніе Польши. Но недостатокъ въ деньгахъ и неудовлетвореніе Польскаго войска жалованьемъ не позволили воспользоваться сими счастливыми событіями. Королева Марія Лудовика, желая обезпечить наслѣдство Генриху Юлію, Герцогу Энгіенскому, единственному сыну Великаго Конде, (будущему супругу своей племянницы Пфальцграфини Анны Генріетты Юліаны), ниспровергла хитростію своею всѣ Королевскія предначертанія. Достопамятная рѣчь Іоанна Казиміра на Сеймѣ, (4 Іюля) какъ бы пророческимъ духомъ предвѣщавшаго величайшія бѣдствія для Государства, была принята весьма холодно: ибо всѣ знали слабость его къ Королевѣ, которая заставляла его говорить то, что ей было угодно. Равномѣрно не обращено вниманія на его пророческія слова (4 Іюня 1661 г.): „*Utinam sim falsus vates!* (О, еслибъ я былъ ложнымъ предвѣщателемъ!) но нѣтъ сомнѣнія, что безъ таковаго избранія (т. е. при жизни Короля) Польша содѣлается жертвою чужихъ народовъ (veniet in direptionem gentium): Россія и Польская Русь destinabunt (назначатъ) для себя Великое Княжество Литовское; Брандебургцу *patebit* (открыта будетъ) Великая

Польша, и онъ или условится со Шведами о владѣніи Пруссіею, или на своемъ *theatrum digladiabitur* (ѳеатрѣ мечемъ рѣшитъ дѣло); Домъ Австрійскій, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, *non deerit* (не оставитъ) искать своихъ выгодъ въ Краковѣ. Ибо каждый предпочтетъ имѣть частицу Польши *armis quaesitam* (по праву оружія), нежели владѣть цѣлымъ Королевствомъ, когда оно привиллегіями *contra principes tutam* (ограждено отъ власти Государей).“ (65)

Государственные Чины, имѣя въ виду только слабость Короля, забыли о его добрыхъ качествахъ и заслугахъ. Сенатъ и Послы раздѣлились на партіи, и гоненіе за Вѣру, подобно Лернейской гидрѣ, подняло ненавистную главу, ничѣмъ неодолимую. Іезуитъ Карватъ, который самъ долженъ былъ въ проповѣдяхъ своихъ въ Данцигѣ превозносить вѣрность сего города, не устыдился въ Варшавѣ возбуждать умы къ гоненію противъ Диссидентовъ. Сколь ни непріятно было сіе для Короля, однакожь несчастный Іоаннъ Казиміръ не лишалъ ни супруги своей, ни Іезуитовъ власти и вліянія надъ собою. Въ Польской Палатѣ отказано было въ мѣстѣ Князю Богуславу Радзивиллу, какъ Кальвинисту; и вмѣсто того, чтобъ изыскивать средства къ удовлетворенію войска, продолжались жаркія, неприличныя для Христіанъ распри о Вѣрѣ.

Земскіе Депутаты и Духовенство, болѣе думая о распространеніи Латинской Вѣры, нежели о благѣ Отечества, радовались изгнанію Аріанъ, приписывая всѣ успѣхи своего оружія сему поступку, за который Папа Александръ VII далъ Королю титулъ *orthodoxus* (*правовѣрный*). Между тѣмъ войско, не удовлетворяемое жалованьемъ, составило Конфедераціи, подобныя тѣмъ, какія были при Сигизмундѣ III. Новая побѣда подъ Глубокимъ и прибытіе Короля въ Литву въ надеждѣ перенести войну за Днѣпръ, остались безъ всякихъ слѣдствій, потому, что войску нечѣмъ было платить. Наконецъ Титъ-Ливій Боратини и Янъ Тимфъ надѣлали монеты самаго дурнаго достоинства и 9 милліоновъ оной выдано войску. Къ водворенію согласія въ войскѣ и къ удовлетворенію онаго наиболѣе содѣйствовали знаменитые Прелаты: въ Польшѣ Епископъ Куявскій Князь Флоріанъ Казиміръ Чарторискій, а въ Литвѣ Виленскій Епископъ Юрій Бялозоръ, пожертвовавшій церковнымъ серебромъ въ пользу Литовскаго войска, которое дошло до такой степени дерзости, что даже умертвило Гетмана Викентія Госѣвскаго и Маршала Жиромскаго.

Послѣ сего Король (13 Нояб. 1663) двинулся въ Украину и перешелъ чрезъ Днѣпръ. Но уже прошла пора къ возвращенію потеряннаго. Сынъ Богдана Хмѣльницкаго Юрій

постригся въ монахи въ Корсунѣ, а на его мѣсто получилъ отъ Короля булаву Павелъ Тетеря, Богдановъ зять; но Россіяне, подъ начальствомъ Князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, назначали другихъ Гетмановъ, какъ то: Самко и Ивана Брюховецкаго. Ни къ чему не послужили ни личная храбрость Короля, ни отличное мужество Стефана Чарнецкаго. Съ одной стороны Днѣпра возраставшее могущество Россіянъ, съ другой мятежный духъ козаковъ удерживали дальнѣйшія дѣйствія Польскаго оружія. Всѣ побѣды, увѣнчавшія Поляковъ славою (въ 1664) подъ Старымъ Млиномъ, Брянскомъ, Сѣверскимъ и Путивлемъ, остались вовсе безполезными. Король, не могши взять Глухова, возвратился въ Литву, а оставленный на Украинѣ Кіевскій Воевода Стефанъ Чарнецкій долженъ былъ думать не объ успѣхахъ своего оружія, но о прекращеніи мятежей. Впрочемъ, быть можетъ, онъ и успѣлъ бы еще перемѣнить обстоятельства, если бы междоусобная война не отвлекла часть его войска въ Великую Польшу и еслибъ онъ самъ не умеръ вскорѣ по полученіи меньшой булавы, доставшейся ему послѣ Юрія Любомирскаго, отставленнаго несправедливо. „Неоднократно говорилъ я—сказалъ 66 лѣтній старецъ, слабый тѣломъ, но еще бодрый духомъ—что Гетманская булава достанется мнѣ въ то время,

когда рука моя уже не способна будетъ владѣть саблею. Но если Богъ возвратитъ мнѣ здоровье, я оправдаю оказанную мнѣ Его Королевскимъ Величествомъ милость; если же умру, то пусть сія булава украситъ гробъ мой.“

Великій Чарнецкій умеръ (въ 1665 г.) подъ Дубномъ въ селѣ Соколовкѣ. Онъ былъ неустрашимъ въ сраженіяхъ: враги трепетали его; въ битвахъ всегда подвергался онъ величайшимъ опасностямъ. Подъ Монастырищами пуля повредила ему губы и ротъ: отъ того небо во рту покрывалъ онъ металлическою дощечкою, которая мѣшала ему говорить явственно. — Сеймъ (1658 г.) наградилъ его за отличныя заслуги Старостствомъ Тикочинскимъ. Къ сожалѣнію, память о немъ нѣсколько помрачена излишнею его суровостію къ Греческому Духовенству и настоятельнымъ требованіемъ казни Кіевскаго Воеводы Виговскаго, который разстрѣлянъ въ Корсунѣ за недоказанную измѣну. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ жизнь сего Героя была примѣрная, исполненная гражданскихъ добродѣтелей.

Русскій Воевода Яблоновскій, а послѣ него Начальникъ Польскихъ войскъ Севастіанъ Маховскій, не имѣли довольно силъ для прекращенія мятежа остальныхъ козаковъ, еще державшихъ сторону Польши, которые, вмѣстѣ съ преданными Россіи, замышляли присоеди-

ниться къ Турціи. Петръ Доротъ или Дорошенко былъ главою сихъ мятежниковъ и воевалъ съ Россіянами за Днѣпромъ, между тѣмъ какъ Севастіанъ Маховскій съ свѣжимъ шеститысячнымъ войскомъ поспѣшилъ на Украину для воспрепятствованія его намѣреніямъ.—Маховскій, окруженный подъ Батогомъ Татарами и козаками, (въ 1666 г.) былъ совершенно ими разбитъ, и Дорошенко явно отдался покровительству Турціи. — Въ самой же Польшѣ Король, пренебрегая войною Украинскою и козацкою, обратилъ всѣ войска на междоусобную войну.

Поводомъ къ сей войнѣ служили покушенія на жизнь Юрія Любомирскаго за то, что онъ противорѣчилъ выбору Герцога Энгіенскаго или отца его Герцога Конде въ наслѣдники Польскаго Престола при жизни Короля Іоанна Казиміра. Послѣ брака Герцога Энгіенскаго съ племянницею Королевы (въ 1662 г.), она, какъ неограниченная повелительница Іоанна Казиміра, еще усильнѣе прежняго начала поддерживать сіе дѣло. Князь Любомирскій, обвиняемый въ томъ, будто бы онъ хотѣлъ сдѣлать съ Польшею то, что сдѣлалъ Кромвель съ Англіею, — (1664 г.) бѣжалъ въ Бреславль и нашелъ тамъ для себя убѣжище. Король не воспользовался несчастнымъ примѣромъ вражды съ Іеронимомъ Радзѣевскимъ, которому онъ въ послѣдствіи (1662 г.) воз-

вратилъ и милость свою и всѣ почести. Слѣдуя внушеніямъ Королевы, онъ всѣми способами гналъ мужа добродѣтельнаго, которому обязанъ былъ и короною своею. Въ порывѣ гнѣва, лишивъ заслуженнаго Князя всѣхъ должностей, онъ сдѣлалъ Маршаломъ Яна Собѣскаго, а меньшую булаву вручилъ Стефану Чарнецкому. Сеймъ 1665 г., взволнованный друзьями Любомирскаго, и прекращенный Добринскимъ Депутатомъ Лосемъ, раздѣлилъ весь народъ на двѣ партіи. Король отозвалъ войско изъ Украины для сопротивленія Любомирскому, который имѣлъ только 800 человѣкъ войска, желая болѣе страхомъ своего имени нежели силою оружія обратить Короля къ кротости. Битва завязалась подъ Ченстоховымъ. Маршалъ Острживцкій съ приставшими къ Любомирскому Конфедератами разбилъ Гиларія Полубинскаго и самаго его со многими Офицерами взялъ въ плѣнъ. Любомирскій угостилъ великолѣпно плѣнниковъ, и даровавъ имъ свободу, согласился на условія, предложенныя ему близъ Пальчина Краковскимъ Епископомъ Андреемъ Тржебицкимъ и Епископомъ Хелмскимъ Ѳомою Леженскимъ. Покорясь Королю, онъ опять уѣхалъ въ Бреславль, во ожиданіи разсмотрѣнія дѣла сего на Сеймѣ. Но Король, вѣрный исполнитель воли супруги своей, не перемѣнилъ мнѣнія своего о Любомирскомъ, и созванный по сему

случаю Сеймъ (1666 г.) не имѣлъ никакихъ благопріятныхъ для него послѣдствій. Подъ Монтвами, близъ Иновроцлавля (1667 г.) возобновилось кровопролитіе. Побѣда осталась на сторонѣ Любомирскаго, и Король принужденъ былъ заключить миръ въ Ленгоницахъ на Пилицѣ. Король далъ слово не домогаться назначенія себѣ наслѣдника, и дѣло Князя Любомирскаго безпристрастно разсмотрѣть на Сеймѣ. При всемъ томъ Любомирскій въ третій разъ отправился въ Бреславль, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Грозная Турецкая война склонила Россіянъ и Поляковъ къ перемирію, которое заключено въ Андрусовѣ (66) (30 Янв. 1667) на тринадцать лѣтъ на слѣдующемъ основаніи: „Смо-„ленскъ, Стародубъ, Черниговъ и другіе города „за Днѣпромъ останутся за Россіянами. Днѣпръ „будетъ границею между Украиною Россійскою „и Польскою; но Кіевъ только до 15 Апрѣля „1669 года останется за Россіею, а потомъ „долженъ быть возвращенъ Польшѣ. Сѣчь За-„порожская обоимъ Государствамъ служащая „оплотомъ противъ Турокъ и Татаръ, дол-„жна быть подвластна и Россіи и Польшѣ и „обоимъ Государствамъ помогать противъ „общихъ непріятелей; въ Низовьяхъ Днѣпра „будутъ находиться какъ Польскіе такъ и „Россійскіе отряды. Коммиссары съ обѣихъ „сторонъ опредѣлятъ раздѣленіе Украины,

„назначатъ границы и мѣры къ обоюдной за-
„щитѣ противъ Турокъ и изыщутъ способы
„къ удержанію народа въ повиновеніи. Поль-
„ское Дворянство, лишившееся земель по ту
„сторону Днѣпра, получитъ вознагражденіе
„изъ Царской казны, и одна сторона не бу-
„детъ мѣшаться въ дѣла козаковъ другой
„стороны, какъ до того времени бывало."

И такъ только половина Украины возвращена Польшѣ; по отдѣленіи же Смоленска и Литва потерпѣла ущербъ. Впрочемъ и оставшіяся за Польшею владѣнія надобно было защищать отъ Турокъ. По смерти Потоцкаго и Чарнецкаго Великій Коронный Гетманъ Янъ Собѣскій успѣшно поражалъ Татаръ: въ станѣ при Подгайцахъ съ 10.000 войска онъ удержалъ натискъ 80.000 Татаръ, склонилъ Хана къ миру, а Короля къ прощенію мятежныхъ козаковъ. Но Дорошенко былъ еще подъ ружьемъ, а Турки, не слушая убѣжденій Іеронима Радзѣевскаго, предлагавшаго имъ миръ, явно приготовлялись къ войнѣ съ Польшею, для чего (въ 1664 г.) и заключили миръ съ Нѣмецкимъ Императоромъ. Война сія открылась уже при Михаилѣ.

Іоаннъ Казиміръ, по слабости здоровья, или утомясь отъ бремени правленія, или же для того, чтобъ доставить послѣ себя престолъ Герцогу Конде,—не хотѣлъ долѣе царствовать. По смерти Королевы (16 Маія

1667 г.) Французскій Король назначилъ ему 150.000 ливровъ пенсіи и обѣщалъ дать богатыя Аббатства: по сему случаю онъ принялъ рѣшительное намѣреніе сложить съ себя Корону, что и исполнилъ на Сеймѣ въ Варшавѣ (16 Сент. 1668 г.). Многіе радовались таковому поступку Іоанна Казиміра, въ надеждѣ благополучнѣйшихъ временъ для Польши (67). Но большая часть опасалась новыхъ внутреннихъ безпокойствъ и еще большихъ бѣдствій.

Въ слѣдующемъ (1669) году, еще до новыхъ выборовъ, Іоаннъ Казиміръ отправился во Францію, гдѣ и умеръ въ городѣ Неверѣ (16 Дек. 1672 г.). Тѣло его, привезенное въ Польшу Варшавскимъ Подкоморіемъ Войцѣхомъ Опацкимъ, на иждивеніи Епископовъ Хелмскаго Андрея Ольшовскаго и Краковскаго Андрея Тржебицкаго, находится въ Краковскомъ Соборѣ, гдѣ оно и погребено въ одно время съ тѣломъ его преемника (31 Янв. 1676 г.); сердце же его оставлено въ Парижѣ въ Сен-жермень-де-пре, гдѣ онъ былъ Аббатомъ.

Іоаннъ Казиміръ былъ Государь съ великими достоинствами. Съ дѣтскихъ лѣтъ былъ онъ пріуготовляемъ къ свѣтскому состоянію, съ тѣмъ, чтобы быть въ свое время Герцогомъ Курляндскимъ или же получить въ ленное владѣніе Лауенбургъ; посему онъ получилъ отличное образованіе: хорошо

зналъ языки Польскій, Французскій и Латинскій, и на последнемъ писалъ даже отличнымъ слогомъ. Во время путешествій въ молодые лета онъ пріобрелъ много полезныхъ сведеній, а вниманіе къ движеніямъ Императорскихъ войскъ на Рейне после Нердлингенской битвы развило въ немъ воинскія способности. — Предъ темъ какъ ему надлежало быть Испанскимъ Адмираломъ въ Португалліи, Французы, какъ выше было сказано, задержали его; после того вступивъ въ Іезуитскій Орденъ, онъ забылъ на некоторое время и міръ и страсть къ войне, вопреки воле брата, котораго сіе крайне огорчило. Находясь уже въ званіи Кардинала, когда просіяла для него надежда къ полученію престола, онъ, съ согласія Папы, оставилъ духовное состояніе, и по смерти старшаго своего брата всеми мерами старался возсесть па престолъ, дабы оный не сделался достояніемъ меньшаго брата. На 60 году отъ рожденія онъ добровольно сложилъ съ себя корону после 20 летняго царствованія, весьма бурнаго и опаснаго какъ для него самаго такъ и для Государства. Личною своею храбростію онъ много оказалъ услугъ Польше, и еслибъ онъ не былъ рабомъ чужихъ внушеній, то могъ бы осчастливить оную. — Іоаннъ Казиміръ былъ роста средняго, довольно толстъ, цветъ лица имелъ смуглый; духомъ былъ твердъ и

не терялъ бодрости въ величайшихъ опасностяхъ. Но источникомъ бѣдствій его были излишняя любовь его къ Королевѣ, имѣвшей надъ нимъ полную власть, и довѣренность къ Iезуитамъ, которые и въ самомъ пылу козацкихъ войнъ не переставали раздражать народъ обращеніемъ онаго въ Католическую Вѣру. Что касается до самаго Короля, то онъ былъ иногда довольно умѣренъ въ дѣлахъ Вѣры, что и доказалъ въ Силезіи, въ Княжествахъ Опольскомъ и Ратиборскомъ, которые были у него въ залогѣ дотолѣ, пока Королева не возвратила ихъ снова Леопольду I. Напротивъ того въ Польшѣ онъ гналъ иновѣрцевъ, вѣроятно по внушенію своихъ любимцевъ.—Продолжительность гнѣва противъ Iеронима Радзѣевскаго и Юрія Любомирскаго должно приписать не Королю, а его любимцамъ: самъ онъ умѣлъ прощать и былъ великодушенъ.—Народъ Польскій отъ излишества свободы и высокомѣрія клонился къ упадку, Вельможи болѣе думали о Староствахъ и почестяхъ, нежели о благѣ Отечества. На величайшихъ героевъ того времени падаетъ отчасти обвиненіе въ тогдашнихъ бѣдствіяхъ Польши. Юрій Любомирскій и Стефанъ Чарнецкій, мужи равно великіе, оба достойные избавители Отечества, были величайшими между собою врагами. Справедливо упрекали ихъ въ томъ, что они были главною

виною несогласій на Сеймахъ и войны междоусобной. — По сложеніи короны, Іоаннъ Казиміръ жилъ во Франціи доходами Аббатствъ Парижскаго Сен-Жермень-де-Пре, Неверскаго Св. Мартина и другихъ духовныхъ имѣній; отъ Польши же получалъ пенсіи только 150.000 злотыхъ.—Французскія дамы прельщались его сокровищами, и разнеслись слухи, что онъ опять намѣренъ жениться на Маркизѣ де л'Гопиталь, или на сестрѣ покойной Королевы, Аннѣ, вдовѣ Эдуарда, Пфальцграфа Цвейбрикскаго (68). Іоаннъ Казиміръ до отъѣзда своего во Францію, по смерти младшаго своего брата просилъ для себя Бреславское Епископство, но не могъ получить онаго, потому, что оно уже было обѣщано Кардиналу Фридриху Гессенъ-Дармштатскому.—Потеря Смоленска, Чернигова, Заднѣпровской Украины, Львова, Бытомля и Польской Пруссіи, есть непріятное для Польши воспоминаніе царствованія Іоанна Казиміра; но спасеніе Отечества, бывшаго уже на краю гибели, говоритъ въ его пользу. — Истощеніе силъ Польши дошло въ его царствованіе до высочайшей степени. 800.000 народа выведено изъ Государства Татарами и козаками; еще болѣе было добровольныхъ выходцевъ по случаю гоненій за Вѣру и по другимъ причинамъ (69). Всю потерю народонаселенія можно полагать въ 3.000.000.—О тогдашней степени просвѣще-

нія въ Польшѣ нечего сказать кромѣ того, что нѣкоторые ученые и тогда отличались умомъ своимъ. Таковъ Криштофъ Опалинскій, который въ Сатирахъ своихъ осмѣивалъ пороки своего вѣка.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Царствованіе Королей изъ Домовъ Польскихъ.

1669—1696.

Продолженіе постепеннаго упадка Государства и народа.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1669)

Опасность, въ которой находилось Государство, усугублена была внутренними раздорами. Въ предстоявшихъ козацкой и Турецкой войнахъ, двѣ противныя партіи искали помощи у народовъ чуждыхъ, и готовы были скорѣе воспламенить новое междоусобіе, нежели единодушно обратить оружіе на враговъ.

Примасъ Архіепископъ Гнѣзненскій Князь Николай Пражмовскій назначилъ Конвокаціонный Сеймъ 5 Ноября 1668 года, въ надеждѣ, что Королемъ будетъ избранъ Герцогъ Конде: уже не сынъ Великаго Конде, Герцогъ Энгіенскій, какъ нѣкогда желала Королева Марія Лудовика, но самъ отецъ его, первѣйшій изъ Французскихъ Героевъ XVII вѣка, по волѣ Короля Лудовика XIV, желалъ получить Польскую корону. Большая часть Сенаторовъ и Литвы, въ коей главными были двое Пацовъ, Вице-Канцлеръ Михаилъ Казиміръ и Полевой Гетманъ Криштофъ Радзивиллъ, благопріятствовали сему намѣренію, которое поддерживалъ Французскій Посолъ, Безьерскій Епископъ Петръ Бонси, не жалѣя богатыхъ подарковъ. Для избирательнаго Сейма назначено 2 Мая 1669 г. Янъ Собѣскій, Великій Маршалъ и Коронный Гетманъ, получавшій плату отъ Франціи, оставивъ Украину, явился съ 12.000 войска въ Пруссію для поддержанія выгодъ Конде; но частный Прусскій Сеймъ объявилъ себя противъ сего выбора; въ слѣдъ за онымъ и все Дворянство возстало противъ видовъ Лудовика XIV, именемъ Конде намѣревавшагося властвовать въ Польшѣ. Къ таковому сопротивленію подалъ поводъ Коронный Вице-Канцлеръ, Хелмскій Епископъ Андрей Ольшовскій, который въ сочиненьицѣ своемъ *Censura Candidatorum*, съ удовольствіемъ всѣми читан-

номъ, предлагалъ возвести на престолъ Пяста, и именно *Князя Михаила Вишневецкаго*. Австрія съ своей стороны, предвидя для себя опасность, если Король Польскій будетъ изъ рода Французскихъ Королей, старалась всѣми мѣрами препятствовать плану Примаса. Кандидатами на престолъ были: Филиппъ Вильгельмъ, Пфальцъ-Графъ Нейбургскій, шуринъ покойныхъ Королей Владислава IV и Іоанна Казиміра, шестидесятилѣтній старецъ, имѣвшій одиннадцать дѣтей; Карлъ V, Герцогъ Лотарингскій, прославившійся въ молодыхъ лѣтахъ своею любезностію, добродѣтелями и высокими качествами; Царевичь Россійскій Ѳеодоръ, предложенный родителемъ его съ обѣщаніемъ 10 милліоновъ талеровъ, 20.000 войска и возвращенія Кіева, и съ угрозою нападенія на Литву съ 80.000 въ случаѣ отказа; наконецъ и Шведская Королева Христина, также искавшая Польской короны. На избирательномъ Сеймѣ Послы принудили Примаса и приверженныхъ къ нему Сенаторовъ исключить Конде изъ числа Кандидатовъ (70), изъ опасенія, чтобы Примасъ, управляя при немъ Государствомъ, не обогатилъ многочисленную свою фамилію, находившуюся въ бѣдности. Въ слѣдъ за тѣмъ умы всѣхъ раздѣлились на двое: держали сторону Пфальцъ-Графа Нейбургскаго, или благопріятствовали Герцогу Лота-

рингскому,—и споры доходили до того, что нѣсколько человѣкъ лишилось жизни.

Къ симъ безпорядкамъ присоединился и раздоръ за Вѣру. Въ четвертую недѣлю послѣ Крещенія, по волѣ Папскаго Нунція, Коринѳскаго Архіепископа Галеаци, Познанскій Епископъ Стефанъ Вержбовскій въ церкви Св. Іоанна предалъ проклятію Диссидентовъ, какъ Еретиковъ, и исходатайствовалъ-было повелѣніе изгнать ихъ изъ Мазовіи; однакожъ они остались тамъ, благодаря посредничеству иностранныхъ Дворовъ. Для успокоенія умовъ Львовскій Кастелланъ Андрей Максиміліанъ Фредро и Куявскій Епископъ Князь Флоріанъ Чарторискій предлагали написанныя на карточкахъ имена Кандидатовъ бросить въ церковную чашу, и избрать Королемъ того, чье имя вынется. Но, совершенно неожиданно, безъ всякихъ дальнѣйшихъ споровъ, избранъ *Князь Михаилъ-Ѳома Корибутъ-Вишневецкій*, сынъ знаменитаго Князя Іереміи. Воеводство Калишское, по убѣжденію Подкоморія Станислава Кржицкаго, прежде всѣхъ одобрило сей выборъ. Самъ же Михаилъ ни мало не старался о полученіи престола. По случаю козацкихъ войнъ лишась почти всего своего имущества, онъ былъ воспитанъ Королевичемъ Карломъ Фердинандомъ, Епископомъ Бреславскимъ и Плоцкимъ, и содержалъ себя пенсіею 6.000 злотыхъ, завѣщанною ему Королевою

Лудовикою; во время же выборовъ въ Сендомирскомъ Воеводствѣ подавалъ вмѣстѣ съ прочими избирательный голосъ. Никто, кромѣ Ольшовскаго, и не думалъ о его избраніи, но лишь только Калишское Воеводство выборъ сей одобрило, то семь другихъ Воеводствъ немедленно послѣдовали его примѣру; когда же и Литовскія Воеводства, не смотря на сопротивленіе Радзивилловъ и Пацовъ, а потомъ и Пруссія изъявили свое согласіе, тогда Сендомирское Воеводство первое принесло новоизбранному Королю поздравленіе. Сеймовый Маршалъ Счастный (Феликсъ) Потоцкій, Великій Коронный Маршалъ Янъ Собѣскій, Примасъ Николай Пражмовскій и большая часть Сенаторовъ уѣхали съ выборовъ; но шуринъ Короля Михаила, Спижскій Староста Станиславъ Любомирскій взялъ жезлъ Маршальскій и заступилъ мѣсто Потоцкаго. Дворянство грозило перерубить всѣхъ противниковъ. Къ вечеру возвратились Примасъ и Маршалы Сеймовый и Великій Коронный, когда уже Куявскій Епископъ Князь Михаилъ Флоріанъ Чарторискій готовился принять рѣшительное объявленіе Воеводствъ и провозгласить Короля. Примасъ Пражмовскій наименовалъ Михаила Королемъ и отвезъ его въ своемъ экипажѣ въ зaмокъ. Король, не имѣя еще собственнаго приличнаго экипажа, не хо-

тѣлъ принять того, который предлагалъ ему Янъ Собѣскій.

Такимъ образомъ сдѣлался Королемъ Князь Михаилъ-Ѳома Вишневецкій, который и не помышлялъ о томъ наканунѣ своего избранія. Услышавъ въ первый разъ радостныя восклицанія народа: Да здравствуетъ *Король Михаилъ*! — онъ съ слезами отказывался отъ престола, говоря: *Да мимо идетъ чаша сія* (Transeat a me calix iste). — На другой день Король благодарилъ Воеводства; потомъ были составлены условія царствованія (pacta conventa) и Сеймъ закрытъ 6 Іюля 1669 г.; а 7 Іюля Король учинилъ присягу.

МИХАИЛЪ (*Вишневецкій*)

(1669 — 1673.)

Коронованіе Короля Михаила происходило въ Краковѣ, 29 Сентября 1669 г.; послѣ чего на Сеймѣ поднесенъ ему Испанскимъ Посломъ орденъ Златаго Руна за намѣреніе вступить въ бракъ съ сестрою Императора Леопольда, Эрцгерцогинею Элеонорою, вопреки желанію тѣхъ, которые предлагали ему Французскую Герцогиню Орлеанскую. Сіе обстоятельство крайне огорчило Примаса и Яна Собѣскаго и увеличило число Королевскихъ противниковъ.

Подъ предлогомъ будто бы Король, въ нарушеніе утвержденныхъ имъ условій не раздаетъ никому казенныхъ имѣній, изъ которыхъ Смоленскимъ и Черниговскимъ изгнанникамъ слѣдовало 30.000 злотыхъ отъ короны и 15.000 отъ Литвы, Кіевскій Подсудокъ Янъ— Александръ Олизаръ былъ причиною закрытія Сейма 5 Ноября 1669 г. и Государство въ весьма смутное время осталось такъ сказать безъ Правительства. Зависть Вельможъ не дозволяла Королю Михаилу дѣйствовать по собственному своему убѣжденію. Французская партія стремилась исполнять только приказанія Лудовика XIV; напротивъ того Австрійская вооружала Михаила противъ Франціи. Король, слабый здоровьемъ, колебался что ему дѣлать, видя враговъ себѣ даже и въ родственникахъ своихъ. Большая часть Сенаторовъ была недовольна поведеніемъ покойной Королевы Лудовики Маріи, и потому Андрей Ольшовскій въ рѣчи своей сравнивая двухъ послѣднихъ Королевъ, т. е. Французскую Лудовику Марію и Австрійскую Цецилію Ренату, безъ труда преклонилъ Сенаторовъ въ пользу Австрійскаго Дома. При всемъ томъ еще многіе желали, чтобы Король женился на Россійской Царевнѣ.

Императрица сама привезла невѣсту въ Ченстоховъ, гдѣ (27 Февр. 1670 г.) и было обрученіе, а бракосочетаніе совершено въ

Варшавѣ (15 Марта). Варшавскій Сеймъ (5 Марта) прекращенъ былъ по требованію Жабокржицкаго, и власть Короля съ каждымъ днемъ слабѣла болѣе и болѣе. Новый Сеймъ (9 Сентября) былъ также безпокоенъ: Князь Примасъ дѣйствовалъ явно противъ Короля, а Янъ Собѣскій помогалъ Примасу. Король употреблялъ всѣ усилія, чтобъ согласить умы недовольныхъ, и снискать приверженность своихъ недоброжелателей; но всѣ его старанія оставались тщетными: желая обязать однихъ, онъ вооружалъ противъ себя другихъ. Андрей Ольшовскій, для привлеченія Примаса на сторону Королевскую, былъ на нѣкоторое время удаленъ отъ Двора; но вскорѣ возвращена ему прежняя довѣренность, и онъ болѣе принималъ участія въ правленіи нежели самъ Король.—Ни въ казнѣ, ни въ Государствѣ не было денегъ: ложная монета, выбитая при Іоаннѣ Казимірѣ и безпрестанныя войны привели Польшу въ самое бѣдственное положеніе. — Коронованіе Королевы Элеоноры совершено въ Варшавѣ (19 Октября 1670); но ей не хотѣлось жить съ Михаиломъ, который лишенъ былъ всякой власти и пользовался однимъ только пустымъ титуломъ.

Примасъ принялъ намѣреніе лишить Короля престола, на что соглашались уже Императоръ Леопольдъ и Королева Элеонора, съ тѣмъ однакожь, чтобы ей быть супругою

новаго Короля, имянно Лотарингскаго Герцога Карла. Янъ Собѣскій, вовлеченный въ намѣреніе низложить Михаила, не соглашался только на избраніе Карла Лотарингскаго и старался преклонить всѣхъ къ тому, чтобы корона и рука Элеоноры достались Карлу, Герцогу Лонгевильскому. Всѣ участвовавшіе въ заговорѣ противъ Михаила, согласились-было на его предложеніе; но между тѣмъ Герцогъ (7 Іюня 1672 г.) лишился жизни при переправѣ чрезъ Рейнъ въ Голландіи, близъ Толгуиса и Шенкшанцъ, въ то самое время когда Лудовикъ XIV покорилъ почти всю Голландскую Республику.

Неуваженіе къ Королю Михаилу достигло высочайшей степени. Курфирстъ Брандебургскій Герцогъ Фридрихъ Вильгельмъ Великій приказалъ Послу своему Евсевію Брандту взять тайно въ Варшавѣ Полковника своего Христіана Лудовика Калкштейна-Столинскаго, дворянина Брандебургскаго и Польскаго и доставить въ Пруссію; хотя же таковой насильственный поступокъ, по требованію Михаила, и наказанъ былъ кратковременнымъ отрѣшеніемъ Брандта, однакожъ Калкштейнъ (1672 г.) казненъ въ Клайпедѣ. Стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ и необходимость получать отъ Пруссіи хотя 1500 человѣкъ противъ Турокъ, принудили Короля оставить нанесенное ему оскорбленіе безъ

дальнѣйшаго вниманія, и сверхъ того подтвердить трактаты Велявскій и Быдгощскій, предоставить въ ленное владѣніе Пруссіи Бытовль и Лауенбургъ, и согласиться чтобы Курфирстъ именовался Государемъ тѣхъ Прусскихъ земель, которыя были до того времени Польскими Старостствами.

Турецкая война открылась по случаю властолюбивыхъ намѣреній Петра Дорошенка: ему хотѣлось, съ помощію Турокъ и Татаръ, завладѣть всею Украиною, Польскою и Россійскою. Такъ какъ по заключеніи Андрусовскаго мира, Заднѣпровская Украина отошла къ Россіи, то козаки обѣихъ сторонъ Днѣпра раздѣлились на разныя партіи. Собственно такъ называемые Запорожцы, жившіе на Днѣпровскихъ островахъ подъ начальствомъ Кошеваго Атамана Сѣрко, хотѣли быть вовсе независимыми; равно ненавидя и правленіе Россійское и дружбу Турокъ, они показывали еще нѣкоторое расположеніе къ Польшѣ, вѣроятно потому, что подъ слабымъ Польскимъ правленіемъ могли имѣть болѣе свободы. Побѣда при Подгайцахъ (1667 г.), гдѣ Янъ Собѣскій разбилъ помогавшихъ Дорошенкѣ Татаръ, между тѣмъ какъ Сѣрко съ Запорожцами опустошилъ Крымъ, принудила Татаръ къ заключенію мира, а Дорошенку къ переговорамъ съ Польшею. Но отреченіе Іоанна Казиміра и междоцарствіе отвлекли вниманіе

Яна Собѣскаго въ другую сторону и переговоры съ Дорошенкомъ прекратились. Поелику же Гетманъ Россійскихъ Украинцевъ Иванъ Брюховецкій (1668) также бунтовалъ противъ Россіи, занятой въ то время укрощеніемъ мятежа, произведеннаго Стенькою Разинымъ—и былъ умерщвленъ коварнымъ своимъ союзникомъ Дорошенкою, то казалось, что сей послѣдній одинъ уже, безъ помощи Турокъ и Татаръ овладѣетъ всею Украиною. Однакожь новый Заднѣпровскій Гетманъ Демьянъ Многогрѣшный, при пособіи Россіянъ, отнялъ Заднѣпровскую Украину у Дорошенки, и принудилъ его искать покровительства Турціи (1669). Турки не рѣшились принять его въ свое подданство, какъ потому, что Татары не равнодушно взирали бы на распространеніе власти ихъ въ Украинѣ и многіе козаки не хотѣли быть имъ подвластны, такъ и для того, что въ то время продолжалась еще Кандійская война съ Венеціанами. Рѣшительное требованіе Острожской Коммиссіи (1670 г.), которая, по волѣ Хелмскаго Епископа и Коронннаго Вице-Канцлера Ольшовскаго, домогалась введенія въ Украину Уніи, заставило Дорошенку вторично прекратить переговоры, и Король Михаилъ наименовалъ Запорожца Ханенку Гетманомъ Польской Украины. При всемъ томъ Дорошенко все еще дѣйствовалъ до тѣхъ поръ, пока Янъ Собѣскій

взятіемъ Брацлава, Бара и другихъ городовъ (1671) не довелъ его до крайности: у него оставался только Чигиринъ и 6.000 козаковъ. Дорошенко снова склонился къ мирнымъ предложеніямъ; между тѣмъ Турецкая война сдѣлалась неизбѣжною. — Король Михаилъ по случаю дошедшаго до высочайшей степени несогласія съ Примасомъ и Собѣскимъ, — болѣе опасался своихъ единоземцевъ, нежели Турокъ, уже кончившихъ войну съ Венеціанами (1669 г.) Поставляя на видъ дружбу свою съ Европейскими Державами, онъ думалъ отклонить Диванъ отъ объявленія ему войны и отъ принятія Дорошенки въ Турецкое подданство. Великій Визирь Купроли, желая войны для того, чтобъ исторгнуть Султана Магомета IV изъ бездѣйствія его въ Царѣградѣ, и видя Польшу, раздираемую внутренними раздорами, убѣдилъ Государя своего къ уничтоженію договора, заключеннаго съ Польскимъ Посломъ Высоцкимъ, (1672 г.) въ то самое время, когда Польша нимало не была пріуготовлена къ защитѣ. Бывшіе по сему случаю два Сейма не принесли никакой пользы. Мелкое дворянство держало сторону Короля, а Примасъ и Вельможи питали къ нему прежнюю ненависть. Объ обезпеченіи границъ никто и не думалъ; напротивъ того Турецкая война представляла обѣимъ сторонамъ случай къ взаимному уничиженію. Турки перейдя за Днѣстръ

и не встрѣчая непріятеля, опасались тайной засады. Великій Визирь Купроли, въ присутствіи Султана Магомета IV осадилъ Каменецъ-Подольскій и взявъ оный, далъ гарнизону и жителямъ свободу выйти. Между тѣмъ Великая Польша, не снося долѣе обидъ, чинимыхъ Королю, и рѣшась вооружиться для его защиты, готовилась всѣми силами къ сему ополченію. Но ея войска, соединясь съ Малопольскими, поздно пришли къ Голембю. Турки съ частію своего войска осадили Львовъ, а другую часть расположили лагеремъ подъ Бучачемъ. Илья Лонцкій храбро защищался въ Львовѣ до прибытія Королевскихъ Пословъ, Волынскаго Кастеллана Яна-Франциска Любовицкаго, Черниговскаго Кастеллана Гаврилы Сирницкаго и Короннаго Подскарбія Шамовскаго. Послы сіи (18 Окт.) заключили въ Бучачѣ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: „Татарамъ—Липкамъ имѣть право возвращаться въ Крымъ; Каменецъ-Подольску съ Подольскимъ Воеводствомъ оставаться въ рукахъ Турокъ; Украину отдать козакамъ; Польша будетъ платить Турціи 22.000 червонныхъ ежегодной дани.“

Конфедерація Голембская (71) образовалась болѣе противъ Примаса и Яна Собѣскаго, (11 Октября 1672 г.) нежели противъ Турокъ. Маршаломъ Конфедераціи избранъ Коронный Полевой Писарь Стефанъ Чарнецкій. Между тѣмъ Собѣскій прогналъ Татаръ изъ

подъ Люблина и Подгорья; но болѣе ничего не сдѣлалъ, и не могъ сдѣлать, не имѣя столько войска, чтобъ воспротивиться 150.000 Турокъ, Татаръ и козаковъ. Онъ истребилъ 15.000 Татаръ, а 20 тысячамъ плѣнныхъ далъ свободу. Голембская Конфедерація, считавшая сначала въ рядахъ своихъ около 180.000 Коронныхъ Дворянъ, назначила въ Люблинѣ съѣздъ въ Варшаву на 4 Янв. 1673 г., когда уже изъ сего многочисленнаго ополченія оставалось при Королѣ не болѣе 500 человѣкъ. Противъ сей Конфедераціи, которая положила отрѣшить отъ должностей Примаса и его братьевъ, образовалась другая Конфедерація въ Ловичѣ (24 Ноября 1672 г.) и дѣло принимало такой видъ, что должно было опасаться междоусобія. Къ счастію Варшавскій съѣздъ, образовавшійся въ Сеймъ, помирилъ обѣ стороны. Положено, чтобы каждый третій Сеймъ собирался всегда въ Гроднѣ. — По закрытіи Сейма (13 Апр. 1673) Примасъ умеръ въ Уяздовѣ (15 Апрѣля). — Король Михаилъ имѣлъ намѣреніе лучше сохранить Бучацкій миръ съ Турками, нежели возобновлять съ ними войну; но Собѣскій, Маршалъ и Великій Коронный Гетманъ склонилъ Государственные Чины къ готовности отдать скорѣе въ залогъ всѣ сокровища, нежели оставить войну съ Турками. Приготовленія начались дѣятельно. Король Михаилъ желалъ самъ

участвовать въ походѣ, и потому отправился въ Львовъ, а оттуда подъ Глиняны къ войску, которое было на пути къ Днѣстру. Тамъ заболѣвъ, онъ возвратился опять въ Львовъ, гдѣ и скончался 10 Ноября 1673 г. на 35 году отъ рожденія.

Король Михаилъ былъ болѣе несчастливъ, нежели неспособенъ къ правленію. Онъ зналъ языки: Польскій, Россійскій, Татарскій, Турецкій, Латинскій, Нѣмецкій, Италіанскій и Французскій. Былъ храбръ, но не имѣлъ опытности въ воинскомъ дѣлѣ, и, кажется, не былъ одаренъ умомъ Государственнымъ въ столь опасномъ положеніи Королевства. Впрочемъ Государю и съ величайшимъ умомъ трудно было бы безъ денегъ и безъ всѣхъ другихъ способовъ противостать ухищреніямъ Вельможъ, поддерживаемыхъ иностранными Дворами. Любовь къ нему войска и участіе, принятое въ его бѣдственномъ положеніи, могутъ служить доказательствомъ добраго его сердца. Онъ былъ до такой степени невоздерженъ въ пищѣ, что Коронный Подскарбій Андрей Морштинъ сказалъ однажды, что ему не должно опасаться яду изъ чужихъ рукъ, ибо онъ самъ себя отравляетъ своею неумѣренностію. Но невоздержность сія могла быть слѣдствіемъ разстройства желудка и болѣзненнаго его состоянія. Многіе увѣряли, что Король умеръ отъ яда; другіе напро-

тивъ того утверждали, что онъ лишился жизни отъ неумѣренности въ пищѣ. Какъ бы то ни было, четырехъ лѣтнее царствованіе Короля Михаила дорого ему стоило: во все сіе время онъ ни на одну минуту не имѣлъ ни-малѣйшаго утѣшенія. Тѣло его погребено въ Краковѣ, а сердце хранится у Камелдуловъ въ Бѣлянахъ, подъ Варшавою. — Михаилъ былъ ростомъ довольно высокъ, но цвѣтъ лица имѣлъ болѣзненный. Одѣвался по Французски, что многимъ не нравилось. Бывъ воспитанъ въ Вѣнѣ, онъ привыкъ къ иностранной одеждѣ. — При дарованіяхъ своихъ онъ не умѣлъ соображаться съ обстоятельствами, и чрезъ то число его противниковъ безпрестанно возрастало. По сей самой причинѣ Янъ Собѣскій и Примасъ Пражмовскій были его врагами. — Что касается до духовныхъ дѣлъ, то онъ, для снисканія благоволенія Папы, не допустилъ Русскихъ Епископовъ засѣдать въ Сенатѣ, отказалъ Князю Богуславу Радзивиллу въ Самогитскомъ Старостве и удалилъ отъ должностей всѣхъ Диссидентовъ и людей Греческаго исповѣданія. Но по убѣжденію своему онъ не былъ слѣпымъ гонителемъ за Вѣру: доказательствомъ сему служатъ письма его къ Курфирсту Брандебургскому Фридриху Вильгельму, къ Герцогу де Кроа и къ Вельможамъ Прусскимъ (1672 г.), которыхъ онъ просилъ покровительствовать Аріанъ,

бѣжавшихъ изъ Польши въ Пруссію (72). Позднѣйшія событія оправдываютъ Короля Михаила, показывая, что развѣ только умъ и дарованія Генриха IV или Стефана Баторія могли бы спасти Польшу.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1673—1674).

Хотя Турки и не предвидѣли, что Поляки нарушатъ Бучацкій трактатъ, однакожъ изъ предосторожности, а можетъ быть и для продолженія военныхъ дѣйствій на Украинѣ, держали въ готовности 40.000 своего войска, да подъ Хотиномъ столько же Татаръ. Въ день Св. Мартина, на другой день послѣ кончины Короля Михаила (11 Ноября 1673 г.) Собѣскій одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду. Преодолѣвъ всѣ трудности, противопоставляемыя ему недостаткомъ продовольствія и личнымъ недоброжелательствомъ Великаго Литовскаго Гетмана Михаила Казиміра Паца, Собѣскій перешелъ за Днѣстръ, и помирясь съ Пацомъ, бросился на приступъ къ Турецкому стану.—80.000 Турокъ и Татаръ уступили 50.000 Поляковъ. Послѣ двухчасной битвы, среди непріятельскаго стана, уже возсылались теплыя благодарственныя моль-

бы ко Всевышнему, а Сераскиръ Гуссейнъ-Паша едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Не большое число Турокъ бѣжало въ Каменецъ; множество ихъ погибло въ Днѣстрѣ.

Побѣдѣ сей способствовали отчасти Волохи, коихъ Господарь Петричайко (73) и Господарь Молдавскій Димитрашко пристали къ Полякамъ, имѣя неудовольствіе противъ Гуссейна, простершаго дерзость до того, что онъ осмѣлился ударить бердышемъ Волошскаго Господаря Стефана XIV, коего войско ему не нравилось.

Послѣ сей знаменитой побѣды часть Молдавіи съ самымъ Хотиномъ досталась Полякамъ, и 10.000 Турокъ подъ предводительствомъ Каплона-Паши шедшихъ къ Днѣстру, поспѣшили переправиться обратно за Дунай. Но по случаю междоцарствія поле побѣды оставлено, Литовское войско возвратилось во свояси, Янъ Собѣскій поспѣшилъ въ Варшаву на Сеймъ, а Туркамъ дано довольно времени для укрѣпленія Каменца и снабженія онаго запасами, для возвращенія Молдавіи и для приготовленія къ новой, опасной для Польши войнѣ. Впрочемъ обезпеченіе Государства хотя на время междоцарствія со стороны Турокъ и Татаръ, проложеніе Собѣскому пути на тронъ, расположеніе умовъ къ довольно спокойному избранію новаго Короля, прекращеніе платежа постыдной дани, уничтоженіе

еще послѣднѣйшаго Бучацкаго трактата— были полезными слѣдствіями побѣды подъ Хотиномъ. — Собѣскій стяжалъ себѣ любовь народа и трудно было отказать въ коронѣ герою, избавившему Польшу отъ ига Турецкаго.

—Конвокаціонный Сеймъ (15 Янв. 1674 г.) одобрилъ продолженіе войны съ Турками, опредѣлилъ налоги, обезпечилъ свободу вѣроисповѣданій и назначилъ 20 день Апрѣля для избранія Короля. Никогда еще не было столько Кандидатовъ на Польской престолъ какъ въ сей разъ. Донъ Жуанъ, сынъ Испанскаго Короля Филиппа IV; Царь Алексій Михайловичь и сынъ его Ѳеодоръ; Седмиградскій Князь Михаилъ Абаффи; Лотарингскій Герцогъ Карлъ V, прежній Кандидатъ; Іоаннъ Вильгельмъ, старшій сынъ Герцога Нейбургскаго; Герцогъ Моденскій Францискъ II; Герцогъ Баварскій Максимиліанъ Филиппъ; Герцогъ Іоркскій Іаковъ, бывшій потомъ Англійскимъ Королемъ (1685—1689) и по изгнаніи изъ Англіи (1701) умершій во Франціи Претендентомъ; Герцогъ Вандомскій Лудовикъ Іосифъ; Савойскій не владѣтельный Герцогъ Ѳома; Герцогъ Соассонскій Лудовикъ и Герцогъ Нассавскій и Оранжскій Вильгельмъ, который былъ потомъ Штатгалтеромъ Голландскимъ, и наконецъ Королемъ Англійскимъ. Поелику на не женатыхъ Кандидатовъ обращаемо было большее

вниманіе, для того, чтобы новый Король вмѣстѣ съ Короною принялъ и руку Королевы Элеоноры, то и Курфирстъ Брандебургскій Фридрихъ Вильгельмъ вздумалъ предстательствовать о наслѣдникѣ своемъ Карлѣ Эмиліи съ условіемъ, чтобы онъ не перемѣнялъ Кальвинской Вѣры. Сіе самое условіе было причиною, что ни Карлъ Эмилій, ни Датскій Королевичь Георгій, Лютеранинъ, не были включены въ списокъ Кандидатовъ. Вильгельмъ Нассавскій, также не соглашавшійся на перемѣну Вѣры, самъ прекратилъ старанія свои о полученіи Польскаго престола, равно какъ и Князь Седмиградскій и Герцоги Баварскій, Іоркскій, Вандомскій и Соассонскій, которые на день избранія не уполномочили отъ себя особыхъ Пословъ. Государственные Чины раздѣляли голоса между Герцогами Лотарингскимъ и Нейбургскимъ. Но Собѣскій, Великій Маршалъ и Коронный Гетманъ снова предлагалъ Герцога Конде, впрочемъ болѣе для вида, имѣя намѣреніе воспрепятствовать другимъ Кандидатамъ, и самому возсѣсть на престолѣ. Королева Элеонора наиболѣе благопріятствовала Карлу V, Герцогу Лотарингскому, для котораго она дала въ залогъ все свое серебро и драгоцѣнности (74). Литва, по внушеніямъ фамиліи Пацовъ, держала ея сторону. Примасъ Князь Казимiръ Флоріанъ Чарторискій поддерживалъ Герцога

Нейбургскаго, и еслибы Королева согласилась на предложеніе депутаціи Сената отдать руку свою сему Герцогу, то безъ сомнѣнія онъ былъ бы избранъ Королемъ. Неожиданная смерть Примаса (16 Маія 1674 г.) пресѣкла надежды Герцога Нейбургскаго; когда же Французскій Посолъ Епископъ Фурбень, для воспрепятствованія Герцогу Лотарингскому, началъ благопріятствовать намѣреніямъ Собѣскаго, то сторона Королевы болѣе и болѣе ослабѣвала. Фурбень напомнилъ Полякамъ, что среди ихъ есть много потомковъ Пястовъ, достойныхъ царствовать. Цѣль его состояла въ томъ, что если Собѣскій не получитъ короны, то доставитъ ее Герцогу Конде или иному какому Французскому Принцу. Русской Воевода и Коронный Полевый Гетманъ Станиславъ Яблоновскій (19 Маія 1674 г.) первый отозвался, что одинъ Собѣскій достоинъ царствовать, какъ побѣдитель Турокъ и избавитель Польши отъ ига варваровъ, и что Герцогъ Конде, хотя одаренный отличными качествами, не знаетъ ни обычаевъ Польскихъ, ни образа войны съ Турками, и сверхъ того обремененъ лѣтами и слабъ здоровьемъ. Онъ присовокупилъ къ сему, что Польша отнюдь не обязана сообразоваться съ видами Королевы Элеоноры, которая, слѣдуя болѣе влеченію сердца, нежели заботясь о благѣ Государства, не хотѣла имѣть супругомъ

своимъ того, кого ей предлагали. — Въ слѣдствіе таковой убѣдительной рѣчи, пять Воеводствъ воскликнули: *да здравствуетъ Іоаннъ Собѣскій, или мы да погибнемъ.* „Русское Воеводство усерднѣе всѣхъ дѣйствовало въ пользу своего единоземца, и прежде еще нежели день склонился къ вечеру, въ Коронныхъ Воеводствахъ водворилось согласіе. Одна только Литва противилась избранію Собѣскаго. Наконецъ Краковскій Епископъ Андрей Тржебицкій съ общаго согласія (21 Маія) наименовалъ Короля. Но чтобъ не было остановки въ Турецкой войнѣ, Собѣскій оставилъ еще за собою великую булаву и упросилъ Государственные Чины отложить коронованіе до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Вскорѣ (5 Іюня) онъ учинилъ присягу, которою обязался: никого не возводить на престолъ при жизни своей, женщинъ не слушать, иностранцамъ и новымъ Дворянамъ, даже до третьяго поколѣнія, должностей не давать; двухъ должностей одному лицу не назначать; дѣла Сеймовыя и задворныя рѣшить по очереди; позволять одному Дворянству содержать Королевскія имѣнія; стараться о выкупѣ Драгима у Курфирста Брандебургскаго; каждый третій годъ проживать въ Литвѣ; вакантныя мѣста раздавать только помѣстному Дворянству; основать двѣ крѣпости (75) и воинскую школу; Королевѣ Элеонорѣ упла-

чивать ежегодно 200.000 злотыхъ; сумму 150.000 злотыхъ, обезпеченную на Гнѣвскомъ Старостве, уступить Королевству. — Нѣкоторыя обѣщанія, данныя имъ еще до избранія, на пр. уплата полугодичнаго войску жалованья, и пр. признаны не дѣйствительными, какъ превышающія силы частнаго человѣка.

Іоаннъ III (*Собѣскій*).

(1674 — 1696.)

Во время междоцарствія Султанъ Магометъ IV опять взялъ Хотинъ и намѣревался итти на Львовъ; по сей причинѣ Король Іоаннъ III (22 Сентября 1674 г.) отправился подъ Злочовъ къ войску, которое Русскій Воевода Станиславъ Яблоновскій собралъ тамъ для охраненія Львова. Однакожь Султанъ, по убѣжденію Татарскаго Хана, обратился на Украину для усмиренія козаковъ, отпадшихъ отъ Дорошенки, которымъ Россія давала помощь, въ надеждѣ овладѣть всею Украиною. Магометъ IV безъ великаго труда заставилъ Россіянъ оттуда выступить; но онъ долго боролся съ городами, которые защищались мужественно. Наконецъ, хотя и съ великимъ урономъ, Турки одержали верхъ, и Магометъ IV возвратился въ Стамбулъ, какъ будто бы

ему не оставалось никакого со стороны Польши опасенія. Пользуясь симъ, Іоаннъ Собѣскій взялъ Баръ, Брацлавъ, Рашковъ и другіе города; назначилъ Сѣрко козацкимъ Гетманомъ на мѣсто Ханенки: Дорошенкѣ снова ничего не осталось кромѣ Чигирина. Король зимовалъ въ Брацлавѣ, а дѣйствія Польскихъ войскъ простирались даже за Днѣстръ. Но отшествіе въ Литву Михаила Казиміра Паца, вопреки данному имъ обѣщанію помогать Королю на Украинѣ, малочисленность Польскаго войска, изнуреннаго трудами и некомплектованнаго по причинѣ недостатка въ деньгахъ, коварство козаковъ, несогласныхъ между собою, содѣлали начало слѣдующаго (1675) года весьма опаснымъ и для Короля и для Государства. Новое Турецкое войско принудило Короля отступить къ Львову. Збаражъ, Бучачь, Заволовъ достались въ руки Сераскира Ибрагима. Но Станиславъ Яблоновскій, Русскій Воевода, отразилъ Татаръ отъ Злочова, Трембовль (древній *Теребовлъ*) и Подгайцы защищены (76), Король (24 Авг.) поразилъ Нурадина съ Татарами подъ Львовымъ: всѣ сіи обстоятельства удержали Турокъ отъ дальнѣйшихъ дѣйствій; когда же между тѣмъ Королевское войско значительно увеличилось, Турки возвратились частію къ Каменцу, частію за Днѣстръ, а Король двинулся съ своимъ

войскомъ за ними, также къ Каменцу и даже до Сочавы, которая предана огню.

Таковое положеніе дѣла дозволило Королю возвратиться въ Государство для Коронованія. На пути онъ останавливался въ Жолквѣ и наконецъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Краковъ (30 Янв. 1676), гдѣ (31 Янв.) совершено погребеніе тѣлъ Королей Іоанна Казиміра и Михаила, и вскорѣ потомъ (2 Февр.), и коронованіе Собѣскаго. Королева вмѣстѣ съ Королемъ получила корону изъ рукъ Архіепископа Андрея Ольшовскаго, который по волѣ Государственныхъ Чиновъ еще до коронованія наименованъ былъ Архіепископомъ. Староства Калусское, Стрыйское, Яворовское и Гнѣвское отданы Королю и Королевѣ для собственнаго ихъ содержанія; но Королю не дозволено долѣе оставлять у себя великую булаву: онъ вручилъ ее Полевому Гетману Князю Димитрію Вишневецкому, брату покойнаго Короля Михаила. Съ того времени Князь Димитрій сдѣлался искреннѣйшимъ другомъ Короля, равно какъ и Русскій Воевода, Яблоновскій, получившій меньшую булаву. При семъ случаѣ Королева Марія Казиміра Аркіянская (Arquian) явила извѣстную уже со времени царствованія Іоанна Казиміра способность къ проискамъ. Король намѣревался Гетманское званіе сдѣлать трехлѣтнимъ; но Королева, изъ уваженія къ Полево-

му Гетману, чрезъ посредство Сеймоваго Маршала Николая Сенявскаго, успѣла настоять, чтобы Гетманство опять осталось пожизненнымъ. Сеймъ опредѣлилъ на будущее время имѣть 90.000 Короннаго войска, а войско Литовское увеличить 18 тысячами. Но сіе положеніе осталось по большей части на бумагѣ, безъ исполненія. —

Когда новый Сераскиръ Ибрагимъ Шейтанъ съ 80.000 вторгнулся въ границы Польскія, то Король изъ Львова двинулся подъ Журавно съ 7.000 Польскаго войска и съ 3.000 Литовцевъ. Сераскиру не трудно было окружить Короля подъ Журавномъ (24 Сентября), но онъ не могъ воспрепятствовать прибытію 3.000 воиновъ, пришедшихъ къ Полякамъ на помощь. Король съ необыкновеннымъ мужествомъ защищался противъ 80.000 Турокъ и 130.000 Татаръ, и наконецъ (17 Октября) заключилъ миръ. Собѣскій, какъ опытный вождь, воевалъ не только оружіемъ, но и золотомъ. Онъ заблаговременно начиналъ переговоры съ Татарами и Господаремъ Волошскимъ; но какъ требованія ихъ были слишкомъ тягостны, то онъ защищался доколѣ могъ. Осеннее время года крайне безпокоило Турокъ. Янычары скучали войною безъ добычи подъ начальствомъ Сераскира. Сіи обстоятельства заставили Ибрагима отправить къ Королю двухъ Пашей и 24 Янычаръ для за-

ключенія мирныхъ условій, въ то самое время, когда Король Польскій, не имѣя ни продовольствія, ни пороха, и находясь въ отчаянномъ положеніи, намѣревался на другой же день, снявъ лагерь, дать рѣшительное сраженіе и, либо одержать невѣроятную побѣду, либо пасть со славою на полѣ брани. Артиллерійскій Генералъ Мартинъ Контскій случайно нашелъ въ подземельѣ замка мортиру: бросаніемъ изъ оной бомбъ вселилъ въ непріятеля мысль о прибытіи свѣжихъ войскъ,—что, равно какъ и нѣкоторыя другія причины (77), склонило Ибрагима Шейтана къ заключенію мира. На канунѣ сего мира Король, изнуренный трудами и безсонницею, спалъ такъ спокойно, какъ будто бы онъ былъ внѣ всякой опасности, и при заключеніи онаго явилъ себя столь же великимъ какъ и во время битвы.—Условія мира были слѣдующія: „1) Двѣ „части Украины будутъ принадлежать Поль„шѣ, а третья Козакамъ, покорившимся Тур„ціи. 2) Въ разсужденіи Подоліи рѣшительное „положеніе послѣдуетъ въ Царѣградѣ. 3) Ама„натамъ Львовскимъ и Поморскимъ дается „свобода. 4) Храмы Божіи въ Святой землѣ, „отобранные у Католиковъ и Турками отдан„ные Грекамъ, снова возвращены будутъ Ка„толикамъ. 5) По желанію Поляковъ Турки и „Татары будутъ давать имъ въ помощь вой„ско. 6) Турки, воюя по сосѣдству съ Поль-

„шею, не будутъ касаться Польскихъ границъ. 7) Подданные Турецкіе не должны грабежами нарушать мира. Въ противномъ случаѣ Король дастъ знать о томъ Каменецкому Пашѣ и будетъ требовать вознагражденія. 8) Торговлѣ быть свободною. 6) Татарамъ-Липкамъ или Литовскимъ дозволить „возвратиться въ Турцію въ теченіе одного „года, если они того пожелаютъ. 10) Чрезвычайное Посольство отправится въ Царьградъ для утвержденія мира; между тѣмъ „обыкновенный Посланникъ вмѣстѣ съ Турецкимъ войскомъ поѣдетъ къ Султану и останется тамъ до прибытія Посольства чрезвычайнаго.“ — По причинѣ дурной погоды Турки спѣшили переправиться черезъ Днѣстръ и оставили 15.000 плѣнныхъ и 3.000 возовъ съ добычею.—Въ Жолквѣ Маркизъ де Бетунь поднесъ Королю Французскій орденъ Св. Духа, присланный ему Лудовикомъ XIV, а Лордъ Лаврентій Гиде (потомъ Графъ Рочестерскій) поздравилъ его отъ имени Англійскаго Короля Карла II.

Хотя потеря части Украины и Подоліи была весьма чувствительна для Польши, однакожъ при кончинѣ Короля Михаила и при тогдашнихъ обстоятельствахъ никто не могъ надѣяться подобнаго мира. На Украинѣ Чигиринъ и другіе города Дорошенки находились уже во власти Россіянъ. По сему случаю Турки

вмѣшались въ войну съ Россіею, которая во время войны Поляковъ съ Турками заняла Украинскіе города. Кровь Россіянъ и Турокъ лилась на Украинѣ до тѣхъ поръ (1677—1680 г.), пока возникшія въ Венгріи безпокойства не отвлекли вниманія Турокъ отъ Россіи. — Сеймъ (1677 г.) подтвердилъ Журавинскій трактатъ, и на основаніи онаго Хелмскій Воевода Янъ Гнинскій отправленъ въ Турцію въ качествѣ Посла. Гнинскій, въѣхавъ съ торжествомъ въ Царьградъ, послѣ продолжительныхъ споровъ о церемоніалѣ, слишкомъ поспѣшно уступилъ Турціи даже и то, что еще Польшѣ должно было принадлежать на Украинѣ и въ Подоліи, кромѣ Бѣлой-церкви, Брацлава и Паволоки.

Такимъ образомъ кончилась сія страшная Турецкая война, бывшая, такъ сказать, прибавленіемъ къ войнамъ козацкимъ. Велика была потеря; но можно было надѣяться, что Король Іоаннъ III приведетъ Государство въ лучшее состояніе. Вышло напротивъ. Самая великость Іоанна III послужила орудіемъ къ усугубленію бѣдствій Польши и народа Польскаго. Мало по малу Іоаннъ III дошелъ до того, что царствовалъ не лучше Сигизмунда III и кончилъ свое царствованіе подобно Іоанну Казиміру V и Михаилу.—Принятіе въ подданство Курляндскаго Герцога Іакова, признаніе Курфирстомъ Брандебургскимъ леннаго

права на владѣніе Битомлемъ и Лауенбургомъ, прекращеніе распрей между Магистратомъ и гражданами города Данцига, — суть событія мирныхъ лѣтъ въ царствованіе Іоанна III.

Разслабленіе силъ Государства столь продолжительными войнами, требовало самаго строгаго соблюденія мира. Посему Андрусовское перемиріе съ Россіею (17 Авг. 1678 г.) продолжено еще на тринадцать лѣтъ, т. е. до 1693 года, при чемъ Царь Ѳеодоръ Алексіевичь возвратилъ Польшѣ Велижъ, Невель и Себежъ и заплатилъ 2 милліона злотыхъ. Но когда Курфирстъ Брандебургскій Фридрихъ Вильгельмъ (1677, 1678) отнялъ у Шведовъ всю Померанію, и они, пылая мщеніемъ, отправили изъ Ливоніи въ Пруссію Генриха Горна съ 16.000 войска, Польша едва опять не вмѣшалась въ сію войну: ибо Лудовикъ XIV условился съ Шведами, чтобы Герцогская Пруссія содѣлалась достояніемъ Королевской фамиліи, или была бы присоединена къ Государству Польскому. По сему случаю Король Іоаннъ Собѣскій собиралъ въ Польской Пруссіи войско, а Литвѣ приказалъ дать Шведамъ свободный пропускъ; но Великій Литовскій Гетманъ Михайло Казиміръ Пацъ не повиновался Королевскому приказанію, и не имѣя довольно силъ, чтобы воспротивиться Шведамъ, всячески затруднялъ походъ ихъ, съ великимъ для нихъ вредомъ. — Въ томъ же

(1678) году былъ первый Сеймъ въ Гроднѣ, (съ 15 Декабря по 15 Марта 1679).—Шведы желали имѣть пособіе противъ Брандебургцевъ, а Брандебургцы ожидали онаго противъ Шведовъ. За Шведовъ ходатайствовалъ Посолъ Французскій, за Брандебургцевъ Австрійскій. Однакожь дѣло обошлось безъ войны, хотя Король болѣе благопріятствовалъ Франціи. Ибо успѣхи Шведовъ были не продолжительны въ Пруссіи, и еще въ Январѣ 1679 Курфирстъ Брандебургскій, прибывъ въ Пруссію съ войскомъ, среди зимы выгналъ изъ Герцогства Шведовъ, коихъ едва 2500 человѣкъ возвратилось въ свое отечество. Между тѣмъ Лудовикъ XIV, примирясь со всѣми своими непріятелями, принудилъ Курфирста отдать Шведамъ Померанію и иныя земли (78). — На Сеймѣ въ Гроднѣ (1679) говорено было о войнѣ Турецкой и о томъ, чтобы для возвращенія Каменца и для обезпеченія Южной границы всегда имѣть готовое войско. Разсудить о семъ обстоятельствѣ предоставлено Королю, который обезпеченіемъ границъ и иными заслугами можетъ стяжать право на оставленіе короны Польской своему потомству. Но ни налоги, ни новой наборъ войска не приняты.

Въ 1680 году Курфирстъ Брандебургскій Фридрихъ Вильгельмъ женилъ въ Королевцѣ другаго своего сына Маркграфа Лудовика на

*

тринадцатилѣтней Княжнѣ Лудовикѣ Каролинѣ, дочери Князя Богуслава Радзивилла, послѣдней отрасли Бирженской линіи. Намѣреніемъ же Короля Іоанна было совокупить ее бракомъ въ послѣдствіи времени съ сыномъ своимъ Іаковомъ, которому было тогда также 13 лѣтъ (79). Сіе обстоятельство родило нѣкоторыя неудовольствія, которыя однакоже миновались, когда Курфирстъ увѣрилъ, что чрезъ сіе фамилія Короля Іоанна III нимало не потерпитъ.—

Мало по малу Іоаннъ III, забывая о дѣлахъ Государственныхъ, начиналъ болѣе заботиться о выгодахъ собственной своей фамиліи. Сеймъ 1681 года закрытъ былъ по вліянію Курфирста Брандебургскаго чрезъ Познанскаго Посла Владислава Пржіемскаго. Впрочемъ были и другіе къ тому поводы. Королевѣ Маріи Казимірѣ хотѣлось показать величіе свое во Франціи. Она ходатайствовала у Лудовика XIV о пожалованіи отца своего Маркиза д'Аркіанъ въ Герцоги и Перы Франціи, и просила, чтобы она при въѣздѣ во Францію была принимаема такъ же, какъ была принята Королева Англійская. Лудовикъ XIV (1676) отказалъ ей и въ томъ и другомъ, не смотря на то, что послѣ коронованія Маріи Казиміры онъ предоставилъ ей всѣ права, приличныя особамъ Королевскаго Французскаго Дома. Не столько самъ Лудовикъ XIV,

сколько его Военный Министръ Маркизъ Лувуа былъ причиною неучтиваго на ея требованіе отвѣта, что между Королевою наслѣдственною и Королевою избирательною есть различіе; къ отказу же Маркизу д'Аркіанъ въ достоинствѣ Пера способствовали особенныя обстоятельства, которыхъ Король Французскій не могъ предвидѣть. Іоаннъ III, много уважаемый до того времени Лудовикомъ XIV, самъ просилъ его о своемъ тестѣ, который былъ тогда только Капитаномъ Гвардейскихъ Швейцарцевъ при Королевскомъ братѣ, Герцогѣ Орлеанскомъ Филиппѣ I, и, при весьма ограниченномъ состояніи, не пользовался особеннымъ уваженіемъ. Лудовикъ XIV склонился-было на просьбу Іоанна III, но съ условіемъ, ежели Маркизъ д'Аркіанъ пріобрѣтетъ достаточное достояніе для приличнаго содержанія себя въ званіи Пера. Въ то же самое время и Маркизъ Францискъ де Бетюнь, свойкъ Короля Іоанна III, женатый на Лудовикѣ Маріи, старшей сестрѣ Королевы Польской, искалъ того же достоинства, не зная, что тесть его домогается онаго. Маркизъ де Бетюнь былъ человѣкъ заслуженный, имѣлъ отличныя способности, и пользовался бо́льшимъ вниманіемъ Лудовика XIV нежели Маркизъ д'Аркіанъ, къ которому Король Французскій питалъ личное недоброжелательство; для того не желая безъ особенной надобности увеличивать число

Герцоговъ и Перовъ, онъ объявилъ, что двухъ Герцоговъ изъ одной фамиліи быть не можетъ. Вскорѣ явился и третій искатель того же званія. Это былъ Секретарь Французской Королевы Маріи Терезіи, Бризасье, богачъ, вышедшій изъ ничтожества, который дарами и письмомъ, собственноручно Французскою Королевою подписаннымъ, склонилъ было Іоанна III къ признанію его своимъ побочнымъ сыномъ, и въ пользу котораго онъ также ходатайствовалъ у Лудовика XIV.— Оскорбленная отказомъ Королева Марія-Казиміра перемѣнила планъ свой, приказавъ отцу продать имѣніе свое во Франціи и пріѣхать въ Польшу. Но сестра ея, Маркиза де Бетюнь, уже завидовавшая блистательной участи Королевы, убѣдила Герцога Орлеанскаго Филиппа I, описать имѣніе Маркиза д'Аркіанъ для уплаты ея приданаго. Все сіе крайне оскорбило Королеву Марію Казиміру, и она рѣшилась употребить всѣ средства, чтобъ отмстить и Франціи, и Лудовику XIV и родной сестрѣ своей.

Унизить обѣ отрасли Австрійскаго Дома, старшую въ Испаніи, и младшую въ Австріи, было, со времени совершеннолѣтія Лудовика XIV, единственною цѣлію всѣхъ его усилій. Ослабленіе Испанской Монархіи и неспособность ея Королей облегчили ему путь къ достиженію половины желанія; но съ другой

стороны Нѣмецкій Императоръ Леопольдъ I, Король Венгерскій и Богемскій, не бывшій ни отличнымъ воиномъ, ни искуснымъ политикомъ, среди всѣхъ своихъ бѣдствій и неудачь положилъ его замыслу неодолимую преграду, умѣя пользоваться самомалѣйшими обстоятельствами до такой степени, что всѣ непріязненныя дѣйствія Лудовика XIV послужили болѣе къ возвышенію, нежели къ упадку сей младшей линіи Австрійскаго Дома. Леопольдъ I, воспитанный для духовнаго званія, по смерти брата Короля Фердинанда IV и отца своего Императора Фердинанда III получивъ Императорскую корону, имѣлъ за собою только большую часть собственной Австріи, Богеміи и четвертую долю Венгріи безъ Трансильваніи (Седмиградской земли); Тироль поступилъ въ его владѣніе уже въ 1664 году; Турецкая граница отстояла отъ Вѣны не далѣе какъ на нѣсколько десятковъ миль. Гоненіе на Протестантовъ въ Венгріи, возникшіе въ оной безпорядки, страсть юнаго Императора къ охотѣ, были причиною, что Турки, раздраженные за оказаніе помощи Трансильванцамъ, безъ труда покоряли Венгерскіе города: вмѣсто 24.000 войска, считавшагося на бумагѣ, Генералъ де Сушъ въ 1661 г. нашелъ только 4.000 для охраненія Великаго Варадина. Сіи и нѣкоторыя другія обстоятельства поставили Австрію въ весьма за-

труднительное положеніе, сдѣлавшееся еще опаснѣйшимъ отъ раздора Нѣмецкихъ Князей, которые и не думали помогать Императору. Впрочемъ побѣда, одержанная его вождемъ Монтекукулли надъ Великимъ Визиремъ Ахметомъ Купроли (1 Авг. 1664), удержала успѣхи Турецкаго оружія, уже грозившаго Вѣнѣ. Перемиріе на 20 лѣтъ, ни мало невыгодное для Венгріи, казалось, было для того только зазаключено (10 Авг.), чтобъ возобновить въ Венгріи гоненіе на Диссидентовъ, которые лишились осьмисотъ церквей; предположенный въ 1667 году Сеймъ не состоялся какъ бы для того, чтобъ не слышать воплей народа, угнѣтаемаго Австрійскими Министрами. Въ слѣдствіе сего Венгерскіе Вельможи Воевода Весселини, Петръ Серини, Христофоръ Франгипани и Францискъ Надазди рѣшились произвести возмущеніе, въ которомъ участвовалъ и Правитель Стиріи Графъ Эразмъ Теттенбахъ. Заговоръ открытъ. Мятежники (30 Апр. 1671) казнены [80]: ибо духовникъ Императора Леопольда I, Іезуитъ Эмерикъ, не позволилъ ему слѣдовать влеченію добраго своего сердца; онъ же воспрепятствовалъ и дарованію угнѣтеннымъ Венграмъ свободы Вѣроисповѣданія. Злоупотребленія при Австрійскомъ Дворѣ простерлись до того, что тотъ же Іезуитъ (бывшій потомъ Вѣнскимъ Епископомъ) назначалъ даже Офицеровъ въ войско

Монтекукулли. Венгрія не долго оставалась спокойною: престарѣлый Графъ Стефанъ Текелли, послѣ примиренія Ракоци съ Вѣнскимъ Дворомъ (1670), рѣшился снова вооружиться. Но постигшая его смерть, надежда на льготу и присутствіе 30.000 Нѣмецкаго войска удержали даже до 1678 года положеніе дѣлъ въ томъ же видѣ. Во время Французской войны на Рейнѣ молодой Графъ Эммерикъ Текелли, сынъ Стефана, сдѣлался главою недовольныхъ Венгерцевъ и овладѣлъ всею верхнею Австрійскою Венгріею. Хотя Франція (1679) и заключила миръ въ Нимвегенѣ, однакожь она не оставляла прежняго своего намѣренія унизить Австрію, и радовалась Венгерскимъ происшествіямъ. Маркизъ де Бетюнъ питалъ Венгерцевъ надеждами и помогалъ имъ деньгами; въ Стрыйскомъ Старостве собиралось войско съ вѣдома и согласія Короля Іоанна III. Маркизъ де Бетюнъ обнадеживалъ даже Польскаго Короля, что фамилія Собѣскихъ можетъ овладѣть Венгерскимъ престоломъ. Войска собрано уже было до 10.000.

Тогда то Королева Марія Казиміра, озлобленная противъ Франціи и Маркиза де Бетюна, начала дѣйствовать для отмщенія за нанесенное ей оскорбленіе. Она имѣла твердую волю и часто, вопреки желанію Короля, достигала своихъ намѣреній. Съ сею цѣлію она вооружила противъ Короля Коронныхъ

Гетмановъ и Мальтійскаго Кавалера Іеронима Любомирскаго, который оказалъ такъ много услугъ Австріи, въ войнахъ съ Венграми и Турками. Король любилъ спокойствіе, и не рѣдко долженъ былъ для сохраненія тишины исполнять волю своей супруги. Впрочемъ такова судьба и многихъ героевъ: Генрихъ IV, Король Французскій, образецъ Государей, былъ рабомъ Маріи де Медицисъ; Испанскій Король Фердинандъ V былъ исполнителемъ воли Изабеллы; Сигизмундъ I, лучшій изъ Королей Польскихъ, находился въ полномъ распоряженіи Боны Сфорчіи. — Король вынужденнымъ нашелся распустить собранное для Венгерскихъ мятежниковъ войско, отказаться отъ видовъ своихъ на Венгрію, и тѣмъ самымъ подалъ поводъ къ неудовольствіямъ на Сеймѣ 1681 года. Маркизъ де Бетюнъ, видя что надежды его въ отношеніи къ Венгріи уничтожены, участвовалъ также въ закрытіи Сейма. Король Іоаннъ III, оставшись крайне недовольнымъ таковымъ его поведеніемъ, просилъ чтобъ онъ отозванъ былъ во Францію. Коль скоро сіе исполнено, онъ немедленно приступилъ къ переговорамъ съ Австріею.

На Римскомъ престолѣ сидѣлъ тогда Иннокентій XI, сынъ Банкира Одескальки; въ молодыхъ лѣтахъ онъ подъ именемъ Венедикта служилъ въ походѣ противъ Турокъ, потомъ вступилъ въ Священство, былъ въ

старости Кардиналомъ и наконецъ сдѣлался Папою. Иннокентій XI искренно благопріятствовалъ Леопольду I, изъ уваженія къ прекраснымъ его качествамъ. Онъ всегда дѣятельно употреблялъ всѣ средства противъ Турціи и Франціи; будучи въ то время особенно недоволенъ Франціею и ненавидя Турокъ, онъ принялъ большое участіе въ примиреніи Польши съ Австріею, находившихся въ раздорѣ по случаю грабежей на границахъ Венгріи. Папскій Нунцій Паллавичини безъ труда примирилъ Дворъ Вѣнскій съ Варшавскимъ, чрезъ что самое Королева желала отмстить Лудовику XIV. Король Іоаннъ III, видя, что Лудовикъ XIV не обращаетъ вниманія на его гнѣвъ, а Французскій Посолъ Маркизъ де Витри, надутый гордостію своего Государя, былъ гораздо спокойнѣе нежели сколько слѣдовало, — почувствовалъ себя обиженнымъ. Виды на возвышеніе своей фамиліи чрезъ посредство Дворовъ Вѣнскаго и Римскаго, благородство характера Леопольда I, старанія Иннокентія XI и зависть къ побѣдамъ Лудовика XIV, склонили Короля Іоанна III къ союзу съ Австріею наипаче потому, что Туркамъ тогда и не должно и не льзя было довѣрять, и что онъ надѣялся отнять у нихъ Каменецъ, хотя и зналъ уже о намѣреніи Турокъ осадить Вѣну. Увѣренный Папою, что Австрія сдѣлаетъ все что можетъ для него и для его фамиліи,

онъ по совѣту Королевы вознамѣрился женить сына своего Іакова на Эрцгерцогинѣ Маріи Антоніи, дочери Леопольда I, родившейся 18 Января 1669 года и потомъ при помощи Австріи и Рима сдѣлать Польскую корону наслѣдственною въ своей фамиліи. Великій Коронный Подскарбій Андрей Морштинъ держалъ всегда сторону Французовъ и по сей причинѣ удаленъ отъ Двора; когда же онъ, продавъ Польскія свои помѣстья, купилъ себѣ имѣніе во Франціи, то на Сеймѣ 1683 года поступила на него за то жалоба. На томъ же Сеймѣ заключенъ союзъ между Леопольдомъ I и Королемъ Іоанномъ III (31 Марта) и Сеймъ продолжился до самаго конца, хотя Франція употребляла всѣ усилія къ закрытію онаго. Содержаніе трактата было слѣдующее: „1) Общими силами воевать Турокъ до заключенія „съ ними выгоднаго мира, а въ случаѣ ихъ нападеній во всякое время подавать взаимную „помощь. 2) Въ ненарушимости сего союза „присягнуть въ Римѣ Кардиналамъ Протекторамъ Піо и Барберини въ присутствіи „Папы. 3) Всѣ прежніе иски уничтожить. 4) „Мира одному Государству не заключать безъ „вѣдома другаго; 5) Наслѣдникамъ престоловъ „Австрійскаго и Польскаго свято соблюдать „сей трактатъ. 6) Трактатъ сей относиться имѣетъ только къ войнѣ съ Турками. 7) „Императоръ долженъ поставить 60.000, а

„Король 40.000 войска. 8) Военныя дѣйствія „начнутся въ двухъ мѣстахъ: со стороны „Императора въ Венгріи, со стороны же Ко„роля въ Подоліи и Украинѣ. 9) Императоръ „дастъ Королю 300.000 талеровъ, которыя, „съ дозволенія Папы, соберетъ изъ десятины „Духовныхъ имѣній. 10) Обязанностію обоихъ „Союзныхъ Государей будетъ приглашать и „другія Державы къ сему же союзу.“

Таковы были статьи сего трактата. Къ нимъ присовокуплены два тайные пункта: 1) что Императоръ откажется отъ правъ своихъ на соляныя копи въ Величкѣ и Бохнѣ; 2) что онъ же уничтожитъ документъ, обезпечивающій избраніе на Польской престолъ одного изъ Эрцгерцоговъ, обѣщанное во время Шведской войны 1656 года. —

Главною причиною къ войнѣ Австріи съ Турціею были новыя безпокойства въ Венгріи. Венгерцы, не любя Австрійцевъ, послѣ пораженія своего (1679) воззвали на помощь Турокъ (1680), а Текелли, видя всѣ дѣлаемыя ему обѣщанія ничтожными, принялъ опять начальство надъ недовольными Венгерцами, и хотя Еденбургскій Сеймъ (1681) успокоилъ нѣсколько Венгрію, однакожъ завоеванія Французовъ въ Эльзасѣ, увольненіе отъ службы старыхъ солдатъ Австрійскаго войска, возбужденіе Турокъ со стороны Франціи, безпрестанныя гоненія Венгерскихъ Диссиден-

товъ, въ одно и то же время вооружили противъ Австріи и Венгрію и Турцію. Въ Мартѣ 1682 года Текелли заключилъ съ Турками въ Будѣ (81) договоръ, по силѣ котораго Оттоманская Порта, принявъ Венгрію подъ свое покровительство, обязалась избавить оную отъ подданства Австрійскаго, не требуя за сіе ничего, кромѣ 40.000 талеровъ ежегодно и возвращенія того, что ею потеряно до 1664 года. Послѣ того уже ни Текелли, ни Турки не хотѣли и слышать о мирѣ, и требовали чтобъ Императоръ Леопольдъ I привелъ Венгрію въ то положеніе, въ которомъ оная находилась въ 1663 году; чтобъ онъ сверхъ того платилъ Турціи 50.000 талеровъ ежегодной дани и чтобы уничтожилъ крѣпости, Леопольштадтъ въ Венгріи и Грацъ въ Стиріи. Среди сихъ-то опасностей заключенъ вышепомянутый союзъ между Королемъ Іоанномъ III и Императоромъ, который при подписаніи онаго долго думалъ, прилично ли Республику называть *наияснѣйшею* (serenissima), а Короля *Величествомъ* (maiestas). —

Когда Король Іоаннъ III медлилъ ѣхать на помощь Вѣнѣ, то Папскій Нунцій Паллавичини и Императорскій Посолъ Графъ Вильчекъ, встрѣтясь съ нимъ въ Дворцовой галлереѣ, воскликнули, первый: *Государь, спаси Вѣну*, а послѣдній: *и Христіанство*. Леопольдъ I выѣхалъ изъ Вѣны въ Линцъ (10 Іюля) вмѣ-

стѣ съ беременною Императрицею Маріею Элеонорою: Татары между тѣмъ стремились къ столицѣ Австріи. Тогда только возникъ явный ропотъ на совѣтниковъ Императора, и именно на Іезуитовъ, которые отклоняли милосердаго Леопольда I отъ прощенія Венгровъ и убѣждали его гнать иновѣрцевъ. Французскій Посолъ, безпечный Витри, писалъ въ Парижъ, что дородность Короля Іоанна III не дозволитъ ему лично выступить въ походъ; однакожь онъ 15 Августа отправился изъ Кракова для спасенія Вѣны, которую уже (съ 14 Іюля 1683 г.) осаждалъ Великій Визирь Кара Мустафа. На смотрѣ въ Пресбургѣ (въ Маіѣ 1683) Императоръ Леопольдъ I полагалъ, что онъ имѣетъ войска не менѣе 40.000, по слухамъ же было онаго до 70.000; но когда Лотарингскій Герцогъ Карлъ V, оставивъ гарнизонъ въ крѣпости Яворинѣ (Raab) и Коморнѣ (Komorn), долженъ былъ отступать въ Австрію, то подъ его начальствомъ оказалось не болѣе 24.000. Турки же имѣли 300.000 и 250 орудій. Герцогъ Лотарингскій съ величайшимъ благоразуміемъ снабдилъ Вѣну сильнымъ гарнизономъ, а остальное войско, какъ не могшее противостоять Туркамъ и Текелли, сохранилъ въ цѣлости. Вѣна, оставшаяся подъ начальствомъ Графа Эрнста Ридигера Штаремберга и Богемца Графа Каплера, защищалась мужественно. При всемъ томъ

городъ находился уже въ величайшей опасности.

Король Іоаннъ III спѣшилъ впередъ къ Тульну, оставивъ за собою войско, въ надеждѣ что мосты и все нужное найдетъ въ готовности, какъ его обнадеживалъ въ томъ Леопольдъ I; но къ удивленію его ничего не было приготовлено. Заботливостію Лотарингскаго Герцога Карла и самаго Короля устроена переправа чрезъ Дунай (6 и 7 Сентября). 8 числа соединились Баварцы съ войсками Польскимъ и Австрійскимъ. Поляки стали на правомъ крылѣ; средину заняли Баварцы и присланныя изъ Франконіи Нѣмецкими Князьями войска, находившіяся подъ начальствомъ Князя Вальдека, при которомъ неотлучно находился юный Баварскій Курфирстъ Максимиліанъ Эммануилъ; на лѣвомъ лѣ были Австрійцы, Поляки Надворнаго Маршала Князя Іеронима Любомирскаго, который съ 4.000 служилъ на Австрійскомъ жалованьѣ, и Саксонцы, которыми предводительствовалъ самъ Курфирстъ Іоаннъ Георгъ III. Поляковъ было 30.000, Баварцевъ 10.000, Саксонцевъ 11.000, Франконцевъ 8.000, Австрійцевъ 10.000: число всѣхъ простиралось до 70.000. Всѣ военачальники, изъ уваженія къ Королю Іоанну III, и слѣдуя примѣру Лотарингскаго Герцога Карла V, изъявили желаніе состоять подъ начальствомъ Короля, а сынъ его Іаковъ

снискалъ особенную пріязнь Курфирста Баварскаго и уваженіе другихъ. 11 Сентября вечеромъ Христіанское воинство двинулось изъ подъ Калемберга впередъ. Правымъ крыломъ командовалъ Станиславъ Яблоновскій, Великій Коронный Гетманъ и Русскій Воевода; лѣвымъ Герцогъ Лотарингскій; центромъ самъ Король. 12 Сентября завязалась битва: на лѣвомъ крылѣ Австрійцы были смяты, но, подкрѣпленные Саксонцами и другими, удержали стремленіе Турокъ, а во второмъ часу по полудни Король приказалъ Польскимъ Гусарамъ взять обозъ Великаго Визиря. Отрядъ Королевича Александра, подъ начальствомъ Сигизмунда Збѣржховскаго, и отрядъ Люблинскаго Воеводы Карла Тарлы, подъ собственною его командою, прежде всѣхъ привели Турокъ въ замѣшательство. Волынскій Воевода, Полевой Гетманъ Николай Іеронимъ Сѣнявскій и Воевода Кіевскій, Артиллерійскій Генералъ Контскій много содѣйствовали къ одержанію побѣды, равно какъ и полкъ Краковскаго Кастеллана Андрея Потоцкаго, котораго сынъ Станиславъ, Галицкій Староста, палъ на мѣстѣ сраженія въ первой сшибкѣ съ Турками. Сія побѣда была блистательна. Великій Коронный Гетманъ Станиславъ Яблоновскій преслѣдовалъ Турокъ, бѣжавшихъ въ Венгрію. Подъ Эндерсдорфомъ погибло ихъ еще до 5.000. 13 числа въ 9 часу утра Король Іоаннъ Со-

бѣскій въѣхалъ въ Вѣну при усердныхъ восклицаніяхъ народа, величавшаго его *избавителемъ Столицы и всего Государства.* Но въ церкви Св. Стефана Король для служенія литургіи нашелъ только низшее Духовенство. Послѣ службы стрѣляли изъ пушекъ въ знакъ побѣды, а на другой день Король выѣхалъ изъ Вѣны въ свой станъ. Тогда только возвратился изъ Линца въ Вѣну Императоръ Леопольдъ I, водою по рѣкѣ Дунаю. Онъ искренно радовался избавленію Столицы своей, но, по собственному ли убѣжденію, или по внушенію совѣтниковъ своихъ, затруднялся въ томъ, какимъ образомъ ему привѣтствовать Короля. Леопольдъ I, при всей своей привѣтливости, не могъ быть равнодушнымъ къ тому, что Столица его обязана спасеніемъ своимъ чуждому Государю, и потому съ неудовольствіемъ слышалъ громъ пушекъ. Тѣмъ благороднѣе была благодарность Герцога Лотарингскаго, который въ продолженіе военныхъ дѣйствій оказывалъ Королю совершенную преданность, какъ бы позабывъ о томъ, что Собѣскій, такъ сказать, исхитилъ Польскую корону изъ рукъ его и его супруги. Присутствуя въ Совѣтѣ, созванномъ для разсужденія о томъ, какимъ образомъ должно Императору привѣтствовать Короля, онъ подалъ мнѣніе, что избавителя Вѣны не прилично встрѣчать иначе какъ съ распростертыми объятіями, безъ всякихъ чиновъ (82).

15 Сентября было свиданіе Императора Леопольда I съ Королемъ Іоанномъ III на полѣ, за полторы мили отъ Вѣны, подлѣ деревни, что нынѣ мѣстечко, Швехетъ. Войско Польское по причинѣ дурнаго воздуха отошло отъ Вѣны къ Пресбургу, и должно было въ тотъ самый день итти еще далѣе. Привѣтствіе съ обѣихъ сторонъ было вѣжливо; когда же Императоръ упомянулъ о благодарности, Король отвѣчалъ: „Мнѣ пріятно, „что брату Моему я могъ оказать сію ма„лую услугу.“ Королевичь Іаковъ сошелъ съ коня для засвидѣтельствованія почтенія Императору. „Это сынъ мой, воспитанный для „услугъ Христіанству“ сказалъ Король; но Императоръ, едва удостоивъ его легкимъ наклоненіемъ головы, ничего ему не отвѣчалъ. Обидясь таковою холодностію, Король оборотилъ коня и сказалъ: „Я отправляюсь къ „войску: Гетманы имѣютъ повелѣніе пока„зать оное, ежели угодно будетъ полюбопыт„ствовать.“ (83). Чрезъ два дня послѣ того Императоръ, сдѣлавшись учтивѣе, писалъ привѣтливое письмо къ Королевичу, извиняясь предъ нимъ разсѣянностію своею по случаю минувшей опасности и удивленіемъ, въ которомъ онъ находился при видѣ Героя, избавившаго его отъ несчастія (84). Вѣроятнѣе, что къ перемѣнѣ обращенія убѣдили Императора виды политическіе и желаніе,

чтобъ Іоаннъ Собѣскій перенесъ войну въ Венгрію и пріобрѣлъ для него тамъ нѣкоторыя крѣпости.—Уже извѣстно было, что за Королевича Іакова не хотѣли выдать Эрцгерцогини; для того Королева и Вельможи Польскіе желали, чтобъ Король немедленно возвратился въ Польшу. Недоброжелательство Австрійскаго Правительства къ Королю съ каждымъ днемъ возрастало болѣе и болѣе: Польское войско терпѣло недостатокъ въ продовольствіи, не имѣло порядочнаго помѣщенія и переносило множество другихъ непріятностей. Но стремленіе ли къ славѣ или увѣренность, что Леопольдъ I, не смотря на внушенія своихъ любимцевъ, исполнитъ желаніе Короля,—увлекли его въ Венгрію. Вскорѣ Австрійцы явили нерасположеніе свое и къ прочимъ союзникамъ. Курфирстъ Саксонскій Іоаннъ Георгъ III возвратился во свояси, оставшись недоволенъ тѣмъ, что Герцогъ Саксенъ-Лауенбургскій Юлій Францискъ не сдѣланъ Фельдмаршаломъ и что старались уронить славу, заслуженную мужествомъ Саксонцевъ (85). Курфирстъ Баварскій Максимиліанъ Эммануилъ удержанъ былъ болѣзнію. Кромѣ Герцога Лотарингскаго, чуждаго низкой зависти, Австрійцы приписывали однимъ себѣ славу побѣды, и были крайне недовольны тѣмъ, что Король Іоаннъ III овладѣлъ сокровищами Визиря.—Огорченный ихъ неблаго-

дарностію, Король хотѣлъ доказать подъ Парканами, что онъ и безъ Нѣмцевъ умѣетъ побѣждать; но по неосторожности, съ малымъ числомъ конницы онъ встрѣтилъ цѣлыя полчища Будинскаго Паши Кара-Ахмета (7 Октября 1683). Тутъ Собѣскій едва не лишился жизни. Ошибку сію вознаградилъ онъ 9 того же мѣсяца, соединясь съ Нѣмцами, которымъ самъ признался, что онъ наказанъ за свою поспѣшность. Турокъ погибло 24.000; ушло изъ нихъ только 2.000; Парканы взяты; вскорѣ послѣ того (27 Октября) покорился и Гранъ (Strigonium). Оттуда уже Король пошелъ въ обратный путь чрезъ мятежную Верхнюю Венгрію: ибо Императорскіе Генералы не хотѣли дать изнуренному трудами Польскому войску иныхъ квартиръ, какъ только въ помѣстьяхъ Текелли, и въ городахъ, кои должно было покорять силою.—Король Іоаннъ III не только оружіемъ оказалъ услугу Леопольду I, но былъ ему полезенъ и совѣтомъ. Стараясь о примиреніи Текелли съ Императоромъ, онъ убѣдилъ его во все продолженіе войны оставаться въ бездѣйствіи, и даже на обратномъ пути Король Іоаннъ III былъ тѣхъ мыслей, что съ Венгерцами должно обходиться ласковѣе; но суровость Штаремберга и другихъ Генераловъ, наипаче же непреклонность Императорскихъ Министровъ тому препятствовали.—На пути Король Іоаннъ III

взялъ у Турокъ Шечены, у Венгерцевъ Сабиновъ (Zeben), и Графовъ Форгача и Гуманая, шурина Текелли, склонилъ къ дружбѣ съ Императоромъ, и взявъ ихъ подъ свое покровительство, приказалъ Полковнику Добчицу съ 24 конными ротами находиться въ городѣ Унгварѣ, а Поплавскому въ Бардіовѣ съ частію Литовскаго войска, для удержанія того края въ подданствѣ Леопольда I. На походѣ въ осеннее время Поляки потеряли солдатъ и лошадей болѣе нежели въ самыхъ сраженіяхъ. Тогда же умеръ и Коронный Полевой Гетманъ, Волынскій Воевода Николай Сѣнявскій. Обращеніе Австрійцевъ съ Венгерцами и лишеніе помощи Гуманая, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ ожидать оной только отъ Короля Іоанна III, было причиною, что (1684) всѣ завоеванія Поляковъ въ Верхней Венгріи опять перешли въ руки Текелли.— Послѣ чрезвычайно труднаго перехода чрезъ Карпатскія горы, Король возвратился въ Краковъ 23 Декабря 1683 года.

Во время похода Поляковъ въ Вѣну Краковскій Кастелланъ Андрей Потоцкій съ горстью войска совершилъ великіе подвиги на Украинѣ. Расположась станомъ при Язловцѣ, онъ убѣдилъ Украинскихъ козаковъ правой стороны Днѣпра вооружиться подъ начальствомъ Куницкаго противъ Дорогимова, Волошскаго Намѣстника въ Нѣмировѣ, взялъ

въ плѣнъ Волошскаго Господаря Дукаса, назначилъ на его мѣсто Стефана XIV Петриченку,—который съ 1674 года проживалъ въ Польшѣ,—и прогналъ Турокъ до Каменца. Сіи событія склонили и Россію къ миру, въ царствованіе Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича, которые до того времени содержали войско на границѣ, дабы, въ случаѣ несчастія подъ Вѣною, воспользоваться бѣдствіемъ Польши.—По смерти Сѣнявскаго малая булава досталась Андрею Потоцкому.—5 Марта 1684 года Венеціане пристали къ союзу съ Императоромъ, Папою и Королемъ Польскимъ противъ Турокъ; Иннокентій XI и Леопольдъ I хотѣли и Россію склонить къ участію въономъ; но она соглашалась на то не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы Андрусовское перемиріе обращено было въ вѣчный миръ. Іезуитъ Вота и Моравецъ Баронъ Зѣровскій взялись преклонить Царей. Между тѣмъ Король Іоаннъ III удостовѣрился въ неискренности и недружелюбіи Вѣнскаго Двора. Ему отказано было даже въ выдачѣ пушекъ, отнятыхъ у Турокъ подъ Вѣною; сверхъ того простирали къ нему притязанія за переходъ войска Польскаго чрезъ Силезію и обратно чрезъ Венгрію, равно какъ и за пушки, взятыя у Шведовъ въ Торунѣ, не смотря на великое различіе между освобожденіемъ Вѣны (1683) и Торуня (1658).—Польское войско поз-

дно выступило въ походъ (1654), ибо Дворянство обѣднѣло отъ похода Вѣнскаго. По недостатку въ деньгахъ войско собиралось весьма медленно; да и самъ Король не имѣлъ большаго расположенія къ войнѣ. Язловецъ былъ уже взятъ, Татары стѣснены подъ Хотиномъ; когда же Сулейманъ Паша Сераскиръ Турецкій переправился за Днѣстръ, военныя дѣйствія прекратились, и Поляки оставались въ лагерѣ подъ Званцемъ до самой зимы, а Турки между тѣмъ имѣли удобную пору снабдить Каменецъ продовольствіемъ и военными снарядами.

Поведеніе Вѣнскаго Двора не только наскучило Королю Іоанну III, но и Лотарингскому Герцогу Карлу V, который (1684) по винѣ Императорскихъ Совѣтниковъ потерялъ предъ Будою до 25.000 войска и долженъ былъ отступить отъ города. Однакожь взятіе иныхъ городовъ и побѣды другихъ вождей надъ Текелли нѣсколько вознаградили сію потерю. Одна только Польша не имѣла никакой прибыли отъ сей войны. — Въ Вѣнѣ и Римѣ извѣстна уже была холодность Іоанна III. Чтобы возбудить его снова къ дѣятельности, прислали къ нему Іезуита Вота, который вскорѣ вкрался въ такую довѣренность у Короля, что всѣ дѣла начали проходить чрезъ его руки. Карлъ Маврикій Вота, былъ чрезвычайно ученъ и искусный царедворецъ. Король Іоаннъ

III, любившій Литтературу, особенно древнюю, находилъ большое удовольствіе въ бесѣдѣ съ Вотою, который не рѣдко цѣлыя ночи просиживалъ въ Королевской передней, чтобъ быть всегда готовымъ развлекать Іоанна III. Сей Іезуитъ посланъ былъ и въ Москву, дабы убѣдить Царей Іоанна и Петра къ соединенію съ Римскою Церковію; когда же Посольство сіе не имѣло успѣха, тогда онъ уже въ Варшавѣ чрезъ посредство Короля старался склонить Россію къ Уніи. Таковъ былъ предлогъ посольства; но истинная цѣль онаго состояла въ томъ, чтобъ вовлечь Іоанна III въ союзъ, отъ котораго сей не могъ ожидать для себя нималѣйшей выгоды. Любя Воту, Іоаннъ III сдѣлалъ его наставникомъ своихъ дѣтей. — Турецкая война была тягостна для Поляковъ по причинѣ недостатка въ деньгахъ. Дабы отклонить отъ оной Іоанна III и примирить его съ Лудовикомъ XIV, прибылъ въ Варшаву Маркизъ де Бетюнъ. Первымъ слѣдствіемъ его старанія было посольство Великаго Коронна-го Канцлера Яна Великопольскаго во Францію (1685) съ извиненіемъ за обиду, нанесенную Французскому Послу де Витри въ 1683 году (86); вторымъ, умноженіе холодности Іоанна III къ войнѣ еще болѣе нежели въ минувшемъ году; и когда Австрійцы покоряли Венгрію, а Венеціане подкрѣпленные Папою взяли часть Мореи и нѣсколько городовъ въ

Далмаціи, Великій Коронный Гетманъ, Русскій Воевода Станиславъ Яблоновскій не могъ ранѣе Августа выступить въ Буковину, и бывъ окруженъ 140.000 Турокъ и Татаръ едва не погибъ со всѣмъ 20 тысячнымъ войскомъ. Но онъ спасъ и себя и войско оборотливостію своею и благоразумными распоряженіями Кіевскаго Воеводы, Артиллерійскаго Генерала Контскаго: прорубивъ дорогу чрезъ непроходимый лѣсъ, Поляки спаслись бѣгствомъ подъ прикрытіемъ сильнаго пушечнаго огня.

Въ томъ же году былъ послѣдній Литовскій съѣздъ въ Слонимѣ. Тогда же закрытъ монетный дворъ и съ тѣхъ поръ перестали чеканить монету съ гербомъ Республики. Эрцгерцогиня Марія Антонія, обѣщанная нѣкогда Іакову, сыну Іоанна III, вышла за Баварскаго Курфирста Герцога Максимиліана Эммануила, который на собственномъ иждивеніи содержалъ въ Венгріи въ Австрійской службѣ до 20.000 войска. Духовенство Баварское платило также большія суммы на издержки Турецкой войны; почему Императоръ Леопольдъ I имѣлъ значительную помощь отъ Баваріи. Помощь сія тѣмъ была нужнѣе для Леопольда I, что Иннокентій XI, видя, что Австрійское Правительство употребляетъ на другія надобности денежныя пособія, присылаемыя изъ Рима, а не на Турецкую войну, прекратилъ на нѣкоторое время присылку денегъ. Какъ

всѣ усилія союзныхъ Государствъ противъ Турціи оставались безплодными, то Иннокентій XI рѣшился наконецъ употребить всѣ возможныя средства на пагубу Турокъ. Съ сею цѣлію, и дабы возбудить Короля Іоанна III къ новой дѣятельности, онъ долженъ былъ поставить ему на видъ всѣ выгодныя для фамиліи его послѣдствія послѣ замужства Эрцгерцогини. Старались увѣрить его, что его дѣти наслѣдуютъ Молдавію и Валахію; но чтобъ склонить и Россію къ войнѣ съ Турціею и обезпечить такимъ образомъ завоеваніе Валахіи, для сего убѣждали Іоанна III заключить съ Россіею вѣчный миръ, съ тѣмъ, дабы оная, вторженіемъ своимъ въ Крымъ отвлекла непріятельскія силы, между тѣмъ какъ Австрійцы осадятъ Буду. Леопольдъ I съ своей стороны обѣщалъ дать 15.000 Австрійцевъ въ пособіе Полякамъ для завоеванія Молдавіи. При всемъ томъ Король Польскій колебался присоединиться къ сему союзу, имѣя основательныя причины не довѣрять дѣлаемымъ ему обѣщаніямъ. Ибо Россія хотя и обѣщала вооружиться противъ Турокъ, если Андрусовское перемиріе замѣнится вѣчнымъ миромъ, а Кіевъ навсегда останется за нею, но имѣла въ виду получить болѣе выгодъ отъ слабой Польши, нежели отъ Турокъ. Въ случаѣ несогласія на сіе, Россія грозила войною и уже показывала явные призна-

ки недоброжелательства своего къ Польшѣ. Король Іоаннъ III не хотѣлъ согласиться на столь тяжкія условія. Сверхъ того Магометъ IV предлагалъ возвратить Польшѣ Каменецъ - Подольскій и при посредничествѣ Франціи заключить съ нею миръ. Наконецъ Іоаннъ III, исполняя волю Королевы, началъ готовиться къ Молдавскому походу. —

Познанскій Воевода Гржимултовскій и Великій Канцлеръ Литовскій Марціянъ Огинскій заключили (6 Маія 1686 года) въ Москвѣ вѣчный миръ, на условіяхъ, требованныхъ Россіею. По сему миру Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлой, Красной, Сѣверскіе города Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій и иные въ Малороссіи, какъ то Нѣжинъ, Батуринъ и пр. по лѣвую сторону Днѣпра, а по правую Кіевъ съ окружностями до рѣки Ирпеня и до Василькова, оставлены во владѣніи Россіи, равно какъ и все Запорожье. За все сіе, для вѣчнаго мира, Его Царское Величество обязался заплатить 200.000 рублей, изъ числа коихъ половину вручить немедленно Посламъ, а другую внести въ Январѣ 1687 года въ Смоленскѣ. — Обезпечивъ такимъ образомъ себя со стороны Россіи, Іоаннъ III намѣревался обратить всѣ свои силы противъ Турокъ.

Польскаго войска было до 40.000 въ наилучшемъ устройствѣ. Король Іоаннъ III вступилъ въ Молдавію и въѣхалъ въ Яссы 16 Ав-

густа 1686 года; Волошскій Князь Константинъ Кантемиръ бѣжалъ къ Туркамъ, а Князь Молдавскій Константинъ Бранкованъ принужденъ былъ съ народомъ изъявить Королю покорность. Но чрезвычайная засуха не дозволила войску Польскому отдаляться отъ Прута: въ теченіе трехъ лѣтъ предъ тѣмъ не было дождя, и всѣ другія рѣки пересохли. Турецкое войско съ Татарами при устьѣ Дуная готово было встрѣтить Поляковъ, которые двинулись къ Галачу и ожидали тамъ обѣщаннаго Императоромъ Леопольдомъ I пособія. Но Австрійцы, осаждая Буду, и не думали о таковомъ пособіи. Буда взята 2 Сентября 1686 г., а Король Польскій, не дождавшись Австрійскаго войска, долженъ былъ возвратиться послѣ безпрестанныхъ перестрѣлокъ съ Турками и Татарами съ 31 Августа до 6 Октября. По сему Польша и отъ сего похода ничего не выиграла, хотя и причинила много вреда Туркамъ, которые чрезъ то не въ состояніи были защищаться въ Венгріи и Мореѣ (87).

Не смотря на столь великую услугу для Союзниковъ, Папа Иннокентій XI въ томъ году крайне оскорбилъ Короля, не обративъ вниманія на просьбу его о производствѣ въ Кардиналы Епископа Бовескаго, и вмѣсто его давъ сіе достоинство Вармійскому Епископу Михаилу Радзѣевскому и Польскому Послу

въ Римѣ Яну Казиміру Денгофу, къ которому былъ особенно расположенъ: сіе обстоятельство дало поводъ къ постановленію, чтобы впредь духовныя особы изъ Поляковъ не были посылаемы въ Римъ въ качествѣ Пословъ.

Среди сихъ непріятныхъ событій Король основалъ Виллановъ, употребивъ для сего въ работы плѣнныхъ Турокъ, которыхъ онъ разселилъ по разнымъ мѣстамъ и по собственнымъ своимъ помѣстьямъ, какъ то въ Куликовѣ близъ Львова.

1687 годъ не былъ счастливѣе. Король подтвердилъ въ Львовѣ трактатъ Гржимултовскаго съ Россіею, скорбя сердцемъ о бѣдствіяхъ Государства, и утѣшая себя только надеждою, что Отечество, завоеваніями въ Турціи, вознаградитъ то, что взято Россіею: ибо предположено было, чтобы Поляки осадили Каменецъ-Подольскій въ то самое время когда Россіяне пойдутъ въ Крымъ. Но Крымскій походъ Князя Василія Голицына окончился безуспѣшно: Ханъ Татарскій удержалъ его у Перекопи до тѣхъ поръ, пока онъ не началъ чувствовать недостатка въ продовольствіи. Между тѣмъ Татары разорили Жолкѣвъ и другія Королевскія имѣнія; когда же малочисленное войско Польское въ Іюлѣ мѣсяцѣ двинулось къ Вишнѣвцу, дабы пресѣчь доставленіе продовольствія изъ Яссъ въ Ка-

менецъ, то и сіе предпріятіе не удалось по недостатку войска. Осада Каменца подъ начальствомъ Королевича Іакова была непродолжительна и безуспѣшна; а по полученіи извѣстія о неудачномъ Крымскомъ походѣ Князя Голицына, не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ только возвратиться въ Польшу безъ всякаго выигрыша. Король обвинялъ Коронныхъ Гетмановъ, коихъ зависть была будто бы причиною безуспѣшной осады Каменца, и кои будто бы старались, чтобъ сынъ его Іаковъ не могъ отличиться въ семъ дѣлѣ. Но скорѣе должно было винить Королеву, убѣдившую Іоанна III при аудіенціи Россійскаго Посольства въ Львовѣ посадить съ собою на тронѣ сына своего Іакова, и дать ему начальство надъ войскомъ, дабы такимъ образомъ пріучать народъ взирать на него какъ на Наслѣдника престола. Сіе было сдѣлано не во время: ибо и самъ Іоаннъ III, чрезъ вліяніе супруги своей на дѣла, почти вовсе утратилъ любовь народную. При злоупотребленіяхъ власти Королевиной все было продажно. Кто не снискалъ себѣ благосклонности Государыни, тотъ не могъ надѣяться на возвышеніе, не взирая на важнѣйшія заслуги. Корыстолюбцы управляли волею Королевы, Королева повелѣвала Королемъ, а Король не имѣлъ власти ни надъ самимъ собою, ни надъ народомъ; но заботясь только о собираніи

сокровищъ и о возвышеніи своего Дома, небрегъ о благѣ Отечества и о своей славѣ, предоставляя все случаю.—Гродненскій Сеймъ (27 Января 1688) былъ прекращенъ, по настоянію Королевы, за то что сыну ея Іакову не позволено сидѣть на тронѣ вмѣстѣ съ Родителемъ, или, какъ увѣряютъ иные, по вліянію Австрійцевъ посредствомъ знаменитыхъ Сапѣговъ, которые владѣли всею Литвою (88).

Сколько фамилія Сапѣговъ была сильна при Сигизмундѣ III и Владиславѣ IV, за оказанныя ею услуги, столько же она сдѣлалась слабою при Іоаннѣ Казимірѣ V, когда Королева Лудовика Марія имъ не благопріятствовала. Отъ безпрерывныхъ войнъ Козацкихъ и Шведскихъ знаменитая сія фамилія находилась въ упадкѣ, доколѣ Іоаннъ III не поднялъ оную для уничиженія фамиліи Пацовъ, которые наносили ему много огорченій.

По смерти Маркграфа Лудовика (28 Марта 1687), сына Курфирста Брандебургскаго, Курляндскій Герцогъ Фердинандъ предпринялъ оставшуюся послѣ него вдову Княжну Лудовику Каролину Радзивиллъ посватать за сына Польскаго Королевича Іакова. Смерть Курфирста Брандебургскаго Фридриха Вильгельма Великаго (10 Маія 1688) облегчила исполненіе сего намѣренія. Новый Курфирстъ Фридрихъ III имѣлъ нужду въ дружбѣ Польши, и хотя лично не весьма былъ расположенъ къ Королю

Іоанну III, однакожъ по старанію Маріенбургскаго Воеводы Яна Франциска Бѣлинскаго и Французскаго Посла Ребенака сговоръ состоялся. Когда Княжна изъявила согласіе на сей бракъ, то Королевичь Іаковъ въ Маіѣ пріѣхалъ *инкогнито* въ Берлинъ и получивъ согласіе Курфирста, равно какъ и личное согласіе невѣсты съ обѣщаніемъ, что все ея имѣніе ему должно принадлежать въ случаѣ если она отступится отъ своего слова, возвратился въ Варшаву, гдѣ (29 Іюля 1688), при посредничествѣ Примаса Радзѣевскаго, заключенъ дружественный союзъ съ Польшею.

Но сверхъ всякаго ожиданія Княжна Радзивиллъ вышла за Пфальцграфа Карла Филиппа Нейбургскаго, брата Императрицы Элеоноры Магдалины, третьей супруги Леопольда I. Бракъ сей состоялся по старанію Австрійскаго Посла Князя Шварценберга безъ воли и даже безъ вѣдома Курфирста, который впрочемъ, по совершеніи онаго, не гнѣвался за то изъ уваженія къ Австрійскому Двору, дружбу коего онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ своимъ обязательствамъ.

Таковой поступокъ сильно огорчилъ Короля и даже Королеву, которая съ того времени начала колебаться въ дружбѣ своей съ Австріею. Новый Варшавскій Сеймъ (17 Декабря 1688) подавалъ нѣкоторую надежду на миръ. Многіе Депутаты предлагали Королю

свои услуги для отмщенія за нанесенную ему обиду; но много было и такихъ Депутатовъ и Сенаторовъ, которые защищали сторону Карла Нейбургскаго и Императора Леопольда I. Въ слѣдствіе таковаго раздора Сеймъ закрытъ (31 Марта 1689), и Польша, какъ и прежде было, осталась опять жертвою вліянія другихъ Державъ и внутреннихъ неустройствъ. Ибо когда Франція, завидуя счастію Леопольда I въ Венгріи, объявила Имперіи войну, то она не только старалась отвлечь Польшу отъ союза съ Австріею, но даже домогалась чтобъ Поляки вторгнулись въ Силезію. Многіе требовали войны съ Австріею по внушеніямъ Маркиза де Бетюна, но равносильная или даже сильнѣйшая Австрійская партія желала напротивъ того войны съ Франціею, тогда какъ Польша не имѣла войска даже и для Турецкой войны. Императоръ Леопольдъ I просилъ противъ Франціи помощи, которой хотя ему и не дано, однакожъ не принято и предложеній Турокъ заключить миръ и возвратить Каменецъ, не смотря на замѣчаніе Маркиза де Бетюна, что Турецкая война, веденная по силѣ трактата съ Австріею, не принесла Польшѣ ни малѣйшей выгоды, и только лишила ее трехъ провинцій, поступившихъ во владѣніе Россіи, и 100.000.000 злотыхъ Польскихъ, совершенно

безъ надобности употребленныхъ на военныя издержки.

Приверженцы Австрійской стороны помышляли даже о лишеніи престола Короля Іоанна III, о чемъ, безъ сомнѣнія, самъ Леопольдъ I и не думалъ никогда. Должно полагать, что цѣлію ихъ было до тѣхъ поръ безпокоить Короля, пока онъ, утомясь отъ бремени правленія, самъ не сложитъ съ себя короны. Герцога Лотарингскаго, другаго избавителя Австрійскихъ владѣній, они намѣревались возвести на Польской престолъ, дабы освободиться такимъ образомъ отъ присутствія его въ Вѣнѣ. Сей герой, не участвовавшій въ низкихъ заговорахъ и постоянно преданный Королю Іоанну III, съ 1685 года пріобрѣлъ себѣ столько же враговъ, сколько заслуги его стяжали ему уваженія Леопольда I и славы во всей Европѣ. Король, публично оскорбленный на Сеймѣ 1689 года дерзкими словами Хелмскаго Епископа Казиміра Опалинскаго, вознамѣрился-было въ самомъ дѣлѣ отречься отъ престола; но Сенатъ не допустилъ его до того. Іоаннъ III вовсе не расположенъ былъ продолжать безполезную войну съ Турками, но уже почти не въ его власти было заключить миръ: ибо, не смотря на то, что въ Вѣнѣ нимало не заботились о выгодахъ Польши, между тѣмъ какъ Турки въ 1689 году усильно домогались мира; не

смотря и на то, что въ Вѣнѣ даже и Россіи не признавали участницею союза противъ Турокъ: и хотя извѣстно было, что только Императоръ нѣсколько расположенъ былъ къ Польшѣ, но что Министерская партія превозмогала; однакожь посланъ былъ въ Вѣну Поморскій Воевода Владиславъ Лось, для заключенія общаго мира, котораго въ то время Министры вовсе не желали. Въ слѣдствіе сего отвергнуты выгодныя условія частнаго мира, предложенныя Татарскимъ Ханомъ. Королева, смягченная новыми обѣщаніями, преклонилась опять на сторону Австріи. Для вовлеченія Короля Іоанна III къ продолженію войны, обѣщана въ супружество любимому ея сыну Александру одна изъ Эрцгерцогинь, а дочь ея Терезію Кунигунду обѣщали выдать за Короля Венгерскаго Эрцгерцога Іосифа, Іакову же предназначено было Кардинальское достоинство (89). Король Іоаннъ III не вѣрилъ симъ обѣщаніямъ; но привыкнувъ повиноваться супругѣ, не могъ противиться ея желаніямъ. Что касается до Королевича Іакова, то онъ вовсе не имѣлъ охоты къ духовному званію, и Королю не хотѣлось обижать его для возвышенія младшаго своего сына. Императрица же Элеонора Магдалина вознамѣрилась женить его на сестрѣ своей Елисаветѣ Гедвигѣ Амаліи, Герцогинѣ Нейбургской, что и приведено

въ исполненіе въ Варшавѣ 25 Марта 1691 года (90).

По недостатку въ Государственномъ Казначействѣ денегъ, Король Іоаннъ III употребилъ собственныхъ 200.000 талеровъ на военныя издержки. 19 Августа 1689 Великій Коронный Гетманъ хотѣлъ - было нечаянно взять Каменецъ; но когда сіе ему не удалось, онъ осадилъ сію крѣпость 6 Сентября; но за неимѣніемъ съѣстныхъ припасовъ и изъ опасенія, чтобъ Турки не подоспѣли на помощь городу, отступилъ отъ онаго.

Сеймъ 1689 года и самъ Король запятнали себя смертнымъ приговоромъ противъ Брестскаго Подсудка Казиміра Лыщинскаго, который, какъ безбожникъ, казненъ и сожженъ (31 Марта 1689 года) въ Варшавѣ. Король Іоаннъ III въ послѣдствіи очень сожалѣлъ о семъ жестокомъ приговорѣ, но сожалѣніе его было поздно.—По безразсудной ревности Королевы Констанціи казненъ въ 1611 году въ Бѣльскѣ Аріанинъ Тишковичъ; въ 1539 году подверглась таковой же участи въ Краковѣ Мелхіора Вейгль; но и то и другое случилось еще до введенія въ Польшу вѣротерпимости, и приговоры смертные не были произносимы ни Королемъ, ни Сеймомъ. Несчастный же Лыщинскій пріялъ смерть по волѣ Короля и Сейма, не смотря на то, что Папскій Нунцій Кантельми желалъ, чтобъ

дѣло его отослано было на судъ въ Римъ, увѣряя, что Римская Инквизиція не осудитъ на смерть сего молодаго человѣка, болѣе безразсуднаго, нежели виновнаго, и сверхъ того жалѣющаго о своихъ заблужденіяхъ.

1690 годъ не былъ счастливѣе предшедшаго. Татары, уже привыкшіе къ регулярной войнѣ, нечаянно напали на зимнія квартиры Короннаго войска, взяли 40 знаменъ и едва не схватили самаго Короля въ Злочовѣ. Въ Венгріи же Турки взяли у Австрійцевъ Бѣлградъ и нѣкоторые другіе города, между тѣмъ какъ посредничество Франціи о мирѣ между Польшею и Турціею осталось тщетнымъ; ибо Король рѣшился не нарушать союза съ Австріею, и даже при заключеніи условій по случаю бракосочетанія Королевича Іакова съ Герцогинею Нейбургскою, обязался не терпѣть при Дворѣ своемъ Французовъ, въ особенности же обѣщалъ не дозволять Маркизу де Бетюну оставаться долѣе въ Польшѣ. — Сеймъ того года (съ 16 Февр. до 20 Марта) былъ довольно успѣшенъ; но военныя силы не улучшились по недостатку въ деньгахъ и по не полученію пособія ни отъ Папы ни отъ Императора Леопольда I. Однако же въ Молдавіи взята Сочава, а въ Вѣну посланъ Самуйло Проскій для переговоровъ съ Леопольдомъ I о мирѣ съ Турками. Иннокентія XI уже не было: онъ умеръ въ 1689 году; преем-

ники же его Александръ VIII (Петръ Оттобони 1689—1691) и Иннокентій XII (Антоній Пиньятелли 1691—1700) мало заботились о Турецкой войнѣ, особенно по той причинѣ, что лишившійся Англійскаго престола Іаковъ II нуждался въ денежномъ съ ихъ стороны пособіи. Не тайны уже были намѣренія Австріи овладѣть Молдавіею и Валахіею для Польскаго Короля; но Австрійцы, не рѣшась приступить къ тому сами, предоставляли рѣшить сіе дѣло то Папѣ, то Сейму Венгерскому. И такъ, среди всѣхъ сихъ непріятностей, Королю Іоанну III не оставалось инаго утѣшенія, какъ только копить сокровища, и только въ семъ одномъ имѣлъ онъ въ Королевѣ усердную помощницу, которая продавала должности. Такъ на примѣръ: когда Краковское Епископство сдѣлалось вакантнымъ, Королева сказала Хелмскому Епископу Яну Малаховскому: „ударимся объ закладъ о 50.000 талеровъ, что Епископство Краковское вамъ достанется.“ Хелмскій Епископъ не могъ отказаться отъ заклада, и получивъ Епископство, охотно заплатилъ проигранную сумму. Извѣстный того времени Плоцкій, а потомъ Вармійскій Епископъ Янъ Залускій довольно забавно самъ описываетъ, какими средствами проложилъ себѣ дорогу къ милостямъ Королевы. Сперва онъ купилъ за нѣсколько сотъ червонныхъ серебряную аптечку съ вызоло-

ченными сосудцами и поднесъ оную Королевѣ чрезъ ея горничную. Когда сей даръ оказался недостаточнымъ, онъ купилъ серебряный алтарь за 10.000 талеровъ, драгоцѣнный перстень и два крестика, одинъ съ изумрудами, другой съ сапфирами,—что и снискало ему наконецъ благоволеніе Королевы, которая сдѣлала его своимъ Канцлеромъ и открыла ему путь къ высшимъ должностямъ.

Король Іоаннъ III не думалъ уже болѣе о войнѣ по недостатку способовъ къ веденію оной; но какъ безъ участія Поляковъ Турки могли взять въ Венгріи еще большій перевѣсъ нежели въ 1690 году, то Графъ де Тунъ прибылъ въ Варшаву съ новымъ обѣщаніемъ Молдавіи, увѣряя, что Императоръ доставитъ ему продовольствіе изъ Трансильваніи и неукоснительно пришлетъ на помощь 5.000 войска. Маркизъ де Бетюнъ уличилъ его въ неискренности таковыхъ обѣщаній. Завязалась ссора и пылкій Французъ вызвалъ Австрійца на поединокъ. Леопольдъ I воспользовался симъ случаемъ, и требовалъ удаленія Маркиза отъ Польскаго Двора за то, что онъ, какъ частный человѣкъ, осмѣлился вызывать на поединокъ Посла, представляющаго священную особу Императора Римскаго. Возникшая между сестрами новая ссора, т. е. между Королевою и Маркизою, способствовала намѣреніямъ Леопольда I. Для прекращенія

подобныхъ случаевъ къ раздорамъ на будущее время, Лудовикъ XIV назначилъ Маркиза Посланникомъ въ Стокгольмъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1692 году.

Іоаннъ III рѣшился еще разъ испытать счастія на войнѣ, но въ собственномъ его семействѣ возникли новыя распри. Королева не долго благопріятствовала невѣсткѣ, и вскорѣ возненавидѣла какъ ее такъ и сына своего Іакова, который для сей причины не хотѣлъ ѣхать съ нею на Русь, куда отправлялся и Король съ Королевою, дабы не подвергать жены обидамъ своей матери, и даже отказался участвовать въ походѣ, предпринятомъ отцемъ его противъ Турокъ. Когдаже Іоаннъ III хотѣлъ взять съ собою Королевича Александра, то зависть Іакова возрасла до того, что онъ грозилъ выѣхать изъ Польши въ Испанію, принять предложенные ему Испанскимъ Королемъ Нидерланды, и объявить, что Король замышляетъ сына своего Александра возвести на Польскій престолъ. Съ твердостію духа переносилъ Король всѣ сіи непріятности, которыя были для него тѣмъ чувствительнѣе, что происходили отъ собственнаго семейства. Королевичь Іаковъ извинился предъ родителемъ своимъ и послѣдовалъ за нимъ на войну. Между тѣмъ Татары опустошили Королевскія имѣнія на Руси, по наущенію будто бы Французовъ за то,

что Король не принималъ посредничества Франціи для заключенія отдѣльнаго мира съ Турціею, для Христіанства же готовъ жертвовать всѣмъ и даже жизнію. Войско Польское собралось поздно, по обыкновенному недостатку въ деньгахъ. (7 Августа 1691) оно остановилось подъ Вишневчикомъ, а 20 числа Король держалъ Военный Совѣтъ въ Злочовѣ. 28—31 Августа войска Польскія и Литовскія перешли чрезъ Днѣстръ; между тѣмъ козаки, которымъ Король съ Хелмскимъ Кастелланомъ Станиславомъ Ржевускимъ прислалъ денегъ изъ собственной казны, переправились въ Будяки въ числѣ 6.000. Но какъ со стороны Австріи опять никакого пособія не было и даже воспрещено было доставленіе продовольствія изъ Трансильваніи, то и сей походъ кончился ничѣмъ, и войско, прошедши не болѣе 6 миль за Яссы, должно было возвратиться назадъ. Весь плодъ сего похода состоялъ въ томъ, что 14 Октября на обратномъ пути Артиллерійскій Генералъ Контскій взялъ Нимечъ, а козаки овладѣли Сорокомъ. Хотя Король и Королева крайне огорчались тѣмъ, что вдались въ обманъ, однакожъ снова отвергнули мирныя предложенія Татарскаго Хана. —

По причинѣ безпрестаннаго недостатка въ деньгахъ, Гетманы должны были сами содержать войско, отъ чего безпорядки безпре-

рывно увеличивались. На зимнія квартиры войско располагалось въ Королевскихъ и духовныхъ имѣніяхъ, по предварительному соглашенію, но не рѣдко случалось, что оное размѣщаемо было и по имѣніямъ Дворянскимъ, освобожденнымъ отъ постоя. Когда Казиміръ Сапѣга, Гетманъ Великаго Княжества Литовскаго, назначилъ таковой постой въ имѣніяхъ Виленскаго Епископства, то оскорбленный симъ Виленскій Епископъ торжественно отлучилъ его отъ Церкви. Князь Примасъ и другіе Гетманы вступились за Сапѣгу, иные напротивъ того защищали Виленскаго Епископа, на сторонѣ котораго былъ и самъ Король, издавна питавшій неудовольствіе противъ Сапѣговъ, всегдашнихъ противниковъ своихъ въ Литвѣ.

Въ тоже время и война въ Венгріи продолжалась очень медленно, потому что Леопольдъ I занятъ былъ дѣлами съ Франціею. 6 Октября 1694 Польское войско одержало значительную побѣду надъ Татарами, которые намѣревались снабдить Каменецъ съѣстными припасами; но побѣда сія осталась безплодною: ибо трудно было вести войну незнающимъ дисциплины войскомъ, не получающимъ за службу свою платы: отъ сего безпорядки безпрестанно увеличивались. — Сеймъ 12 Января 1695 даже и не начинался, по причинѣ ссоры Сапѣговъ съ Литовскимъ духовен-

ствомъ и дворянствомъ. Чрезвычайный Французскій Посолъ Мелхіоръ де Полиньякъ, игуменъ Бонпортскій, сдѣлался любимцемъ Королевы и Короля; но Сапѣги, не довѣряя ни ему, ни Королевѣ, не соглашались примириться съ врагами своими. Между тѣмъ Татары подошли къ Львову (11 Февраля 1695). Они отражены, но безъ чувствительной потери. Литовское войско домогалось отъ Короля уплаты жалованья, и, не соединяясь съ войскомъ Коронным, готово было скорѣе сразиться за Гетмана своего Казиміра Сапѣгу съ Королемъ, нежели съ Турками.

Среди сихъ непріятностей здоровье Короля примѣтно слабѣло, и онъ болѣе и болѣе упадалъ духомъ. — *Индигенатъ* (91), данный Лудовику де ла Гранжъ, Маркизу д'Аркіанъ, брату Королевы (1690), который прежде извѣстенъ былъ подъ именемъ Графа де Малиньи, бракосочетаніе дочери Кунегунды Терезіи съ Баварскимъ Курфирстомъ Герцогомъ Максимиліаномъ Эммануиломъ (1694), пожалованіе тестя Маркиза д'Аркіанъ Кавалеромъ ордена Св. Духа (1695) и потомъ Кардиналомъ (1696), — были весьма пріятныя для Короля происшествія, но и оныя не обошлись безъ неудовольствій. — Мелхіоръ Полиньякъ, Королева, старшая ея горничная Летре, Іезуитъ Вота, Венеціанскій Резидентъ Алберти, самовластно управляли Дворомъ. Гетманъ

Сапѣга не безъ причины называлъ кабинетъ Королевы гробомъ Государства.—Ни Францiя, ни Англiя, ни Австрiя не были искренно расположены къ сему несчастному Государю: всѣ сiи Державы отъ бѣдствiй Польши ожидали для себя выгодъ, которыя онѣ предусматривали если домъ Собѣскихъ удаленъ будетъ отъ Польскаго престола. Уже три года Король страдалъ подагрою, водяною и каменною болѣзнiю и чахоткою. Находясь въ такомъ состоянiи, онъ вторично намѣревался сложить съ себя корону; но опять былъ отклоненъ отъ того Плоцкимъ Епископомъ Залускимъ. 2 Iюля 1696 Сенатъ положилъ чтобъ Король отправился къ водамъ въ Гиршбергъ, но 10 тогоже мѣсяца онъ скончался въ Вилановѣ на 67 или 72 году отъ рожденiя и на 22 царствованiя. О времени его рожденiя оказывается сомнѣнiе: Гибнеръ, Лаутербахъ и многiе современные иностранные писатели утверждаютъ, что онъ родился въ 1624, а другiе, какъ то: Залускiй, Хрусцинскiй, Койеръ и Шмитъ доказываютъ, что онъ родился 1629 года, на Красной Руси въ Олешкѣ.

Бальзамированное тѣло Короля Iоанна III изъ Вилланова препровождено въ Варшаву, гдѣ лежало въ церкви у Капуциновъ до 1734 года, а въ семъ году погребено въ Краковѣ. Король Iоаннъ III былъ высокаго роста, имѣлъ

важную осанку, но былъ чрезвычайно тученъ; глаза имѣлъ черные, большіе, взоръ проницательный, черты лица пріятныя, открытыя. Одѣвался всегда по Польски; зналъ хорошо по Латыни, по Италіански, по Французски и изрядно по Нѣмецки и по Турецки. Всѣмъ симъ языкамъ онъ изучился частію во время путешествій своихъ въ молодыхъ лѣтахъ. Отецъ его, Краковскій Кастелланъ Іаковъ Собѣскій ему и старшему его брату далъ отличное воспитаніе, и по окончаніи курса наукъ отправилъ обоихъ сыновей за границу.—Домъ Собѣскихъ съ давнихъ временъ отличался геройскими подвигами. Дѣдъ Короля Іоанна III, Люблинскій Воевода Марко Собѣскій, прославился на войнахъ Россійской, Молдавской и Данцигской въ XVI вѣкѣ; отецъ, Іаковъ Собѣскій, на первой Хотинской войнѣ (1621), а Жолкѣвскій, дѣдъ Ѳеофилы Даниловичевой, матери Короля Іоанна III, былъ одинъ изъ величайшихъ героевъ не только въ Польшѣ, но и во всей Европѣ при Сигизмундѣ III. Красноставскій Староста Марко Собѣскій, любимый матерію болѣе нежели братъ его Іоаннъ, палъ въ битвѣ подъ Батогомъ (1652). Іоаннъ же Собѣскій, за живость своего характера и частые поединки не любимый матерію, служилъ сначала во Французской службѣ, потомъ, кончивъ путешествіе (1648), возвратился съ братомъ изъ Цареграда въ Польшу и въ 1649

году, въ званіи Яворовскаго Старосты, имѣлъ начальство надъ отрядомъ войска въ войнѣ съ козаками, а за отличныя услуги въ Зборовскомъ походѣ достигъ званія Короннаго Хорунжаго. Въ 1665 году онъ получилъ Маршальской жезлъ, по удаленіи отъ Двора и отъ должности Любомирскаго; а по смерти Чарнецкаго вручена ему (1666) малая булава, которую онъ по смерти Станислава Потоцкаго (1667) замѣнилъ булавою большою. Безчисленныя трудности Гетманскаго званія переносилъ онъ со славою и мужествомъ во все продолженіе царствованія Іоанна Казиміра (1665—1669), при Михаилѣ же, когда почти не было войска, онъ съ малою горстью онаго совершилъ великіе подвиги; въ послѣдствіи времени, по приведеніи войска въ нѣкоторое устройство, знаменитою побѣдою подъ Хотиномъ (1673), онъ проложилъ себѣ путь къ престолу (1674).—Король Іоаннъ III былъ веселаго нрава, любилъ благопристойныя шутки и находилъ наслажденіе въ бесѣдѣ съ людьми просвѣщенными. До 1683 года жизнь его была нитью славныхъ подвиговъ, и онъ постоянно старался, чтобъ слава его осталась непомраченною. Но когда въ преклонныхъ лѣтахъ онъ сдѣлался рабомъ Королевы, то уже перестаӆъ заботиться о дѣлахъ Государственныхъ и думалъ только о собраніи сокровищъ. Доброта сердца его была неистощима: онъ

не помнилъ обидъ, прощалъ враговъ своихъ, а друзей любилъ искренно, постоянно. По степени своей образованности, онъ постигалъ собственные свои недостатки и пороки управлявшихъ имъ особъ, но не имѣлъ силы освободиться отъ ига своей супруги, которой онъ также былъ послушенъ, какъ Лудовикъ XIV Г-жѣ Ментенонъ. Можно рѣшительно сказать, что Королева была главнѣйшею причиною всѣхъ бѣдствій Іоанна III, бывшаго нѣжнымъ супругомъ и заботливымъ отцемъ, и только въ старости охладѣвшаго къ дѣтямъ отъ семейныхъ раздоровъ. Такъ на пр. обѣщавъ 500.000 талеровъ въ приданое за дочерью своею Терезіею Кунегундою, онъ не хотѣлъ дать болѣе 400.000, и Королева должна была доплатить собственныхъ 100.000.— Безпрестанные происки Европейскихъ Дворовъ, и въ особенности Министровъ Леопольда I, раздоры въ собственномъ семействѣ, неблагодарность тѣхъ, которые выведены имъ изъ праха, приводили Короля въ отчаяніе. Подъ конецъ жизни онъ лишился-было и любви народной, наипаче потому, что отдавалъ Жидамъ на откупъ собственныя свои и Королевскія имѣнія; откупщики, внеся Королю денежную сумму, грабили народъ и даже не рѣдко участвовали подкупомъ въ доставленіи мѣстъ недостойнымъ людямъ. На Сеймѣ 1692 г. возстала жестокая буря на Жидовъ по

случаю притѣсненій, чинимыхъ главнымъ таможеннымъ откупщикомъ Ицкомъ Бецаломъ; но онъ успѣлъ оправдаться. Другой плутъ жидовскаго племени, придворный Королевскій врачь Іона, былъ причиною скорой кончины Короля Іоанна III, которому онъ далъ неумѣренный пріемъ меркурія: посреди ужасныхъ мученій Король скончался съ чувствами Христіанскими, бывъ пріуготовленъ къ смерти духовникомъ своимъ, Священникомъ Доминиканскаго ордена Скоповскимъ.— Онъ всегда далекъ былъ отъ того чтобы преслѣдовать иновѣрцевъ; но, по вліянію Королевы на дѣла, равнодушно смотрѣлъ на гоненіе оныхъ. Впрочемъ онъ и не могъ тому препятствовать: ибо невѣжество и предразсудки распространялись болѣе и болѣе съ того времени, какъ въ царствованіе Королей изъ Дома Вазы свѣтъ наукъ началъ угасать. Съ упадкомъ просвѣщенія упадали и искусства. Впрочемъ было еще нѣсколько ученыхъ, какъ то: Хвалковскій и Завадскій по части Правовѣдѣнія, Веспасіанъ Коховскій и Андрей Залусскій по Исторической части, Андрей Устржицкій и Хрусцинскій въ Поэзіи. Кромѣ поэтовъ, всѣ писали на Латинскомъ языкѣ, ибо Польской Словесности почти не существовало, а мѣсто оной заступала смѣсь Польскаго языка съ иностранными, и наиболѣе съ Латинскимъ: обыкновеніе, вкравшееся

при Сигизмундѣ III. Даже рѣчи Короля Іоанна III преисполнены таковой смѣси, и кто въ разговоры не примѣшивалъ Латыни, тотъ считался неучемъ, человѣкомъ необразованнымъ. Отъ того Польская Словесность была мертва, а лучшіе писатели находили удобнѣйшимъ писать на Латинскомъ, нежели на Польскомъ языкѣ.

~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Короли изъ Курфирстовъ Саксонскихъ.

1696 — 1763.

Совершенный упадокъ Государства.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1696 — 1698)

По кончинѣ Короля Іоанна III старшій сынъ его Лудовикъ Іаковъ Собѣскій до такой степени увѣренъ былъ въ наслѣдованіи престола, что приказалъ гвардіи присягать себѣ въ Варшавскомъ замкѣ и не иначе подписывался какъ только однимъ именемъ безъ фамиліи, и многіе, считавшіе его законнымъ наслѣдникомъ послѣ родителя, уже просили его объ опредѣленіи на вакантныя мѣста. Но увѣренность сія вскорѣ исчезла. Взысканные изъ ничтожества милостями покойнаго Короля Іоанна III или тѣ, кои снискали себѣ извѣстность

*

посредствомъ Королевы, не считали себя ничѣмъ обязанными фамиліи Собѣскихъ. Напротивъ того, соединясь съ противными партіями, пресѣкли для оной всѣ пути къ престолу. Сама Королева была главнѣйшею виною того, что ни одинъ изъ ея сыновей не избранъ Королемъ. Оскорбясь тѣмъ, что сынъ ея Іаковъ не хотѣлъ впустить ее въ за̀мокъ и Королевскія сокровища въ Варшавѣ опечаталъ печатями своею и Коронныхъ Маршала и Подскарбія, она до того возъимѣла къ нему ненависть, что всѣмъ отсовѣтывала избирать его Королемъ. Неумолимая и крайне довѣрчивая мать, будучи уже и впущена въ за̀мокъ, не иначе согласилась выдать корону для покойнаго своего супруга, какъ послѣ торжественнаго обѣщанія Іакова, что оная будетъ ей возвращена. И такъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока родные ссорились за сокровища, тѣло Короля лежало безъ короны. Примасъ Князь Михайло Радзѣевскій объявилъ свое мнѣніе въ пользу Дома покойнаго Короля Іоанна III, которому онъ былъ всѣмъ обязанъ: оказалось, что и сіе объявленіе было не искреннее; многіе приверженцы фамиліи Собѣскихъ увлеклись примѣромъ неблагодарнаго или не твердаго въ своихъ намѣреніяхъ Примаса. Вражда между вдовствующею Королевою и сыномъ ея Іаковомъ простерлась столь далеко, что послѣ раздѣла имѣнія въ Жолквѣ,

на Конвокаціонномъ Сеймѣ (27 Авг. 1696) Королева въ многочисленномъ собраніи, увлеченная гнѣвомъ, заклинала, чтобы ни одного изъ ея сыновей, особенно же Іакова, не избирать въ Короли; что Польша непремѣнно погибнетъ, если Іаковъ будетъ царствовать, и что тѣмъ легче отстранить отъ наслѣдованія престола фамилію Собѣскихъ, что между Сенаторами есть много отличныхъ мужей, болѣе достойныхъ получить корону. Въ слѣдствіе сего Королева явно подала голосъ въ пользу Кіевскаго Воеводы Мартина Контскаго (92), но сей съ должнымъ приличіемъ, изъявилъ ей свое удивленіе, что она находитъ его достойнымъ получить престолъ, тогда какъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ не считала его достойнымъ даже и малой булавы.—Происки и сварливый нравъ Королевы раздражили Сеймовыхъ Депутатовъ до того, что большая часть изъ нихъ требовала обязать ее выѣхать изъ Варшавы, и потому она, отправясь (18 Сент.) въ Данцигъ (93), соединилась тамъ съ Сапѣгами, дабы совокупно съ ними не допустить сыновей своихъ къ престолу; и въ самомъ дѣлѣ она дѣйствовала столь успѣшно, что Конвокаціонный Сеймъ 26 Сентября не состоялся по причинѣ возраженій подкупленнаго ею Черниговскаго Депутата Городинскаго. Между тѣмъ Государство находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Войска обо-

ихъ народовъ, Коронное и Литовское, образовали Конфедерацію и требовали уплаты жалованья. Надъ войскомъ Коронньмъ начальствовалъ Богуславъ Барановскій, надъ Литовскимъ Хорунжій Великаго Княжества Литовскаго Григорій Огинскій, съ которымъ соединясь всѣ враги Сапѣговъ, положили начало междоусобію, возгорѣвшемуся вскорѣ послѣ того. Среди таковыхъ безпорядковъ, Татары безъ малѣйшаго сопротивленія опустошили Волынь. Хотя же Казиміръ Сапѣга, Великій Гетманъ Княжества Литовскаго, осадивъ Огинскаго въ Брестѣ-Литовскомъ, и успокоилъ войско обѣщаніемъ уплаты не доданнаго жалованья (26 Нояб. 1696), а подобное обѣщаніе въ Самборѣ (30 Апр. 1697) усмирило волненіе и въ войскѣ Коронномъ, при всемъ томъ неустройство въ Государствѣ не уменьшалось, и начало избирательнаго Сейма (15 Маія 1697) было чрезвычайно бурное. 15 Іюня назначенъ Сеймовымъ Маршаломъ Коронный Подкоморій Казиміръ Бѣлинскій, которому Одоляновскій Староста Станиславъ Лещинскій добровольно уступилъ свой жезлъ. Французскій Посолъ Мелхіоръ Полиньякъ, Игуменъ Бонпортскій, предлагалъ въ Кандидаты Герцога Франциска Лудовика де Конти, а Вѣнскій Дворъ Королевича Іакова; вдовствующая же Королева, возвратившись въ Варшаву именно съ тѣмъ чтобъ нарушить спокойствіе, колебалась

въ выборѣ между вторымъ сыномъ Александромъ и зятемъ своимъ Курфирстомъ Баварскимъ Максимиліаномъ Эммануиломъ. Великій Коронный Гетманъ Станиславъ Яблоновскій расположенъ былъ сначала въ пользу Курфирста Баварскаго; когда же замѣтилъ, что на избраніе его не соглашаются, то преклонился къ сторонѣ Королевича Александра. Но Французская партія брала перевѣсъ, потому что собственныя деньги покойнаго Іоанна III, отправленныя Королевою изъ Маріенбурга во Францію, употреблены были на собраніе голосовъ въ пользу Герцога де Конти. Партію его усилилъ Примасъ Князь Радзѣевскій, который угрозами принудилъ Королеву возвратиться въ Данцигъ; онъ не соглашался присутствовать на избирательномъ Сеймѣ, доколѣ Королева не будетъ находиться миль за тридцать отъ мѣста избранія. И такъ Герцогъ Конти имѣлъ больше всѣхъ надежды. На иныхъ Кандидатовъ мало обращаемо было вниманія: Герцогъ Лотарингскій Леопольдъ и Пфальцграфъ Карлъ, братъ Герцога Палатина Рейнскаго, имѣли мало друзей, а Донъ Ливіо Одескальки возбуждалъ только смѣхъ, потому что былъ безъ всякаго покровительства и сверхъ того память дяди его Папы Иннокентія XI не весьма уважаема была въ Польшѣ. Маркграфъ Баденскій Лудовикъ былъ не очень богатъ и сверхъ того казался не слишкомъ

ревностнымъ къ Католической Вѣрѣ. Посему полагали, что Герцогъ де Конти, старанiемъ Французскаго Посла Полиньяка, навѣрное получитъ Польскую корону, хотя впрочемъ Королева,—обманутая надеждою, что Полиньякъ, сообразуясь съ ея желанiемъ, будетъ также ходатайствовать за ея зятя или за одного изъ младшихъ сыновей,—препятствовала всѣми силами его намѣренiямъ, и отъ того Герцогъ Конти имѣлъ еще многихъ противниковъ.

Но вдругъ явился новый Кандидатъ, затмившiй всѣхъ своихъ соперниковъ богатствомъ, силою и качествами душевными и тѣлесными. Это былъ Фридрихъ Августъ, Курфирстъ Саксонскiй, юный Государь, имѣвшiй не болѣе 27 лѣтъ отъ роду (род. 12 Маiя 1670). По смерти старшаго своего брата Iоанна Георга IV въ 1694 г. сдѣлавшись Курфирстомъ, онъ прославился въ Отечествѣ своемъ величiемъ духа, а за границею (1695 и 1696) начальствомъ надъ войсками Императорскими въ Венгрiи, гдѣ, по зависти Австрiйскихъ Генераловъ, въ особенности Графа Капрары, хотя и не могъ нанести великаго вреда Туркамъ, однакожъ блистательною побѣдою подъ Темешваромъ (1696) и удержанiемъ Великаго Визиря отъ дальнѣйшихъ дѣйствiй, явилъ искусство свое въ воинскомъ дѣлѣ и прiобрѣлъ во всей Европѣ великую

славу и уваженіе, на которое онъ пріобрѣлъ право еще до полученія Курфиршества, во время пребыванія своего при разныхъ Европейскихъ Дворахъ. Хелмскій Кастелланъ Іаковъ Пржебендовскій, опытный Политикъ, пріобрѣлъ ему многихъ друзей прежде нежели Французскій Посолъ узналъ о томъ: ибо Пржебендовскій и шуринъ его Саксонскій Фельдмаршалъ Графъ Флемингъ никому преждевременно не объявляли имени Кандидата, о пользѣ котораго они старались. Курфирсту заграждало путь къ престолу Лютеранское исповѣданіе; но онъ отстранилъ сіе затрудненіе, перемѣнивъ Вѣру въ Баденѣ въ присутствіи Кардинала Епископа Явринскаго, чрезъ что снискалъ особенное расположеніе Папы: ибо Столицѣ Римской лестно было принять на лоно своей Церкви Государя изъ того Дома, который въ Германіи наипаче содѣйствовалъ поколебанію Римской Іерархіи. Обѣщанія Фридриха Августа были слѣдующія: 1) внести 10 милліоновъ злотыхъ Польскихъ наличною монетою непосредственно послѣ избранія; 2) возвратить Каменецъ-Подольскій коронѣ, употребивъ для того собственное свое Саксонское войско; 3) возстановить прежнія границы Польскія, возвратить Валахію, Молдавію и Украину; 4) содержать на собственномъ иждивеніи 6.000 войска, или же отпустить нужную для того сумму; 5) замѣнить часть на-

слѣдственной Саксоніи на какую либо область, прилежащую къ Польшѣ; 6) возобновить монетный дворъ; 7) открыть военную школу; 8) содержать крѣпости и укрѣплять оныя по новѣйшей методѣ.

26-е Іюня 1697 г. назначено было для избранія Короля. Примасъ Князь Михайло Радзѣевскій, наименовавъ Кандидатами Королевичей Польскихъ, Герцога Конти, Герцога Курфирста Баварскаго, Герцога Лотарингскаго, и Герцога Курфирста Саксонскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ сомнѣніе точно ли Курфирстъ Саксонскій сдѣлался Католикомъ. — Воеводства Плоцкое, Равское и Добринскій округъ единодушно избрали Королемъ Герцога де Конти; другія Воеводства раздѣлились на голоса. Въ Воеводствѣ Краковскомъ Королевичь Іаковъ имѣлъ перевѣсъ; прочія Воеводства желали имѣть Королемъ Курфирста Саксонскаго. Примасъ усердно дѣйствовалъ въ пользу Герцога де Конти; когда же нѣкоторые дворяне Калишскаго Воеводства спрашивали его, можно ли повѣрить, что Курфирстъ Саксонскій сдѣлался Католикомъ, то онъ отвѣчалъ, что хотя Посолъ его Флемингъ и увѣряетъ въ томъ, но сіе тѣмъ бо̀льшему подлежитъ сомнѣнію, что самъ Посолъ Лютеранскаго Исповѣданія. По сей причинѣ свидѣтельство, подписанное Епископомъ Явринскимъ о принятіи Курфирстомъ (2 Іюня 1697)

Католической Вѣры, послано къ Папскому Нунцію Давію; когда же и онъ подтвердилъ достовѣрность свидѣтельства, тогда уже Саксонская партія начала стараться объ устраненіи всякаго сомнѣнія. Но согласія не было. Почти три части голосовъ во всѣхъ Воеводствахъ поданы были въ пользу Герцога Конти; четвертая часть голосовъ была въ ползу Курфирста Саксонскаго и Королевича Іакова. Приверженцы Французскіе отдѣлились отъ прочихъ, и требовали чтобы Герцогъ Конти немедленно наименованъ былъ Королемъ, но Примасъ пропустилъ удобную для того пору. Между тѣмъ какъ съ одной стороны оглашался воздухъ восклицаніями:—*да здравствуетъ Конти*, а съ другой стороны раздавались клики въ пользу Курфирста Саксонскаго и Королевича Іакова, — наступила ночь. Поутру Императорскій Посолъ, Пассавскій Епископъ Графъ Ламбергъ, желая воспрепятствовать Герцогу Конти, объявилъ, что Вѣнскій Дворъ согласенъ на избраніе Курфирста Саксонскаго, и потому вся партія Королевича Іакова соединилась съ партіею Саксонскою, въ которой главнымъ былъ Куявскій Епископъ Станиславъ Донбскій, до того времени вѣрнѣйшій другъ Королевича Іакова и величайшій противникъ Герцога Конти. Многіе изъ защитниковъ Герцога перешли на сторону Курфирста, и уже до 40 знаменъ объ-

явили себя за сего послѣдняго. Ни одна сторона не хотѣла уступить, и потому послѣ тщетныхъ усилій къ водворенію согласія, въ 6 часовъ вечера 27 Іюня Примасъ наименовалъ Герцога Конти Королемъ, и вошедъ въ ризницу церкви Св. Іоанна, взялъ насильно ключи отъ церкви и отслужилъ въ оной благодарственный молебенъ въ присутствіи нѣсколькихъ Сенаторовъ. Въ слѣдъ за тѣмъ то же самое учинилъ и Епископъ Куявскій въ пользу Курфирста Саксонскаго, и въ той же самой церкви, въ присутствіи Примаса и множества Сенаторовъ, съ приличнымъ торжествомъ воспѣтъ благодарственный Гимнъ Св. Амвросія. Въ полночь Кіевскій Воевода Мартинъ Контскій приказалъ стрѣлять изъ пушекъ въ честь Герцога Конти. Такимъ образомъ кончился бурный день 27 Іюня. На слѣдующее утро Сенатъ и Государственные Чины въ общемъ собраніи подтвердили избраніе Курфирста Саксонскаго. 13 Іюля Саксонскій Посолъ Флемингъ присягнулъ на условія (pacta conventa), а 25 Сентября назначено коронованіе Курфирста въ Краковѣ. 23 Іюля Курфирстъ принялъ Польскихъ Пословъ, въ Тарновскихъ горахъ, въ Силезіи, а 26 того же мѣсяца самъ присягнулъ на условія, объявилъ себя Католикомъ, и съ 4.000 Саксонскаго войска 8 Августа прибылъ въ Краковъ, между тѣмъ какъ Варшава находилась еще въ

рукахъ Примаса и приверженцевъ Герцога Конти. 15 Сентября Куявскій Епископъ Станиславъ Донбскій совершилъ коронованіе Августа II, а 17 числа того же мѣсяца открытъ Коронаціонный Сеймъ, который при закрытіи своемъ 30 Сентября отложилъ дѣла до Сейма мирнаго. 26 Сентября Герцогъ Конти, съ шестью фрегатами, бывшими подъ начальствомъ искуснаго моряка Ивана Барта, остановился подъ Данцигомъ; но когда узналъ, что ему предстоитъ оспоривать корону, и что для принятія его ничего не было готово, — чего онъ вовсе не ожидалъ, полагая напротивъ того, что около Данцига встрѣтитъ его многочисленное Польское войско, которое безъ труда, съ торжествомъ, возведетъ его на престолъ, — онъ не хотѣлъ ни на одну ночь сойти съ эскадры и даже не соглашался ободрить денежнымъ награжденіемъ тѣхъ, кои предлагали ему свои услуги. Тщетны были убѣжденія его приверженцевъ, которые совѣтовали ему итти въ Маріенбургъ, Ловичь или въ Каменецъ, и все кончилось тѣмъ, что до появленія войскъ Польскихъ и Саксонскихъ, подъ начальствомъ Франциска Галецкаго и Брандта, въ Пруссіи подъ Оливою, Французы и Поляки спорили только о томъ, кто изъ нихъ больше обманулся въ своихъ надеждахъ. Лудовикъ XIV, озабоченный надеждою пріобрѣтенія Испаніи

для внука своего Герцога Филиппа Анжуйскаго, почти не думалъ ни о Польшѣ, ни о Герцогѣ Конти, который съ своей стороны предпочиталъ роскошную жизнь въ Парижѣ и наслѣдственныя богатства ненадежной коронѣ, точно такъ какъ нѣкогда поступили Великій Конде и сынъ его Герцогъ Энгіенскій. — 8 Ноября Галецкій и Брандтъ неожиданно напали въ Оливѣ на Французовъ и слабыхъ приверженцевъ Герцога Конти, что заставило его немедленно возвратиться на своей эскадрѣ во Францію, захвативъ съ собою четыре Данцигскихъ купеческихъ корабля, которые онъ продалъ въ Даніи за 33.000 талеровъ. По сему случаю Французскіе Послы Полиньякъ и Шатоневъ едва не пострадали; но они бѣжали на эскадру и возвратились во Францію. Городъ Данцигъ, раздраженный столь насильственнымъ поступкомъ, арестовалъ имущество Пословъ и купцовъ Французскихъ, по каковому поводу Лудовикъ XIV воспретилъ Данцигу вести торгъ съ Франціею, что и продолжалось до 1712 года. Отбытіе Герцога Конти могло бы успокоить Польшу, но происки Примаса и вдовствующей Королевы, и междоусобіе въ Литвѣ продолжили безпорядки. —

Августъ II имѣлъ въѣздъ въ Варшаву 12 Января 1698. Первымъ его стараніемъ было водворить тишину во всей Польшѣ, и попо-

му, для снисканія пріязни Примаса, уже оставленнаго Франціею, предложилъ ему значительную сумму денегъ. Послѣ многихъ отговорокъ наконецъ (8 Маія 1698) Примасъ призналъ Августа II Государемъ и въѣхалъ въ Варшаву, гдѣ (23 Маія) съ остатками Королевскихъ противниковъ учинилъ присягу.

Августъ II.

(1698—1733)

Спокойствіе, безпрестанно нарушаемое въ теченіе столь долгаго времени, не могло скоро водвориться. Дворянство Литовское вело явную войну съ Сапѣгами. Сеймъ, начатый 16 Апрѣля 1698 г., прекращенъ 28 того же мѣсяца. Турки, хотя ослабленные побѣдами Австрійцевъ, грозили Татарами Польскимъ границамъ. Королю болѣе всего хотѣлось отнять у Турокъ Каменецъ-Подольскій, для чего онъ послалъ къ Глинянамъ до 20.000 Саксонцевъ, въ пособіе войскамъ Коронному и Литовскому; но Татары, желая предупредить его, напали на часть Польскихъ войскъ, стоявшую при Подгайцахъ подъ командою Счастнаго Потоцкаго. 8 и 9 Сентября 60.000 Татаръ старались одолѣть 6.000 Поляковъ, но тщетно: Татары, потерявъ множество на-

рода и предавъ огню собственную свою добычу, возвратились въ Каменецъ. 11 Сентября Король изъ Львова отправился къ Бржезанамъ, гдѣ расположены были войска Польское, Литовское и Саксонское, каждое отдѣльно. Но какъ близко уже была осень, а Татары не показывались изъ Каменца, то и кончился походъ одними смотрами войскъ, до отбытія коихъ на зимнія квартиры, возгорѣлось дѣло, едва не повлекшее за собою кровопролитія.—24 Сентября Красноставскій Староста Потоцкій, сынъ Гетмана, поссорился съ Маріенбургскимъ Воеводою Пржебендовскимъ, въ нетрезвомъ видѣ далъ ему пощечину и кулачными ударами принудилъ бѣжать изъ собственной палатки въ Королевскій шатеръ. Король, оскорбясь таковою обидою, нанесенною его любимцу, оставилъ Польскій станъ и отправился въ Саксонію, намѣреваясь объявить Полякамъ войну, которые съ своей стороны помышляли о мятежѣ и конфедераціи. Къ счастію Гетманы не одобрили поступка Красноставскаго Старосты и обѣщали судить его: такимъ образомъ, хотя на короткое время, явная вражда прекратилась.

26 Января 1699 г. Познанскій Воевода Станиславъ Малаховскій заключилъ съ Турками въ Карловицахъ миръ, по которому Польша и Турція вошли въ то положеніе, въ которомъ онѣ находились до Короля Михаила.

Когда же по внушенію Венеціанскаго Посла отлагаема была подпись мирнаго трактата, Татары снова вторгнулись въ Польшу и дошедши даже до Львова, нанесли Полякамъ убытка цѣною до 2 милліоновъ злотыхъ. Однако же часть сего убытка они вознаградили и 22 Сентября отдали Польшѣ Каменецъ-Подольскій, ибо Турки не могли и не хотѣли продолжать войны, отъ которой столько понесли вреда въ Венгріи.

Казалось, что мирный Сеймъ (16 Іюня 1699) успокоитъ весь народъ: на ономъ Августъ II признанъ всѣми состояніями Королемъ и Государемъ; для исполненія желанія народа онъ обѣщалъ вывести изъ Польши Саксонскія войска и не имѣть при себѣ болѣе 1.200 человѣкъ гвардіи. До времени умолкли и требованія Курфирста Бранденбургскаго, которому въ залогъ за городъ Элбингъ (1700) даны разныя драгоцѣнности.'

Послѣ сего можно уже было надѣяться что наступитъ спокойствіе; но несчастная судьба Польши опять вовлекла ее въ безполезную войну съ Шведами. Отъ подобной войны при Сигизмундѣ III Польша утратила благополучіе; нынѣ же ей предстояла опасность лишиться независимости и политическаго бытія. Въ Швеціи царствовалъ семнадцатилѣтній юноша Карлъ XII, въ которомъ не замѣтно еще было никакихъ великихъ

качествѣ; Московскій же Царь Петръ Алексѣевичь, одинъ уже сидѣвшій на Россійскомъ престолѣ, мало по малу подвигалъ народъ свой къ той степени величія, на которой узрѣли его XVIII и XIX столѣтія. Во время перваго своего путешествія, на обратномъ пути изъ Вѣны, въ Равѣ 22 Іюня 1698 г. онъ имѣлъ свиданіе съ Августомъ II, и нашедши въ немъ Государя, щедро осыпаннаго дарами природы, вступилъ съ нимъ въ тѣсную дружбу: тогда же, какъ кажется, предположили они завоевать у Швеціи Ливонію и Ингрію: первую для Польши, а вторую для Россіи. Петръ желалъ посредствомъ гаваней на Балтійскомъ морѣ открыть народу своему путь къ связямъ со всею Европою. Въ послѣдствіи и Данія пристала къ сему союзу, а Іоаннъ Рейнгольдъ Паткуль, Ливонскій дворянинъ, изгнанный изъ Швеціи за смѣлыя представленія о дѣлаемыхъ Отечеству его притѣсненіяхъ, увѣрилъ Августа II, что Ливонское Дворянство, недовольное Шведами, охотно къ нему пристанетъ и окончаніе войны будетъ самое счастливое. На дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе. Осада Риги (1700) была безуспѣшна, и Ливонское Дворянство сохраняло непоколебимую вѣрность къ Шведамъ.—Карлъ XII принудилъ Датскаго Короля къ миру въ Травендалѣ; разбилъ Россіянъ подъ Нарвою 3 Ноября 1700, и потомъ съ непримиримою

враждою обратилъ оружіе свое на Саксонцевъ (1701). Въ то же самое время (18 Янв. 1701) Курфирстъ Брандебургскій Фридрихъ III, при торжественномъ короновании въ Кенигсбергѣ, принялъ Королевскій титулъ, и началъ именоваться Прусскимъ Королемъ Фридрихомъ I. Посла его Графа Валленрода Августъ II принялъ съ донесеніемъ о семъ въ присутствіи однихъ Саксонскихъ Министровъ, и безъ вѣдома Государственныхъ Чиновъ отправилъ къ новому Королю Коронкаго Подчашаго Товянскаго съ поздравленіемъ.—При вторичномъ свиданіи Августа II съ Царемъ Московскимъ въ Биржѣ, заключенъ договоръ оборонительный и наступательный (26 Февр. 1701), но все бремя Шведской войны пало на бѣдную Польшу.—Карлъ XII видя, что Литва въ раздорѣ, что войска Саксонскія не любимы, и что Примасъ Радзѣевскій человѣкъ хитрый, —вздумалъ лишить престола Августа II и о томъ объявилъ его Посольству, которое съ своей стороны изъяснило, что Поляки еще не поднимали оружія на Шведовъ и что Августъ II расположенъ къ миру. Побѣда, одержанная Шведами (19 Іюля 1702) подъ Клишовомъ, распространила пламя войны на всю Польшу и ввергла Краковъ въ руки побѣдителя, который разорялъ всѣ владѣнія тѣхъ, кто оставался вѣрнымъ Королю своему. Въ 1704 г. Воеводства Познанское и Калишское

*

соединились, дабы воспрепятствовать дальнѣйшему разоренію Государства, а Карлъ XII, пользуясь обстоятельствами, употребилъ соединеніе сихъ двухъ Воеводствъ для образованія новой партіи противъ Августа II. Къ ней присоединился Примасъ, и (2 Маія 1705) объявилъ междоцарствіе. Познанскій Воевода *Станиславъ Лещинскій* избранъ Королемъ Польскимъ въ Варшавѣ 12 Іюля въ отсутствіе Примаса, который, видя что Карлъ XII не слѣдуетъ его совѣтамъ, началъ колебаться въ преданности своей къ Шведамъ. Избраніе сіе послѣдовало на Варшавскомъ съѣздѣ, гдѣ находились только Депутаты Великопольскіе и Подляскіе и не болѣе девяти Сенаторовъ. Гораздо большая часть Польши расположена была въ пользу Августа II, учредившаго между тѣмъ или лучше сказать возобновившаго въ Тикочинѣ (3 Ноября 1705) *орденъ Бѣлаго Орла*; но по вторженіи Карла XII (1 Сент. 1706) въ Саксонію, по мирному договору, заключенному 11 тогожь мѣсяца въ мѣстечкѣ Альтранштатѣ, близъ Лейпцига, онъ самъ уступилъ свою корону Станиславу Лещинскому. — Станиславъ I признанъ Королемъ Польскимъ отъ всѣхъ Европейскихъ Дворовъ, кромѣ Россійскаго. — Въ то время, когда Карлъ XII возводилъ Станислава Лещинскаго на Польскій престолъ, Петръ Великій въ 1703 году основалъ Санктпетербургъ и счастливо

воевалъ въ Ингріи и Ливоніи. — Станиславъ Лещинскій, коронованный 4 Октября 1705 г. вмѣстѣ съ супругою своею Екатериною Опалинскою Архіепископомъ Львовскимъ Константиномъ Зѣлинскимъ, благоразуміемъ своимъ умножалъ число своихъ друзей; при всемъ томъ и послѣ Альтранштатскаго мира многіе Вельможи, недавно еще получившіе должности отъ Августа II, не соглашались признать Станислава Королемъ. Изъ числа сихъ послѣднихъ былъ Станиславъ Шембекъ, котораго Августъ II, по смерти Радзѣевскаго (13 Окт. 1705) наименовалъ Примасомъ; со стороны же Станислава Лещинскаго назначенъ въ сіе званіе Львовскій Архіепископъ Зѣлинскій. Учрежденіе или возстановленіе ордена Бѣлаго Орла (94) въ Ноябрѣ 1705 г. доставило Августу II великое число друзей. Не смотря на отреченіе его отъ короны въ 1706 г., они не признавали Станислава Лещинскаго, но выжидали только перемѣны обстоятельствъ. Русскія же войска, дабы воспрепятствовать походу Шведовъ на Россію, разоряли не только имѣнія друзей Лещинскаго, но и всѣ вообще земли отъ Гродно даже до Кіева (1706, 1707). Станиславъ Денгофъ на съѣздѣ въ Львовѣ (7 Февр. 1707) согласясь съ другими Вельможами, объявилъ отреченіе Августа II недѣйствительнымъ, и если бы опустошенія, причиненныя Россійскими войсками, не ожесточили

Поляковъ, то Петръ Великій далъ бы Польшѣ и третьяго Короля: онъ предлагалъ четырехъ Кандидатовъ, изъ коихъ первымъ былъ Адамъ Сѣнявскій. — Моровое повѣтріе распространилось по всей Польшѣ. Варшава, съ 20 Іюля до конца Сентября 1708 г., лишилась 15.340 душъ, а Данцигъ, въ 1709 г., 24.543. Между тѣмъ какъ Карлъ XII подвинулся къ Полтавѣ въ 1709 г., Сѣнявскій противился Станиславу Лещинскому на Красной Руси. 8 Іюля / 27 Іюня Карлъ XII претерпѣлъ ужасное пораженіе подъ Полтавою, а 9 Августа Король Августъ II Манифестомъ объявилъ недѣйствительность отреченія своего въ 1706 г. — 5 Октября Августъ II прибылъ въ Торунь, гдѣ снова имѣлъ свиданіе съ Петромъ Великимъ и примирился съ нимъ, подвергнувшись предъ тѣмъ его неудовольствію за выдачу Паткуля, котораго Карлъ XII въ 1706 г. казнилъ при Казиміровѣ, въ Великой Польшѣ. Станиславъ Лещинскій сошелъ съ престола съ равнодушіемъ, каковымъ онъ отличался во всѣхъ переворотахъ своей жизни.

Съ возвращеніемъ на тронъ Августа II, не возвратилось спокойствіе. Польша наполнена была войсками Россійскими и Саксонскими. Наѣзды Смигѣльскаго изъ Помераніи (1711), Грудзинскаго изъ Валахіи, набѣги Татаръ (1712) и козацкіе мятежи Палея, на Украинѣ,

усугубляли бѣдствія Государства, которому Августъ II не могъ пособить. Ибо хотя Король искренно желалъ добра какъ Полякамъ такъ и Саксонцамъ, но трудно было согласить умы, раздраженные разностію Вѣръ и поведеніемъ Саксонскихъ Генераловъ, которые съ лучшими друзьями Августа II обходились какъ съ крамольниками. Обстоятельство сіе довело до кровопролитія. Противъ Саксонскихъ войскъ (26 Ноября 1715) образовалась Конфедерація въ Тарногродѣ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ лилась кровь Поляковъ и Саксонцевъ. Кременецкій Подкоморій Станиславъ Лѣдуховскій былъ Маршаломъ сей Конфедераціи, а Владиславъ Гуржинскій Маршаломъ Короннаго войска. При посредничествѣ Петра Великаго, который въ 1716 г. опять видѣлся съ Августомъ II въ Данцигѣ, послѣдовалъ на *семичасномъ* Сеймѣ въ Варшавѣ (1717) миръ съ Конфедератами. На Сеймѣ семъ ни о чемъ постороннемъ не было разсуждаемо, и потому оный извѣстенъ подъ именемъ *Нѣмаго Сейма.* Уполномоченными наономъ были: со стороны Петра Великаго Князь Долгорукій, со стороны же Короля Краковскій Епископъ Константинъ Фелиціанъ Шанявскій и Фельдмаршалъ Флемингъ. Прежнее Коронное войско уничтожено, новое же, не столь многочисленное, устроено по иностраннымъ образцамъ; Краковскій Епископъ наиболѣе способствовалъ умень-

шенію числа войска; въ замѣнъ того Король допустилъ ограниченіе правъ и преимуществъ Диссидентовъ, которыхъ не переставали гнать въ Польшѣ, въ XVIII столѣтіи, тогда какъ во всѣхъ прочихъ Государствахъ вѣротерпимость возрастала болѣе и болѣе.—Саксонскія войска, кромѣ гвардіи, согласно съ обѣщаніемъ, высланы изъ Польши; но въ оной оставались еще въ теченіе двухъ лѣтъ (до 1719) войска Россійскія, до того времени, когда по смерти Карла XII подъ Фридрихсгалемъ (1718) Сѣверная Европа почувствовала необходимость общаго мира.—Смерть Карла XII тѣмъ пріятнѣе была для Польши, что Петръ Великій колебался уже въ дружбѣ къ Августу II, и по трактатамъ на Аландскихъ островахъ надѣясь вступить съ Карломъ XII въ родственныя связи, помышлялъ о вторичномъ лишеніи Августа II престола. Въ 1721 году Петръ Великій заключилъ въ Ништадтѣ съ Шведскимъ Королемъ Фридрихомъ I мирный договоръ, въ 15 пунктѣ коего обѣщалъ стараться о примиреніи Польши съ Швеціею, между коими и безъ того уже не было войны. Въ 1732 г. торжественно заключенъ мирный трактатъ на основаніи предварительныхъ пунктовъ 1720 г. — Послѣ Ништадтскаго мира Петръ Великій въ 1721 г. принялъ титулъ ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго и признанъ таковымъ отъ всѣхъ Державъ

(1721 — 1724); Польша же признала оный въ 1764 г., въ одно время съ признанiемъ титула Короля Прусскаго по желанiю Императрицы Екатерины II, которая заботилась объ устраненiи всѣхъ поводовъ къ раздорамъ съ сосѣдственными Государствами. —

Съ 1717 г. въ царствованiе Августа II въ Польшѣ не было войны, но не было и прочнаго мира. На Гродненскомъ Сеймѣ (1718) не дано мѣста Велюнскому Депутату Пiотровскому, яко Диссиденту. Въ городахъ отказывали Диссидентамъ въ правахъ Гражданства; суды не имѣли никакой важности; насилiя и безпорядки усилились до той степени, на которой были въ XII и XIII вѣкахъ во всей Европѣ Въ 1724 г. въ Торунѣ вспыхнуло возмущенiе: Лютеранская чернь, озлобленная самовластiемъ Iезуитовъ, разорила Iезуитскiй Коллегiумъ. За сей мятежъ, по опредѣленiю Сейма и Задворныхъ Судовъ, казнены невинный Торунскiй Бургомистръ Реснеръ, усердный защитникъ Торуня противъ Шведовъ, и девять человѣкъ гражданъ, не взирая на посредничество Императора Петра Великаго и другихъ Дворовъ, которые представляли, что жестокость сiя унизитъ Польшу въ глазахъ всей Европы. Августъ II равномѣрно противился таковому опредѣленiю; но ему трудно было переспорить изувѣровъ, которые грозили закрыть Сеймъ, ежели не послѣ-

дуетъ утвержденія казни Реснера съ товарищами. —

И последніе годы Августа II не были счастливѣе. Не взирая на усердіе его къ благу общему, всѣ Сеймы были не что иное какъ скопище крамольниковъ, и сколько внутри Государства мало имѣли къ нему довѣренности, столько и за границею всѣ его дѣйствія оставались безуспѣшными. Зависть раждала ему враговъ, а политика иностранныхъ Дворовъ въ несчастіяхъ его предусматривала собственныя свои выгоды для будущаго.—Неоднократно начертываемъ былъ планъ удаленія Саксонскаго Дома изъ Польши, и Королевичь Португальскій Эммануилъ (95), братъ Короля Іоанна V, по предположеніямъ Кабинетовъ Вѣнскаго и Петербургскаго, долженъ былъ вступить на Польской престолъ. Сіи предположенія имѣли основаніемъ опасеніе, чтобы Государь многолюдной и богатой Саксоніи, и плодородной и обширной Польши не пріобрѣлъ необыкновеннаго перевѣса на Сѣверѣ Европы въ случаѣ, если бы онъ получилъ наслѣдственное право на Польскую корону. Мало по малу истощались уже и запасы дѣдовъ и прадѣдовъ Августа II: ибо расходы Польши гораздо превосходили доходы ея; наконецъ онъ началъ чувствовать недостатокъ въ деньгахъ для приведенія намѣреній своихъ въ исполненіе. Все время его царствованія

употреблено на одни предначертанія. Явнымъ сему доказательствомъ можетъ служить то, что въ 1726 г. Чины Курляндскаго Герцогства, послѣ Фердинанда Кетлера, сына Графини Кенигсмаркъ и Августа II, избрали себѣ наслѣдникомъ Графа Маврикія Саксонскаго, который, въ послѣдствіи времени, перешедши въ службу Лудовика XV, сдѣлался первымъ Французскимъ Генераломъ и отличнымъ Маршаломъ. И такъ не исполнились ни воля Короля Августа II, которому хотѣлось удержать сына своего при семъ Герцогствѣ, ни желаніе Польши, которая намѣревалась присвоить себѣ Курляндію и обратить оную въ Воеводство. Съ другой стороны Россія располагала Курляндіею: въ царствованіе Императрицы Екатерины I Князь Меншиковъ, а при Аннѣ Іоанновнѣ Графъ Биронъ домогались оной; Государи же Россійскіе, на основаніи завѣщанія Курляндскаго Герцога Фридриха, сдѣланнаго въ пользу Императрицы Анны (96), когда еще она была его супругою, пріобрѣли нѣкоторое право располагать симъ Герцогствомъ. Августъ II самъ вынужденъ былъ уничтожить избраніе сына своего, изъ опасенія, чтобъ не навлечь на себя неудовольствія сей Державы.

16 Января 1733 г. Августъ II, уже больной, выѣхалъ изъ Дрездена въ Варшаву на Сеймъ; но еще до открытія Сейма скончался

въ Варшавѣ 1 Февраля. При отъѣздѣ его изъ Дрездена, многіе совѣтовали ему, по слабости здоровья, отложить сію поѣздку до другаго времени: онъ отвѣчалъ: „вижу опасность путешествія, но болѣе забочусь о народахъ моихъ, нежели о самомъ себѣ.“ Августъ II былъ Государь великихъ качествъ: не доставало ему одной только бережливости. Физическія свойства Августа II располагали его къ жизни веселой, которая сдѣлала его страстнымъ къ прекрасному полу, и потому онъ иногда, даже въ военное время, употреблялъ доходы свои на издержки не совсѣмъ благородныя. Такъ на пр. онъ подарилъ любовницѣ своей (Графинѣ Косель) 50.000 талеровъ тогда, какъ войско оставалось безъ уплаты жалованья: словомъ издержки его на содержаніе наложницъ и побочныхъ дѣтей были причиною безпрестанныхъ налоговъ на Саксонію. Отъ того въ Саксоніи вообще роптали на Польшу, и Саксонцы не желали, чтобъ ихъ Курфирсты были Королями Польскими. Впрочемъ Августъ II оказалъ Саксоніи услугу поощреніемъ ремеслъ и художествъ, щедро награждая отличныхъ художниковъ. Въ Польшѣ же гоненіе за Вѣру и размноженіе Жидовъ препятствовали распространенію ремеслъ и художествъ, и ни одинъ городъ, кромѣ Варшавы, не воспользовался щедростію Короля. Великолѣпныя зданія въ Варшавѣ свидѣтель-

ствуютъ о вкусѣ Августа II; но между тѣмъ какъ Варшава и Дрезденъ украшались, иные города въ Польшѣ приходили въ развалины, особенно по той причинѣ, что иновѣрцамъ воспрещено было селиться въ оныхъ и починивать свои церкви, на основаніи Конституціи.—Съ упадкомъ городовъ почти совсѣмъ упали и науки. Школы существовали только Іезуитскія и Піарскія. Кто оказывалъ болѣе ревности въ гоненіи иновѣрцевъ, тотъ считался ученѣйшимъ между духовенствомъ, которое, пренебрегши всѣ прочія науки, занималось однимъ только Богословіемъ. Права̀ не были преподаваемы ни въ Краковѣ, ни въ Вильнѣ; ибо въ Вильнѣ съ давняго времени всѣ каѳедры заняты были Іезуитами, а Краковскіе Академики до такой степени обѣднѣли, что вся Академія имѣла фундуша не болѣе тысячи червонныхъ. Только восемь заслуженныхъ Профессоровъ получали достаточное содержаніе изъ духовныхъ бенефицій, прочіе же всѣ жили продажею календарей. Не было никакого соревнованія въ наукахъ. Юношество Польское не пріобрѣтало основательныхъ познаній въ Академіяхъ Польскихъ, какъ то бывало въ царствованіе Іоанна Собѣскаго: родители торопились отправлять дѣтей своихъ за границу или же ввѣряли ихъ воспитаніе искателямъ приключеній, выходцамъ изъ Франціи, Италіи или Германіи, хотя самые

и наставники бывали во всѣхъ отношеніяхъ грубые невѣжды.

Со времень Лудовика XIV Парижскій Дворъ сдѣлался образцемъ пышности и вкуса для всей Европы; и потому какъ изъ Германіи и другихъ Государствъ, такъ и изъ Польши богатѣйшее юношество ѣздило въ Парижъ, для усовершенствованія своего воспитанія, хотя, къ несчастію, вмѣсто образованности, оно пріобрѣтало тамъ пороки и дурные навыки, которые послѣ того распространяло и въ своемъ Отечествѣ.

Уже почти не выходило въ свѣтъ иныхъ книгъ кромѣ духовныхъ и молитвенниковъ, но и тѣ, по большей части, искажаемы были полемикою противъ иновѣрцевъ, и, вмѣсто молитвъ или набожныхъ размышленій, заключали въ себѣ ядовитыя укоризны и обвиненія противъ нихъ. Типографіи Польскія находились всѣ въ рукахъ духовенства, а Цензурою завѣдывали Епископы, всегда бывшіе въ зависимости Іезуитовъ. Августъ II, не зная по Польски, не могъ и думать о возстановленіи наукъ въ Польшѣ. Положась въ семъ отношеніи на Духовенство, онъ сдѣлалъ большую ошибку: ибо оное помышляло не объ общемъ благѣ, но о собственныхъ выгодахъ.— Было время, что Польша славилась храбростію своихъ воиновъ и мужествомъ народа; наконецъ и воинское сословіе утратило воин-

ственный духъ, а чернь предалась гнусному пороку пьянства. Иностранцы, смотря на обычаи Польскіе не съ надлежащей точки зрѣнія, всѣ бѣдствія Государства приписывали разнымъ обстоятельствамъ, между тѣмъ какъ настоящею причиною упадка славы Поляковъ была утрата древней Польской доблести, искренности, гостепріимства и простоты Славянскихъ нравовъ.

Августъ II былъ чрезвычайно привлекательной наружности и имѣлъ столь великую силу, что во время пребыванія Петра Великаго въ Равѣ, однимъ ударомъ сабли отрубилъ голову волу величины необыкновенной. На ладони онъ могъ держать человѣка; по сему Нѣмцы называли его *Августомъ сильнымъ;* иные же, по его великодушію, пышности Двора и по великимъ его намѣреніямъ, давали имя *Великаго;* но изъ всѣхъ современныхъ Государей потомство признало одного только *Петра* Великаго истинно *Великимъ.*

Междоцарствіе.

(1733 — 1736)

15 Августа 1722 г. Лудовикъ XV, праправнукъ и наслѣдникъ Лудовика XIV, женился на Маріи Лещинской, дочери Станислава Лещинскаго, который, послѣ смерти благодѣтеля своего и друга Карла XII, оставленный всѣмъ свѣтомъ и лишенный всего наслѣдственнаго достоянія, жилъ въ большомъ недостаткѣ, какъ частный человѣкъ, въ Страсбургѣ; но чрезъ возведеніе дочери своей на престолъ Французскій, сдѣлался опять извѣстнымъ въ Европѣ. Тогда вспомнили о великихъ его достоинствахъ; Лудовикъ же XV и любимецъ его Кардиналъ Флери употребляли всѣ усилія къ тому, чтобъ улучшить состояніе Короля Станислава I, который тогда жилъ уже въ замкѣ Шамборъ. Зависть сосѣдственныхъ Державъ противъ Августа II, котораго опасались по великимъ его предпріятіямъ и врожденнымъ способностямъ, склоняла большую часть Европейскихъ Государей въ пользу Станислава Лещинскаго; когда же

Августъ II заботился объ обезпеченіи сыну своему Августу III наслѣдства Польской короны, Австрійское войско собиралось въ Силезіи дабы воспрепятствовать его намѣреніямъ и оказать пособіе прочимъ его противникамъ, просившимъ помощи въ С. Петербургѣ и въ Вѣнѣ. Римскій Императоръ Карлъ VI, Государь Австрійскихъ владѣній, не имѣя мужескаго потомства, страшился чтобы Августъ II не простеръ притязаній своихъ къ Австріи для сына своего Августа III, женатаго на дочери Императора Іосифа I. Но смерть Августа II прекратила всѣ опасенія. Угасла и ненависть къ нему и вообще къ Саксонскому Дому. Августъ III увѣрилъ Императора Карла VI, что онъ не намѣренъ препятствовать наслѣдству дочери его Маріи Терезіи, обрученной Лотарингскому Герцогу; другія же Державы, зная миролюбивый духъ Августа III, или охотно готовы были помогать ему или, по крайней мѣрѣ, не расположены были мѣшать ему. Одинъ только Лудовикъ XV не желалъ, чтобъ онъ вступилъ на родительскій престолъ, который онъ хотѣлъ доставить тестю своему. Коронный Примасъ, Гнѣзненскій Архіепископъ Князь Ѳеодоръ Потоцкій всѣми силами старался также о вторичномъ избраніи Станислава Лещинскаго. Но Августъ III имѣлъ сильнѣйшихъ покровителей. 25 Августа, въ день избранія, получено въ Варшавѣ извѣстіе,

что Россійское войско, подъ начальствомъ Фельдмаршала Ласси, вступило въ Литву для поддержанія избранія Августа III. Какъ Императоръ Карлъ VI обѣщаніемъ принятія прагматической Санкціи, такъ Императрица Анна Іоанновна обѣщаніемъ Курляндіи для Графа Бирона, склонены были къ поддержанію Августа III. Канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго Князь Михайло Вишневецкій сильно противился дѣйствіямъ Примаса. 28 Августа выступивъ изъ-подъ Воли, онъ пришелъ къ Прагѣ (предмѣстію Варшавы) и въ скоромъ времени нашелъ себѣ многихъ друзей. Примасъ, надѣясь получить значительное пособіе изъ Франціи, объявилъ врагами отечества всѣхъ тѣхъ, кои думали не такъ какъ онъ, а Король Французскій съ своей стороны далъ знать, что всякія дѣйствія противъ свободнаго избранія въ Польшѣ онъ будетъ почитать непріязненными противъ самаго его намѣреніями, и что Испанія и Сардинія готовы соединить силы свои съ Французскими. Станиславъ Лещинскій, переодѣтый въ купеческое платье, 9 Сентября пріѣхалъ въ Варшаву и кроткимъ обращеніемъ своимъ старался преклонить къ себѣ сердца народа, предубѣжденнаго уже противъ него безразсудными поступками Примаса. Князь Вишневецкій, будучи приглашенъ къ нему, отказался отъ сего свиданія подъ предлогомъ нездоровья, и

потому онъ 12 Сентября опять выѣхалъ изъ Варшавы. Въ тотъ же день партія Примаса въ Волѣ провозгласила Королемъ *Станислава Лещинскаго*, не взирая на протестъ Князя Вишневецкаго въ Прагѣ, и послѣ тщетныхъ стараній къ обоюдному соглашенію, 14 Сентября Князь Вишневецкій долженъ былъ спасаться бѣгствомъ за Вислу, на которой онъ разломалъ за собою мостъ. 16 числа дѣло дошло до кровопролитія: Мазовецкій Воевода Станиславъ Понятовскій исправилъ мостъ, по которому Примасова партія перешла за Вислу. Побѣда оставалась нерѣшительною; но коль скоро Князь Вишневецкій, отступивъ къ Венгрову, соединился съ Россійскимъ войскомъ, тогда и Примасъ и Король Станиславъ должны были бѣжать въ Данцигъ, а Россійское войско подступило между тѣмъ къ Прагѣ.

5 Октября при деревнѣ Камнѣ избранъ Королемъ *Августъ III*. О таковомъ избраніи объявилъ Познанскій Епископъ Станиславъ Іосифъ Гозій, а 9 того же мѣсяца Ласси съ Россійскимъ войскомъ осадилъ Варшаву. Вскорѣ образовались двѣ противныя Конфедераціи: одна въ пользу Августа III, въ Камнѣ, подъ начальствомъ Адама Понинскаго, другая для защиты Станислава I, въ Дзиковѣ, подъ начальствомъ Ясѣльскаго Старосты Адама Тарла. 1 Ноября Послы Августа III подписали

избирательную грамоту. 9 Декабря новый Король выѣхалъ изъ Дрездена съ супругою своею Маріею Іозефиною; въ Тарновицахъ (97) онъ встрѣченъ былъ преданными ему Вельможами, а 17 Января 1734 г., послѣ торжественнаго погребенія Іоанна III и Августа II, Краковскій Епископъ Іоаннъ Липскій совершилъ коронованіе Короля и Королевы. По малочисленности Депутатовъ Коронаціонный Сеймъ отложенъ до нѣкотораго времени. И такъ Августъ III сдѣлался Королемъ Польскимъ; но онъ не былъ еще признанъ въ Данцигѣ, гдѣ заперся Король Станиславъ Лещинскій, во ожиданіи пособія изъ Франціи; въ другихъ мѣстахъ, гдѣ не было Россійскаго войска, еще превозмогала партія Французская, надъ коею начальствовали Люблинскій Воевода Янъ Тарло, Ясѣльскій Староста Адамъ Тарло и Черскій Кастелланъ Казиміръ Рудзинскій. Россійское войско осадило Данцигъ. Но Графъ Бургардъ Христофоръ Минихъ, заступившій мѣсто Ласси, не могъ взять сего города до тѣхъ поръ, пока Герцогъ Іоаннъ Адольфъ Саксенъ-Вейсенфельсскій не привелъ 10.000 Саксонцевъ, послѣ чего (9 Іюля) Данцигъ сдался на капитуляцію, а Станиславъ Лещинскій, видя, что всѣ его надежды на помощь изъ Франціи тщетны, едва успѣлъ спасти жизнь бѣгствомъ въ Кенигсбергъ. Все пособіе со стороны Франціи, прибывшее подъ командою Бригади-

ра де ла Моттъ Перузъ и Графа де Плело, Французскаго Посла въ Копенгагенѣ, состояло не болѣе какъ изъ 2193 человѣкъ, которые послѣ сшибки съ Россіянами, и по убіеніи одного изъ ихъ начальниковъ Графа де Плело, 22 Іюня сдались военноплѣнными. — Городъ Данцигъ призналъ Августа III Королемъ, и Россійской Императрицѣ обѣщалъ заплатить 1.000.000 талеровъ, а Генераламъ 30.000 червонныхъ. И приверженцы Станислава Лещинскаго не могли долѣе держаться въ Польшѣ: ихъ неопытнымъ толпамъ трудно было сопротивляться Россійскимъ регулярнымъ войскамъ. Между тѣмъ Французскій Король Лудовикъ XV, соединясь съ Испаніею и Сардиніею, объявилъ войну Императору Карлу VI, дабы отмстить ему за участіе въ избраніи Польскаго Короля. Война сія продолжилась не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и окончилась миромъ, заключеннымъ въ Вѣнѣ 3 Октября 1735 г., каковой миръ имѣлъ и для Польши благопріятныя послѣдствія. Ибо Карлъ VI уступилъ Королевство обѣихъ Сицилій Испанскому Королевичу Донъ-Карлосу, а зять его Францискъ, Герцогъ Лотарингскій, отдалъ Франціи Лотарингію, въ пожизненное владѣніе Короля Станислава Лещинскаго, по смерти коего Герцогство сіе долженствовало содѣлаться, и содѣлалось, собственностію Франціи.—Станиславъ Лещинскій, оставивъ за со-

бою Королевскій титулъ, отрекся отъ всѣхъ требованій на Польшу и призналъ Августа III законнымъ Польскимъ Государемъ. 27 Января 1736 г. онъ издалъ торжественное отреченіе отъ короны, въ слѣдствіе чего всѣ его приверженцы признали законность Августа III, а 15 Маія того же года въ Вѣнѣ Послы Дворовъ Дрезденскаго и Петербургскаго предоставили ему Королевскій титулъ.—Одинъ только Оссолинскій, Коронный Подскарбій, отправился съ нимъ въ Лотарингію, гдѣ Король Станиславъ I проживалъ до 1766 г., любимый и своими подданными, которымъ онъ благотворилъ, и единоземцами, о которыхъ онъ не забывалъ и на чужбинѣ. При Дворѣ его воспитывались многіе Польскіе юноши, а въ Военной школѣ, основанной имъ въ Люневилѣ, гдѣ онъ чаще всего проживалъ, положены имъ особенныя суммы на воспитаніе Поляковъ.

АВГУСТЪ III.

(1736—1763)

21 Іюня 1736 года Король Августъ III имѣлъ торжественный въѣздъ въ Варшаву на Сеймъ, который благополучно кончился 9 Іюля, и всѣмъ виновникамъ прежнихъ бѣд-

ствій объявлено прощеніе. Назначены доходы на содержаніе Королевы, а Король обѣщалъ вывести изъ Польши войска Саксонское и Россійское, что и исполнено. Одинъ только сей Сеймъ въ царствованіе Августа III и былъ оконченъ мирно; но ограниченіе на ономъ правъ Диссидентовъ оставило сѣмена раздоровъ на будущее время; всѣ же послѣдующіе Сеймы были бурны и закрывались до окончанія дѣлъ подъ разными ничтожными предлогами. По сей самой причинѣ не было въ Государствѣ ни надлежащаго судопроизводства, ни порядка. Знатнѣйшія Польскія фамиліи враждовали одна противъ другой на подобіе того, какъ бывало въ XI или XII вѣкахъ, и вся Европа была о Польшѣ того мнѣнія, что она находится еще на той степени дѣтства, грубости нравовъ и невѣжества, на какой находились прочія Европейскія Государства въ средніе вѣки.—Польша ни съ кѣмъ не имѣла явной войны, но путь чрезъ оную открытъ былъ для всѣхъ чужихъ войскъ. Справедливо сравниваютъ ее съ заѣзжимъ домомъ, въ которомъ каждый дѣлалъ, что ему угодно. Въ 1738 и 39 годахъ проходили Россіяне чрезъ Украину и Подолію въ Валахію противъ Турокъ. Въ 1748 г. они же прошли чрезъ всю Польшу въ Моравію, противъ Французовъ. Императрицы Анна Іоанновна и Елисавета Петровна повелѣвали войскамъ своимъ соблю-

дать строжайшую дисциплину и платить за всѣ припасы; при всемъ томъ сбывалась Русская пословица: *До Бога высоко, до Царя далеко*, — и Польша за всѣ убытки осталась почти безъ всякаго вознагражденія.—Августъ III, страстный любитель театра, музыки и охоты, желалъ только мира. Какъ Курфирстъ Саксонскій, онъ вмѣстѣ съ Курфирстомъ Баварскимъ, потомъ Императоромъ Карломъ VII, и Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ II, по смерти Карла VI, принялъ участіе въ войнѣ съ дочерью сего послѣдняго Маріею Терезіею, домогаясь части наслѣдства для своей супруги; но когда Король Прусскій въ 1741 г. примирился съ нею въ Бреславлѣ и получилъ на свою долю Силезію, тогда и Августъ III, оставленный своимъ союзникомъ, и не имѣя довольно силъ, чтобъ одному воевать съ Австріею, долженъ былъ согласиться на миръ, безъ всякаго для себя выигрыша. Въ слѣдствіе сего онъ вошелъ въ тѣсную связь съ Австріею противъ того же Прусскаго Короля Фридриха II, и въ 1745 г. вмѣстѣ съ Австріею рѣшился объявить ему войну для возвращенія Силезіи. Но и сія война не принесла никакой пользы Августу III, напротивъ того была крайне вредна для Саксоніи; послѣ потери трехъ сраженій въ Силезіи, Богеміи и Саксоніи, въ томъ же 1745 г. заключенъ миръ въ Дрезденѣ. Польша и при семъ случаѣ ни-

чего не выиграла. Дрезденскій миръ доставилъ Королю Августу III спокойствіе на цѣлые 12 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ болѣе жилъ въ Дрезденѣ нежели въ Варшавѣ, куда только ѣздилъ на безпокойные Сеймы. Вскорѣ наступила ужасная семилѣтняя война (1755—1763), въ которую Король Прусскій Фридрихъ II, ополчась на Марію Терезію и на союзную съ нею половину Европы, занялъ Саксонію и обратилъ оную въ военное поприще во все продолженіе войны. Когда въ 1755 г. Король Прусскій взялъ въ плѣнъ подъ Пирною Саксонское войско, тогда несчастный Король Польскій изъ Саксоніи прибылъ въ Варшаву 27 Октября 1756 г., гдѣ и оставался до 25 Апр. 1763 г., а по заключеніи мира, 15 Февр. въ Губертсбургѣ, опять возвратился въ Дрезденъ 1 Маія, и тамъ 5 Октября скончался отъ апоплексическаго удара, оставивъ и Польшу и Саксонію въ весьма жалкомъ положеніи. Ибо хотя Польша и не участвовала въ семилѣтней войнѣ и не была до такой степени разорена какъ Саксонія, однакожь и она почувствовала тягость сей войны, лишась всего своего серебра и золота. По примѣру Французскаго Короля Филиппа I де Валуа, Нѣмецкаго Императора Фердинанда II и Короля Шведскаго Карла XII и иныхъ (98), Фридрихъ II вынужденъ былъ, для поправленія своихъ обстоятельствъ, выпустить монету столь

низкаго достоинства, что она не стоила и десятой доли настоящей цѣны. Сія монета, вышедшая со штемпелями Бернбургскимъ и Саксонскимъ, переходила наиболѣе въ Польшу въ уплату за доставляемое для войскъ продовольствіе; Жиды Польскіе, увлекаемые корыстолюбіемъ, вывозили изъ Польши прежнюю золотую и серебряную Польскую и Саксонскую монету на Прусскіе монетные дворы въ Бреславлѣ и Берлинѣ, а оттуда привозили негодныя, передѣланныя деньги Жида Ефраима. Кромѣ сей денежной потери, Польша потерпѣла еще отъ переходовъ войскъ Россійскихъ въ Силезію и Мархію, а въ 1759 г. Прусскихъ противъ Россіянъ до Позная и до Бидгоща, и хотя переходы сіи совершены съ чрезвычайною дисциплиною, но не могли быть нечувствительны. Такимъ образомъ и миролюбіе кроткаго Августа III не могло доставить Польшѣ того спокойствія, въ которомъ она нуждалась.

При всемъ томъ, поелику сіи времена были нѣсколько спокойнѣе временъ Августа II, то мало по малу сквозь грубую завѣсу невѣжества начали пробиваться лучи просвѣщенія. Іезуитскій орденъ, который въ XVII вѣкѣ занимался только обращеніемъ иновѣрцевъ, началъ славиться нѣкоторыми отличными учеными, кои усердно занимались науками. Гавріилъ Ржончинскій (умершій

въ Данцигѣ въ 1737 г.) написалъ Естественную Исторію Польши и Литвы на Латинскомъ языкѣ; Гаспаръ Нѣсѣцкій, Генеалогическій писатель Домовъ Польскихъ, составилъ Гербовникъ подъ названіемъ *Korona Polska* (1728—1740) лучшимъ слогомъ, нежели какимъ писали прежде, хотя и не строго избѣгая примѣси чужеязычныхъ словъ. Іезуитскія школы какъ повсюду, такъ и въ Польшѣ, пришли въ лучшее состояніе. Строгость Цензуры еще не прекращалась; но книгъ уже не жгли, какъ прежде. Іезуиты въ Бреславлѣ сдѣлали новое изданіе Библіи Вуйка (1740). Залускіе, Краковскій Епископъ Андрей Станиславъ (1757) и Епископъ Кіевскій Іосифъ, основаніемъ знаменитой Варшавской Библіотеки, спасли отъ утраты старинныя Польскія книги; они же старались и о введеніи лучшаго вкуса въ народѣ, который почти вовсе забылъ собственный свой языкъ. Священникъ Іосифъ Епифаній Минасовичь, Армянинъ, подъ ихъ наблюденіемъ, писалъ изрядные стихи, Латинскіе и Польскіе; начинали припоминать Кохановскихъ и Коховскихъ. Жена Жидачевскаго Скарбника Дружбацкаго, урожденная Ковальская (1752), сдѣлалась извѣстна своими стихотвореніями, по тогдашнему времени довольно гладкими. Авраамъ Троцъ (1740) издалъ въ Лейпцигѣ Польскій Словарь. Начали переводить и романы Англійскіе и

Французскіе съ Французскаго языка: ибо по Англійски и даже по Нѣмецки знали не многіе. Латинскій языкъ вообще былъ въ упадкѣ: кромѣ нѣсколькихъ Поэтовъ, никто въ Польшѣ не занимался ни Филологіею, ни лучшими классическими авторами. По какому-то случаю Латынь, употребляемая въ судопроизводствѣ, была лучшею нежели въ Венгріи или Англіи и даже въ Германіи, гдѣ впрочемъ Эрнести и Геснеръ (Іоаннъ Матѳей) въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ собственнымъ примѣромъ поощряли юношество къ занятіямъ Филологическимъ и полезному чтенію древнихъ авторовъ, Греческихъ и Латинскихъ. Но добро не столь быстро распространяется какъ зло. Не взирая на возрожденіе наукъ, народъ все еще преданъ былъ разнымъ суевѣріямъ и не терпѣлъ иновѣрцевъ. Еще осуждали на смерть мнимыхъ чародѣекъ, топили чародѣевъ, предавали ихъ всякаго рода изстязаніямъ; въ городахъ запрещали селиться иновѣрцамъ и заводить полезныя для Государства мастерства: словомъ, всѣми мѣрами препятствовали распространенію образованности. Къ возрожденію наукъ много способствовало преобразованіе Піарскаго ордена Священникомъ Станиславомъ Конарскимъ (1750). Въ слѣдствіе онаго, сей орденъ, очищенный отъ всѣхъ древнихъ предразсудковъ Католическаго монашества, завелъ весьма хорошія

школы, доставившія Государству многихъ полезныхъ гражданъ. Противъ Піарскихъ школъ наиболѣе возставали Іезуиты: отъ сего самаго между Іезуитами и Піарами родилось полезное для наукъ соревнованіе; даже и Краковская Академія начала думать о своемъ преобразованіи, которое впрочемъ тогда, по ничтожности средствъ, было невозможно.

Августъ III скончался на 67 году отъ рожденія. Онъ былъ Государь добрый, благочестивый, милостивый и щедрый; наружность имѣлъ весьма пріятную, осанку важную. Охота была любимымъ его занятіемъ. Искусившись во всѣхъ военныхъ наукахъ, онъ очень любилъ ихъ, и, наслѣдовавъ отъ родителя своего вкусъ къ изящному, охотно покровительствовалъ и поощрялъ всѣхъ художниковъ. Доказательствомъ сему служатъ извѣстная Дрезденская картинная галлерея и учрежденная имъ школа живописи. — Любимцами Августа III были: совоспитанникъ его Графъ Сулковскій, который купилъ имѣнія Короля Станислава I и сдѣлался родоначальникомъ Князей Сулковскихъ; Графъ Генрихъ де Бриль (Brühl), умершій чрезъ три недѣли послѣ кончины Короля: на немъ лежало почти все бремя правленія какъ Саксоніею такъ и Польшею.

Тѣло Августа III лежитъ въ Дрезденѣ. Городъ Данцигъ, изъ благодарности за прекращеніе внутренних безпокойствъ въ 1750 г. поставилъ бюстъ его въ купеческой биржевой залѣ.

~~~~~~
~~~~~~

ОТДѢЛЕНІЕ V.

1763 — 1795.

Троякій раздѣлъ Польши.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1763, 1764)

Универсалъ Примаса, Гнѣзненскаго Архіепископа Князя Владислава Лубенскаго, 12 Ноября 1763 г.

Виленская Конфедерація 8 Апр. 1764 г.

4 Маія Нота Россійскихъ Пословъ Графа Германа Карла Кейзерлинга и Князя Николая Рѣпнина.

Конвокаціонный Сеймъ 7 Маія 1764 г.— Маршаломъ Сейма и общей Конфедераціи Князь Адамъ Чарторискій, Генералъ Подольскій. Россійскимъ войскомъ командуютъ Князья Дашковъ и Волконскій.

Положеніе Сейма о рѣшеніи дѣлъ военныхъ, хозяйственныхъ и судныхъ по большин-

ству голосовъ. Онымъ уничтожается *liberum veto*, или *не позволяю*. Четыре Коммиссіи. Польша признаетъ ИМПЕРАТОРСКІЙ Титулъ Россійскихъ Государей, и Королевскій Королей Прусскихъ, за что Посолъ Прусскаго Короля Графъ де Шенейхъ (Schönaich) 27 Маія, а Послы Императрицы Графъ Германъ Карлъ Кейзерлингъ и Князь Николай Никитичь Рѣпнинъ 23 Маія, объявили, что Дворы ихъ никакихъ дальнѣйшихъ притязаній къ Польшѣ имѣть не будутъ. (Vol. leg. VII. 22. 25.) Прусская Ратификація послѣдовала на Конвокаціонномъ, а Россійская на избирательномъ Сеймахъ. (Тамъ же 197.)

Дворы Петербургскій и Берлинскій предлагаютъ Пяста, и имянно Стольника Великаго Княжества Литовскаго Графа *Станислава Августа Понятовскаго*, Дворы же Французскій, Испанскій и Вѣнскій предлагаютъ Курфирста Саксонскаго. Поелику Послы первыхъ получили перевѣсъ, то Послы другихъ Державъ оставляютъ Варшаву.

Конфедераціи Брестская и Галицкая противъ вліянія чуждыхъ народовъ.

27 Августа 1764 г, начался избирательный Сеймъ. Россійскія войска отступили отъ Варшавы за три или за четыре мили. Маршаломъ Сейма Осипъ Сосновскій, Писарь Великаго Княжества Литовскаго.

находилась въ Прусскихъ крѣпостяхъ или въ Испаніи.

19 Апр. сраженіе при Рашинѣ; надъ войскомъ начальствуетъ Князь Іосифъ Понятовскій. (Смерть Годебскаго).

21 Апр. Австрійцы вступаютъ въ Варшаву по капитуляціи. Войска Польскія отступаютъ за Вислу. Маіоръ Горновскій Комендантомъ въ Прагѣ.

25 Апр. сраженіе при Гроховѣ, за Прагою. Мооръ. Сокольницкій.

3 Маія сраженіе подъ Гурою; Шавротъ, Сокольницкій

14 Маія Князь Іосифъ Понятовскій въ Люблинѣ. Потомъ главная квартира въ Треснѣ, близъ Пулавъ.

15 Маія приступъ Австрійцевъ къ шанцу у моста Торунскаго. Мооръ. (Смерть Бруша).

Мооръ идетъ отъ Торуня къ Познани противъ Домбровскаго; но остановясь предъ городомъ, отступаетъ къ Варшавѣ.

18 Маія Владиміръ Потоцкій беретъ укрѣпленія, защищавшія мостъ у Сендомира.

19 Маія послѣ троекратнаго приступа Сокольницкій беретъ Сендомиръ на капитуляцію.

20 Маія Каменскій въ Ярославлѣ.

Замостье взято во 2 часу утра. Пеллетье. Каменскій.

24 Маія Князь Голицынъ идетъ съ Россійскимъ войскомъ чрезъ Бугъ отъ Бреста-Литовскаго на Люблинъ, въ Галицію.

29 Маія Эрцгерцогъ Фердинандъ возвращается въ Варшаву съ Варты и Бзуры.

31 Маія Поляки переправляются подъ Виллановымъ, гдѣ находился тогда самъ Эрцгерцогъ Фердинандъ.

1 Іюня Домбровскій съ нѣсколькими тысячами линейнаго войска въ Блонѣ, въ 4 миляхъ отъ Варшавы.

Съ 1 на 2 Іюня ночью Австрійцы оставляютъ Варшаву, отпраздновавъ въ оной день *Тѣла Господня* (Boźe Ciało; Fête-Dieu); но прежде Эрцгерцогъ Фердинандъ послалъ тайно Генерала Шаврота за Вислу въ Львовъ, занятый Поляками, которые простирали свои дѣйствія до самаго Днѣстра. Рожнѣцкій. Шавротъ оставляетъ Львовъ Россіянамъ, а самъ отступаетъ къ Буковинѣ. Россіяне занимаютъ всю Восточную Галицію, кромѣ округовъ Замойскаго, Злочовскаго, Жолкѣвскаго и Бродскаго; правленіе въ оныхъ остается Австрійское.

Сраженіе подъ Едлинскимъ.

15. 16 Іюня Австрійцы берутъ Сендомиръ; 18 Сокольницкій сдаетъ оный на капитуляцію, по той причинѣ, что Князь Іосифъ Понятовскій не могъ скоро переправиться чрезъ Вислу. Эрцгерцогъ съ частію войска

идетъ въ Моравію, а часть оставляетъ для прикрытія Кракова.

11 Іюля сраженіе подъ Ксіонжемъ. Мондетъ. Косинскій. Mooръ. Рожнѣцкій.

13 Іюля авангардъ Князя Іосифа Понятовскаго подъ Краковомъ. Условія съ Австрійцами о сдачѣ сего города.

15 Іюля Князь Іосифъ Понятовскій вступаетъ въ Краковъ съ 14.000 войска. Въ то же время приходятъ Россіяне съ 5.000 войска. Споръ о томъ, кому Краковъ долженъ принадлежать. Извѣстіе о перемиріи 12 Іюля подъ Знаимомъ въ Моравіи разрѣшаетъ сей споръ. Галиція Французская. Россіяне занимаютъ пространство по одну сторону Вислы до Вадовицъ, Поляки другую сторону Вислы, также Тынецъ и окрестности Кракова.

14 Окт. миръ между Австріею и Франціею въ Шенбрунѣ подъ Вѣною. — Вся Западная Галиція съ Замойскимъ округомъ до Сана въ Восточной Галиціи уступлена Герцогству Варшавскому, а округи Тарнопольскій и Збаражскій Россіи. Величка съ соляными копями въ общемъ владѣніи Австріи и Герцогства Варшавскаго. Четыре новые Департамента: Краковскій, Радомскій, Люблинскій, Сѣдлецкій; до 900 квадр. миль. Варшавское Герцогство составляетъ 2.700 квадр. миль.

24 Янв. 1812 г. союзъ Наполеона съ Прус-

*

сіею, а 14 Марта съ Австріею противъ Россіи. Исполинскія приготовленія къ войнѣ.

10 Іюня Князь Шварценбергъ съ Австрійскимъ войскомъ вступаетъ въ Герцогство Варшавское на походѣ противъ Россіи на Краковъ, Опатовецъ, къ Бресту-Литовскому.

22 Іюня Наполеонъ объявляетъ войну въ Вильковичкахъ въ Ломжинскомъ Департаментѣ, на Прусской границѣ, не далеко отъ Нѣмна.

28 Іюня общая Конфедерація въ Варшавѣ. Наполеонъ въ Вильнѣ. Управленіе Литвою. Бѣдствіе народа отъ недостатка дисциплины во Французскихъ войскахъ.

Переходъ Россійскихъ войскъ изъ Волыніи чрезъ Герцогство Варшавское. Тормасовъ.

17 Іюля сраженіе подъ Романовымъ или Миромъ. Рожнѣцкій. Въ дѣлѣ одна только кавалерія. Россіяне отступаютъ съ цѣлію, заманить далѣе Наполеона, слишкомъ довѣрчиваго къ своему счастію.

23 Іюля сраженіе при Могилевѣ на Днѣпрѣ. Даву; Багратіонъ.

25. 27 Іюля сшибки при Островнѣ. Мюратъ, Евгеній; Толстой, Паленъ.

26 Іюля пораженіе Саксонцевъ подъ Кобринымъ.

28 Іюля Французы въ Витебскѣ.

30 Іюля взятіе Динабурга.

1 Авг. сраженіе на Дриссѣ.

12 Авг. сшибка при Подубнѣ и Городечнѣ. Шварценбергъ, Ренье, Тормасовъ.

14 Авг. сраженіе подъ Краснымъ.

16 Авг. сраженіе подъ Полоцкомъ.

17 Авг. сраженіе подъ Смоленскомъ, который взятъ послѣ великаго кровопролитія.

28 Авг. Кутузовъ принимаетъ начальство надъ всѣми Россійскими войсками.

7 Сент. сраженіе при Бородинѣ.

14 Сент. Наполеонъ вступаетъ въ Москву, гдѣ все находитъ вопреки своему ожиданію. Рокъ влечетъ его къ погибели. Графъ Ростопчинъ ничего не щадитъ для истребленія непріятелей. Пожаръ Москвы. Благоразумныя распоряженія предусмотрительнаго Кутузова.

23 Сент. соединеніе Россійско-Волынскихъ войскъ, въ числѣ 22.000, съ возвращавшимися изъ Молдавіи 26.000. Адмиралъ Чичаговъ принимаетъ начальство надъ обоими.

3 Окт. отступаютъ Австрійцы, а 14 Саксонцы, изъ Волыни за Бугъ. Домбровскій подъ Бобруйскомъ, а Брониковскій въ Минскѣ находятся въ опасности.

18 Окт. сраженіе подъ Тарутинымъ. Бенингсенъ, Мюратъ.

18 — 21 битвы при Полоцкѣ. Витгенштейнъ, Штейнгель, Сен-Сиръ, Вреде. Россіяне начинаютъ отражать непріятеля.

19 Окт. Наполеонъ оставляетъ Москву,

обманутый тщетною надеждою вынудить миръ силою.

20 Окт. Прусаки снимаютъ осаду Риги и отступаютъ къ Митавѣ, въ Курляндію, гдѣ ихъ главная квартира до 9 Декабря.

24 Окт. сраженіе подъ Малымъ Ярославцемъ.

26 Окт. Французы отступаютъ на Боровскъ и Верею къ Можайску.

3 Ноября сраженіе подъ Вязьмою.— Милорадовичь, Даву.

7 Ноября Россіяне занимаютъ Витебскъ.

7—14 Ноября жестокіе морозы увеличиваютъ разстройство Французскихъ войскъ.

8 Ноября сшибка подъ Дорогобужемъ. Платовъ, Евгеній.

17 Ноября сраженіе подъ Краснымъ. Кутузовъ; Наполеонъ. Совершенное истребленіе Французскаго арріергарда.

18 Ноября Чичаговъ беретъ Минскъ штурмомъ, и чрезъ то пресѣкаетъ Французамъ ближайшую дорогу къ бѣгству.

27 Ноября переходъ чрезъ Березину подъ Землиномъ, выше Борисова. Домбровскій и Ней командуютъ авангардомъ. Французы принуждены отступать на Вильно.

28 Ноября цѣлая дивизія Партонно полагаетъ оружіе. Соединеніе корпусовъ Чичагова и Витгенштейна.

3 Дек. Бюллетень Французскій изъ Молодечна, объявленный въ Парижѣ 17 Дек.

5 Дек. Наполеонъ сдаетъ начальство надъ войскомъ Мюрату въ Сморгонахъ, а самъ уѣзжаетъ съ чрезвычайною поспѣшностію; 10 числа онъ прибылъ въ Варшаву тайно, 13 въ Дрезденъ, 18 въ Парижъ.

8 — 10 Декабря остатки Французскаго войска бѣгутъ чрезъ Вильно къ Нѣмну. Чаплицъ съ Россійскими войсками въ Вильнѣ.

14 Дек. сраженіе подъ Ковномъ. Платовъ.

17 Дек. Императоръ Александръ въ Вильнѣ. Всемилостивѣйшее прощеніе и забвеніе всего минувшаго. Корсаковъ.

18 Дек. безоружные остатки Французскихъ войскъ отступаютъ за Нѣменъ. Одни только Поляки соблюдаютъ еще нѣкоторую подчиненность, — хотя и оная крайне была ослаблена дурнымъ примѣромъ Французовъ,— и привозятъ въ Варшаву часть своей артиллеріи. Впрочемъ изъ десятковъ тысячь Поляковъ, бывшихъ въ сей кампаніи подъ командою Князя Іосифа Понятовскаго и Домбровскаго, едва нѣсколько тысячь возвратилось въ Отечество.

27 Дек. Россіяне въ Мемелѣ; 30 капитуляція Прусаковъ въ Творокахъ.

1813 г. 5 Янв. Россіяне въ Кенигсбергѣ.

7 Янв. Императоръ Александръ отправляется въ Калишъ.

15 Янв. Неаполитанскій Король Мюратъ въ Познани поручаетъ начальство надъ войскомъ Италіанскому Вице-Королю Евгенію, а самъ спѣшитъ въ Неаполь, куда и прибылъ 4 Февраля.

21 Янв. остатки Французскихъ войскъ собираются въ Берлинѣ. 22 Король Прусскій выѣзжаетъ въ Бреславль.

2 Февр. Правительство Польское оставляетъ Варшаву и мало по малу чрезъ Калишъ и Ченстохово переходитъ въ Краковъ. Сюда же пріѣзжаетъ и Князь Іосифъ Понятовскій; онъ пополняетъ Польскіе полки. Кракусы.

7 Февр. капитуляція Варшавы. (Пилавы въ Пруссіи).

8 Февр. по заключеніи съ Австрійцами капитуляціи, Россіяне вступаютъ въ Варшаву, и въ оной какъ и вездѣ (31 Янв. въ Люблинѣ) обходятся съ жителями гораздо лучше, нежели Французскія войска, изъ коихъ Вестфальцы менѣе всѣхъ прочихъ оказывали повиновенія.

13 Февр. сшибка подъ Калишемъ. Винценгероде; Ренье, Саси. Ренье отступаетъ къ Фрейштату въ Силезіи, на границы Лузаціи.

24 Февр. соглашеніе Россіянъ съ Австрійцами объ очищеніи Польши.

2 Марта Россіяне въ Берлинѣ; 15 Императоръ Александръ въ Бреславлѣ съ Королемъ

Прусскимъ, который 16 ч. заключаетъ союзъ, а 27, чрезъ посла своего въ Парижѣ, объявляетъ Наполеону войну.

6 Апр. капитуляція Ченстохова.

9 Апр. Король Прусскій приглашаетъ Короля Саксонскаго къ войнѣ съ Наполеономъ.

3 Маія Князь Іосифъ Понятовскій переходитъ за Вислу. Лагерь въ Кремёнкахъ. Правительство переходитъ въ Подгорье.

9 Маія Польскія войска идутъ чрезъ Силезію, въ Моравію. Правительство отправляется за границу.

13 Маія Россійскій Генералъ Сакенъ подъ Краковомъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, онъ идетъ въ Прусскую Силезію. Краковъ остается безъ всякаго прикрытія. Въ Іюнѣ для порядка прислано въ оный 52 козака.

16 Маія капитуляція Торуня; Баварцы возвращаются домой, а 18 ч. Поляки распущены.

24 Апр. Императоръ Александръ и Король Прусскій въ Дрезденѣ.

28 Апр. смерть Князя Кутузова-Смоленскаго въ Болеславѣ (Бунцлау) въ Силезіи, на границѣ Саксонской.

29 Апр. Король Саксонскій объявляетъ Королю Прусскому о согласіи своемъ на мѣры, принятыя Австріею къ посредничеству.

1 Маія Наполеонъ въ Вейсенфельсѣ въ 4 миляхъ отъ Лейпцига; 2 сраженіе подъ Грос-

герщеномъ или подъ Люценомъ въ 3 миляхъ отъ Лейпцига.

10 Маія Король Саксонскій изъ Праги возвращается въ Дрезденъ, куда онъ прибылъ 12 ч. по желанію Наполеона. (Король Саксонскій находился прежде въ Регенсбургѣ, потомъ въ Прагѣ).

20, 21 Маія сраженіе подъ Будиссиномъ (Бауценомъ) въ Лузаціи. Наполеонъ идетъ въ Силезію. I Іюня Французы въ Бреславлѣ. Лористонъ. Наполеонъ въ Неймаркѣ, въ 4 миляхъ отъ Бреславля.

4 Іюня перемиріе въ Пойшвицѣ, деревнѣ близъ Левенберга въ Силезіи, до 20 Іюля, потомъ до 10 Августа.

18 Іюня Князь Іосифъ Понятовскій въ Циттау съ 18—19 тысячами Поляковъ. По присоединеніи къ нимъ остатковъ Баварцевъ и Французовъ, войско сіе составило 22.000 человѣкъ.

12 Іюля безуспѣшный конгрессъ въ Прагѣ.

10 Авг. Австрія объявляетъ войну Наполеону.

18. 19 Окт. сраженіе подъ Лейпцигомъ. Саксонское войско обращаетъ пушки на Поляковъ, которые принуждены къ отступленію. Повсемѣстное пораженіе Французовъ. Наполеонъ отступаетъ за Эльстру и приказываетъ за собою взорвать мостъ. Смерть

Князя Іосифа Понятовскаго въ рѣкѣ Эльстеръ.

18 Окт. Баварія объявляетъ войну Франціи (по конвенціи съ Австріею въ Ридѣ).

22 Окт. Данія объявляетъ войну Россіи и Пруссіи.

2 Ноября таковое же объявленіе со стороны Короля Виртембергскаго (по конвенціи въ Фульдѣ).

11 Ноября капитуляція Дрездена. Какъ въ Даніи такъ и здѣсь находились Польскія войска.

22 Ноября капитуляція Замостья. Богуславскій, Гауке. Дву-злотовки Замойскія.

25 Ноября капитуляція Модлина. Ратъ, Дуендельсъ.

26 Дек. капитуляція Данцига. Герцогъ Александръ Виртембергскій, Раппъ.

1814 г. 2 Янв. Россіяне вступаютъ въ Данцигъ, (Прусаки 2 Февр.)

31 Марта Императоръ Александръ въ Парижѣ.

11 Апр. отреченіе Наполеона отъ престола.

Императоръ Александръ принимаетъ войско Польское подъ Свое покровительство и повелѣваетъ оному возвратиться въ Отечество. Государю Цесаревичу Константину ввѣрено главное начальство надъ онымъ. Викентій Красинскій.

1 Ноября начало конгресса въ Вѣнѣ.

11 Дек. Государь Цесаревичь въ Варшавѣ отдаетъ дневный приказъ войску Польскому.

1815 г. объявленіе о раздѣлѣ Саксоніи; $\frac{1}{3}$ часть (400 квадр. миль) отходитъ къ Пруссіи.

1 Марта Наполеонъ съ Эльбы возвращается во Францію; 13 ч. восемь Дворовъ объявляютъ себя противъ него.

30 Апр. Императоръ Всероссійскій Александръ I объявляетъ Польскому Сенату, что онъ согласенъ принять *титулъ Царя Польскаго*, и что Россійская Имперія и Польша, на основаніи конституціи Польской, составляютъ *одно* Государство.

3 Маія Вѣнскій трактатъ между Австріею, Россіею и Пруссіею. Герцогство Варшавское принадлежитъ Россіи, Краковъ съ округомъ ($23\frac{1}{2}$ квадр. мили) вольной городъ. Округи Тарнопольскій и Збаражскій присоединяются опять къ Австріи.

15 Маія патентъ Прусскій на занятіе Великаго Княжества Познанскаго (538 квадр. миль: Департаментъ Познанскій 327, Быдгощскій 211). Граница отъ Вильчина, на Пыздру до Просны. Большая часть прежнихъ Департаментовъ Познанскаго и Быдгощскаго съ частію Калишскаго.

20 Іюня присяга Императору Александру I въ Варшавѣ и во всемъ *Царствѣ Польскомъ*.

28 Іюля Императоръ Александръ I принимаетъ титулъ *Царя* Польскаго. *Гербъ Польши*: прежній Бѣлый Орелъ въ красномъ полѣ на груди большаго Чернаго Двуглаваго Россійскаго Орла. *Восемь Воеводствъ*: Мазовецкое, Плоцкое, Калишское, Краковское, Сендомирское, Люблинское, Сѣдлецкое, Августовское.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ II ТОМУ ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

(1) Сія Коллегія называлась *Collegium Hedvigis Reginae seu Reginense.*

(2) Кажется что въ семъ сраженіи пушки были только у Крестоносцевъ; но при осадѣ Маріенбурга и Поляки имѣли большія орудія.—Въ первой разъ пушки употреблены Англичанами въ сраженіи подъ Крессами 1349 г., гдѣ они разили ими Французскую кавалерію. О пушкахъ въ Польшѣ въ первый разъ говоритъ Длугошъ (стр. 1150) при осадѣ Казиміромъ Великимъ Луцка, Владиміра, Олеска и другихъ Волынскихъ крѣпостей въ 1366 г. (*ipse cum reliquo exercitu et bombardis coeterisque apparatibus castra Luczko, Wladzimirzam, Olesko ettc. in forti brachio capit*). Впрочемъ тогда Артиллерія состояла только изъ нѣсколькихъ пушекъ. Курфирстъ Брандебургскій Фридрихъ I (1417—1440) имѣлъ только одну большаго кали-

бра пушку, которою разрушалъ замки мятежнаго Дворянства, склоннаго къ разбоямъ.

(3) Это былъ Фридрихъ II сынъ Фридриха I (1440—1471), извѣстный подъ прозваніемъ *желѣзный зубъ* или *съ желѣзными зубами*. Ягелло не соглашался имѣть его зятемъ потому, что отецъ его не сдержалъ слова о поданіи помощи противъ Крестоносцевъ, но наконецъ онъ уступилъ настояніямъ Папы и Витольда, воспитателя Фридрихова. Сіи связи прекратились, когда у Короля сряду родилось два сына, а Гедвига въ 1430 г. скончалась.

(4) Сіе продолжалось дотолѣ, пока не стали учреждать постояннаго войска и употребленіе пороха не сдѣлалось общимъ.

(5) Въ Польскомъ текстѣ названъ онъ *Погробовцемъ*, т. е. рожденнымъ по смерти отца.—*Перев.*

(6) Венгры приписываютъ сей коронѣ святость, и безъ нее коронованіе не считалось важнымъ. Для того, когда Владиславъ коронованъ былъ иною короною, взятою съ гроба Св. Стефана, то сіе считали несчастнымъ предзнаменованіемъ.

(7) Нынѣ благополучно царствующій Императоръ

Всероссійскій и Царь Польскій почтилъ память сего Героя, повелѣвъ воздвигнуть ему въ Варшавѣ памятникъ. Взятіе Варны Николаемъ I есть возмездіе за безвременную кончину Владислава! — *Перев.*

(8) Если не считать Казиміра II Справедливаго Королемъ, то сей Казиміръ будетъ III; въ противномъ случаѣ IV.

(9) Со введеніемъ пороха въ употребленіе война сдѣлалась гораздо дороже; и хотя еще не было въ обыкновеніи цѣлую армію снабжать ружьями, но война дѣлалась уже искусствомъ, къ которому надобно было пріучаться заблаговременно.

(10) Миснія, Мейсенъ, въ 3 миляхъ отъ Дрездена.

(11) *Schlesien ehedem und jezt. Breslau. 1806.* — Дневникъ Профессоровъ Эльснера и Рейхе Т. I. стр. 176. Посольство Магистра Ивана Вейнриха отъ Бреславцевъ въ Римъ 1463 г.

(12) Русскіе начали имѣть пушки съ 1480 г. Литейному искусству научилъ ихъ Бононецъ Аристотель.

(13) См. *Hist. drukarn Krak.* стр. 11.

(14) Онъ не былъ осужденъ, но страшась суда, бѣжалъ изъ Москвы тайно.—*Перев.*

(15) На диспутѣ въ Лейпцигѣ Іоаннъ Экъ (1519) доказывалъ „ что Мартинъ Лютеръ потрясаетъ власть Папскую и возобновляетъ ученіе Гусса. Тогда еще Лютеръ не думалъ о томъ: онъ началъ дѣйствовать противъ Папы уже послѣ отлученія своего отъ церкви 14 Іюня 1520, подтвержденнаго 3 Янв. 1521 г.—Съ 1517 г., со времени перваго спора *объ отпущеніи*, Мартинъ Лютеръ всегда съ особеннымъ почтеніемъ писалъ къ Папѣ Льву X, отнюдь не касаясь до его власти.

(16) Czacki o Pr. Lit. I. 297. Но тамъ книга Эка по ошибкѣ названа *de purgatorio*.

(17)—*Арій*, Священникъ Александрійскій, въ Египтѣ, вь ученомъ преніи съ Епископомъ Александромъ (317 г.) не признавалъ предвѣчнаго Божества ни Бога Отца, ни Бога Сына. Никейскій Соборъ (325 г.) проклялъ ученіе Арія, и потомъ принялъ Сумволъ Вѣры Св. Аѳанасія. — Императоры Констанцій, Валентій и Валентиніанъ I были Аріане. На Востокѣ, между Греками, Аріанизмъ имѣлъ болѣе послѣдователей нежели на Западѣ; но въ

370 г. Готѳы, потомъ Бургундцы и иные народы, слѣдуя примѣру Императорскаго Двора, приняли ученіе Арія. Не извѣстно, были ли когда либо Аріане въ Польшѣ. Въ Испаніи Визиготѳы держались Аріанизма до 586, а въ Италіи Лонгобарды до 660 г. Между Римлянами секта сія прекратилась въ IV вѣкѣ.—Отъ ученія Аріанъ было отлично ученіе *Социніанъ*. Послѣдніе, отвергая предвѣчное Божество Господа Іисуса Христа, приписывали ему Божество, сообщенное Богомъ Отцемъ, равно и человѣчество, по рожденію отъ Матери. Многіе Богословы называли сихъ сектаторовъ Фотиніанами, отъ имени Сардинскаго Епископа Фотина, жившаго въ IV вѣкѣ. Ученый Правовѣдецъ Лелій *Социнъ*, родомъ изъ Италіи, былъ первымъ распространителемъ сего ученія. Онъ прожилъ нѣкоторое время въ Польшѣ и умеръ въ Цирихѣ въ 1562 г. Племянникъ его Фаустъ *Социнъ* жилъ въ Краковѣ, гдѣ едва не былъ убитъ Студентами. Въ Польшѣ *Аріане* жили сперва въ Пинчовѣ, потомъ въ Раковѣ (1599—1601.) — Ѳаддей Чацкій подъ Пинчовымъ приказалъ отрыть нѣсколько Социніанскихъ гробовъ, и у каждаго покойника въ рукѣ найдена была карточка или металлическая дощечка съ надписью: *scio, cui credidi*; возлѣ боку находилась бутылка, крѣпко закупоренная, въ которой заключалось жизнеописаніе покойнаго (*curriculum vitae*.)

(18) Описаніе сего ужаснаго событія вышло въ Краковѣ подъ названіемъ: *Vera et brevis descriptio*

tumultus postremi Gallici Lutetiani, in quo occidit Admirallius cum aliis non paucis, ab origine, sine cujusquam injuria, facta Cracoviae in officina Nicolai Scharffenbergii A. D. 1573.

(19) *Articuli Henriciani* утверждены уже при Стефанѣ Баторіи.

(20) Было 50 четвероместныхъ каретъ, а свита состояла изъ 250 человѣкъ.

(21) О сихъ послахъ пишетъ *Thuanus*: „ни лѣта, ни болѣзнь не удержали любопытныхъ. Окна и крыши наполнены были народомъ, и сами Послы удивлялись, что вся дорога (отъ воротъ Св. Мартина) была такъ многолюдна, что для нихъ оставалось весьма узкое пространство.“ — Парижане дивились росту Поляковъ, важной осанкѣ пословъ, ихъ длиннымъ, сѣдымъ усамъ, шапкамъ, покрытымъ дорогими мѣхами, драгоцѣннымъ саблямъ, колчанамъ и лукамъ. Вниманіе ихъ обращено было также на высокія подковки и бритыя головы. Каждый изъ Польскихъ Пословъ хорошо зналъ Латинскій языкъ; многіе изъ нихъ говорили по Италіански и по Нѣмецки, а нѣкоторые такъ свободно объяснялись по Французски, какъ будто они родились на берегахъ Сены и Лоары, а не на Вислѣ или Днѣпрѣ. Это весьма стыдило Французскихъ Дворянъ, которые не только не были

ничему научены, но вообще ненавидѣли науки. Они, не умѣя отвѣчать на вопросы Поляковъ, краснѣли отъ стыда, и въ знакъ согласія кивали только головами. — Ричардъ Бартолинъ въ описаніи путешествія Матѳея Ланга, Кардинала и Епископа Гурцкаго, какъ очевидецъ свиданія Короля Сигизмунда I съ Императоромъ Максимиліаномъ I (1514) такъ говоритъ о Полякахъ: „Поляки гораздо образованнѣе, нежели Венгерцы. Богемцы стараются также итти по ихъ слѣдамъ, хотя языкъ ихъ и обычаи отличны.“ Изъ сего и многихъ другихъ свидѣтельствъ оказывается, что съ того времени какъ Казиміръ IV завелъ хорошія училища, даже до вступленія на престолъ Дома Вазы, воспитаніе въ Польшѣ было самое лучшее. Въ послѣдствіи, когда начали думать болѣе объ обращеніи иновѣрцевъ, нежели о распространеніи просвѣщенія, науки упали вмѣстѣ съ упадкомъ Государства.

(22) Къ словамъ *pacem inter dissidentes de religione servabo*, онъ прибавилъ: *salvis juribus regni*.

(23) Это было 21 Октября 1578 г. — Сапѣга имѣлъ всего войска не болѣе 2.000 человѣкъ.

(24) О смерти Самуила Зборовскаго *Pam. Warsz.* Том. VII. 1817. стр. 187.

(25) Это тотъ самый Поссевинъ, который преклонилъ Короля къ Запольскому миру, въ той надеждѣ, что Іоаннъ присоединится къ Римской церкви.

(26) Лютеране въ Польшѣ называются послѣдователями Аугсбургскаго непремѣннаго исповѣданія, *Augustanae confessionis invariatae*, а Кальвинисты просто послѣдователями Аугсбургскаго исповѣданія, *Augustanae confessionis*. Причина тому слѣдующая: Филиппъ Меланхтонъ, другъ Мартина Лютера, въ Катихизисѣ, представленномъ Императору Карлу V въ Аугсбургѣ (1530) измѣнилъ нѣкоторыя выраженія, относящіяся до Тайной Вечери. Какъ сіи поправки согласовались болѣе съ мнѣніями Цвинглія и Кальвина, или съ Исповѣданіемъ Гельветическимъ (1536), то по сей причинѣ Кальвинисты приняли исправленное Аугсбургское исповѣданіе (1541). Въ послѣдствіи времени, при распространеніи просвѣщенія, ученые Богословы успѣли согласить сіи два вѣроисповѣданія, весьма мало между собою различествующія.

(27) Въ случаѣ надобности Король не жалѣлъ издержекъ и на пиршества, такъ на пр. на обѣдъ въ Квидзынѣ (1576 г.) употреблено 28 быковъ, 92 барана, 5 копъ цыплятъ, 3 копы гусей, 2 бочки соли, 10 кадей солонины, бочка масла, 19½ ластовъ муки, 18 ластовъ овса, 8 бочекъ Венгерскаго вина, 80 бочекъ пива, не считая кореньевъ и иныхъ припасовъ.

(28) Эрикъ отравленъ въ темницѣ 25 Февраля 1577 г.

(29) Подобное нѣчто находится въ исторіи Испанской и Португальской. Послѣ того какъ Филиппъ II овладѣлъ Португалліею, явилось два Короля Севастіана, изъ коихъ объ одномъ и доселѣ не разрѣшенъ вопросъ: былъ ли онъ дѣйствительно Король или обманщикъ.

(30) Сіи отряды или хоругви были: 1-я Димитріевская, 2-я Саноцкаго Старосты Мнишка, 3-я Князя Константина Вишневецкаго, 4-я Фредра, 5-я Дворжецкаго, 6-я Нѣборовскаго.

(31) Съ Мнишкомъ и другими Панами находилось въ Москвѣ до 4.000 Поляковъ, изъ числа коихъ погибло до 2.000.

(32) Ляпуновъ дѣйствовалъ непритворно къ освобожденію Москвы и Россіи отъ Поляковъ и Самозванцевъ.—См. *Ист. Гос. Росс. Т. XII.—Перев.*—

(33) Козаки Лисовскаго служили безъ жалованья, и по смерти Атамана своего назывались *Лисовчиками*. Они жили добычею отъ непріятелей, но, привык-

нувъ къ хищничеству, были и своимъ единоземцамъ тягостны.

(34) См. *Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи* Николая Бантыша Каменскаго. М. 1805 стр. 69.

(35) O Statucie Litewskim—М. Сам. Богум. Линде въ Варшавѣ, 1816. 4. стр. 159 — 165. Св. Іосафатъ Кунцевичь совѣтовалъ изгнать изъ Отечества всѣхъ Русскихъ не-Уніатовъ, которыхъ находилось тамъ до 400.000!... Такъ Филиппъ III, изгнавъ Мавровъ изъ Андалузіи и Валенціи, навѣки опустошилъ сіи области.

(36) Витебскъ строго былъ наказанъ за убіеніе Іосафата Кунцевича. Левъ Сапѣга лично находился при семъ наказаніи. Присутствіе его спасло многихъ невинныхъ гражданъ, но городъ надолго лишился привилегій своихъ, т. е. до царствованія Владислава IV.

(37) Здѣсь Густавъ Адольфъ дважды былъ въ опасности попасть въ плѣнъ.

(38) Густавъ Адольфъ наказалъ Русселя заключеніемъ въ тюрьму.

(39) Миръ сей заключенъ надъ рѣкою Поляновкою подъ Вязьмою.

(40) Хотя Владиславъ IV и обѣщалъ возврат дипломъ; но не могъ сего выполнить, ибо н ли найти онаго ни въ Королевскомъ, ни въ архивахъ. Думать должно, что или сам мундъ III, не желая чтобы сынъ его (ремъ, или Жолкѣвскій, недовольный Сиг III, уничтожили сей важный документъ. *чественныхъ Запискахъ*, издаваемыхъ Г. Сви въ трехъ первыхъ книжкахъ сего 1830 г мѣщена *Договорная Грамота*, *составленная писанная въ 1634 г. Полномочными Русск Польскими Послами, объ отреченіи Владислав Царства Русскаго.*—Перев.).

(41) Александра младшаго, на 21 году, и Іоанна Алберта, Краковскаго Епископа и Кардинала на 23 году отъ рожденія.

(42) Бракъ совершенъ въ Варшавѣ 12 Септ., а коронованіе тамъ же, въ церкви Св. Іоанна, 13 того же мѣсяца 1637 г.

(43) Королева скончалась въ Вильнѣ на Страстной недѣлѣ въ пятницу. Она выкинула мертваго ребенка, испугавшись на охотѣ дикаго кабана.

(44) Когда Станиславъ Конецпольскій, показывая Хмѣльницкому укрѣпленія Кудака, спросилъ, что онъ думаетъ о сей твердынѣ, то Хмѣльницкій отвѣчалъ: что люди выстроили, люди же могутъ и уничтожить.

Послѣ гоненія Сигизмундомъ III одинъ только оставался изъ Сенаторовъ Грекороссійскаго овѣданія. По благоразумію своему Кисель стя-ъ прозваніе *Польскаго Ришелье.*

По болѣзни Великаго Гетмана Кишки надъ ;семъ войскомъ начальствовалъ Полевой Гетманъ Князь Янусъ Радзивиллъ. Первое нападеніе козака Нѣбабы на Руси Литовской остановили Владиславъ Воловичь, Писарь Великаго Княжества Литовскаго, Стражникъ Егоръ Мѣрскій, Обозный Самуилъ Коморовскій, Викентій Госѣвскій, Горскій, Нѣвяровскій, Мирзенскій,—которые принудили его отступить за Припеть. Послѣ того взятъ Пинскъ.

(47) Хмѣльницкій требовалъ сначала 200.000 червонныхъ.

(48) Коммисарами были Брацлавскій Воевода Адамъ Кисель; Кіевскій Кастелланъ Максимиліанъ Бржозовскій, Львовскій Подкоморій Войцѣхъ Мясков-

скій, Хорунжій Новогродскій Николай Кисель, брат Адама, Подчашій Брацлавскій Іаков Зѣлинскій, Князь Захарія Четвертинскій и Королевскій Секретарь Смяровскій.

(49) Кажется, что Хмѣльницкій, помышляя о доставленіи Королю Самодержавія, надѣялся сам пріобрѣсти булаву и значительныя маетности.

(50) Французскій Посол Граф де Бресси наиболѣе старался о совершеніи сего брака, на который всѣ Сенаторы согласились, кромѣ знаменитаго Перемышльскаго Епископа Павла Пясецкаго, извѣстнаго дѣеписателя: зная нрав Королевы, он не предвидѣл в будущем ничего хорошаго от сего брака.

(51) Рим почитал Козацкую войну войною духовною.

(52) Пишут, будто сам Хмѣльницкій отдал его, как плѣнника, Владиславу IV.

(53) Сестра Домны, Марія, была в супружествѣ за Князем Янусом Радзивиллом, а руки Домны искал Князь Димитрій Вишневецкій, к которому она имѣла склонность.

54) Хмѣльницкій обѣщалъ тайно Туркамъ отдать сію крѣпость.

(55) Въ 1765 г. Императрица Екатерина II уничтожила сихъ Козаковъ, и вмѣсто ихъ учредила пять Гусарскихъ полковъ тѣхъ же названій.

(56) Краковъ покорился 17 Октября.—Когда Краковскій Каноникъ Симонъ Старовольскій, водя Короля Густава въ соборной церкви, и остановясь надъ памятникомъ Владислава Локтика, сказалъ: „Король сей трижды изгоняемъ былъ изъ Государства, и трижды возвращался на престолъ;"—то Король Шведскій отвѣчалъ ему: „но вашъ Іоаннъ Казиміръ, однажды изгнанный, уже не возвратится болѣе."—„Кто знаетъ? — возразилъ престарѣлый Каноникъ—Богъ Всемогущъ, а счастіе перемѣнчиво." — Король замолчалъ и продолжалъ съ почтеніемъ осматривать памятники прочихъ Королей.

(57) Въ мѣстечкѣ Тишовцѣ, въ Белзскомъ Воеводствѣ, не далеко отъ Замостья.

(58) Желаніе Королевы было главною причиною выѣзда Короля изъ Ополя (9 Янв. 1656 г.)

(59) Изъ Кракова сокровища сіи Вольфъ вывезъ

прежде въ Любовню, куда Юрій Любомирскій приглашалъ и самаго Короля.

(60) По смерти Станислава Ланцкоронскаго Юрій Любомирскій сдѣланъ былъ Полевымъ Гетманомъ, а Стефанъ Чарнѣцкій Воеводою Русскимъ.

(61) Трактатъ сей, заключенный Великимъ Коронным Подскарбіемъ Богуславомъ Лещинскимъ, при жизни Фердинанда III оставался безъ исполненія.

(62) Фридрихъ III въ 1657 г., начавъ войну съ Швеціею, послѣ внезапнаго вторженія Карла Густава въ Данію принужденъ былъ заключить миръ въ Ротшильдѣ, на Зеландіи (12 Марта 1658). Но миръ сей былъ не продолжителенъ, и въ томъ же году возгорѣлась новая война съ Даніею, длившаяся до смерти Карла Густава.

(63) Стефанъ Чарнѣцкій снискалъ такое уваженіе у Курфирста Брандебургскаго, что когда Іоаннъ Казиміръ отозвалъ его для дѣйствій противъ Россіянъ, то Курфирстъ, равно какъ и Король Датскій съ сожалѣніемъ разстались съ нимъ.

(64) Онъ умеръ въ Готенбургѣ 23 Февр. 1660.

(65) Рѣчь сія взята изъ *Mowcy Polskiego* 1676 г., напечатаннаго въ Калишѣ, въ Iезуитской Типографіи, и на Латинскомъ языкѣ находится у Коховскаго. *Clim.* II. L. VII. 508. — Та же рѣчь, на Латинскомъ же языкѣ, въ книжкѣ: *Discursus politicus de causis et remediis malorum Poloniae ed. II. Cracoviensi longe correctior et aliquantum auctior, anno* 1661, безъ означенія мѣста печатанія, изложена слѣдующими словами: „Utinam sim „falsus vates, metuendum vobis esse, ne respu„blica in divisionem gentium abeat. Moscus et „Russi tentabunt magnum ducatum Lithuaniae „avellere ad ipsos usque fluvios Bug et Narew „dictos et vix non ad Vistulam fluvium. Elec„tor Brandenburgicus occupabit animum suum „circa majorem Poloniam aliosque sibi proximos „limitaneos Palatinatus, certabitque de potiori„tate circa utramque Prussiam. Domus quoque „Austriaca cogitationes suas circa Cracoviam „sibique proxime vicinos Palatinatus intendet.“ —*Ex praesenti et praeterito nascitur futurum.*

(66) Андрусово — село между Мстиславлемъ и Смоленскомъ.

(67) Многіе Депутаты недоумѣвали, должно ли просить Короля о томъ, чтобъ онъ не оставлялъ престола. Противниковъ Іоанна Казиміра было наиболѣе между Великопольцами. Король требовалъ для себя 150.000 талеровъ ежегодной пенсіи изъ дохо-

довъ соляныхъ копей, и сверхъ того именія Гродненское и Маріенбургское. Ему назначено по смерть только 300.000 злотыхъ (по нынѣшнему курсу, а по тогдашнему 150.000.)

(68) Маркиза де л'Гопиталь дѣйствительно была супругою Іоанна Казиміра V, и по его смерти наслѣдовала все его имущество.

(69) Князья Силезскіе, пользуясь обстоятельствами, заселили Польскими выходцами Княжество Бржестское, опустошенное тридцати-лѣтнею войною.

(70) Тогда ввелась пословица: *non est cum Deo, qui est cum Condaeo.*

(71) Образователями сей Конфедераціи были: Познанскій Епископъ Стефанъ Вержбовскій, Хелмскій Епископъ Сигизмундъ Жегоцкій и Воевода Сѣрадскій Счастный (Феликсъ) Потоцкій.

(72) Письма сіи можно видѣть въ *Friderici Samuelis Bock hist. Socinianismi Prussici ettc. Regism.* 1754. *p.* 79.

(73) Петричайко жилъ потомъ въ Польшѣ. Дими-

трашко возвратился въ Цареградъ, гдѣ былъ отравленъ.

(74) Она предлагала даже Собѣскому 200.000 червонныхъ, съ тѣмъ чтобъ онъ доставилъ престолъ Герцогу Карлу (*Puf. Rer. Brand. l. XII. p. 70*); но онъ тогда уже помышлялъ о средствахъ сдѣлаться самому Королемъ.

(75) Т. е. укрѣпить Львовъ и выстроить новую крѣпость въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.

(76) Въ Трембовлѣ начальствовалъ Самуилъ Хржановскій, который силою принудилъ гарнизонъ къ защитѣ города. Когда стѣны начали падать, онъ оробѣлъ и думалъ уже сдаться Ибрагиму, но жена его, явясь предъ нимъ съ двумя ножами, грозила однимъ изъ нихъ умертвить его, а другимъ себя, ежели онъ не будетъ продолжать защиты города.

(77) Сераскиръ узналъ, что Франція и Англія отправили Пословъ въ Польшу для содѣйствія къ заключенію мира. Сверхъ того онъ извѣстился, что Россійское войско идетъ на помощь Полякамъ, и что Полевой Гетманъ Радзивиллъ и иные военачальники приближаются съ 10.000 войска.

(78) По трактату въ Фонтенебло 1 Апр. 1679 г.

(79) Королевичь Лудовикъ Іаковъ родился въ Парижѣ 2 Ноября 1667 г. и названъ Лудовикомъ въ честь Лудовика XIV, а Іаковомъ въ память дѣда Іакова Собѣскаго. Княжна Каролина Лудовика Радзивиллъ родилась въ томъ же году 27 Февраля. Наслѣдіе ея составляли Биржа, Копыль, Слуцкъ и Себѣжъ, съ которыхъ получала дохода около 800.000 злотыхъ. Краковскій Воевода Станиславъ Потоцкій предлагалъ Курфирсту 500.000 злотыхъ, ежели онъ, какъ опекунъ, выдастъ Княжну за его сына.

(80) Весселини успѣлъ умереть своею смертію, а Теттенбахъ казненъ въ Ноябрѣ.

(81) Буда по Венгерски, по Славянски Будимъ, Будынь, въ древнихъ Польскихъ бумагахъ Будзынь, по Турецки Будимъ, по Нѣмецки Офенъ.

(82) Не только Іоаннъ Собѣскій но и Курфирстъ Саксонскій желали, чтобъ Императоръ лично присутствовалъ въ Военномъ Совѣтѣ для опредѣленія плана къ продолженію войны; но Австрійскіе Министры не согласились на сіе подъ тѣмъ предлогомъ, что въ совѣщаніи семъ надлежало быть и Курфирсту Баварскому, между которымъ и про-

чими Курфирстами могъ бы возродиться споръ о первенствѣ въ мѣстахъ. — Іоаннъ III намѣревался уже ѣхать далѣе, не видавшись съ Императоромъ; но наконецъ положено, чтобы Монархи встрѣтились въ полѣ, и чтобы при семъ свиданіи не было упоминаемо ни о политикѣ, ни о военныхъ дѣйствіяхъ.

(83) Императоръ осматривалъ Польское войско, не снимая шляпы: это крайне не понравилось Полякамъ, привыкшимъ къ вѣжливости Іоанна III.

(84) *Dalerac*. I. 165. Много есть описаній битвы подъ Вѣною: мы руководствовались въ семъ случаѣ Далейракомъ, какъ очевидцемъ.

(85) Курфирстъ, увидѣвъ съ возвышенія, что Турки, въ отчаяніи послѣ потери сраженія, разсѣкали Христіанскихъ плѣнниковъ, самъ съ гвардіею своею бросился на варваровъ и спасъ несчастныхъ отъ гибели.

(86) Маркизъ де Витри имѣлъ прощальную аудіенцію у Короля 28 Маія 1683 г., и чрезъ нѣсколько дней послѣ того, въ случившейся предъ его домомъ, по плану Королевы, ссорѣ, нѣсколько посольскихъ людей были изувѣчены людьми Тишкѣвича, не находившагося въ то время въ Варшавѣ. Король

Іоаннъ III отдалъ Тишкѣвича подъ судъ за буйство его служителей, и продержалъ его подъ арестомъ недѣлю въ Варшавѣ и годъ и 6 недѣль въ Брестѣ-Литовскомъ. Король Французскій обиду Посла своего считалъ личною своею обидою, не смотря на то, что Тишкѣвичъ былъ наказанъ, и что Іоаннъ III письменно извинялся предъ нимъ въ семъ происшествіи.

(87) Здѣсь Венеціане взяли нѣсколько городовъ: Каламату, Наваринъ, Модонъ, Наполи ди Романію.

(88) Казиміръ Павелъ Сапѣга съ 1682 г. былъ Великимъ Гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго; Венедиктъ Сапѣга съ 1676 г. Великимъ Подскарбіемъ Литовскимъ; Францискъ Сапѣга Генераломъ Артиллеріи. Сіи три брата, вмѣстѣ съ четвертымъ, Львомъ, управляли Литвою какъ прежде братья Пацы, Михаилъ Казиміръ, Гетманъ (1682) и Криштофъ Канцлеръ (1684), — бывшіе жестокими врагами Короля Іоанна III.

(89) *Zal. l.* 2. 643. — Во время бытности Королевы на водахъ въ Вармбруннѣ близъ Гиршберга въ Силезіи (1687), Императоръ Леопольдъ I прислалъ ей портретъ старшаго своего сына, съ присовокупленіемъ, что онъ даритъ ей драгоцѣннѣйшую для него вещь.

(90) Уже через 9 недѣль послѣ бракосочетанія Княжны Радзивиллъ съ Карломъ X Нейбургскимъ, Курфирстъ Брандебургскій предлагалъ женить Іакова на сестрѣ Императрицы и Карла Нейбургскаго. — Принцесса прибыла въ Бреславль, и за Цыцовымъ встрѣчена была Королевичемъ. Въ Кемпнѣ Герцогъ Голштинскій торжественно возложилъ на него орденъ Золотаго Руна, и оттуда женихъ и невѣста направили путь прямо въ Варшаву.

(91) *Индигенатъ*, привиллегія, сравнивавшая чужестранца съ дворянами, рожденными въ Польшѣ. — *Перев.*

(92) Еще при жизни Короля Іоанна III, когда здоровье его примѣтно ослабѣло, думали уже о преемникѣ престола. Курфирстамъ Баварскому или Саксонскому и Герцогу Конти благопріятствовали тѣ, которые желали имѣть Короля изъ иностранцевъ; тѣ же, которые ожидали блага для Отечества отъ Пястовъ, желали возвести на престолъ Русскаго Воеводу Станислава Яблоновскаго или Воеводу Кіевскаго Мартина Контскаго; а приверженцы Дома Собѣскихъ колебались въ выборѣ между двумя Королевичами Іаковомъ и Александромъ. Между тѣмъ Королеву осуждали за то, что она намѣревалась раздѣлить съ Яблоновскимъ, тогда уже вдовцемъ, и тронъ и ложе, въ случаѣ же неудачи хотѣла раздѣлить правленіе съ сыномъ Александромъ.

(93) На пути въ Данцигъ, она была остановлена подъ Бѣлянами Куявскимъ Епископомъ Станиславомъ Домбскимъ, Королевичемъ Іаковомъ и многими Вельможами, и когда просьбы Королевича остались безуспѣшными, тогда Епископъ, съ которымъ она говорила чрезвычайно надменно, не снимая даже и дорожной маски, — клялся, что ежели Королевичь Іаковъ не получитъ Польскаго престола, то оный отнюдь не достанется тому, кому она его назначаетъ. — Такъ и случилось.

(94) Прибывъ 1 Ноября 1705 г. въ Тикочинъ, въ сопровожденіи трехъ человѣкъ, раздѣлявшихъ съ нимъ опасности его путешествія, Августъ III роздалъ приверженцамъ своимъ медали, а въ 1713 г. издалъ Статутъ ордена Бѣлаго Орла. Поелику же Короли Польскіе издревле раздавали золотыя цѣпи съ бѣлымъ орломъ, каковое обыкновеніе было и во всей Европѣ при коронованіи Государей и иныхъ торжествахъ, въ Польшѣ же существовало даже до Сигизмунда III, то по сему учрежденіе ордена сего должно считать не съ 1705 и не съ 1713 годовъ, но, или со времени царствованія Премислава I, или съ Владислава Локтика. Приписывающіе сему послѣднему установленіе ордена Бѣлаго Орла, утверждаютъ, что оный учрежденъ по случаю бракосочетанія сына его Казиміра III съ Анною Гедиминовною. Равенство всѣхъ сословій и неимѣніе Статута были причиною, что сей орденъ остался въ забвеніи.—Когда Владиславъ IV хотѣлъ учре-

дить орденъ Непорочнаго Зачатія Богородицы, то ему возразили, что учрежденіе орденовъ не сообразно съ духомъ равенства Дворянства въ Республикѣ.

(95) Донъ Эммануилъ, Инфантъ Португальскій, младшій сынъ Короля Петра II. На 18 году возраста онъ уѣхалъ въ Голландію, а оттуда въ 1716 г. въ Венгрію, на мѣсто военныхъ дѣйствій съ Турками. Въ 1719 г. онъ опредѣлился въ Австрійскую службу; въ 1730 г. гостилъ въ Россіи, въ Варшавѣ и ѣздилъ опять въ Венгрію. Въ 1743 г. онъ вступилъ въ Доминиканскій орденъ, но до самой смерти носилъ свѣтскую одежду.

(96) Малолѣтный Герцогъ Курляндскій Фридрихъ Вильгельмъ, сочетавшійся бракомъ съ Царевною Анною Іоанновною, потомъ Императрицею Анною I, 13/12 Іюля 1710. г. завѣщалъ ей пожизненнаго дохода 40.000 рублей, одинъ изъ городовъ Курляндскихъ и сверхъ того 200.000 р.; отъ исполненія сего завѣщанія отказался его опекунъ и дядя Герцогъ Фердинандъ Кетлеръ. Но поелику Чины Курляндскіе не признавали Фердинанда опекуномъ, и Курляндія оставалась въ распоряженіи Россіи, то Фердинандъ, послѣдняя отрасль Кетлеровъ, и не могъ получить Герцогской короны по смерти племянника своего Фридриха, послѣдовавшей чрезъ 9 недѣль послѣ брака, 21 Января 1711 г. — Такъ какъ Фердинандъ былъ холостъ, то Чины рѣшились отдать Курляндію одному изъ Саксонскихъ Кня-

зей изъ опасенія, чтобы оная не перешла во владѣніе Польши.

(97) Тарновицы — селеніе въ $\frac{1}{4}$ мили отъ Тарновскихъ горъ. Такъ называется городъ близъ рудниковъ, основанный въ XVI вѣкѣ Маркграфомъ Брандебургскимъ Георгомъ.

(98) Здѣсь къ стати было бы упомянуть и о Королѣ Польскомъ Іоаннѣ Казимірѣ. Съ его времени до Станислава Августа IV Польша понесла убытку въ монетѣ на 400.000.000 злотыхъ Польскихъ.

КОНЕЦЪ II ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Стран.

Періодъ третій.

Царствованіе Ягелловъ, отъ Владислава II Ягеллы до кончины Сигизмунда Августа (1386—1572.

Періодъ четвертый.

Короли, свободно избираемые (1572—1794).

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Цвѣтущее состояніе Государства (1572—1586)

Стран.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Короли изъ дома Вазы (1587—1669).

Постепенный упадокъ Государства.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Короли изъ домовъ Польскихъ (1669—1696)

Продолженіе постепеннаго упадка.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Короли изъ Курфирстовъ Саксонскихъ (1696—1763)

Совершенный упадокъ Государства.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Раздѣлъ Польши.

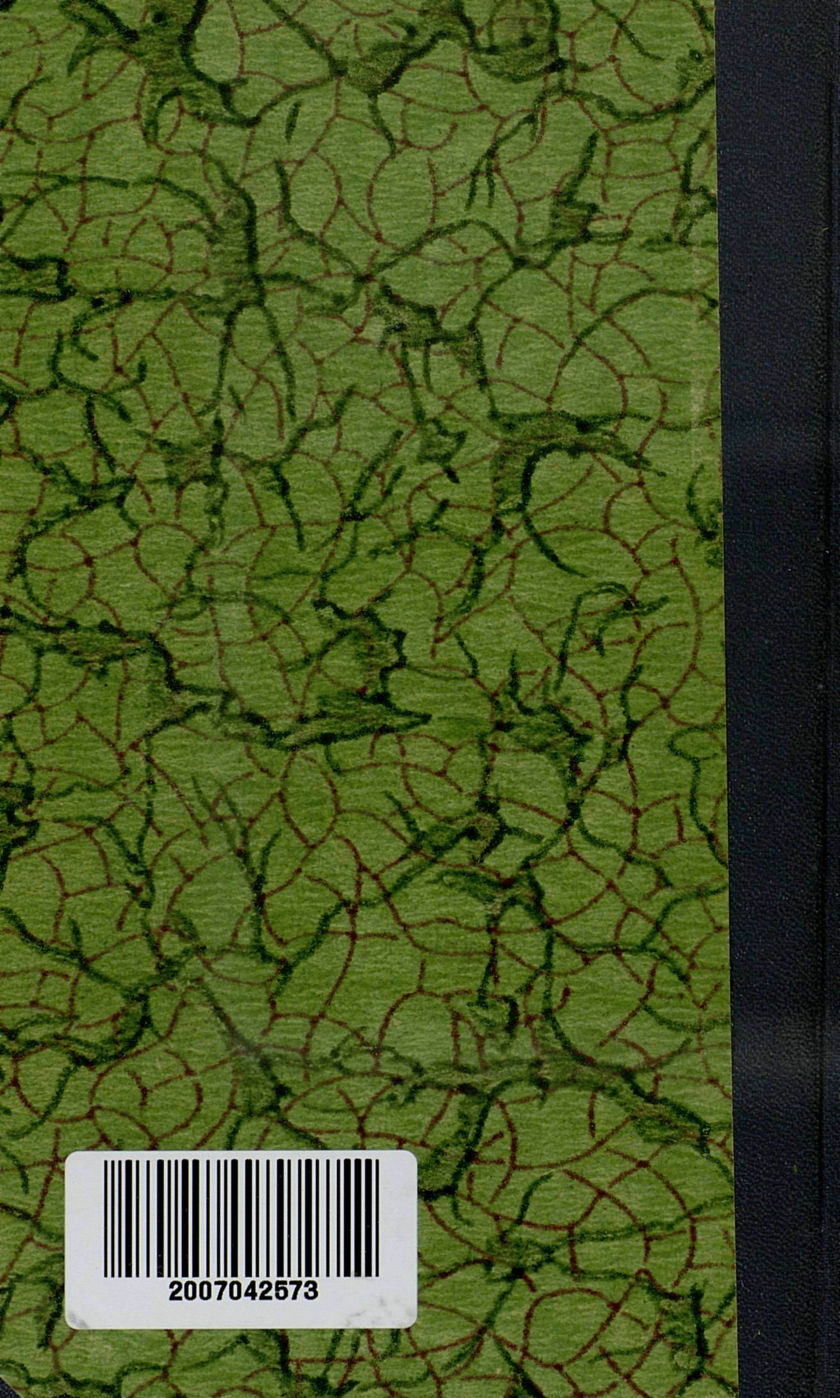
ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

ВЪ I ТОМѢ.

		Напечатано:	*Надобно читать.*
Стран. 31.	строки 7 и 8.	*нѣнѣкогда*	нѣкогда
——— 83.	послѣд. строка:	*Яромiру*	Яромiру.
——— 192.	строк. 18.	*Брадебургскiй*	Брандебургскiй
——— 211.	——— 23.	*Татарскiя*	Татрскiя
——— 297.	——— 9.	*Февряля*	Февраля

ВО II ТОМѢ.

——— 21.	——— 5.	*бракосочетанiе*	бракосочетанiя
——— 53.	——— 11.	*Рускiе*	Русскiя
——— 97.	——— 22.	*сосѣдамъ*	сосѣдамъ.
——— 104.	——— 11.	*Познанскимъ*	Познанскимъ,
——— 140.	——— 25.	*послѣ себѣ*	послѣ себя
——— 156.	——— 18.	*подтвердитъ,*	подтвердитъ
——— 170.	——— послѣд.	*Стефава*	Стефана
——— 180.	——— 15.	*Короля III*	Короля Іоанна III
——— 221.	——— 8.	*Канцлера.*	Канцлера;
——— 315.	——— 1.	*не зависимость*	независимость
——— 323.	——— 3. сниз.	*другiя города;*	другiе города;
——— 384.	——— 18 и 19.	*на лѣвомъ лѣ*	на лѣвомъ крылѣ
——— 427.	——— 9.	*въ позлу*	въ пользу
——— 435.	——— 7.	*Августъ II*	Августъ II
——— 495	——— 13.	*Олетка*	Олешка

2007042573